КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

ЗАПИСКИ

(Выпуск 2, 1962 год)

КАЛМЫЦКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭЛИСТА—1962

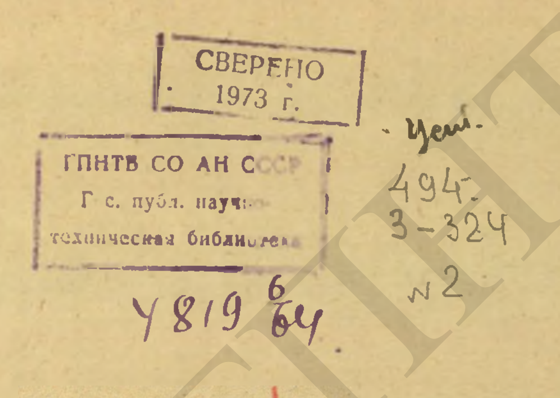
КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

1

ЗАПИСКИ

(*Выпуск 2, 1962 год*)

КАЛМЫЦКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭЛИСТА — 1962



КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

Записки Вып. 2 1962 г.

И. К. ИЛИШКИН

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ КАЛМЫКИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция впервые в истории человечества осуществила народные думы о свободной и счастливой жизни трудящихся, веками находившихся под игом эксплуататоров, и установила полное равноправие всех наций и народностей России.

Калмыцкий народ, получивший в результате Октябрьской социалистической революции национальную автономию, вместе со всеми народами нашей Родины успешно строит коммунистическое общество.

До Октябрьской революции калмыцкий трудовой народ был под двойным гнетом: с одной стороны, его беспощадно эксплуатировали нойоны, зайсанги и буддийское духовенство, а с другой,— русские помещики и капиталисты. В результате политического и национального бесправия, экономической отсталости калмыцкий народ находился на стадии вымирания. Жизнь многострадального калмыцкого народа настолько была убога и нищенска, что голод, антисанитарные условия в дырявых кибитках, частые эпидемии, социальные болезни — туберкулез, трахома и другие — уносили тысячи жизней калмыков.

Великий Октябрь, сняв с калмыцкого народа оковы рабства и нищеты, раскрыл перед ним перспективы развития социалистической экономики и культуры. Трудящиеся Калмыкии под руководством Коммунистической партии и при братской помощи великого русского народа вели упорную борьбу за ликвидацию вековой отсталости, унаследованной от царского самодержавия, и к сороковой годовщине установления Советской власти Калмыкия неузнаваемо преобразилась. Теперь в Калмыкии есть и развитая промышленность, и механизированное крупное социалистическое сельское хозяйство. На небывалую высоту поднялась культура калмыцкого народа.

За эти годы возник рабочий класс — руководящая сила формирования новой социалистической нации; из гущи народа выросла национальная интеллигенция — учителя, врачи, агроно-

мы, зоотехники, инженеры, писатели, научные работники, являющиеся ведущей силой в развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуры калмыцкого народа.

Культурная отсталость преодолевалась калмыками в сжатые сроки посредством развертывания сети школ, организации культурно-просветительных учреждений (изб-читален, красных кибиток, клубов, кинотеатров), подготовки кадров по всем отраслям народного хозяйства и культуры. Ликвидация неграмотности и малограмотности среди взрослого населения явилась одним из главных вопросов культурной революции. Известно, что грамотность населения к моменту образования автономии калмыцкого народа составляла всего лишь 2%. Причем грамотным считался тот человек, который умел кое-как читать и расписываться. Только единицы — из сыновей крупных нойонов и зайсангов — имели среднее и высшее образование.

Калмыцкая областная партийная организация, выполняя решение X съезда партии о ликвидации экономического, политического и культурного неравенства ранее отсталых народов, развернула большую работу по поднятию культурного уровня населения. В результате проведенных мероприятий по ликвидации неграмотности в виде культпохода Калмыкия к 1940 году превратилась в республику сплошной грамотности.

Десятки тысяч трудящихся — пастухи, чабаны, рабочие совхозов и различных отраслей промышленности — стали активными строителями социалистического общества.

Особенно много было сделано по развертыванию сети школ в связи с осуществлением закона всеобщего начального и семилетнего обучения. Ежегодно в республике открывались десятки школ. Так, число школ по сравнению с 1916 годом увеличилось в несколько десятков раз.

В настоящее время в 242 школах обучается около тридцати тысяч учащихся.

За годы Советской власти в Калмыкии проделана также немалая работа по подготовке национальных кадров. Только одни педагогические учебные заведения (педтехникум, педрабфак и учительский педагогический институт) выпустили более двух тысяч квалифицированных учителей, которые в настоящее время успешно выполняют свой долг перед народом по воспитанию и обучению подрастающего поколения в духе советского патриотизма, дружбы народов, трудолюбия и дают глубокие знания основ наук. Сельскохозяйственный техникум за 40 лет своей работы подготовил 2 588 младших агрономов, зоотехников и ветеринарных работников. Наряду с этим в вузах Москвы, Ленинграда, Саратова, Ростова, Волгограда и других крупных городах готовились кадры по различным отраслям народного хозяйства и культуры. За последние годы

направлено на учебу в различные высшие и средние специальные учебные заведения Российской Федерации более двух тысяч калмыцкой молодежи, и сейчас из числа их уже ежегодно возвращаются десятки специалистов различной профессии в Калмыкию и успешно трудятся по выполнению семилетнего плана развития народного хозяйства республики. В развитии национальной культуры калмыцкого народа родной язык, как форма этой культуры, сыграл огромную роль. С первых дней Советской власти на родном языке проводилась огромная работа по вовлечению трудящихся в активную жизнь строительства социалистического общества.

На родном языке издавались газеты, журналы, переводы политической и художественной литературы, создавались учебники для начальной и семилетней школы. Так, к 1932/33 учебному году были изданы 12 названий учебников. Авторами первых учебников родного языка были: профессор Б. К. Пашков, кандидат филологических наук Ц. Д. Номинханов, крупный методист, замечательный педагог Х. Косиев, доцент Б. Б. Бадмаев и др.

В области научно-исследовательской работы Калмыкия имеет определенные успехи. Если при царском самодержавии в калмыцкой степи не было ни одного научного учреждения, то за годы Советской власти созданы: научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, на который возложена задача изучения вопросов калмыковедения; государственная сельскохозяйственная и научно-исследовательская лесная опытные станции, которые занимаются вопросами улучшения породности и продуктивности крупного рогатого скота, тонкорунных овец, повышением урожайности колхозных и совхозных полей, разработкой и внедрением методов лесоразведения на необъятных просторах калмыцких степей; институт усовершенствования учителей, занимающийся обобщением и распространением опыта работы педагогов, добивающихся высоких показателей в учебно-воспитательной работе.

В разработке вопросов калмыковедения республика имеет известные успехи. С первых же дней Советской власти выдающиеся советские ученые проф. Н. Н. Пальмов, академики Б. Я. Владимирцов и С. А. Козин, доктор филологических наук проф. Б. К. Пашков, проф. Г. Д. Санжеев и другие оказали неоценимую помощь в исследовании вопросов истории калмыцкого народа, его языка и литературы.

На основе богатейших архивных материалов и документов проф. Н. Н. Пальмов написал в пяти частях (томах) этюды по истории приволжских калмыков. Эта огромная работа, изданная в период с1925 по 1930 год, явилась в свое время большим вкладом в историю развития культуры не только калмыцкого народа, но и других народов СССР. Автор показал роль калмыцкого народа в защите южных и юго-восточных границ

Русского государства от нападения внешних врагов на протяжении последних трех столетий. Он подробно описал историю калмыков с прихода их на Волгу до наших дней. В его работах нашли подробное освещение такие вопросы,как расселение их в приволжских степях, образование Калмыцкого ханства в составе России, политика царизма по ограничению прав калмыков, причины ухода большей части калмыков с Волги в Джунгарию, рост национального самосознания, экономику, материальную культуру, быт и многие другие вопросы. Проф. Н. Н. Пальмов рассматривает свой труд как опыт в разработке важнейших вопросов истории калмыцкого народа и считает достигнутые им результаты как материал для будущих исследователей.

Кроме этих работ были изданы книги Т. Борисова «Историко-политический и социально-экономический очерк о приволжских калмыках», И. К. Глухова «От патриархальщины к социализму», «Очерк истории по революционному движению в Калмыкии», изд. 1927 года, г. Астрахань, работы Г. Минкина «О феодализме в Калмыкии», Б. Санджиева «Установление Советской власти в Калмыкии», сборник документов и материалов «К истории образования автономной области калмыцкого народа» посвящен важнейшему событию в жизни народа — установлению Советской власти и образованию автономии калмыцкого народа. В 1960 году вышла книга доцента Т. И. Беликова «Участие калмыков в войнах России».

В этой замечательной работе Т. И. Беликов показал ту огромную роль, какую сыграл калмыцкий народ во всех войнах России в XVII—XIX вв. против иноземных захватчиков и защиты южных и юго-восточных границ России. «Истинно братские связи калмыков с русскими народными массами проявились в их совместной борьбе с общими классовыми врагами: дворянами-помещиками и царскими чиновниками, что ярко выявилось в участии бедняков калмыков в крестьянских войнах под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева».[1] Работа кандидата исторических наук Т. И. Беликова является началом изучения военной истории калмыков и важным вкладом в изучении истории калмыцкого народа. Калмыцкий научно-исследовательский институт при непосредственной помощи Академии наук СССР подготовил к печати первый том «Очерков истории Калмыцкой АССР», отражающий историю Калмыкии с момента добровольного вхождения в состав России до Великой Октябрьской социалистической революции. В 1963 году будет подготовлен к печати второй том «Очерков истории Калмыцкой АССР», охватывающий послеоктябрьский период развития экономики и культуры Калмыкии. Готовятся

[1] Професссор В. А. Романовский. Предисловие к книге «Участие калмыков в войнах России». Изд. 1960, стр. 7—8.

к изданию два тома сборника документов и материалов по истории калмыцкого народа. Первый том охватывает период с момента прихода калмыков и добровольного вхождения их в состав Российского государства. Второй том охватывает историю калмыков с 1917 по 1920 год и называется «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Калмыкии». Эти два сборника, объемом в 50 п. л., явятся основным материалом для написания фундаментальной работы по истории калмыцкого народа. Впервые в этом году институтом начато исследование археологических памятников. Экспедиция раскопала под руководством крупного специалиста-археолога И. В. Синицына и старшего научного сотрудника института У. Эрдниева 17 курганов и обнаружила 49 погребений, относящихся к эпохе бронзы, датируемой концом третьего и началом второго тысячелетия до н. э. Предварительная обработка и изучение материала археологической экспедиции дают уже представление о занятиях и уровне культуры племен, проживавших в древние времена на территории Калмыкии. Экспедиция сделала первые шаги по накоплению фактического материала для воссоздания древней истории Калмыцкой АССР. Вторая экспедиция по теме «Формирование рабочего класса Калмыкии», организованная институтом этнографии Академии наук СССР и Калмыцким научно-исследовательским институтом, собрала много ценных материалов на рыбных производствах Каспийска, строительстве Оля-Каспийского канала, на геологоразведывательных участках, на железнодорожном пути Улан-хола и других местах. Проведенная экспедиция имеет важное значение в изучении процесса формирования рабочего класса, роста культуры и изменения их быта. Это является началом дальнейшей большой работы.

Одним из важнейших достижений калмыцкого народа за 40 лет существования автономии является создание новой письменности и литературного языка.

Старая письменность, созданная ученым-монахом Зая-Пандитой, не удовлетворяла растущую духовную потребность народа, так как зая-пандитская письменность стала архаичной, мало доступной широкой массе населения и резко отличалась от разговорного языка. Кроме того, калмыцкий язык за 300 лет развития в новых исторических условиях значительно развился и обогатился: появились новые слова и звуки, сочетание звуков и новые грамматические формы и т. д. В силу этих причин зая-пандитская письменность, основанная на базе старомонгольской графики с ее устаревшей орфографией, была заменена в 1924 году новым русским алфавитом. Новый алфавит и орфография, разработанные на основе русской графики с учетом отдельных специфических звуков калмыцкого языка, сыграли большую роль в подъеме культуры и просвещения калмыцкого народа.

В 1930 году в связи с переводом письменности малых народов СССР на латинскую графику калмыки приняли латинизированный алфавит. Но практика семилетней работы на этом алфавите показала, что латинизированная письменность создавала большую трудность в усвоении грамоты трудящимися и учащимися, в общем подъеме культуры калмыцкого народа. Ввиду этого правительство Калмыцкой автономной советской социалистической республики по опыту других национальных республик в 1938 году узаконило новый алфавит, основанный на русской графике. Принятие новой письменности имело чрезвычайно важное значение в развитии калмыцкого литературного языка и овладении трудящимися родным и русским языками. Калмыцкие дети, изучив буквы нового калмыцкого алфавита, свободно стали читать и писать по-калмыцки и по-русски. Кроме того, этот алфавит способствовал приобщению калмыцкого народа к культуре великого русского народа. Русский алфавит, легший в основу не только письменности калмыцкого народа, но и большинства народов нашей страны, стал могучим фактором укрепления национальной дружбы — одной из крупных побед нашей партии в строительстве коммунистического общества. В процессе работы алфавит и орфография продолжают постоянно уточняться и усовершенствоваться. Так, во избежание употребления диакретических знаков в виде точек над буквами и удвоенных обозначений, следуя правилу «один звук — одна буква», в алфавит введены буквы: ә, ө, ү, ң, һ, җ, вместо а, о, у, нг, г, дж. Теперь пишется әмтн, өдмг, үсн, хоңх, авһ, җил, вместо амтн, одмг, усн, хоньх авгь, джил. Преимущество данного изменения налицо. В деле дальнейшего усовершенствования орфографии калмыцкого языка и улучшения изучения родного и русского языков имеет большое значение введение в орфографию буквы «ы». Буква «г» в калмыцком языке обозначала две самостоятельные фонемы (г) и (һ). Буква «г» употребляется в калмыцком языке обычно в сочетании с гласными переднего ряда, типа гер — «дом», гөлм — «сетка», гүн — «кобылица», гүзән — «требуха», а буква «һ» в сочетании с гласными заднего ряда: һаза — «на улице», һаһа — «тетя», һурвн — «три», һол — «река». Звук «һ» является увулярной фонемой, в интервокальном положении является щелевым, а в начальной позиции слога — смычным. Букву «ы», имеющуюся в калмыцком алфавите, принято писать в заимствованных словах, в калмыцких же словах — лишь в форме родительного падежа в слове мал—малын «скот—скота». Данные исследований о необходимости употребления буквы «ы» в подобных словах: һол — һолын «река—реки», туһл—туһлын «теленок—телка», лап — лапын «лопатка—лопатки», һудых — «будет гнуться», атых—«будет сердиться» (иносказание) подтверждают, что ы является звуком переднего ряда, несколько отодвинутый назад, верхнего подъема, имеющий фонематическое, то есть смысло-

различительное значение. Акустически данный звук очень близок к русскому «ы». Поэтому ограничивать его употребление нельзя. Тем более сейчас, когда калмыцкий язык под влиянием русского литературного языка стал еще более развитым, гибким, отражающим те огромные достижения в хозяйственном и культурном строительстве, развитии науки и техники, необходимо перенимать то новое, что сближает языки по звуковым и структурным особенностям. Нельзя увековечивать эту национальную традицию орфографии слов, которая отстала от современного состояния развития фонетической системы языка. Новый этап в развитии национальных отношений в СССР характеризуется дальнейшим сближением наций и их языков.

За годы Советской власти проделана значительная работа по разработке калмыцкой филологии. В этом отношении значительны заслуги профессора Б. К. Пашкова. Под его руководством были трижды проведены филологические экспедиции по всем районам республики. Собранные диалектологический и фольклорный материалы послужили основой для исследований теоретических проблем филологии и явились базой для решения ряда неотложных практических задач, связанных с преподаванием родного и русского языков в школах республики.

По наиболее важным проблемам развития языка и письменности неоднократно проводились совещания и конференции. Так, в 1923 году в г. Астрахани было проведено совещание по вопросу замены зая-пандитского алфавита русским; в 1928 году там же проходило совещание по усовершенствованию русской графики, применяемой в качестве калмыцкого алфавита, а также по вопросам орфографии и терминологии; в 1931 году в Москве состоялась общемонгольская конференция по латинизации письменности калмыков, бурятов и халхасцев, где основными докладчиками выступали Ц. Д. Номинханов, Ул. К. Илишкин, Б. Бадмаев. В 1931, 1934, 1939, 1958 годах были проведены лингвистические конференции по вопросам развития калмыцкого литературного языка. Эти совещания и конференции сыграли определенную роль в становлении литературного языка калмыцкого народа. Немаловажным вопросом калмыцкого языкознания является лексика. Лексический или словарный состав каждого языка является его сокровищницей, в которой хранится богатый материал истории народа с древнейшего периода его развития до наших дней. Поэтому изучение словарного состава, значение слов и употребление их в речи является важной областью калмыцкого языкознания. В связи с этим большое внимание в советское время придавалось изучению лексики калмыцкого языка. Лексикографическая работа, проделанная до 1940 года в виде двуязычных словарей, составленных в объеме от 2 до 3—5 тысяч слов, имела в первое время практическое значение. В работе по составлению русско-калмыцких словарей, вышедших в разное время, принимали

участие товарищи с недостаточной лингвистической подготовкой. Это был период, когда еще только начиналось изучение словарного богатства, фонетической системы и грамматического строя калмыцкого языка. В русско-калмыцкие словари, составленные Б. Майоровым, А. Нармаевым и В. Петькиевым, включена лишь наиболее употребительная лексика. В этих словарях отсутствуют грамматические пометы, не отражены особенности грамматического строя, не прилагались краткие грамматические очерки. И вместе с тем эти небольшие по объему словари явились начальным звеном на пути к созданию крупных работ по лексикографии.

В 1940 году вышел в свет русоко-калмыцкий словарь Б. Басангова, составленный по опыту работы работников Издательства национальных словарей. В настоящее время научно-исследовательский институт подготовил к печати русско-калмыцкий словарь, объемом в 80 п. л., авторами которого являются научные сотрудники и специалисты различных профессий. Предусмотрено составление большого калмыцко-русского словаря планом научно-исследовательской работы института. В работе по составлению русско-калмыцкого словаря оказало неоценимую помощь Издательство иностранных и национальных словарей, во главе с заведующей редакцией национальных словарей О. В. Головкиной.

Составление терминологического словаря началось перед Великой Отечественной войной. Изданный в 1943 году терминологический словарь У. К. Илишкина, объемом в 12 п. л., представлял собой краткий итог терминологической работы, проделанной в республике.

В соответствии с решением Всесоюзного совещания по вопросам терминологии научно-исследовательский институт разрабатывает термины и готовит терминологические бюллетени к печати по отдельным отраслям науки. В 1960 году изданы бюллетени по математическим, географическим, биологическим и грамматическим терминам. В настоящее время подготовлены 6 терминологических бюллетеней, которые будут изданы в 1962 году. В 1962 году впервые в истории Калмыкии издан орфографический словарь, составленный Д. А. Павловым. Выход в свет этого словаря поможет практическим работникам устранить разнобои в написании тех или иных слов, которые наблюдаются в письме.

Проделанная лексикографическая работа за годы Советской власти имела исключительно важное значение в том смысле, что изучение словарного богатства помогло лучше усвоить калмыцкими детьми родной и русский языки, приобщиться калмыцкому народу к передовой русской культуре и явилось одним из стимулов укрепления связи и братской дружбы между русским и калмыцким народами.

Наряду с изучением словарного состава языка большое внимание уделялось изучению фонетического состава и морфологического строя калмыцкого языка. Помимо учебников родного языка для начальных и семилетних школ, была издана грамматика в научном освещении, составленная проф. Г. Д. Санжеевым. Эта грамматика являлась единственным пособием для научных работников и студентов вузов. В настоящее время она стала библиографической редкостью. Учитывая большую нужду в учебных пособиях, особенно по теоретическому курсу «Современный калмыцкий язык», научные работники научно-исследовательского института и кафедры калмыцкого языка Ставропольского пединститута готовят к изданию «Современный калмыцкий язык» — учебник для студентов вуза.

Кандидат филологических наук т. Ц. Д. Номинханов написал большое исследование на тему «Сравнительная лексика тюрко-монгольских языков», представляющее большой интерес для алтаистики. В этой работе Ц. Д. Номинханов на обширном словарном материале доказывает возможность общего происхождения тюркских и монгольских народов. Предварительное знакомство и просмотр этой интересной работы вызвало горячее обсуждение не только среди известных крупных филологов, но и историков, и этнографов Москвы и Ленинграда. Им же написана еще одна работа из истории письменности калмыцкого литературного языка (ч. I). Над изучением сравнения калмыцкого языка с другими монгольскими языками работает кандидат филологических наук т. Б. Х. Тодаева. Она написала грамматику монгольского языка, «Монгольские языки и диалекты Китая», «Дунсянский язык». Кроме того, Б. Х. Тодаева написала ряд статей по калмыцкому языку, собрала большой фольклорный материал у различных монгольских народов. Ее работа — «Фольклор синьцзянских монголов (ойратов) — издана в сборнике «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика» (изд. Восточной литературы, 1960).

В исследовании устного народного творчества калмыков оказали большую помощь крупнейшие советские ученые-академики Б. Я. Владимирцов и С. А. Козин. Как исследователь эпоса монгольских народов Б. Я. Владимирцов обратил особое внимание на «Джангариаду». В своей книге «Монголо-ойратский героический эпос» он отметил подлинно народный дух «Джангариады». Мы не можем пройти мимо этой блестящей характеристики, данной им еще в 1923 году. «Джангариаду»,— пишет он,— надо признать удивительной выразительницей народного духа, стремлений народа, его чаяний, она рисует его настоящий мир, вот эту его повседневную, настоящую жизнь, но только возведенную в идеал; она является действительно национальной поэзией».[1] Далее Б.Я .Владимирцов привел подробные сведения о географическом распространении поэмы и

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос, стр. 20.

сведения о некотором влиянии «Шах-наме», затронул вопросы циклизации и др.

Ко дню 500-летнего юбилея этого замечательного эпоса калмыцкого народа, академик С. А. Козин издал специальное исследование четырех песен поэмы под заглавием «Джангариада». Он усиленно работал над подготовкой к изданию всех имеющихся текстов и русского перевода героической поэмы калмыков «Джангар». А всего их, по его словам, было семнадцать или восемнадцать песен и заключительное славословие в честь Джангара. Но ввиду сложившихся неблагоприятных обстоятельств у калмыцкого народа в результате господства культа личности работа была приостановлена на несколько лет. Архив покойного акад. С. А. Козина должен быть изучен для продолжения работы над остальными песнями.

За годы Советской власти «Джангариада» была издана дважды на русском и калмыцком языках.

Заслуженный деятель науки РСФСР проф. Б. К. Пашков в предисловии ко второму изданию «Джангариады» осветил историю изучения этого замечательного литературного памятника; проанализировал его идейное содержание. Основная идея эпоса,—указывает профессор Б. К. Пашков,—это единение и благополучие народа. Цель героев поэмы — беззаветное служение народу, ненависть к врагам народа, патриотизм и любовь к родине. Герои эпоса, по существу, являются живым олицетворением калмыцкого народа, который всегда мужественно боролся за честь и независимость своей родины. Б. К. Пашков отмечает огромную воспитательную роль эпоса, его художественную ценность, рассматривая «Джангариаду» как наивысший этап развития калмыцкого эпоса. Советские ученые считают «Джангариаду» одним из лучших образцов устного народного творчества всемирного значения.

Академик Ю. М. Соколов в докладе «Джангар и эпос народов СССР» на восьмом пленуме Союза писателей СССР говорил: «Джангар» имеет и научное значение. Перед каждым писателем, каждым историком искусства, каждым исследователем литературы.. .возникает множество общих и частных вопросов». Советские ученые действительно изучают и исследуют это выдающееся произведение по многим вопросам. Одни изучают поэзию эпоса, другие — язык, составляется большой словарь «Язык Джангара», пишут пьесы и монографии. Так, кандидат филологических наук известный поэт А. И. Сусеев написал монографию «Поэзия Джангариады», кандидат филологических наук Б. Х. Тодаева составляет словарь эпоса «Джангар» и др.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что не менее известные произведения устного народного творчества сказания о Мазан-батыре, о 33 богатырях и калмыцкий вариант о Гэсэр-богдо-хане еще недостаточно изучены. Сектор литературы и фольклора усиленно собирает калмыцкий фольклор различного

жанра и готовит к изданию. Подготовлена к печати «Антология калмыцкой поэзии», изданы сборник пословиц и поговорок, «Седклин кур», I том сказок на калмыцком и русском языках; написано несколько статей по отдельным жанрам: лирические и исторические песни, йорелы и харалы, кемәлгн и др.

Большое развитие получила калмыцкая современная художественная литература, которая впитывает в себя лучшие образцы народного творчества. Революционная поэзия, зародившаяся в огне гражданской войны, оказала значительное влияние на развитие советской калмыцкой литературы. Автором большинства песен и стихотворений, которые пели и читали воины калмыцких кавалерийских частей, был один из прославленных сынов калмыцкого народа, организатор калмыцких кавалерийских частей и основоположник современной калмыцкой художественной литературы Х. Б. Кануков. Его пламенные революционные песни и поныне звучат над просторами калмыцких степей как символ победы над врагами революции.

За годы Советской власти в Калмыкии создано немало художественных произведений, имеющих большое воспитательное значение, показывающих острую классовую борьбу в деревне, победу новой жизни над старой, героический труд животноводов и полеводов, борьбу с пережитками прошлого в сознании у отсталой части населения, легендарных бойцов Советской Армии и т. д. Большой популярностью пользуются замечательные поэмы Х. Сян-Белгина «Өнчн бөк», М. Б. Нармаева — «Полярная звезда», С. Каляева — «Бригадир» и А. И. Сусеева—«Сын степей». Поэма «Сын степей» посвящена легендарному полководцу, одному из организаторов вооруженных сил СССР, генерал-полковнику Герою Советского Союза О. И. Городовикову. Автор поэмы сумел подметить свойственные О. И. Городовикову черты — быструю ориентировку и находчивость в сложной военной обстановке, смелость и решительность в осуществлении тактических планов разгрома вражеских полчищ в период гражданской войны. Вместе с тем он на ярких примерах показал дружбу русского и калмыцкого полководцев С. М. Буденного и О. И. Городовикова, их любовь и единую цель в борьбе за счастливую жизнь трудящихся народов Советского Союза. Заслуги О. И. Городовикова перед родиной известны всему советскому народу.

В своих ярких стихах Х. Сян-Белгин, Л. Инджиев, Э. Кектеев, А. Балакаев воспевают красоту родной степи, созидательный труд строителей коммунистического общества.

На научной конференции по вопросам развития калмыцкой художественной литературы, которая обсудила ряд важных проблем, отмечалось, что наряду с поэзией, которая является ведущим жанром, развиваются и проза-рассказы, повести и романы. Романы «Мудрешкин сын» А. Амур-Санана и повести «Аранзал» и «В степи» Амур-Санана, «Теегин һәрд» Ул.

Илишкина, «Рассказ о колхозе Н. Манджиева, «Булгун» Б. Басангова, книги очерков «Пастушонок», рассказы и сказки Х. Сян-Белгина, «Песнь чабана» К. Эренджeнова, «Санджи» М. Нармаева и другие хорошо известны народу. Эти прозаические произведения калмыцких писателей оказали большую помощь в росте культуры народа и явились начальным этапом в создании крупных романов, над которыми сейчас работают видные писатели Калмыкии. В своих новых произведениях «Первая весна» А. Джимбиева, «Люди семилетки» Б. Дорджиева и во многих прозах писатели описывают героический труд рабочих, колхозников и интеллигенции, успешно преобразующих степь, созидающих материальные блага и духовную ценность для народа.

За многовековую свою историю калмыцкий народ создал самобытное национальное искусство, отражающее духовную жизнь народа. Калмыки по своей природе, можно сказать, являются музыкальным народом. Раньше почти в каждой калмыцкой кибитке были домбрчи, певцы и танцоры. Причем в каждом улусе и аймаке одни и те же мелодии, песни и танцы несколько отличались друг от друга. Каждый певец или танцор всегда вносил что-то свое новое. И это новшество усовершенствовалось, и на его основе создавались новые виды танцев, сочинялись новые мелодии и т. д. В Калмыкии сейчас есть домбрчи, которые исполняют на домбре больше стапятидесяти мелодий. Так, например, домбристка Матрена Зубова, Екатерина Ванькаева и другие прекрасно исполняют исторические и разнообразные танцевальные мелодии. Калмыки с большим вниманием и почетом относились к певцам-джангарчи, которые воспроизводили в мелодии героические подвиги Джангара и Хонгора за спасение своего народа от нападений чужеземных врагов. Искусство калмыцкого народа характерно тем, что оно богато неистощимой фантазией, силой сатирического изображения жадных дармоедов, живущих за счет труда других. После Октябрьской революции в области развития искусства калмыцкий народ сделал очень многое. Созданы национальный драматический театр, ансамбль песни и танца, живопись, духовая оркестровая симфоническая музыка и др. Самодеятельное искусство в виде драматических, хоровых, музыкальных кружков, организованных в 20-х годах в хотонах и селах, сыграли большую роль в создании профессионального искусства в Калмыкии. В то время молодые кадры интеллигенции писали пьесы для клубных сцен, собирали музыкальный фольклор, готовились кадры искусства и др. В 1931 году впервые калмыцкий народ показал свое искусство в Москве. На сцене большого академического театра была показа пьеса «Улан сар» («Большевистская весна»). С большим интересом москвичи смотрели эту пьесу, через которую они познакомились с бытом, нравом, искусством калмыцкого народа.

Участниками этой декады искусства были выходцы из кружков художественной самодеятельности и студенты различных учебных заведений, не имевшие специальной подготовки театрального искусства. За эти годы выросли квалифицированные кадры актеров, композиторов, скульпторов, живописцев и др. В основном они имеют специальное образование. Среди них есть артисты, окончившие театральный институт в Москве (Баденова, Ахманджиев, Морчуков, Манджиев и многие другие), показывающие мастерство театрального искусства. В 1963 году Калмыцкий драматический театр пополнит свои ряды новыми кадрами артистов, оканчивающими Ленинградский театральный институт. Драматический театр за время своей работы показал замечательные пьесы, написанные калмыцкими писателями. Такие пьесы, как «Чүчә», «Кенз байн» и «Бумбин орн» известного драматурга-писателя Б. Басангова, «Өнчн бөк» поэта-драматурга Х. Б. Сян-Белгина, «Кишг хәәлһнд» поэта кандидата филологических наук А. И. Сусеева, «Сәәхлә» драматурга Б. Э. Эрдниева и другие, пользуются большим успехом у народа. Наряду с этим театр показал на калмыцком языке классические произведения: «Цыгане» А. С. Пушкина, «Враги» А. М. Горького, «Гроза» А. Н. Островского, «Коварство и любовь» Шиллера. Показ трудящимся этих произведений имело огромное воспитательное значение и расширение кругозора работников. Заслуженные артисты РСФСР Н. Ц. Эренджeнов и Э. Г. Манджиев, покойный композитор С. Г. Дорджин и весь квалифицированный состав артистов вложили немало труда и силы для развития искусства калмыцкого народа. Поэтому народ с большим уважением относится к ним и желает творческого успеха в их работе по созданию более сложных видов профессионального искусства.

В Калмыкии создано и изобразительное искусство. Широкую известность получили труды талантливого скульптора члена союза художников Н. О. Санджиева. Создана им скульптурная композиция «Весточки в родные края», «Дружба» и некоторые другие вещи, известные за пределами республики. Работы члена союза художников СССР т. Рокчинского не раз были показаны на выставках Казахстана, в Москве и других городах.

Растет целая плеяда таких молодых художников, как Ольдаев, Долгинов и др.

Культура калмыцкого народа неузнаваемо выросла и проникла в гущи масс. Ежедневно во всех уголках нашей необъятной степи демонстрируются кинокартины, каждый чабан или пастух слушает по радио различные концерты, все новинки, передаваемые из Элисты, Москвы и других городов.

Успехи, достигнутые за 40 лет в области развития просвещения, культуры и науки, — яркое свидетельство проявления

отеческой заботы Коммунистической партии и Советского правительства о калмыцком народе.

Перед научными учреждениями Калмыцкой АССР стоят огромные задачи, вытекающие из решений XXII съезда КПСС и новой Программы коммунистической партии Советского Союза. В Программе говорится: «Интенсивно должна развиваться исследовательская работа в области общественных наук, которые составляют научную основу руководства развитием общества. Главным в этой области является изучение и теоретическое обобщение практики коммунистического строительства, исследование основных закономерностей экономического, политического и культурного развития социализма и перерастания его в коммунизм, разработка проблем коммунистического воспитания». В соответствии с этими проблемными вопросами перед научно-исследовательским институтом стоят такие актуальные задачи, как изучение и создание монографии по истории Калмыкии периода социализма, проблема закономерности развития калмыцкого языка и литературы, изучение этнографии, искусства и просвещения; разработка научно обоснованных учебно-методических пособий, связанных с преподаванием калмыцкого и русского языков для школ и педагогического института.

Глубокий всесторонний анализ и правильное решение этих вопросов будут иметь большое значение в развитии культуры калмыцкого народа, так как «формы национальной культуры,— как указывает Н. С. Хрущев, — не окостеневают, а совершенствуются; отпадают устаревшие, не соответствующие задачам коммунистического строительства, возникают новые формы».[1]

[1] Н. С. Хрущев. «О Программе Коммунистической партии». М., Госполитиздат, 1961, стр. 90.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

Л. Р. КОНЦЕВИЧ

БОРИС КЛИМЕНТЬЕВИЧ ПАШКОВ

(К семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научно-педагогической деятельности)

Крупный исследователь языков и культуры народов Дальнего Востока, талантливый организатор и педагог, воспитавший много научных и практических работников, Борис Климентьевич Пашков родился 21 июля 1891 года в бедной крестьянской семье в глухой деревушке б. Пензенской губернии. Трудное ему досталось детство. Многочисленная семья еле-еле сводила концы с концами. Единственным выходом из нищеты и тьмы было учение. И вот отец, взяв в долг деньги, решает послать любознательного сына учиться в город Пензу. Там в 1902 году с большим трудом деревенскому мальчику удалось поступить в духовное училище, а потом в духовную семинарию. Успешно изучая в семинарии западноевропейские и древнееврейский языки и классическую филологию, юноша определяет свой будущий путь.

По окончании семинарии, в 1913 году, отказавшись от посылки в Казанскую духовную академию, Б. К. Пашков едет во Владивосток и становится студентом Восточного Института, о котором он хранит самые светлые воспоминания. В институте он учится на двух отделениях: маньчжурско-китайском и японско-китайском. Лекции о Китае и китайском языке читали такие известные ученые, как проф. П. П. Шмидт, проф. Н. В. Кюнер, А. В. Рудаков и др. В области японоведения он является учеником проф. Е. Г. Спальвина, а по маньчжуристике — учеником профессоров П. П. Шмидта и А. В. Гребенщикова. Окончив в 1917 году институт по двум отделениям, Б. К. Пашков остается в нем в качестве вольнослушателя еще на год и проходит полный курс монгольско-калмыцко-китайского отделения. Занятия по монголоведению и тибетскому языку вел проф. Г. Цыбиков. Не ограничиваясь предметами учебного плана, Б. К. Пашков в течение двух лет изучал под руководством проф. Г. В. Подставина корейский язык. Кроме того,

в 1918/19 акад. году Б. К. Пашков прослушивает на историко-филологическом факультете Государственного Дальневосточного университета курсы лекций по языкознанию и санскриту, отсутствовавшие в учебных планах б. Восточного Института. Таким образом, Б. К. Пашков получил широкое филологическое образование в области почти всех языков Дальнего Востока. Упорная работа под непосредственным руководством профессоров и преподавателей Восточного Института, незаурядные способности и большой энтузиазм позволили Б. К. Пашкову быстро стать серьезным ученым широкого диапазона.

К этому времени относится первая опубликованная статья Б. К. Пашкова «К характеристике отношений Японии к европейцам в период первого знакомства»,[1] которая непосредственно примыкает к его дипломной работе «Такахаси Кагеясу как маньчжуровед». В ней автор освещает деятельность японского ученого Ватанабе Нобору (1793—1841), который, как и Такахаси, выступал за открытие доступа иностранцам в Японию.

Во время учебы в институте Б. К. Пашков занимался и педагогической деятельностью. В 1915—1917 годах он преподавал китайский язык в специальных классах Владивостокского коммерческого училища и одновременно был преподавателем латинского языка в мужской прогимназии им. М. В. Сибирцевой. В 1917—1919 годах Б. К. Пашков организовал при четырнадцатом городском начальном училище вечерние курсы для рабочих, которым потом и заведовал, а по совместительству еще вел уроки английского языка в 1-ом Высшем начальном училище. В те же годы в народном университете во Владивостоке он подготовил матросов (20 человек) к сдаче экзаменов экстерном в программе высшего начального училища.

В середине 1919 года по рекомендации руководства Восточного Института и по приглашению совета профессоров Иркутского Государственного университета Б. К. Пашков переезжает в Иркутск. С этого времени начинается научно-педагогическая работа Бориса Климентьевича в высших учебных заведениях. Еще будучи в качестве старшего ассистента по кафедре китайского языка восточного отделения историко-филологического факультета Иркутского университета, он ведет кипучую научно-организаторскую и педагогическую работу. После разгрома Колчака в декабре 1919 года многие профессоры и преподаватели бежали с белогвардейцами. В очень тяжелых условиях Б. К. Пашкову и его товарищам, с радостью встретившим Советскую власть, пришлось положить много труда, чтобы сохранить востоковедение в Иркутском университете. Помимо работы и заведования кафедрой китайского языка, где он впервые в университетской практике за пределами Китая читал

[1] В сб. «Труды профессоров и студентов к празднованию 18-летия Восточного института». Владивосток, 1917, стр. 22—25.

Б. К. Пашков.

курс байхуа, Борис Климентьевич исполнял обязанности заведующего кафедрой японского языка, на которой он также вел обязательный курс японского языка. Результатом занятий по японскому языку явилось небольшое «Пособие по изучению японского разговорного языка» (ч. I, Иркутск, 1920, литограф. изд.). В университете он также организовал кафедру монгольских языков — ячейку будущего Бурят-Монгольского педагогического института. Заведуя и этой кафедрой, Б. К. Пашков читал студентам факультативный курс маньчжурского языка. В начале 1923 года Б. К. Пашков был утвержден Государственным Ученым Советом (ГУС) в должности профессора по кафедре китайского литературного языка факультета общественных наук в университете. В 1922 году он создал там же кабинет китаеведения. Он является инициатором организации в Иркутске отделения Всероссийской научной ассоциации востоковедения, где он выступал с рядом докладов, в частности на тему: «Археологические находки в провинции Хэнань и древность китайской иероглифической письменности» и др. Б. К. Пашков также работает в эти годы над восточными коллекциями в Музее Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Как активный член этого общества, он сделал в нем в марте 1928 года доклад «Общие мотивы в китайской и японской народной литературе». Летом 1922 года от Иркутского университета он совершил свою первую научную поездку в Китай с целью изучения постановки преподавания родного языка в китайских школах и для усовершенствования в знании живого, разговорного языка байхуа.

В круг научных интересов Б. К. Пашкова постепенно вошли язык, словесность, история и география стран и народов Дальнего Востока. Не случайно, что Б. К. Пашков обратил уже тогда внимание на пользующийся славой китайский «Тысячи и одной ночи» сборник «Ляо-чжай чжи и»,[2] который был создан Пу Сун-лином во второй половине XVII в. и которому принадлежит видное место в истории китайской литературы как по своим стилистическим особенностям, так и по своему содержанию, обнимающему все стороны китайской жизни и быта. Б. К. Пашков впервые в европейской синологии дал всестороннюю характеристику этого памятника по местным — китайским, маньчжурским и монгольским — источникам.

В Иркутском Государственном университете Б. К. Пашков работал до августа 1923 года, когда он был избран в Государственный Дальневосточный университет (Владивосток) на должность профессора и заведующего кафедрой китайского литературного языка. Здесь он прежде всего развернул большую

[2] Б. К. Пашков. «Ляо-чжай чжи и». Опыт критико-библиографического обозрения. В сб.: «Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского Гос. ун-та», отдел I. Науки гуманитарные, вып. II, 1921, стр. 1—24.

лекционную деятельность. Им были прочитаны такие курсы, как «История и анализ китайской письменности», «Сравнительная фонетика китайских диалектов», «Китайская каллиграфия», «Язык современной китайской прессы» и др. Наряду с напряженной педагогической работой, Б. К. Пашков завершает составление обширной политико-экономической хрестоматии (28 п. л.) на китайском языке.[3] Для этого он собрал и обработал газетные и другие печатные материалы о политическом и экономическом положении в Китае за 1924 год. Его работу один из рецензентов сравнивает по ее значимости с известной в свое время хрестоматией Вигера «China Moderne».[4] Тексты, отобранные Б. К. Пашковым для этого пособия, важны в плане изучения истории возникновения советско-китайских отношений, а также в плане языковой стилистики.

В июле 1925 г. Государственный Дальневосточный университет командирует Б. К. Пашкова в Китай для руководства языковой практики студентов восточного факультета и продолжения исследований в области байхуа. Свои впечатления о поездке Борис Климентьевич опубликовал в статье «Советский гражданин в Китае» в газете «Тихоокеанская звезда». Эта публикация характеризует автора как наблюдательного художника.

В Дальневосточном университете Б. К. Пашков на протяжении трех лет состоял также председателем Лингвистической предметной комиссии.

Во Владивостоке написаны еще две небольшие работы Б. К. Пашкова — «Линь Цинь-нань и его школа. К характеристике литературных движений в Китае»[5] и «Основные этапы в развитии китайского языка».[6] Первая статья является частичным осуществлением задуманной Борисом Климентьевичем программы исследования: «Революция и литература в Китае» (две другие проблемы — «Революция и язык в Китае» и «Революция и письменность в Китае» — нашли свое отражение в более поздних работах). Автор рассматривает в ней столкновение старой школы, культивировавшей классические произведения в стиле гувэнь, и новой школы, выступавшей за байхуа.

В другой работе Б. К. Пашков высказывает ряд оригинальных положений относительно истории китайского языка и проводит следующую периодизацию: 1) эпоха древнего полисиллабического тибетско-китайского языка (X—III тыс. до н. э.); 2) переходный период от полисиллабического строя к моносил-

[3] B. K. Pashkoff. Yearly Survey of Chinese Politics and Economics. 1924

[4] См. «North China Star», vol. VIII, No. 32, Sunday supplement, Sept., 1925.

[5] В сб.: «Бюллетень № 1 Иркутского филиала Всесоюзной научной ассоциации востоковедения». Иркутск, 1926.

[6] См. «Труды Гос. Дальневосточного ун-та», серия VI, вып. 1, Владивосток, 1926.

лабическому (III—I тыс. до н. э.); 3) эпоха стабилизации основных структурных особенностей китайского языка (XI в. до н. э.— VI в. н. э., примерно соответствует «Archaic Chinese» Б. Карлгрена); 4) период диалектического развития (до конца XIX в.); 5) эпоха китайского единого языка, зародыш которого автор видит в широком распространении пекинского наречия.

Осенью 1926 года Б. К. Пашков выехал в научную командировку на год в Москву. С этого времени он фактически начал работать в должности профессора китайского языка в Московском институте востоковедения им. Нариманова, где читал курс байхуа. Одновременно его пригласили в Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока, который возглавлял тогда акад. Н. Я. Марр. Там он как научный сотрудник 1-го разряда вел три обязательных курса для аспирантов: китайскую палеографию, введение в монголоведение, монгольский письменный язык. В том же институте он выступал с интересными и содержательными докладами — «Проблемы советской синологии (язык, литература и методы их изучения в высшей школе)», «К характеристике диалектной эволюции шипящих согласных внутри северного наречия в китайском языке» (материал, приведенный в докладе, дополняет данные «Études sur la phonologie chinoise» Б. Карлгрена в части шаньдунской диалектной группы), «Генетическая связь ответной формы с вопросительной в китайском языке», «О систематической роли так называемых фонетиков в структуре фонетической категории китайских иероглифов», «Анализ теории о монгольском происхождении китайцев и их культуры», «О степени соответствия монгольского алфавита и фонетической системе языка», «Японские народные сказки (к характеристике культурных связей между Китаем и Японией)» и др. О литературной революции в Китае Б. К. Пашков прочел несколько лекций в Коммунистической академии, во Всероссийской научной ассоциации востоковедения в Москве, во Всеукраинской научной ассоциации востоковедения в Харькове и т. д.

В 1928 году ученый завершает свой большой труд «Происхождение и развитие китайской иероглифической письменности» (объемом в 35 авт. л.), в котором разбирает важнейшие вопросы, касающиеся самобытности и древности китайской иероглифики, соотношения фонетического и графического алфавитов в китайском языке и др. К сожалению, эта монография Б. К. Пашкова, как и большинство других его работ, осталась неопубликованной. В печати появился только ее предварительный набросок о новейшем периоде (с 1911 г.) в истории Китайского языка и письменности.[7] Статью Б. К. Пашков заканчивает постановкой двух проблем: заменить иероглифику фонетическим письмом и провести фонетизацию каждого китайского диалекта.

[7] Б. К. Пашков. Революция и язык в Китае. «Революционный Восток» № 2, М., 1927, стр. 78—90.

В 1929 году он был в составе членов ВАРНИТСО по Московскому отделению.

Оценивая в целом период жизни в научно-педагогической деятельности Б. К. Пашкова до 1929 года, приведем характеристику, данную ему М. Достоевским: «С основательным знанием китайского языка и со способностью ориентироваться в жизни восточных стран Б. К. Пашков старался объединить синологические школы Москвы и Владивостока, совместить интересы практического и революционного китаеведения с научно-теоретическими».[8]

В 1930 году Б. К. Пашков был приглашен в качестве руководителя только что открытого калмыцкого отделения на педагогическом факультете Саратовского Государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. На базе этого отделения в 1936 году был организован первый в истории калмыцкого народа Калмыцкий Государственный педагогический институт. С 1930 года Б. К. Пашков в течение 30 лет ведет научную и педагогическую работу в области калмыковедения. Все вопросы калмыцкого языкового строительства этого периода неотделимы от его имени. В связи с разукрупнением Нижне-Волжского края в 1934 году калмыцкий факультет из Саратовского Государственного педагогического института переводят в Астраханский педагогический институт им. С. М. Кирова и Борис Климентьевич переходит туда на должность профессора калмыцкого языка и заведующего Музеем калмыковедения. И в Саратове, и в Астрахани, а позже и в Элисте Б. К. Пашков как ученый-энтузиаст принимает самое активное участие в разработке всех школьных учебников и программ по калмыцкому языку и литературе,[9] в постановке вузовских курсов по калмыцкому языкознанию и литературоведению. С именем Б. К. Пашкова связано создание новой письменности взамен зая-пандитской — сначала латинизированной,[10], затем на основе русской графики. Б. К. Пашков много сделал для усовершенствования орфографии, разработки терминологии и нормирования калмыцкого литературного языка. Большую пользу национальной

[8] M. Dostojewski. B. K. Paschkow als Vertreter der heutigen russischen Sinologie. «Ostasiatische Rundschau Zeitschrift für die gesamten Interessen, Politik, Wortschaft und Kultur. Ost- und Südostasiens», 10. Jg. Hamburg, 1929, S. 394—398. В этой же статье читатель может более подробно познакомиться с работами Б. К. Пашкова до 1929 г.

[9] См., напр., Пашков, Номинханов и Косиев. Xalьmg kelnə grammatik. М., 1930; Пашков, Коляев, Бадмаев. Xalьmg kelnə grammatik, ч. 1—3. Элиста, 1932; Пашков, Бадмаев. Морфология калмыцкого языка. Учебник для 5-х, 6-х классов НСШ и СШ. Элиста, 1936; Б. К. Пашков. Русский язык в калмыцкой школе. В сб: «В помощь учителю» № 2, Элиста, 1940 и мн. др.

[10] Б. К. Пашков. Первый латинизированный алфавит в Калмыцкой автономной области. В кн: «Алфавит Октября». М., 1934.

школе принесли многочисленные инструкторские командировки Б. К. Пашкова на места. Он руководил также диалектологическими экспедициями 1932—1933 годов, обследовавшими говоры всех улусов Калмыкии.[11] Б. К. Пашков активно участвовал в работе языковых конференций, созывавшихся в Элисте в 1930—1938 годах. В общем, трудно назвать область культурного строительства калмыцкого народа, с которой бы не соприкасался Борис Климентьевич.[12]

Говоря о деятельности Б. К. Пашкова в 30-х годах, нельзя пройти мимо его плодотворной работы во Всесоюзном Центральном Комитете нового алфавита при ЦИК СССР. В Комитете нового алфавита он работал (по совместительству) научным сотрудником и входил в состав Ученого Совета. Со времени переезда в Москву, в 1926 году, Б. К. Пашков начал живо интересоваться «новым учением о языке». В результате в 1931 году появляется его работа «Проблема латинизации китайского иероглифического письма в свете нового учения о языке»,[13] в которой он отметил значение агглютинации в грамматическом строе современного китайского языка, обычно тогда рассматриваемом как последовательно аморфный. Живо откликаясь на вопросы современности, Б. К. Пашков начиная с 1931 года разрабатывает целую серию трудов, посвященных латинизации восточных письменностей: китайской (см. выше), японской,[14] корейской,[15] монгольской (см. выше).

В 1935 году Б. К. Пашков перешел из Астраханского педагогического института в Научно-исследовательский институт национальностей (Москва), где руководил подготовкой аспирантов корейской, бурятской и калмыцкой национальностей. С закрытием этого института в 1938 году Борис Климентьевич становится действительным членом в Государственном Научно-исследовательском институте школ Наркомпроса РСФСР (позже — Институт нерусских школ). С сентября 1937 до 1941 года работает по совместительству должности профессора и заведующего кафедрой китайского языка в Московском институте востоковедения им. Нариманова.

---

[11] Б. К. Пашков. О калмыцкой лингвистической экспедиции. В сб.: «Революция и письменность», сб. 2, М., 1936; его же. Языковое строительство в Калмыкии; там же.

[12] См., напр., его статью «Неотложные нужды в области изучения калмыцкого национального искусства». В сб.: «Искусство и литература Поволжья». Саратов, 1932 и др.

[13] В сб.: «Культура и письменность Востока», кн. VII—VIII, М., 1931, стр. 58—70. О статье весьма лестно отозвался Н. Я. Марр (см. его отзыв в архиве б. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока); см. также Б. К. Пашков. Библиография литературы на китайском языке. В сб.: «Революция и письменность» № 1, М., 1933.

[14] «Вопрос о латинизации японской письменности» доложен в ВЦК НА в 1932 г. (Рукопись).

[15] Б. К. Пашков. Неотложность латинизации корейской письменности. В сб.: «Культура и письменность Востока», кн. IX, 1931, стр. 33—37.

В Институте нерусских школ, где оставался до 1943 года, Б. К. Пашков уделяет серьезное внимание методике преподавания родного и русского языков в национальной школе. Он принимает самое деятельное участие в разработке алфавитов на основе русской графики, орфографических норм, необходимых для младописьменных языков, в создании диалектической основы литературной речи. Значительная доля этой активной работы Бориса Климентьевича проводилась в виде докладов, поскольку она была связана с работой соответствующих комиссий, бригад, комитетов и кафедр и представлена в виде рукописей и стенограмм. Характерной чертой работы Б. К. Пашкова в области методики является стремление применить к практическим нуждам школы и преподавания основные положения науки о языке.

С марта 1943 года в качестве внештатного старшего сотрудника, а с конца 1944 года штатного Б. К. Пашков начал работать в Институте языка и письменности АН СССР (позднее переименованном в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра). С этого времени до сих пор Б. К. Пашков трудится в системе Академии наук СССР. В 1944—1945 годах он занимается разработкой грамматических проблем в бурятском и китайском языках, в которых, в частности, он впервые обнаруживает категорию принадлежности (отчуждаемой и неотчуждаемой) категории инклюзива—эксклюзива личного местоимения первого лица и т. д. С 1946 года Б. К. Пашков развернул большую работу в области сравнительного изучения монгольского, маньчжурского и китайского языков. В 1945—1947 годах он заведовал сектором языков народов Севера в Институте языка и мышления. В это же время Б. К. Пашков упорно занимается разработкой вопросов тунгусо-маньчжурского языкознания и подготавливает докторскую диссертацию на тему «Синтаксис маньчжурского простого предложения» (в трех частях), которую защищает в 1950 году. Диссертация написана в плане лучших традиций русской школы маньчжуроведения. Б. К. Пашков дал не только теоретическое исследование вопросов маньчжурского синтаксиса, но и ценное научно-практическое пособие, которое может быть с успехом использовано при преподавании маньчжурского языка.

Параллельно с работой в Институте языка и мышления Б. К. Пашков в 1943 году руководил группой преподавателей дальневосточных языков и вел китайский и монгольский языки на курсах иностранных языков при Министерстве внешней торговли, а в 1946—1953 годах руководил большой кафедрой дальневосточных языков в Институте внешней торговли. (Эта кафедра обслуживала также курсы иностранных языков и Академию внешней торговли).

В августе решением Президиума АН СССР Б. К. Пашков был переведен из Института языкознания (б. Института языка

и мышления им. Н. Я. Марра) в Институт востоковедения АН СССР. Здесь в течение 1951—1953 годов он завершает давно задуманную монографию «Пекинское наречие и его роль в развитии общенародного китайского языка» (в двух томах, объемом около 25 авт. л.). В этом капитальном исследовании Борис Климентьевич обобщает достижения всей предшествующей синологии и высказывает ряд ценных положений по вопросам китайской письменности и диалектологии. Эта монография, к сожалению, до сих пор еще не опубликована.

По совместительству он в Академии педагогических наук заведует группой по составлению корейских учебников, в Институте национальных школ осуществляет научное руководство многими аспирантами из корейцев, бурят, калмыков, монголов и др. Борис Климентьевич пишет развернутые рецензии в качестве оппонента по докторским и кандидатским диссертациям по самым разнообразным языкам. Эти рецензии характеризуют его как широкого специалиста-ориенталиста, твердо стоящего на позициях передового советского языкознания.

С 1955 года Б. К. Пашкову поручили описание маньчжурского (Цицикарского) архива в Центральном Государственном архиве древних актов, где он выступал руководителем маньчжурской группы. Им была выявлена документация на маньчжурском языке по истории ранних русско-китайских отношений. Результаты работы в архиве представлены в «Сборнике маньчжурской документации по истории русско-китайских отношений конца XVII в.» (40 стр. машинописи хранится в ЦГАДА) с его предисловием.

В 1956 году Б. К. Пашков перешел в Институт китаеведения АН СССР в сектор публикации памятников, где он занимался историей русско-китайских отношений. Для установления контакта с китайскими учеными в плане исследуемой проблемы Б. К. Пашков ездил в Китайскую Народную Республику в составе делегации Института китаеведения.

С 1957 по 1959 год Б. К. Пашков по совместительству работал директором Научно-исследовательского института калмыцкого языка, литературы и истории, находящегося в Элисте. В связи с 350-летием добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России и за заслуги в области науки Президиум Верховного Совета РСФСР указом от 21 августа 1959 года присвоил Б. К. Пашкову звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

В настоящее время Борис Климентьевич работает старшим научным сотрудником в отделе восточных языков Института народов Азии АН СССР.

Из работ, вышедших в 50-е годы, следует отметить следующие:

по маньчжуристике — «Тематическое подлежащее в маньчжурском языке»,[16] «Доржи Банзаров как маньчжуровед»[17] и «Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности»[18];

по монголоведению — «Джангариада» — великий калмыцкий эпос»,[19] «Калмыкия на путях к коммунизму»,[20] «Основные вопросы преподавания синтаксиса родного языка в бурятской школе»[21] и др.;

по китаеведению — «Иакинф Бичурин как филолог» (краткое содержание доклада),[22] «Древнейшие диалекты китайского языка и историческая давность пекинского наречия»[23], рецензия на книгу М. И. Сладковского «Очерки экономических отношений СССР с Китаем»;[24]

по корееведению — предисловие и общая редакция русского перевода «Грамматики корейского языка» Г. Рамстедта (М., 1951), предисловие к сборникам «Корейская литература» (М., 1960) и «Корейский язык» (М., 1961) и др.

Б. К. Пашковым написано много статей в Большой Советской Энциклопедии, особенно по маньчжуроведению.

Наконец, следует отметить, что и в этот период, как и прежде, Борис Климентьевич отдает много времени и труда подготовке молодых научных кадров. Достаточно сказать, что только за последнее десятилетие он выступал официальным оппонентом и писал развернутые отзывы на докторские и кандидатские диссертации по китаеведению (15), по корейскому языку и литературе (17), по монгольским языкам (12). Десятки ученых различных национальностей, подготовленных им через аспирантуру, работают во многих городах Советского Союза и в странах народной демократии — КНР, МНР и КНДР.

Как ученый с широкими научными интересами Б. К. Пашков свыше десяти лет был членом экспертной комиссии ВАК.

Большая и разносторонняя научно-педагогическая деятельность Бориса Климентьевича характеризует его как ученого

---

[16] Доклад, зачитанный на конференции северных языков в Ленинграде в 1949 г. (Рукопись).

[17] В сб. «К столетию со дня смерти Доржи Банзарова» (Материалы научных сессий и статьи. Ин-т востоковедения АН СССР — Бурят-Монгольский НИИК). Улан-Удэ, 1955, стр. 209—216.

[18] См. «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», вып. XVIII. Языкознание, 1956, стр. 3—18.

[19] В кн.: «Джангар. Калмыцкий народный эпос». М., 1958, стр. 9—16.

[20] Предисловие в кн.: С. Джимбин. Калмыцкая автономная республика. М., 1958.

[21] См. «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 111. «Вопросы методики преподавания родного и русского языков в национальной школе» (Труды Ин-та национальных школ АПН РСФСР, посвященные памяти Н. К. Дмитриева). М., 1960, стр. 167—182.

[22] См. «Вопросы истории» № 8, 1953, стр. 172—175.

[23] См. «Проблемы востоковедения» № 3, 1960, стр. 163—173.

[24] См. «Советское китаеведение» № 3, 1958, стр. 171—174. (Совместно с Г. В. Астафьевым).

больших организаторских способностей и неутомимой творческой энергии. Его интересы не ограничиваются чисто филологическими исследованиями, они всегда тесно связаны с разрешением практически важных вопросов языкового и культурного строительства.

Все те, кому приходится сталкиваться с Борисом Климентьевичем, знают, какой это глубокопорядочный, необыкновенно доброй души человек, всегда готовый поделиться своим опытом и знаниями, умеющий поддержать и ободрить на трудном пути научно-исследовательской работы.

Пожелаем же Борису Климентьевичу в его юбилей долгих лет жизни и больших радостей от творческого вдохновения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА БОРИСА КЛИМЕНТЬЕВИЧА ПАШКОВА

I. Китаеведение

1. Основные этапы в развитии китайского языка. 1926.
2. Революция и язык в Китае, 1928.
3. Линь Цинь-нань и его школа, 1925.
4. Ляо-чжай чжи и. Сборник 430 новелл XVII века. Произведение известного писателя Пу Сун-лина.
5. Хрестоматия по новокитайскому литературному языку. Пособие для студентов старших курсов, 450 стр. Тяньцзин, 1925.
6. Проблема латинизации китайской иероглифической письменности.
7. Иакинф Бичурин как филолог.
8. Характеристика китайских латинизированных изданий, 1934.
9. Категория отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в китайском и монгольских языках, 1947 г.

II. Японоведение

1. Характеристика отношений Японии к европейцам в период первого знакомства, 1917.
2. Грамматика японского разговорного языка, 1920.
3. Кобутори. Японская сказка. Перевод. Анализ и ее место в японском фольклоре.
4. Латинизация японской письменности.
5. Хрестоматия по японскому разговорному языку (для студентов I курса), 1921 г.

III. Маньчжуроведение

1. Такахаси Кагеясу как маньчжуровед, 1917 г.
2. Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности, 1956 г.
3. Синтаксис маньчжурского предложения. I—III тома. Докторская диссертация, 1950 г.

IV. Монголоведение (Бурятоведение и Калмыковедение)

1. Грамматика калмыцкого языка в соавторстве с Номинхановым и Косиевым. Центриздат, 1930 г.

2. Грамматика калмыцкого языка, часть I, 1932 г.[1]
3. Грамматика калмыцкого языка, часть II, 1932 г.
4. Грамматика калмыцкого языка. часть III, 1932 г.
5. Грамматика калмыцкого языка, часть IV, 1932 г.
6. Грамматика калмыцкого языка, часть I, 1933 г.
7. Грамматика калмыцкого языка, часть II, 1933 г.
8. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Пособие для учителей, 1935 г. Рукопись.
9. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Пособие для учеб. зав., 1936 г. Рукопись.
10. Программа по калмыцкому языку для начальной школы, 1930, 1931, 1934 гг.
11. Программа по калмыцкому языку для V—VII классов.
12. Ламаизм — бич калмыцкого народа, 1934 г.
13. Культурные ценности калмыцкого народа (искусство, музыка). Саратов, 1934 г.
14. Новый калмыцкий алфавит, 1935 г.
15. Калмыцкое языковое строительство, 1935 г.
16. Диалектологические экспедиции в калмыцких улусах, 1936 г.
17. Типы бурят-монгольского простого предложения. Рукопись, 1946 г.
18. Инклюзивные и эксклюзивные формы бурят-монгольского личного местоимения, 1946 г.
19. К методике родного и русского языков в бурят-монгольской школе, 1946, 1955 гг.
20. Бурят-монгольские предложения с конвербиальной формой подчинения, 1947 г.

---

[1] Учебники по грамматике калмыцкого языка, начиная со 2 по 7-е издание включительно, написаны в соавторстве с Б. Бадмаевым.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

М. Л. КИЧИКОВ (ОЧИРОВ)

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА В СОСТАВЕ РОССИИ

История прихода калмыков в Россию и образование Калмыцкого ханства в ее составе мало исследованы. До сего времени в литературе бытует глубоко ошибочная концепция, которая движение калмыков к Волге объясняет «завоевательными намерениями», воскрешением в памяти калмыков «чингисовской идеи панмонголизма».[1] В данное время эта концепция препятствует выяснению подлинных причин образования Калмыцкого ханства в составе России.

Внимательное изучение архивных документов Центрального Государственного архива древних актов и других русских, калмыцких и китайских источников дает основание утверждать, что движение калмыков к Волге и образование одноименного ханства в составе России в действительности были явлениями исторически обусловленными сложными, противоречивыми, охватившими всю первую половину XVII столетия, которые нельзя рассматривать как вторжение или планомерное и заранее обдуманное движение с целью завоевания, как экспансию, предпринятую калмыками с «согласия всех ойратских князей».

В статье делается попытка на конкретных материалах архива древних актов России и других источников показать действительный характер движения калмыков из Зюнгарии (Запад-

[1] Концепция «панмонголизма» нашла место в произведениях Иакинфа (Бичурина) — «Историческое образование ойратов, или калмыков», Спб, 1834; В. Броневского — «Описание Донской земли», ч. III, Спб, 1834; А. М. Позднеева — «Астраханские калмыки и их отношение к России», ЖМНП, № 3, 4, 1886; Н. И. Веселовского — «Лекции по истории монголов», Спб, 1909; Е. Чонова—«Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 года, Спб, 1914, стр. 3; архимандрита Гурия (Степанов)—«Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен», т. I, ч. I, Казань, 1915. Данная «концепция» нашла отражение в работах авторов советского периода: С. К. Богоявленского — «Материалы по истории калмыков первой половины XVII в.», «Исторические записки» № 5, М.—Л., 1939; С. А. Козина — введения к «Джангариаде», М.—Л., 1940, и к «Сокровенному сказанию», М.—Л., 1941; И. П. Панькова — «Из истории ставропольских туркмен и калмыков в XVII—XVIII вв.», Чарджоу, 1960.

ной Монголии) в Приуралье и в Поволжье и установить социально-экономические предпосылки образования Калмыцкого ханства в составе России.

Прослеживая движение калмыков на северо-запад и запад, мы отчетливо видим в нем два этапа. Один из них охватывает период с 1608 по 1630 год, другой — с 1630 по 1657 год. Первый этап характерен тем, что руководящая роль в движении принадлежала дербетовским феодалам, и в этот отрезок времени калмыки поселились в пределах Иртыша, Ишима и Тобола; на втором этапе руководство движением перешло к торгутовским тайшам,[2] и они привели калмыков в степи Приуралья и Поволжья.

Поселение калмыков в пределах Иртыша, Ишима и Тобола (1608—1630 гг.)

Калмыцкое (ойратское) общество в конце XVI и в начале XVII веков раздиралось внутренними межфеодальными противоречиями и подвергалось систематическим нападениям извне, главным образом со стороны халхасских, казахских и других феодалов. В калмыцком обществе того времени наблюдалась борьба двух тенденций: сепаратизма удельных князей и князьков, с одной стороны, и централизаторских усилий князей Цоросского дома, с другой, что составляло основное противоречие внутренней жизни общества. Кроме того, в Ойратском сейме имело место политическое соперничество двух предводителей крупных феодальных группировок: хошутовского правителя Байбагаса (Байбагиша), в калмыцких документах называемого ханом, и зюнгарского (цоросского) владельца Харахулы.[3]

Терпя неудачи в межфеодальной борьбе как внутренней, так и внешней, дербетовский правитель Далай Батыр и торгутовский владелец Хо-Орлюк покинули пределы Зюнгарии (Западной Монголии) и двинулись в сибирские районы Русского государства. К 1604 году они появились в районе города Тара,[4] где вошли в соприкосновение с русскими людьми и окрестным нерусским населением, платившим ясак правительству России.

В сентябре 1606 г. торгутовский владелец Хо-Орлюк отправил в Тару посольство для установления торговых связей с людьми Русского государства.[5] Послы просили у тарского воеводы разрешения кочевать по рекам Камышлову[6] и Иртышу, а также

[2] Тайша — феодальный титул (от китайского тайши — «великий наставник»).

[3] Ю. Лыткин. Материалы для истории ойратов, Астраханские губернские ведомости, неофициальная часть, № 8. 1861 г.

[4] Материалы по истории русско-монгольских отношений (1607—1636) Сборник документов, Введение, М., 1959 г. Тара—городок в Омской области.

[5] Ср. С. К. Богоявленского, ук. соч.

[6] Камышлов — ныне не существующий приток Иртыша. В калмыцких документах — Хо-Орлюк, в русских документах — Урлюк.

посылать в Тару своих торговых людей. Воевода, связавшись с Москвой, получил указание: сообщить калмыкам, что правительство России готово разрешить им кочевку по государевым землям и торговлю в сибирских городах при условии, если они станут подданными русского государя.[7] Однако вхождение торгутов в подданство России в тот год не произошло.

В трудное для России время внутренних смут и интервенции польских феодалов русское правительство было особенно заинтересовано в ликвидации напряженности, возникшей между народностями Сибири и царскими властями, вследствие взаимных столкновений русских ратных людей с кочевниками. В начале 1607 года из Москвы в Тару прибыла царская грамота «о посылке служилых людей в калмыцкие улусы для приведения к шерти калмыцких тайшей».[8] Согласно правительственной инструкции тарский воевода С. И. Гагарин 27 января 1607 года послал к калмыкам ясачных татар во главе с князем Енобаем разъяснить тайшам и улусным людям, чтобы они «были под царскою высокою рукою». 16 июня 1607 года в г. Тару прибыло калмыцкое посольство в составе 20 человек во главе с «большим тайшею» Кугонаем Тубиевым.

Как свидетельствуют документы, улус дербетов состоял из 120 тысяч человек и возглавлялся «пятью большими тайшами», из которых Далай признавался главнейшим. Всего тайш было 49.[9] В Таре Кугонай Тубиев шертовал за всех 49 тайш и их улусных людей «оприч Урлюка-тайши до Корсугана-тайши».[10] Кугонай сообщил, что Хо-Орлюк и Корсуган отошли от остальных калмыков три года назад, то есть в 1604 году, и кочуют отдельно от дербетов вверх по Иртышу.

В целях скорейшего приобщения калмыков правительство России пригласило больших калмыцких тайш в Москву. В грамоте на имя С. И. Гагарина были даны указания о соблюдении осторожности, дабы не отпугнуть калмыцких тайш: «А будет они ныне вскоре не поверят и к нам, великому государю, ехати побоятца, и вы б для веры дали закладных людей, сколько человек пригоже и ково они похотят, и сами б есте им слово прямое на том дали, чтобы они ехали к нам безо всякого опасенья, а мы их однолично пожалуем. И ласку и привет держали б есте к ним с великим береженьем, и нашим жалованьем велели их, которые учнут вам приезжати, кормити и поити, и подарки давали, смотря по людям и по делу».[11]

А так как торгутовские владельцы послов на Тару не прислали, то грамота указывала С. И. Гагарину отправление тайшам Хо-Орлюку и Корсугану служилых людей с предложением,

[7] Материалы... Ук сб., д. № 1, стр. 21.

[8] Материалы... Ук. сб., д. № 1. Шерть — присяга, клятва.

[9] Там же; Сибирский приказ, 1607, кн. одиннадцать, лл. 100—103.

[10] Там же. Корсуган, по-видимому, Кирсан.

[11] Там же; Сибирский приказ, 1607, л. 103 б.

чтобы они стали подданными русского царя, и только после шерти разрешить им кочевать близ сибирских городов. В случае, если торгуты не пожелают принять русское подданство, то воеводе было указано, чтоб он вооруженную силу против них не посылал, покамест «большие калмыцкие тайши» (имеются в виду дербетовские правители Далай Батыр Янышев, Изеней (Ичиней) Уртуев, Кугонай Тубеев, Ужен Конаев, Урукту (Юрикту) Конаев — всего 5 человек) «укрепятся в царском жалованье».[12]

В начале 1608 года дербетовские тайши воспользовались приглашением русского правительства и послали в Москву большое посольство. Послы прибыли в Москву 7 февраля 1608 года и были приняты в Посольском приказе думным дьяком Василием Телепневым, затем им была устроена аудиенция к царю. Послы били челом государю в том, что дербетовские тайши хотят утвердиться подданными его величества.[13]

21 сентября 1608 года послы дербетовских тайш снова прибыли в г. Тару, среди них находился посол торгутовского тайши Шевгея (Шункия), сына Хо-Орлюка. Калмыки просили разрешения кочевать по государевой земле «вверх по Иртышу, к соляным озерам и по Камышлову, и от Алтына-царя и от Казацкие орды велели их оберегати». Они соглашались платить ясак верблюдами, лошадьми, рогатым скотом и овцами, а также просили русское правительство установить на реке Оми острог для оберегания калмыков от Алтын-хана.[14] Вскоре на реку Омь была послана экспедиция во главе с тарским головою Поленовым, которому правительство поручило поставить на реке крепость и приводить к шерти калмыцких тайш и их улусных людей.[15]

В августе 1609 года дербетовские тайши подтвердили шерть 1608 года, а правительство России в свою очередь сочло возможным разрешить дербетам беспошлинную торговлю скотом в городах Тобольске, Тюмени, в Перьми, в Казани и даже в Москве.[16] Это решение царского правительства оправдывалось тем, что русское крестьянское хозяйство нуждалось в поставках рабочего и продуктивного скота.

Торгуты вслед за дербетами в 1608 году стали просить царское правительство принять их в подданство и оказать помощь в борьбе с Алтын-ханом и с казахскими феодалами. В том же году они вступили в контакт с дербетами. в 1609 году явились в Тару торгутовские послы и оттуда намеревались идти в Москву. Однако

[12] Там же, лл. 104, 104 б.
[13] Материалы... Ук. сб., д. № 3. стр. 24—26.
[14] Правитель крупного феодального объединения алтайских монголов в русских документах называется Алтын-царем.
[15] Там же, д. № 3, стр. 24—26.
[16] Сибирский приказ, 1609, кн. одиннадцать, л. 126, 126 б.

из Москвы пришло указание, в котором тарскому воеводе предлагалось приводить торгутов к шерти на месте, послав в их улусы служилых людей с царским пожалованием: «И мы, великий государь, царь и великий князь Василий Иванович всеа Русии, их колмацких тайшей Урлюка с товарищи, и всех улусных людей пожаловали, воевать их нашим служилым людям не велели и велели им кочевати на нашей земле безо всякой боязни».[17]

Даты 1608—1609 годов знаменательны в истории калмыцкого народа; именно в эти годы было положено начало вхождению калмыков в состав Русского государства, а их шерти легли в основу русско-калмыцких отношений. С этих знаменательных дат началась новая полоса истории калмыцкого народа, а калмыцкие владельцы и правительство России с тех пор повели счет годам вступления волжских калмыков в подданство Российского государства. Известно, что в 1909 году царское правительство и калмыки отметили трехсотлетие вступления калмыцкого народа в состав России.[18] В годы Советской власти, освобожденный от оков царизма, калмыцкий народ вместе с великим русским народом и другими народами СССР в 1959 году торжественно отметил 350-летие добровольного вступления в состав Русского государства.

Присоединение кочевого народа к России совершилось не вдруг и не сразу. В феодальную эпоху, когда военно-экономическая мощь определяла характер отношений между теми или иными группами феодалов или государств, исторически обусловленное приобщение к Российской державе народа малого, существенно отличавшегося своим социально-экономическим положением, культурой, религией, нравами, обычаями и языком, не могло проходить гладко, без конфликтов и борьбы. Калмыцким феодалам не хотелось вступать в неравноправные отношения с Русским государством (платить ясак, давать заложников), а также терпеть ограничения их внешней политики, которую они исстари привыкли осуществлять самостоятельно, к тому же они не желали терять монополию на эксплуатацию подвластного населения — в результате отдельные калмыцкие тайши, по возможности, оттягивали акты шертования русскому государю, а те, которые дали шерть, не желая давать заложников (аманаты) и платить ясак, не подтверждали свои обязательства в последующие годы, порой нарушали их, а затем снова присягали, так как исторические обстоятельства того времени заставляли отдельные группы калмыцких феодалов идти под вассалитет более развитого государства.

[17] Материалы... Ук. сб., д. № 9, стр. 36.
[18] И. Ульянов. «Астраханские калмыки, их домашний, религиозный быт и общественно-религиозные нужды», Спб, 1910. № 2, л. 46.

В 1610—1616 годах русско-калмыцкие отношения обострились. Объединив свои силы, калмыцкие князья в 1610 году отбили натиск Алтын-хана и казахских феодалов, после чего дербетовские тайши уклонились от посылки послов в Тару для подтверждения шерти. Тогда царское правительство не замедлило применить против калмыков вооруженную силу — в результате в 1612 и в 1613 годах ратные люди сибирских городов разгромили и разорили некоторые калмыцкие улусы.[19] Тогда дербеты и торгуты отошли в степи Казахстана, где помирились и сблизились с казахскими феодалами.[20] В 1614 году правительство России проявило намерения нормализовать русско-калмыцкие отношения: посылка служивых людей против калмыков без разрешения тобольского воеводы была запрещена. Однако тюменский воевода князь Ф. С. Коркодинов и его служивые люди продолжали самовольные нападения на калмыцкие улусы. В целях окончательной ликвидации конфликтов с калмыками правительство России в октябре 1616 года вынесло воеводе Ф. Коркодинову строгое порицание[21] и поручило тобольскому воеводе князю Куракину восстановить дружественные отношения с калмыцкими тайшами, чтобы снова привести их к присяге. Далай Батыр не замедлил восстановить мирные и торговые связи с государевыми людьми, он отправил послов в Москву, которые от его имени «били челом государю», просили держать калмыков в «царском жалованьи», обещали служить России и пригонять, как прежде, скот, которым калмыки «государевы городы полнят».[22]

14 апреля 1618 года царское правительство издало важный для укрепления русско-калмыцких отношений документ — «Жалованную грамоту царя Михаила Федоровича калмыцкому тайше Далаю Богатырю о принятии его в русское подданство». Грамота призывала царских воевод «со всею Колматцкою ордою быть в любви и дружбе», оберегать их торговых людей, «чтобы им отнюдь ни от кого ни в чем обид и бесчестья не было».

В этом документе нет упоминания о заложниках, о ясаке, он напоминает скорее союзнический договор или договор о дружбе и взаимопомощи: в нем речь идет о службе калмыков России, о торговле скотом в сибирских городах и о защите их от недругов.[23]

Далее выясняется, что так называемая «Калмыцкая орда», возглавляемая Далаем Батырем, в 1620 году разместилась в

---

[19] Материалы... Ук. сб., д. № 11. 13. стр. 40—42.
[20] Там же, д. № 18, стр. 52. 53
[21] Там же, д. № 16, стр. 43. 44
[22] Материалы... Ук. сб., д. № 27, стр. 72, 73.
[23] Материалы... Ук. сб., д. № 29, стр. 75, 76. Калмыцкие дела, 1618, № 2, л. 46.

пределах Ишима и Тобола. Это перемещение произошло под натиском монгольских и казахских феодалов. Перемещение калмыков на запад, к Тобольску, Тюмени и к Уфе, насторожило царское правительство. Тобольский и уфимский воеводы вскоре получили правительственное задание — выяснить причины перемещения калмыков «под государевы городы». В Москву последовал ответ, что калмыцкие тайши прикочевали «под государевы сибирские городы» потому, «что воюют-де их, колмацких тайшей, Алтын-царь да Казачья орда».[24]

23 октября 1620 года послы калмыцких тайш-дербетовского Далая Батыра, торгутовского Хо-Орлюка и братьев хошутов Байбагаса и Дюргечи (Тургеча) Кунделена Убуши шертовали в Уфе на верность России,[25] а в феврале 1621 года послы Байбагаса заверили русского царя, «что калмыцкие тайши верность свою Российскому государю вечно сохранят, имея свое на р. Тоболе кочевье».[26] Правительство России одобрительно отнеслось к переселению калмыков в пределы Ишима и Тобола, и об этом свидетельствует письмо царя уфимскому воеводе О. Я. Прончищееву: «То добро учинил, что колмаков привел под государеву руку, и впредь бы им з базаром и торгом приезжать велел и ласку к ним держал и бережение, чтоб им ни от кого обид не было, и торговали б с ними правдою, чтоб их приучать, а не отгонять».[27] Таким образом, версия о том, что приход калмыков на Ишим и Тобол был результатом экспансии,[28] опровергается актами царского правительства. В действительности оказывается, что, вследствие военных неудач, известная часть калмыков, состоявшая в основном из дербетов, торгутов и отчасти хошутов, оказалась оттесненной на запад, к Тоболу, где земли были слабо заселены, а местами совершенно пустовали.

Объединив свои силы, тайши Далай Батыр, Байбагас, Хо-Орлюк и Чокур вместе с зюнгарским князем Харахулой вступили в войну с Алтын-ханом, с некоторыми казахскими феодалами и ногайскими мурзами, которые, в свою очередь, образовали временную коалицию против калмыков.[29] Феодальная война 1622—1623 годов была ожесточенной и неудачной для группировки Далая-тайши, и лишь благодаря тому, что объединившиеся тайши обосновались на Тоболе и получили обеспеченный тыл, калмыки отстояли свою независимость.

В 1625 году среди калмыков вспыхнула крупная распря, которая привела группировку Далая Батыра к распаду. Вместо

---

[24] Материалы... Ук. Сб., д. № 47, стр. 101. Калмыцкие дела, 1621, № 1, л. 3.
[25] Материалы... Ук. сб., д. № 52, стр. 103.
[26] Калмыцкие дела, 1621, д. № 2, л. 1.
[27] Материалы... Ук об., д. № 52, стр. 108.
[28] См. В. Броневского, «Описание Донской земли», ч. III, Спб, 1834, стр. 48—52.
[29] Материалы... Ук. Сб., дд. № 55, 56, 60.

нее возникло другое объединение калмыцких тайш во главе с Чокуром, куда вошли зюнгарский владелец Табутай, торгутовский Мерген Темен и Куян[30] (по-видимому, хошутовский Буян Батырь). В 1628 году группировка Чокура, преследуемая Далаем Батырем и Гушеем (брат Байбагаса и Дюргечи Кунделена Убуши),[31] удалилась к Яику,[32] где она соединилась с алтыульскими татарами (одна из групп золото-ордынских татар); вскоре Чокур и алтыульские мурзы напали на улусы поданного русского царя ногайского князя Каная.[33] Летом 1628 года триста всадников Чокура совершили набег на Карабатынскую волость Уфимского уезда.[34] Далай-тайша со своим сватом Гушеем не упустил случая воспользоваться этим инцидентом и напал на группировку Чокура под предлогом «за непослушание русскому государю». Преследователи рассеяли группировку Чокура. Далай использовал свое служение царю в целях получения права кочевки в степях Приуралья, однако царское правительство не разрешило ему кочевать в этих местах и заставило его вернуться в прежние кочевья, на Ишим и Тобол.[35]

Так закончился первый этап движения калмыков на запад, в котором царское правительство первоочередное внимание уделяло крупной калмыцкой группировке под главенством Далая Батыра.

В 1637 году Далай Батыр умер. После смерти правителя крупное дербетовское княжество распалось на уделы.

Поселение калмыков в Приуралье и в Поволжье (1630—1657 гг.)

На втором этапе движение калмыков к Волге и их поселение в Приуралье и в Поволжье представляются явлениями более сложными, нежели в первом. Заселение Приуралья и Поволжья осуществилось в результате двух приливов. Первый из них пришелся на 1630—1640 годы, тогда как второй — на 1641—1657 годы.

В 1629 году астраханский воевода Ф. Куракин сообщил в Москву весть о прикочевке калмыков и алтыульских татар к низовью реки Эмбы. Воевода докладывал, что все они хотят идти к Яику и через Яик.[36] Ф. Куракин не знал, кто возглавлял пришлые калмыцкие улусы, но, можно полагать, во главе их были Чокур, Мерген Темен и Куян (Буян Батыр).

[30] Материалы... Ук. сб., д. № 72, 77, стр. 145, 150. См. Генеологическую таблицу хошутовских князей Палласа,—«Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolishen Völkershaften»; Th I. spb — Leipzig, 1776.

[31] Гушей, Кужи, Гуши — вероятно, одно и то же лицо. См. Материалы... Ук. сб., д. № 81, стр. 158.

[32] С. К. Богоявленский. Ук. соч., стр. 64.

[33] Материалы... Ук. сб., д. № 76, стр. 149.

[34] Там же, стр. 151, 152.

[35] Там же, д. № 76, 78, 79; Калмыцкие дела, 1636—1637 гг., № 2; 1641 г., д. № 1, л. 13.

[36] Ногайские дела № 1. л. 247. 1629.

Астраханский воевода объяснил в донесении действительные причины прихода калмыков в Приуральские степи:

1. «Ныне другой год учинясь, они с своею братиею с калмыки меж себя рознь и войну, пришли с улусы своими кочевать на реку на Эмбу, а ныне кочуют блиско Яика...» [37]

2. Калмыки опасались войны не только с Далаем Батырем, Гушеем и Дюргечи Кунделеном Убуши, а также с феодалами Казахской орды.[38]

3. Калмыцкие тайши сообщили астраханскому воеводе, что они желают быть «в холопстве» (то есть в подданстве) и просят разрешения на кочевку по Эмбе и по Яику.[39]

Ф. Куракин ответил, что калмыков могут принять в холопство (подданство), но без права кочевки в Приуральских степях. При этом воевода потребовал от калмыков выдачи аманатов (заложников). Калмыки не удовлетворились таким ответом и прервали переговоры.[40]

Как уже известно, группировка Чокура была разгромлена у Яика войсками Далая Батыря и Гушея. Попытка Далая-тайши получить право кочевки в степях Приуралья оказалась безуспешной. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что разгромленные калмыцкие тайши Чокур, Мерген Темен и Батыр Буян с остатками своих улусных людей нашли себе пристанище у Каспийского побережья между Эмбою и Яиком. По сведениям калмыцкого историка Габан Шарапа в 1630 году в тех местах появился сын Хо-Орлюка Шукур Дайчин.[41] Есть основания думать, что потерпевшие тайши подчинились торгутовскому Шукур Дайчину-тайше и таким образом создали новую группировку калмыков у берегов Яика. Об этом свидетельствуют документы Калмыцких дел ЦГАДА за 30-е годы XVII столетия, где указывается, что Чокур и Батыр, а также лама из торгутов (Мерген Темен) действуют и кочуют совместно с Дайчином. [42]

Группировка калмыцких тайш под предводительством Дайчина-тайши, соединившись с алтыульскими мурзами, вступила

[37] Там же, л. 291.

[38] Там же, лл. 292, 293

[39] Чокур, Мерген Темен, Куян не были поданными русского царя.

[40] Ногайские дела № 1, л. 294, 1629. Согласно разъяснению профессора Н. В. Устюгова термин «холопство» употреблялся в XVII веке в двояком значении: 1) подданство, служебная зависимость феодалов по отношению к верховной власти; 2) лично-феодальная зависимость крестьян, крепостничество. Автор выражает признательность Н. В. Устюгову за данное разъяснение.

[41] Габан Шарап. Ук. соч. л. 218б. Материалы... Ук. сб. д. № 94, стр. 189, 190: Ногайские дела № 3, л. 3, 1631.

[42] Калмыцкие дела, 1633, № 1, лл. 5—9. Здесь под именем Батыра-тайши можно подразумевать известного по прежним документам Батыра Буяна (Куяна), а известный нам Мерген Темен почитался торгутами как человек, открывший путь к религии (см. Габан Шарапа. Ук. соч., л. 202).

в сношения и переговоры с феодалами едисанских татар.[43] В 1631 году некоторые едисанские мурзы, подданные русского царя, имели намерения присоединиться к калмыкам. Астраханский воевода установил, что едисанский Борис-мурза вел переговоры с Дайчином-тайшою о мирном распределении кочевий между татарами и калмыками.[44] Однако группировка ногайских феодалов под главенством князя Каная не пожелала делить кочевья с калмыками по Ногайской стороне (земли Большой Ногайской орды). Неуступчивость ногайского князя Каная послужила поводом для нападения торгутов на его улусы, он обратился к астраханскому воеводе за помощью. Последний укрепил заслоны по Волге, чтобы ногайские татары не переправились на правый берег, затем послал подкрепление Канаю.[45] 22 апреля 1632 года ногайские мурзы и государевы ратные люди дали бой калмыкам у реки Большая Узень. Не сохранив за собой инициативы, они заключили перемирие с калмыками. Во время переговоров выяснилось, что калмыцкие тайши «с государевыми русскими людьми биться не хотят», а на ногайские улусы приходили войною потому, что «им досада была на князя Каная и на мурз».[46] Калмыцкие тайши по просьбе ногайских мурз вернули весь захваченный ясырь (пленных) и снова стали мирно сноситься с русскими людьми и татарами. Сообразуясь с правительственным указанием о недопущении калмыков в пределы Приуралья, астраханский воевода послал к калмыкам стрельцов с требованием освободить территорию Приуральской степи. Приняв с почестями русских посланцев, Дайчин-тайша напомнил им, что «отец ево Урлюк-тайша и он, Дайчин-тайша, — холопи царского величества»; свой приход на земли ногайских феодалов он объяснил исполнением задания отца, который «неведал, что ногайские мурзы и улусные люди—холопи царского величества». Дайчин-тайша признал свою вину и вину отца и обещал не посылать более своих людей на ногайские улусы.[47] Закончив переговоры с русскими посланцами, Дайчин отправился за Эмбу на совет к Хо-Орлюку, после чего они прислали в г. Астрахань своих послов «бить челом», чтоб царь снял с них вину и по-прежнему считал их «вековешными холопами».[48] Во время переговоров астраханский воевода предъявил послам жесткие условия: во-первых, он потребовал от калмыков откочевки из пределов Приуралья; во-вторых, запретил сношения калмыков с ногайскими и другими мурзами, живущими по обеим сторонам реки Волги; в-третьих, запретил внешние сношения тайш с Ургенчем, с Бухарой, с Казахской

[43] Едисанские татары — одна из группировок Большой Ногайской орды.
[44] Ногайские дела № 1, лл. 95, 97, 1633.
[45] Там же, лл. 104—107.
[46] Там же, лл. 122, 123, 161.
[47] Калмыцкие дела, ок. 1640, лл. 1—11.
[48] Там же, лл. 7—11.

ордой и другими государствами; в-четвертых, требовал, чтобы тайши проявили лояльность по отношению к России.[49] Несмотря ни на что, калмыцкие послы дали шерть верности России и произвели своеобразный клятвенный обряд: «Ссекли собаку желтую да прошли меж сабли и пищали и ножевое острие лизали (чтоб им быть ссечаными, как та собака и сабля головы им поотсекла, а из пищали б убитым быти, а ножем бы зарезатца)».[50] Улусные люди , так же как и тайши, должны были «дать шерть по своей вере». Для приведения к шерти улусных людей воевода направил к калмыкам сына боярского Г. Русакова.[51]

Почему же торгуты прикочевали к Яику и к Эмбе?

По «отписке» тарского воеводы С. И. Исленьева в 1625 и в 1626 годах улусы Хо-Орлюка кочевали по Иртышу, в районе Камышлова, а затем Каратуни. Эти места были заселены ясашными людьми русского государя. Царская администрация запретила торгутам кочевку по Иртышу.[52] Верховья Иртыша находились во власти зюнгарских феодалов. Дружественные связи Хо-Орлюка с дербетовским правителем Далаем Батырем в то время были прерваны.[53] Анонимная «История калмыцких ханов» сообщает, что вследствие раздоров среди ойратов, Хо-Орлюк со своими подвластными в 1628 году отошел от Зюнгарии и двинулся на запад, к Яику, заведома зная, что земли там никем не заняты.[54] Габан Шарап сообщает, что Хо-Орлюк, перед тем как отправиться на Яик, послал туда своих сыновей Дайчина и Лаузана, а сам двигался следом, не извещая об этом правительства России.[55] В 1632 году царские служивые люди обнаружили улусы Хо-Орлюка в верховьях реки Тобола. Часть его улусных людей вышла к верховьям Яика.

В процессе движения на Яик Хо-Орлюк беспрестанно заботился о поддержании добрых отношений с русскими людьми. Когда улусные люди дербетовского правителя Далая Батыря ограбили в Тюменском уезде некоторых ясачных людей Русского государства, Хо-Орлюк доказал непричастность торгутов к этому делу и заверил русских посланцев, что он и «детям своим, и внучатам, и улусным своим людям, и иным тайшам, которые с ним вместе кочуют, с государевыми людьми задору чинить не велит». В том же году торгутовский правитель и его братья Беле Эрдени, Ельде и Урукту отправили в Тюмень послов и

[49] Там же, лл. 17, 18.
[50] Там же, лл. 18, 19.
[51] Калмыцкие дела № 1, лл. 2, 16, 1635.
[52] Материалы... Ук. сб., д. 71, стр. 142—144.
[53] С. К. Богоявленский. Ук. ст.
[54] «История калмыцких ханов». Перевод и примечания Ю. Лыткина, Астр., 1861, стр. 6.
[55] См. «Сказание об ойратах», л. 215 об.; «Историю калмыцких ханов». стр. 7.

торговых людей с лошадьми, где калмыки получили право торговать с городским и окрестным населением уезда.[56]

Хо-Орлюк недолго кочевал в верховьях Тобола. Весной 1635 года его улусы настигли и побили зюнгарские и дербетовские тайши, а вместе с ними и казахские феодалы, возглавляемые султаном Джахангиром (в русских документах Янгир). Они оттеснили Хо-Орлюка с улусами к Эмбе, а затем к низовью Яика. Об этих событиях астраханский воевода сообщил в Москву следующее: «Сею весны приходили на Дайчин-тайшина отца, на Урлюка-тайшу, войною дважды чекурские калмыки, да казацкие орды Янгир-царевич, и многих калмыцких людей Урлюка-тайши побили и живых поймали, и Урлюк-детайша хочет з востальными своими улусами прикочевать к сыну своему к Дайчину-тайше. А Дайчин-де-тайша ныне с калмыцкими людьми кочуют по Яику».[57]

Так торгуты Хо-Орлюка прикочевали в Приуральские степи. Главные причины прихода торгутов в Приуралье становятся очевидными: прежде всего это земельная теснота и поиски свободных земель, а также необходимость установления постоянных торговых сношений с городским и сельским населением и неудачи в межфеодальных распрях.

В 1636 году натиск зюнгарских и дербетовских тайш, а также казахского султана Джахангира на торгутов прекратился. Получилось так, что зюнгарский правитель Батур-хун-тайджи (кон-тайша), а с ним дербетовский Далай-тайша и хошутовские тайши Гуши и Дюргечи Кунделен Убуши затеяли войну с казахскими феодалами.[58] Далай Батыр и Кунделен Убуши пытались втянуть торгутовских тайш в войну с казахскими феодалами, но им не удалось достичь цели — если Хо-Орлюк и проявлял колебания, то его сын Дайчин-тайша категорически отказался идти «на сход с дальними калмыками».

В 1634 году за нарушение шерти и нападение на окраинные города России совместно с людьми крымского хана царское правительство учинило расправу над казыевскими татарами.[59] В том же году возле Астрахани вспыхнуло волнение ногайских татар. Причинами, побудившими ногайцев к волнению, послужили насилия, чинимые царской администрацией. Часть ногайцев под предводительством мурзы Кейкувата отошла из-под

[56] РИБ, т. 2, Спб, 1875, № 138, XII стб, 470—475.

[57] Калмыцкие дела № 2, л. 1, 1635. «Чекурские» калмыки — имеются в виду зюнгарские, возможно, дербетовские и хошутовские люди.

[58] Материалы... Ук сб., д. № 123, стр. 278. Хун-тайджи — от китайского хуан-тайузи — «царевич-наследник».

[59] Ногайские дела № 2, 1634. — «Отправление воевод князя Тюренина и князя Волконского в Малой Нагай на Казыев улус князя Касая с российскими войсками за нарушение ими, Касаем, данной шерти и за нападение на российские украиныя городы купно с крымскими людьми». Казыевские татары — одна из группировок ногайских татар, поселившихся в начале XVII в. по Кубани и у Азовского моря под руководством Казыя-мурзы.

Астрахани и подалась на Кубань, где Кейкуват вошел в переговоры с крымским ханом.[60]

Дайчин-тайша, не упустив случая воспользоваться моментом, вступил в переговоры с астраханским воеводою и предложил свои военные услуги — идти совместно с русскими ратными людьми на казыевские и ногайские улусы. К этому делу он привлек своего отца и братьев, которые собрали свои войска и направили к Астрахани. Калмыцкие полки, готовые к переходу на крымскую сторону (западное побережье Волги), сосредоточились у реки Бузан[61] и в Рын-песках.[62]

Правительство России не решилось использовать калмыков в борьбе с «государевыми недругами и изменниками», поэтому переговоры между сторонами приняли затяжной характер. Калмыцкие тайши вместе с алтыульскими мурзами ходатайствовали перед астраханским воеводою о разрешении на кочевку между Яиком и Волгою, вблизи Астрахани. Эту просьбу они объясняли тем, что «боятца на себя калмыцкого приходу, которые кочуют в дальних кочевьях под сибирскими городами».[63] Опасения их были не напрасны. Так называемые «дальние калмыки» все настойчивее требовали от торгутовских владельцев повиновения, выдачи недругов Чокура и алтыульского мурзу Салманая.[64] Неповиновение означало войну.

Когда же казыевские татары были покараны и опасность новых набегов со стороны Крымского ханства была временно ликвидирована, правительство сочло нужным добиваться удаления торгутов от Волги и Астрахани на прежние кочевья. Чтобы убедить в этом торгутовских тайшей, в улусы Дайчина был направлен посол Л. Степанов,[65] который заявил: 1) Дайчин-тайша со своими людьми не должен ходить за Волгу на казыевских и ногайских татар, так как они якобы учинились холопами русского государя; 2) пришлые калмыки должны уйти в свои дальние кочевья и дать в Астрахань аманаты.

Дайчин ответил, что без «государеву указу войною на крымскую сторону на нагайские улусы не пойдет», а предложение относительно дачи аманатов и ухода в дальние кочевья он отклонил. Вскоре торгутовский правитель предложил представителям царской власти назначить новые переговоры для за-

[60] Ногайские дела № 1, 1634. Ногайские дела № 1, 1635.— «Отправление в Астрахань дворянина Н. Н. для исследования по доносу ногайских мурз на астраханских воевод князя Алексея Трубецкого с товарищи, в чинимом им, ногайцам, насильстве и разорении; от чего ногайцы откочевали от Астрахани». Калмыцкие дела № 1, лл. 19—25, 1635.

[61] Р. Бузан — левый рукав дельты Волги.

[62] Рын-пески (Нарын-пески) — песчаные пространства между Яиком и Волгою.

[63] Калмыцкие дела № 1, лл. 2—14, 1636.

[64] Там же, л. 31. «Дальние калмыки», в отличие от калмыков, прикочевавших в Приуралье, жили под сибирскими городами и в Зюнгарии.

[65] Там же, лл. 61—67.

ключения «подлинного договора», которые состоялись летом 1636 года в местечке Берекет у реки Бузана. Однако стороны не пришли к соглашению по принципиальным вопросам. Например, по вопросу о заложниках Дайчин-тайша соглашался только на двустороннее аманатство, притом только на период совместной войны против государевых недругов на крымской стороне. В обычных условиях им предлагалось обоюдное заложничество сроком на 5—10 лет при условии, что калмыки будут кочевать между Волгою и Яиком с правом торговли в российских городах. Свой отказ от ухода в дальние кочевья торгутовский правитель мотивировал тем, что «чекурские калмыки» и «Далай-тайша з братею» ему враги, и поэтому торгуты не только не могут идти в дальние кочевья, но вынуждены просить помощи у астраханского воеводы. Представители русского правительства не приняли предложений Дайчин-тайши. Неуступчивость царского правительства толкнула калмыков на поступок, который выразился в похищении толмача Кузьмы Артемьева, которого через некоторое время отпустили в Астрахань с заявлением, что калмыки, оставаясь в послушании, просят положительного решения вопроса о кочевке между Волгою и Яиком, а также права торговли вблизи Астрахани. Их заявление заканчивалось предупреждением, что в случае отказа калмыцкие тайши вынуждены будут установить контакты с ногайскими и казыевскими мурзами.[66]

Заявление Дайчина обеспокоило астраханского воеводу. Он сообщил в Москву, что торгуты, опасаясь нападения зюнгарских калмыков и дербетов, начали сноситься с ногайскими и казыевскими мурзами. По мнению воеводы, контакт калмыков с татарами был не желателен для интересов Русского государства, поэтому он просил военного подкрепления, чтобы оттеснить калмыков в дальние кочевья.[67]

Каков ответ последовал из Москвы — неизвестно, хотя в переписке тобольского воеводы с калмыцкими тайшами за 1636—1637 годы имеется короткое сообщение, на основании которого можно полагать, что из Москвы пришел ответ, разрешающий торгутам кочевку по Яику и в междуречье.[68] В 1638 году Дайчин снова предложил правительству России военные услуги: идти войною на Крым и на ногайских татар, изменивших царю;[69] но поход калмыков за Волгу не состоялся — на-

---

[66] Там же.

[67] Калмыцкие дела № 1, лл. 67—69, 1636.

[68] Калмыцкие дела № 1, лл. 106, 107, 1636—1637. Агенты тобольского воеводы Павлик и Башкуртка (фамилии неизвестны) сообщают, что «слышали от внука урлюкова Батмы, что государь пожаловал Дайчина и им получена грамота ево — велел ему кочевать по Яику и по Волге, Астрахани блиско...»

[69] Ногайские дела № 1, л. 35, 1638.

чиная с 1636 года внимание торгутовских правителей обратилось на восток.

Весной 1636 года Далай-тайша прервал совместные действия с хошутовскими и зюнгарскими правителями,[70] установил мирные отношения с торгутами. Феодальные войны между кочевыми народами Средней Азии в это время утихли, калмыки Дайчина установили мирные и торговые отношения с Бухарой, с Ургенчем и с Казахской ордой;[71] в свою очередь они открыли купцам упомянутых стран торговые пути в Астрахань и в другие города России.[72] Брат Дайчина-тайши Иельденг Хошучи развернул большую торговлю в Бухаре, а Хо-Орлюк и три его брата с улусами прикочевали к верховьям Ишима. Тобольский воевода заинтересовался причиной перемещения торгутов в восточном направлении и через своих агентов установил следующее:

1. Хо-Орлюк прибыл в верховья Ишима в урочище Аман-Карагай (Кош-Карагай) на сход, подготовленный калмыцкими ламами для примирения торгутовского владельца с дербетами и хошутами. Мирил их хутухта (кутукта).[73]

2. «Хо-Орлюк прикочевал из ногайской стороны на Черные пески для того, что у нево и у детей ево Дайчина с братею в улусах многие люди, и им кочевьем своим по Волге и в нагайской степи уместитца негде».

3. «В нагайской стороне торговать не с кем, а бухарскими де людьми у них ныне великие торги».[74]

Таковы сообщения агентов тобольского воеводы о причинах перекочевки Хо-Орлюка к верховьям Ишима.

Торговые связи калмыков с русскими городами Приуралья и Поволжья не прекращались, однако они заметно ослабли. Главной причиной ослабления русско-калмыцкой торговли послужил царский указ о «заповедных товарах для калмыков», согласно которому население русских городов и волостей лишилось права продажи калмыкам оружия, рубящих и режущих изделий.[75]

Накануне 1640 года межфеодальные противоречия калмыц-

---

[70] Калмыцкие дела № 1, л. 157, 1636.

[71] Ногайские дела № 1, л. 37, 1638. В улусах Дайчина-тайши находились послы бухарского хана Букея и «юргенского Исфендеяра-царя, от казацкого царя об миру, чтоб им меж себя быти в миру и в совете и торги бы меж ими были повольные».

[72] Калмыцкие дела № 1, лл. 72—73, 1636.

[73] Хутухта (кутукта) — наместник Далай-ламы. Ю. Лыткин в примечании к «Истории калмыцких ханов» сообщает, что первым наместником Далай-ламы среди ойратов был Инзен (Инза) Римбоче, родом из Тибета. В 1639 году ему на смену Далай-лама послал Хутухтуин Гегена, то есть Зая-Пандиту, родом из хошутов (См. ук. соч., стр. 7).

[74] Калмыцкие дела № 1, лл. 57, 84, 93, 103—108, 1636—1637.

[75] Калмыцкие дела № 1, л. 24, 1639.

ких феодалов временно были преодолены усилиями князей и духовенства. Помирившись с другими калмыцкими правителями, Хо-Орлюк в 1639 году двигался под сибирскими городами к Зюнгарии, куда он был приглашен на предстоящий съезд халхасских и ойратских князей.

5 сентября 1640 года в урочище Шибегийн-Улан-Бура у Тарбагатайских гор начал работу монголо-ойратский съезд князей и ханов.[76] На съезде принимали участие представители высшего ламаистского духовенства — Инза Римбоче, Ашобия Манчжушири, Амога Сидди Манчжушири, Хутухтуин Геген (Зая-Пандит) и другие, а также представители халхо-монгольской и ойратской феодальной знати — Ердени Засакту-хан, Тушету-хан, Гуши Номин-хан, Ердени Батур-хун-тайджи и другие.[77]

Всего на съезде присутствовало 28 монгольских и ойратских князей и ханов, в этом числе в протокольной записи указаны имена Хо-Орлюка и его сыновей Дайчина и Ельдена. Съезд выработал и утвердил монголо-ойратские законы, получившие название «Иеке Цаджи», то есть «Великое уложение».[78]

Мнение о воскрешении на съезде «чингисовской идеи панмонголизма» не подтверждается фактами.

Участники съезда выработали юридические гарантии для предотвращения новых междоусобиц и дали клятвенное обещание не производить никаких распрей и несогласий.[79] Торгутовские владельцы заключили не только дружественные, но и родственные связи с зюнгарским правителем Батуром-хун-тайджи[80] и другими тайшами, затем отправились в свои кочевья, забрав с собой «Великое уложение», которым стали руководствоваться при управлении своими подвластными.[81]

Во время съезда и после него, казалось, надолго прекратились распри калмыцких феодалов и создались условия для возвращения торгутов в дальние кочевья. Обстановка в Средней Азии благоприятствовала этому — торгутовские тайши приняли участие в династической борьбе ургенчских ханов[82] и установили торговые связи со среднеазиатскими рынками.[83] Однако мирная жизнь среди калмыцких феодалов держалась сравнительно недолго. Не успели Хо-Орлюк, Дайчин и Ельден вернуться из Зюнгарии в свои улусы, как снова ожили противоречия между различными калмыцкими феодальными группировками. В Калмыцком деле № 1 за 1641 год сообщается, что дербетовский владелец Дайчинг Хошучи (Сын Далая) и, по-видимому, хошутовский тайша Дайкуш нарушили мирные отношения с торгутовскими правителями. Дочь Хо-Орлюка, будучи женой Дайчинга Хошучи, порвав супружеские узы, увела в улусы отца 2 тысячи семей дербетов вместе с семилетним сыном Далая-Солом Цереном, будущим правителем волжских дербетов.[84] В то же время нарушились торговые связи приуральских калмыков со среднеазиатскими рынками, так как торговые пути перехватили феодалы Балхинского царства, которые «многие калмыцкие улусы повоевали и конские, животинные стада отогнали...»[85] Торгуты отошли к Яику и договорились о торговле подле Астрахани.[86]

В 1642 году «дальние калмыки», т. е. дербеты и хошуты, совершили нападение на улусы Дайчина и Лаузана, однако успеха не имели. Тем не менее торгутовские тайши, опасаясь нового прихода «дальних калмыков», в расчете на «государеву помощь» подались за Яик к Астрахани.[87] Хо-Орлюк с улусами расположился в Индерских горах (возвышенности на правом берегу реки Яика). Вскоре после стычки с «дальними калмыками» Дайчин-тайша отправился в Лхассу на богомолье,[88] возможно, с целью заручиться поддержкой Далай-ламы в своем споре с дербетами и хошутами.

В 1643—1644 годах феодальные противоречия на юго-востоке России резко обострились. Все началось с событий в Астрахани.

---

[76] Монголо-ойратские законы. Перевод и примечания К. Ф. Голстунского, Спб, 1880, стр. 96.

[77] Там же, стр. 3. «История калмыцких ханов», ук. соч., стр. 7.

[78] Калмыцкие дела № 1, л. 2, 2б, 1640.

[79] Батур Убуши Тюмень. «Сказание о Дербен-ойратах». Астр. губ. вед. № 53, стр. 3, 1861. — Клятва: «Не будем вводить розни в ряды монголов, не будем обращаться с людьми одной с нами крови, так как с рабами, хотя они обеднели и пошли к нам в услужение; не будем отдавать дочерей их в приданое, не будем отдавать их подвластному человеку иной кости, не будем проливать их кровь».

[80] «История калмыцких ханов», Ук. соч., стр. 3, прим. 4. Сын Дайчина Пунцук (Бунчук, Монцак) женился на дочери Батура-хун-тайджи. От этого брака родился сын Аюка, который жил в Зюнгарии до 1654 г.

[81] Оригинал «Великого уложения» не сохранился. В ЦГАДА, Калмыцкие дела № 1, 1640 г., имеется «копия (на Мунгальском языке) с Уложения или прав мунгальских и калмыцких народов, полученная при доношении полковника Беклемишева».

[82] В 1641 году в улусе Чункея (Шункея, Сюнкея) зимовал ургенчский Абул-Газы(Абал-Касим-царевич), который бежал из Ургенча «от убийства брата своего Исфендеяра-царя в Кизыл-баш», а оттуда пришел к калмыкам. Абул-Газы просил у Чункея ратных людей для борьбы с братом. Калмыцкие тайши помогли ему вернуться в Ургенч, где в это время был посажен их ставленник алтыульский мурза Айтек. Исфендеяр находился в Хиве. (См. Калмыцкие дела № 1; 1641 г. Абул-Газы.— «Родословное дерево тюрков». Перевод и предисловие Г. С. Саблукова, Казань, 1906, стр. 283).

[83] Калмыцкие дела № 1, лл. 2—4, 1641.

[84] P. S. Pallas. «Sammlungen hiet orischer Nachrichten» ect., s. 48.

[85] Калмыцкие дела № 1, л. 20, 1641.

[86] Там же, л. 27.

[87] Калмыцкие дела № 1, л. 262, 1643.

[88] Там же, л. 258.— «И тому де другой год поехал Дайчин-тайша из улусов своих из-за Яика-реки, из дальних кочевных мест с урочища Аман Карагай по своей калмыцкой вере молитца к Мекке за сибирские городы» (показание едисанского татарина, служившего при дворе Дайчина-тайши). А. М. Позднеев время отправления Дайчина в Тибет относит к 1646 г.

Порвав с крымским ханом, вернулись к Астрахани с повинной ногайские мурзы Кейкуват, Би-мурза Иштереков с братьями, Салтанаш, Салтаналы и другие. Они привели с собой 10 тысяч улусных людей и снова вступили в подданство русского царя. Однако астраханский воевода Ф. Телятевский заточил начальных ногайских мурз в крепость и аманатный двор, затем обобрал их улусных людей. Оставшиеся на свободе мелкие ногайские и едисанские мурзы обратились в Москву с жалобами на князя Телятевского, которые поступали к царю через астраханского архиепископа Пахомия.[89] Жалобщики не только просили царя избавить их от притеснений астраханской администрации, но также предупреждали его в том, что жестокие преследования астраханского воеводы вынуждают ногайских и едисанских татар идти к калмыкам. Некоторые едисанские мурзы действительно установили тайные сношения с калмыцким Даян Ерке-тайшою (сын Дайчина) и договорились с ним о побеге из-под надзора астраханских стрельцов. 19 февраля 1643 года едисанские татары уничтожили стрелецкую охрану и под прикрытием калмыцкой конницы переправились с семьями и со скотом через реку Кутумовку;[90] затем они вместе с калмыками ушли из-под Астрахани к Яику. Юртовские татары тоже намеревались пуститься в бегство, однако не смогли преодолеть охрану стрельцов.[91]

Чтобы смягчить инцидент на реке Кутумовке, Даян Ерке вскоре прислал в Астрахань письмо, в котором сообщал, что он приходил в окрестности города по просьбе едисанских мурз и готов заключить мир с астраханскими людьми, а также произвести обмен пленными.[92]

Через некоторое время из Москвы пришла царская грамота, по которой большая часть заключенных начальных мурз освобождалась из астраханской крепости и аманатного двора, а воевода Ф. Телятевский отстранялся от астраханских дел. Царь обещал всех ногайских и едисанских татар «миловать», повелел архиепископу Пахомию и новому воеводе Г. Траханиотову оберегать их. Татары успокоились, но у Астрахани оставаться не захотели: часть из них удалилась на крымскую сторону и направилась к Тереку, другая часть подалась с калмыками на север, к Царицыну и Саратову.[93] Калмыцкие тайши договорились с мурзами о совместном походе на Казыев улус и заручились их поддержкой в случае, если на них придут войною дальние калмыки.[94] Их опасения были не напрасны: дальние калмыки действительно грозились войною. Хо-Орлюк, кочевавший по восточным окраинам Приуральских степей, поспешил убраться за Яик и стал снова кочевать на «астраханской стороне», а Лаузан, Чункей (Шункей) и Даян Ерке с улусными людьми кочевали по рекам Узени и по Камыш-Самаре.[95] Алтыульские и едисанские мурзы с улусами начали кочевать вверх по Волге.[96]

Летом 1643 года калмыцкие тайши пять раз вступали в переговоры с самарским воеводою Т. Шушериным (с Астраханью вести переговоры не решались), чтобы установить контакт с царским правительством, нормализовать отношения и наладить торговые связи с населением поволжских городов. Во всех случаях калмыцкие послы получили отказы. Правительство России запретило русскому населению торговлю с калмыками, потребовало от последних аманатов, а также ухода в дальние кочевья с предварительной выдачей «изменников» едисанских и ногайских татар. Калмыцкие тайши ответили, что: 1) не отказываются дать аманаты, 2) татар выдадут в том случае, если они сами пожелают вернуться на прежние места под Астрахань, 3) в дальние кочевья, к сибирским городам, идти не могут, «потому что де на старых их кочевьях стоят недруги их кара-калмыки».[97]

С осени 1643 года калмыцкие тайши, заинтересовавшись землями крымской стороны, вместе с татарскими мурзами осуществили поход за Волгу на Казыев улус и на ногайцев, ушедших на Терек. Поход совершался тремя группами. Первой выступила группа, возглавляемая Лаузаном. Переправившись через Волгу ниже Царицына, она двинулась на Кубань, где разгромила улусы казыевского Карашеима-мурзы, затем вернулась обратно. Другая татаро-калмыцкая группа, возглавляемая Даяном Ерке-тайшою, направилась к Тереку с намерением присоединить ту часть ногайских татар, которая ушла с Кейкуват-мурзою. Она перешла Волгу в 70 верстах выше Астрахани и дошла до Терека. Даян Ерке не обнаружил там улусов

[89] Ногайские дела № 1, 1643.— «Переводы о поданых Астраханскому Архиерею Пахомию на имя государево челобитей от нагайских мурз Кейкувата, Би-мурзы, Салтанаша и от едисанских мурз в обидах, налогах и насильствах, причиненных им от воеводы князя Телятевского». Калмыцкие дела № 1, лл. 47—87, 1643.

[90] Река Кутумовка (Кутум) — восточный рукав дельты Волги.

[91] Калмыцкие дела № 1, лл. 24—36, 403, 1643. С. К. Богоявленский подробно описал сражение на реке Кутумовке, но тенденциозно осветил причины и значение этого события (ук. соч., стр. 79,80).

[92] Калмыцкие дела № 1, л. 36, 1643. Ногайские дела № 1, л. 71, 1644.— «Отец де Ерке-тайши Дайчин-тайша поехал по своей вере молитца к Мекке, а приказал сыну своему Ерке-тайше у тебя, великого государя, быть в послушании; а приходил-де под Астрахань Ерке-тайша по присылке едисанских мурз и их улусных людей, а не собою, и в том Ерке-тайша перед тобою, великим государем, виноват. То он сделал с младоумья».

[93] Калмыцкие дела № 1, лл. 70—76, 121—128, 278, 279, 288, 289, 315, 320, 1643. Ногайские дела № 1, лл. 11, 12, 1644.

[94] Там же, л. 331.

[95] Река Узень и озеро Камыш-Самара находятся между Волгою и Яиком.

[96] Калмыцкие дела № 1, лл. 441, 442, 1643.

[97] Там же, лл. 487—532. Калмыцкие дела № 1, л. 17, 1644. Кара-калмыки — это зюнгарские калмыки, которые, в отличие от «белых калмыков» (телеутов), назывались «черными».

Кейкуват-мурзы, так как последние ушли в горы. На обратном пути конная группа Даяна Ерке была встречена у Волги астраханскими ратными людьми, где ей удалось избежать серьезного столкновения: посыпав лед реки песком, калмыки быстро перешли Волгу и скрылись в степи.

Третья группа калмыков и татар выступила в поход на Казыев улус под руководством Хо-Орлюка (несколько дней спустя после выхода группы Даяна Ерке). Она вошла в горы Кабарды, где ее постигла неудача. Группа Хо-Орлюка-тайши в феврале 1644 года была наголову разбита кабардинскими, черкесскими (черкасскими), казыевскими и ногайскими людьми; сам Хо-Орлюк-тайша, его сын Кересан и двое внуков погибли на поле брани. Из 10 тысяч участников похода вернулась в улусы за Волгу только одна тысяча человек, остальные пали в боях или попали в плен.[98] Вскоре урны с прахом Хо-Орлюка, его сына и внуков попали в г. Астрахань. В статье С. К. Богоявленского рассказывается, что некоторые казыевские мурзы купили у черкес тела упомянутых людей и повезли их прах к Лаузану на откуп. Астраханские ратные люди перехватили их у Волги — так «кости Урлюковы» попали в Астрахань.[99]

Царское правительство, возмущенное своеволием калмыцких феодалов, решило покарать их. По государеву указу в Самаре и в Астрахани были сосредоточены царские войска, которые под командованием воеводы Л. Плещеева из Самары и воеводы Ф. Волконского из Астрахани нанесли удары по калмыкам, захватили у них много скота и пленных.[100]

Под натиском русских войск калмыки и примкнувшие к ним татары отступили за Яик. И только летом 1644 года они получили передышку, расположив остатки своих улусов по рекам Илеку, Уилу (Оилу), Сагызу и по Эмбе.[101]

Феодальные противоречия, авантюристские походы и междоусобные распри, затеваемые калмыцкими феодалами, обрекали эксплуатируемые трудящиеся массы калмыцкого народа на постоянные лишения и страдания. Военные авантюры 1643—1644 годов, а также карательные меры царского правительства довели калмыков до отчаяния. Некоторые из них видели выход из тяжелого положения в полном и окончательном переходе калмыков под покровительство русского царя, что создавало народу более спокойную, более обеспеченную жизнь, по сравнению с той, которая проводилась под властью кочевой аристократии, в вечных скитаниях, полных тревог, не имея определенного будущего. Так решили поступить обездоленные «улусные черные люди» Даяна Ерке-тайши. В Калмыцком деле № 1 за 1644 год рассказывается, что Ерке-тайша настиг улусных людей и, не имея сил к принуждению, вынужден был уговаривать своих подвластных оставаться с ним, обещая удовлетворения их требований. Сообразуясь с требованиями улусных людей Ерке-тайша обещал срочно послать в Уфу послов бить челом государю, чтобы он принял их в «вековешное холопство», разрешил кочевать «близ Уфы по Яику и по Сакмаре и к вершинам по Белой реке», а в свою очередь он, Ерке-тайша, обещал дать в Уфу аманаты.

Вернув таким образом подданных, Даян Ерке-тайша выполнил свои обещания, но царское правительство не спешило с удовлетворением просьбы калмыцких людей.[102]

Переговоры Даяна Ерке-тайши в Уфе о холопстве возмутили Лаузана-тайшу. Вначале он хотел было идти войною на улусы Даяна Ерке, но потом изменил решение и, как сообщает бежавший из плена стрелецкий пятидесятник Д. Брызгалов, Лаузан приказал своему ламе тайно отравить Даяна Ерке-тайшу, что и было сделано. После смерти Даяна Ерке его улусы принял брат Нама-Серен (Мам-Серен).[103]

После карательных мер царизма торгуты попали в чрезвычайно тяжелое положение. Вопрос о кочевьях стал для них самой острой проблемой.

Дайчин-тайша, находясь в пути из Тибета, узнал через нарочных о событиях 1643—1644 годов и карательных мерах царского правительства. Нет сомнений в том, что он отдал распоряжение в улусы о немедленной отправке калмыцкого посольства в Москву для восстановления нормальных русско-калмыцких отношений. Такое посольство, состоявшее из бакши (учителя веры) Сабинова (представителя от улусов Дайчина) и Кулачи Тархана (представителя от улусов Ельдена), прибыло в Москву в июне 1645 года.[104] Дьяки посольского приказа на основании письменных и устных сообщений калмыков составили царю доклад, в котором кратко излагались события 1643—1644 годов в калмыцком понимании, а также их просьбы. Обвинения чиновников царского правительства в измене, в захвате и интернировании ногайских и едисанских татар кал-

---

[98] Ногайские дела № 1, лл. 106—113, 1645. Кабардинские дела № 1, л. 157, 1644. Калмыцкие дела № 2, л. 61, 1644. Версия о гибели Хо-Орлюка под стенами Астрахани, якобы во время осады города калмыками, опровергается актовыми материалами ЦГАДА. Это ошибочная версия была опровергнута в печати С. К. Богоявленским (см. Ук. соч., стр. 81, 82).

[99] С. К. Богоявленский. Ук. ст., стр. 82. Калмыцкие дела, д. № 2, лл. 61, 62, 1644.

[100] Калмыцкие дела № 1, л. 19, 1644. Ногайские дела, лл. 31, 41, 60, 70, 1644. Калмыцкие дела № 2, лл. 163—171, 1645.

[101] Ногайские дела № 1, лл. 1—51, 1645. Реки Илек и Уил (Оил) протекают в Целинном крае, Сагыз — в Гурьевской области, Казахской ССР.

[102] Калмыцкие дела № 1, лл. 1—13, 1644. С. К. Богоявленский. Ук. ст.

[103] Там же, л. 33.

[104] Калмыцкие дела № 2, лл. 2—65, 1644. «Приезд в Москву калмыцких послов Акши (в другом месте «Бакши» — М. К.) Сабинова и Кулачая Аздраева, присланных от тайшей Дайчина и Ельденя бить челом о принятии их под Российскую державу в послушанье».

мыцкие послы отвергли, они по-своему объяснили русско-калмыцкие отношения и указали действительные причины перехода татар на сторону калмыков: «А они де (то есть калмыки), государь, николи не изменивали и городов его царского величества отчины не воевали и людей в полон не имывали, разве де государевы люди на них найдут, и они де никого не задерут. А нагайских едисанов они не грабливали и не подговаривали, а прикочевали де к ним едисанские нагаи з женами и з детьми и со всеми свои кочевьями сами от насильства астраханских людей».[105]

Нет сомнения в том, что послы стремились смягчить некоторые острые моменты, имевшие место в русско-калмыцких отношениях, в то же время нельзя игнорировать полностью их доводы, как это раньше делало большинство буржуазных историков.

Далее послы просили принять калмыков в холопство, возвратить пленных, захваченных воеводою Л. Плещеевым, вернуть урны с прахом Хо-Орлюка, его сына и внуков, которые попали в Астрахань.[106]

Удовлетворение всех просьб калмыков правительство поставило в зависимость от вопроса о дачи калмыками аманатов. А так как послы не имели указаний по этому вопросу — переговоры зашли в тупик.

Отправляя калмыцких послов из Москвы, царское правительство послало с ними своего представителя Алферия Кудрявцева для предъявления тайшам царских требований и для договора о совместных действиях против крымских феодалов.[107]

Миссия Кудрявцева не имела успеха. Надо полагать, это произошло потому, что в отсутствии Дайчина-тайши калмыцкие феодалы не придерживались единого мнения по вопросу урегулирования русско-калмыцких отношений. Ярым противником прорусской политики был Лаузан, он послов в Москву не отправлял, хотя выполнял роль главного тайши. К тому же архивные акты говорят, что Лаузан питал тайные надежды на восстановление мирных отношений с зюнгарскими и хошутовскими феодалами. [108] Пользуясь своим старшинством, он, безусловно, отрицательно повлиял на ход переговоров. А. Кудрявцев вел переговоры с торгутовскими тайшами в улусе Ельдена на реке Ори. Торгутовские феодалы отклонили правительственные требования и предложения. Суть их возражений сводилась к тому, что они ходатайствовали только о мире, но не о холопстве, что они никому аманатов не давали и уйти в дальние кочевья не могут. Тогда, согласно правительственной инструкции, Кудрявцев перешел к угрозам, заявив, что русский царь пошлет на них государевых ратных людей, башкирцев и казаков. Тайши возмутились заявлением царского посланника, собирались избить его, а затем продать в Бухару. Такой оборот дела мог бы кончиться новой трагедией для калмыков, и, видимо, это понимали «черные улусные люди», то есть простые калмыки, эксплуатируемые феодалами, потому что они оградили русского посланника от всех неприятностей, ожидавших его, дали ему приют и помогли добраться до Уфы. Черные люди больше всего нуждались в нормализации русско-калмыцких отношений и, несмотря на неудачное окончание переговоров, не теряли надежд на улучшение последних в будущем. Провожая А. Кудрявцева, они говорили: «А тайши нашево Дайчина в улусах нету, пошел по нашей вере молитца, и нам де, черным людям, без него, Дайчина, учинить того нельзя, что нам мимо тайшей государева повеления ждать. Как де будет Дайчин-тайша, и мы де о государеве деле о всем станем говорить».[109]

Затянув нормализацию русско-калмыцких отношений, Лаузан-тайша пытался установить мирные контакты с «дальними калмыками» (зюнгарами, хошутами, дербетами), однако они во время переговоров предъявили Лаузану чисто феодальные, грабительские условия, потребовав от него огромной дани: «Тысячу душ ясырю, десять тысяч лошадей и тысячу верблюдов, пятьсот человек калмыков з женами и з детьми и з дворами. Да на договоре ж де просили дальние калмыки у Лаузана их едисанцев, да Батырь тайшу».[110] Лаузан не мог принять условия целиком, но и не мог отказаться от них, ибо это означало бы войну с «дальними калмыками». В Астрахань дошли слухи, что калмыки хотят с астраханскими людьми мириться и аманаты дать, потому что им от дальних калмыков стала теснота, и хотят сее зимы кочевать на се стороне реки Яика».[111] С большим трудом Лаузану удалось договориться с дальними калмыками о сокращении размеров дани, ему пришлось выдать «пятьсот лучших татар, пятьсот куяков (панцирей), добрых коней пятьсот голов, тысячу верблюдов и тысячу плохих коней». Но дальние калмыки на этом не успокоились, через некоторое время они прислали к Лаузану большое посольство,[112] которое предъявило торгутам требования об их присоединении к «дальним калмыкам», о выплате новой дани и выдачи всех дербетов (около двух тысяч семей), а также едисанских, ногайских и ен-

[105] Там же. Здесь «государевы люди»—представители царской администрации.

[106] Ногайские дела № 2, лл. 135, 136, 1646.

[107] Калмыцкие дела № 2, 1645.— «Отправление в посланниках головы московских стрельцов Алферия Кудрявцева в калмыцкие улусы к тайшам и к улусным людям для учинения договора быть им Российскому государству покорными, дать аманатов и идти в поход на крымских татар».

[108] Калмыцкие дела № 1, л. 119, 1645.

[109] Калмыцкие дела № 2, лл. 1—13, 1645.

[110] Ногайские дела № 1, л. 120. 1645. Калмыцкие дела № 1, л. 89, 1645. Батыр-тайши, по-видимому, хошутовский Буян Батырь.

[111] Калмыцкие дела № 1, лл. 72—99, 1645.

[112] В посольстве принимало участие большое количество лам и цорджей.

булуцких татар. Торгутам оставалось только терпеливо констатировать печальные результаты политики Лаузана и оттягивать исполнение требований.[113] Выиграв время и несколько усыпив контроль зюнгарских феодалов, торгутовские тайши вступили в переговоры с воеводами Уфы и Астрахани, вопрошая о помощи ратными людьми, о кочевьях по Яику и в междуречье. В 1646 году в Астрахань и в Уфу поступили указания из Москвы, в которых говорилось, что государь изволит держать торгутов «в своем государевом милостивом жалованьи и призрении», позволяет торговать под Астраханью и под Уфою, но не разрешает кочевать в междуречье.[114] Феодалы «дальних калмыков» не решились начать военные действия против торгутов и в свою очередь обратились к царскому правительству с целью получить поддержку и согласие для нападения на торгутов как на «государевых непослушников».[115] Правительство отклонило домогательство дальних калмыцких тайш, но торгуты продолжали опасаться их, почему и установили контакты с ногайскими мурзами западного побережья Волги, а также с правителями Казыева улуса. В 1646 году крымский хан активизировал свои действия против России, он стал провоцировать ногайских, казыевских и азовских феодалов, на что Московское правительство предприняло шаги к укреплению южных границ своего государства.[116] Калмыцкие тайши надеялись быть использованными в действиях против татар и начали было сноситься по этому вопросу с Астраханью, но правительство не разрешило калмыкам переходить Волгу, оно стремилось достичь цели: получить от калмыков аманаты, заставить кочевать на старых кочевьях, добиться выдачи едисанских, ногайских и енбулуцких татар, кочевавших с калмыками.[117]

В 1647 году Московское правительство направило свою армию на борьбу с крымскими феодалами и мобилизовало против них подвластных юртовских, едисанских и ногайских татар. Однако ставка на использование различных татарских группировок на стороне России не оправдалась: первый же поход русско-татарских войск кончился неудачно. Татары, по всей вероятности, не хотели проливать кровь за интересы русского царя, а принудительная мобилизация вызвала волнения «холопских едисан».[118] С этого времени правительство России могло рассчитывать только на помощь калмыцких тайш, и это обстоятельство ускорило урегулирование русско-калмыцких отношений.

---

[113] Ногайские дела № 2, лл. 20—85, 1646.
[114] В. Бакунин. «Описание истории калмыцкого народа», «Красный архив» № 3/94, стр. 194, 1939.
[115] Калмыцкие дела № 1, лл. 140—143, 1645. Там же, № 1, л. 113. 1646.
[116] Ногайские дела № 2, 3, 1646; № 1, 1647.
[117] Калмыцкие дела № 1, лл. 128—157, 1646.
[118] Ногайские дела № 1, лл. 215—220, 1647.

Дайчин-тайша вернулся в свои улусы из Тибета в конце 1647 года. С 1648 года его имя фигурирует во всех актах калмыцких и ногайских дел. Шукур Дайчин прежде всего взялся за решение самой важной для калмыков проблемы—получения пастбищных территорий в Приуралье. Из-за земель по рекам Орь, Сакмара и в верховьях Яика между башкирскими калмыцкими феодалами возникла острая борьба. Правительство вмешалось в башкирско-калмыцкий конфликт. Первым оно запретило совершать нападения на калмыцкие улусы, вторым не разрешило кочевку по рекам Ору, Сакмаре и в верховьях Яика.[119] Калмыцкие улусы теснились по Эмбе и по Иргизу. Так возник у калмыков земельный кризис.

Зимой 1648 года Дайчин-тайша с 10 тысячами всадников под предлогом мести за кровь Хо-Орлюка совершил рейд за Волгу на казыевских татар, но до их улусов он не дошел, так как зима оказалась слишком снежной и суровой. Калмыки побывали на Дону, установили с донскими казаками торговые связи и вернулись в улусы.[120] Можно полагать, рейд Дайчина был совершен с целью выяснения обстановки на крымской стороне Волги, а также для демонстрации возможного участия калмыков в событиях этого края. Молчаливое наблюдение царского правительства за рейдом Дайчина-тайши, вероятно, было не случайным.

В конце 1648 года правительство России предприняло шаги к нормализации русско-калмыцких отношений. С этой целью оно отправило к Дайчину-тайше посольство В. Голубцова. Переговоры русского посланца с правителем калмыков прошли в обстановке взаимопонимания и закончились отправлением в Уфу калмыцкого сановника Дуралы Тархана для подтверждения верноподданнических отношений Дайчина.[121] Правительство России приходило к убеждению, что Дайчин последовательно и настойчиво придерживается прорусской ориентации, которую он начал осуществлять с 30-х годов, и на время поездки в Тибет завещал сыновьям: «Жить с государевыми людьми в миру, и в совете, и в послушании». В 1649 году Дайчин-тайша получил из рук правительственного посланца И. Суслова царский лист с пожалованием в «милости государевой», при этом правитель калмыков в знак признательности и дружбы снял шапку, чего прежде калмыцкие тайши не делали, дал шерть, так же поступили его поданные.

Вскоре калмыцкие послы присягали в Астрахани в том, что Дайчин-тайша «от высокой руки отступать не будет» и обещает чинить расправу над теми калмыками, которые нарушат шерть или «учнут воровать». Со своей стороны Дайчин просил

---

[119] Ногайские дела № 1, лл. 56—62, 1648.
[120] Ногайские дела № 2, лл. 1—18, 1648.
[121] Калмыцкие дела № 1, лл. 1—15, 1649.

царя, чтобы тот тоже сурово наказывал тех людей, которые «дурно какое учинят калмыкам или лошади и животину учнут отгонять».[122] Так было восстановлено временно нарушенное подданство калмыков, пришедших в Приуралье и в Поволжье.

В 1649 году произошло перемещение на запад большого числа хошутов и дербетов, отчего стесненность торгутов достигла критической стадии. Дело в том, что хошутовский владелец Кунделен Убуши совместно с дербетовским тайшою Даяном Омбо (сын Далая), заключив военный союз с казахским султаном Джахангиром, начали войну с зюнгарским правителем Батуром-хун-тайджи. Казахи, хошуты и дербеты потерпели поражение. Кунделен Убуши и Даян Омбо с остатками своих подвластных (около 20 тысяч) отступили в западном направлении к рекам Эмбе и Сырту. Обстоятельства заставили хошутовского и дербетовского правителей вступить в переговоры с недавними своими недругами — торгутовскими тайшами. Дайчин и Лаузан были в курсе событий, разразившихся в Зюнгарии и в Казахской орде. Они, по-видимому, тоже опасались войны с зюнгарским Батуром-хун-тайджи. Хошутовско-дербетовская группировка потеснила улусы торгутов по Эмбе и Иргизу. Последние, предупредив астраханского воеводу, переместились на Яик и далее, к Волге.[123]

Царское правительство неодобрительно отнеслось к новому перемещению торгутов в междуречье и, несмотря на многократные ходатайства калмыков, всякий раз запрещало им кочевать между Волгою и Яиком. Тем не менее торгуты, в силу большой стесненности, не могли быть послушными и волей-неволей нарушали запреты. Земельный кризис не только осложнил русско-калмыцкие отношения, а также снова обострил калмыцко-башкирские феодальные противоречия. [124]

Стычки между калмыцкими и башкирскими феодалами, а также вылазки Лаузана-тайши на становища астраханских татар в 1650 и в 1654 годах[125] создали излишние трудности в дальнейшем развитии русско-калмыцких отношений. Дайчин-тайша в это время прилагал много усилий, чтобы сохранить мир с государевыми людьми, в то же время он вынужден был обращаться в Москву с жалобами на башкирских феодалов;[126]

[122] Ногайские дела № 1, лл. 126—133, 1649. Акты исторические, т. 4, Спб. 1842, ст. 32, стр. 110.

[123] Ногайские дела № 1, лл. 11, 12, 141, 142, 156, 157, 1649. В деле указывается, что Лаузан-тайша прислал в Астрахань «лист, писан калмыцким письмом» (л. 103) — это первое сообщение о наличии калмыцкого письма.

[124] Калмыцкие дела № 5, лл. 1—23, 1649. Калмыцкие дела № 1, л. 20, 1650; № 2, лл. 148, 149. Калмыцкие дела № 1, 1654..

[125] Калмыцкие дела № 1, лл. 102, 126, 1650; № 2, л. 55. Калмыцкие дела № 1, 1654.

[126] Калмыцкие дела № 1, лл. 1—7, 1649. Калмыцкие дела № 3, 1649.— «Приезд в Москву калмыцких посланников Батырка-Бухина и Бастяк Надеева с жалобою на ясашных уфимских башкирцев, приходящих под их улусы разбоем, и с прошением о размене пленных.

Лаузана-тайшу он не раз удерживал от грабежей подданных русского царя, и на этой почве у них возникали серьезные ссоры.[127]

«Задоры», которые чинил Лаузан, насторожили правительство. Оно снова ограничило торговлю с калмыками и с еще большей настойчивостью стало требовать от торгутовских правителей ухода на прежние кочевья, дачи аманатов и послушания.

После знаменательного исторического события 1654 года — акта воссоединения Украины с Россией — крымский хан Мухамед Гирей (Магмет Гирей) в купе с феодалами Речи Посполитой усилил свои происки против Украины и России. Правительство России, надо полагать, встало перед лицом настоятельной необходимости использования калмыков в борьбе с крымскими феодалами. Дайчин-тайша настойчиво убеждал царских воевод, что «однолично хочет быть с государевыми людьми в вечном миру и послушании», а также служить «прямою правдою». Для предварительных переговоров с Дайчином московское правительство направило в его улусы своего представителя А. Борисова, которому калмыцкий правитель заявил, что «з детьми и з племянниками и со всеми своими улусными калмыцкими людьми у великого государя в вечном послушании быти ради» и с государевыми ратными людьми на «государевых непослушников быти готов».[128] Вскоре царское правительство подготовило текст договора и через Борисова согласовало с калмыцкими тайшами место и время подписания шерти. 4 февраля 1655 года в Бальчинском городке под Астраханью калмыцкие послы Серен-тайша, Дуралы Тархан и Чекула зайсанг «по своей калмыцкой вере шерть учинили за Дайчина и за Лаузана-тайшей, и за братею их, и за детей, и за племянников, и за всех калмыцких людей; бурхан свой, книгу-бичиг и четки, что на шеях у себя носят, положа на шапки свои, подымали на головы свои, и, прикладываясь, целовали, и поклонялись по своей вере шертной записи». После чего калмыцкий писарь Батырка по приказу Серена-тайши подписал шерть калмыцким письмом.[129]

Содержание шертной записи было примерно следующее:

1. Быть у русского государя в вечном послушании.
2. Не иметь сношений и связей с неприятелями и изменниками России и не защищать их.
3. По велению государя ходить с русскими ратными людьми против неприятелей России и «биться до смерти, не щадя голов своих».

[127] Калмыцкие дела № 1, лл. 5, 7, 13, 21—23, 1650. Калмыцкие дела № 2, л. 10, 1650. Калмыцкие дела № 1, 1654. Калмыцкие дела № 1, лл. 103, 108, 1650. Калмыцкие дела № 2, лл. 4—10, 1650.

[128] Калмыцкие дела № 1, лл. 49—56, 1655.

[129] Там же, лл. 63—66.

4. Не свершать нападений на подданных русского государя.

5. Выдать всех пленных — подданных России.

6. Ногайских, едисанских и енбулуцких татар, которые перешли из-под Астрахани к калмыкам, если кто пожелает, возвратить в Астрахань без задержания и впредь их не принимать, отправлять обратно.

7. Посланцев царского правительства «не бесчестить и отпускать без малейшего задержания».[130] Следует отметить, что в шертной записи отсутствуют указания о ясаке и выдаче калмыками аманатов.

Весной 1655 года московское правительство предприняло военные приготовления для борьбы с крымскими феодалами: оно провело в Поволжье мобилизацию стрельцов и назначило главнокомандующим русской армией князя Ф. Волконского; тут же последовал царский указ о призыве калмыков на борьбу с Крымом; воеводам наказывалось: «Ничем калмыков не ожесточать и от нашей государевой милости не отгонять». Калмыцкие полки должны были идти на соединение с донскими казаками и с гетманом войска запорожского — Богданом Хмельницким.[131] Для осуществления плана привлечения калмыков к борьбе с крымским ханом правительство России отправило послов: Зиму Волкова — к Дайчину-тайше, Ивана Горохова — к Лаузану-тайше. Относительно заложников им было указано, что на время службы Дайчин и Лаузан должны дать в Астрахань аманаты, а астраханский воевода тоже должен дать таковых калмыкам; если же калмыки аманаты не дадут, то пусть служат без них.[132]

Возможность использования калмыков в борьбе с Крымским ханством оказала положительное воздействие на решение вопроса о кочевьях в Поволжье и в Приуралье, а также на расширение русско-калмыцкой торговли. В апреле 1655 года царское правительство издало грамоту, по которой разрешало калмыкам «кочевать по Волге, по ногайской стороне, по Ахтубе, по Белужью и под городами, где они кочевать похотят».[133] В то же время все воеводы «верховых и низовых городов» реки Волги получили указания, запрещавшие русским людям, башкирам и иностранцам «чинить дурно» калмыкам под страхом смертной казни.[134]

Приготовления России против Крымского ханства приостановили открытие антирусские действия хана и его вассалов. Последние в 1656 году тайно попытались склонить на свою сторону Дайчина-тайшу, но потерпели неудачу. Так же потерпел неудачу персидский шах. Происки южных феодальных государств встревожили московское правительство,— оно потребовало от калмыцких тайшей немедленного подтверждения своих шертных обязательств и дачи в город Астрахань аманатов. В марте 1657 года Дайчин-тайша с сыном Мончаком (Пунцуком) прикочевали к Волге и прислали в Астрахань первых калмыцких аманатов, которым была устроена торжественная встреча, после чего их поместили в особом аманатном дворе, где создали хорошие условия.[135] В том же году Дайчин-тайша отправил в Москву калмыцких послов с донесением об учинении калмыцких тайш « в вечное холопство» (то есть подданство) и с просьбами, чтобы разрешили калмыкам кочевать вверх по обе стороны Волги, торговать под окраинными городами и возвратили из Астрахани «кости Урлюковы». Просьбы о кочевьях по обеим сторонам Волги и о торговле в российских городах были удовлетворены: калмыки получили право свободной кочевки и торговли под Астраханью, под Черным Яром, под Царицыном, под Саратовом и под Самарой.[136]

Решение территориальной проблемы на этом завершилось. Полувековой исторически обусловленный процесс вхождения калмыков в подданство России(и поселения их в Приуралье и в Поволжье), начавшийся с 1608—1609 годов, закончился историческими соглашениями 1655, 1657 годов. Торгутовские тайши, возглавляемые Шукур Дайчином, окончательно и полностью признали свою вассальную зависимость от русского правительства. С этого времени они стали называть себя итгельт албату,[137] то есть верноподданными. Как видно, этот исторически обусловленный процесс не имеет ничего общего с концепцией Бичурина (Иакинф), А. М. Позднеева, С. А. Козина и других авторов, которые в движении калмыков в Россию видели экспансию, осуществление идей «панмонголизма». Многочисленные факты, извлеченные из архива древних актов правительства России и других источников, не подтверждают, а полностью опровергают упомянутую концепцию. Анализ многочисленных фактов дает возможность установить основные группы причин вступления калмыков в подданство России и прихода их в степи Приуралья и Приволжья; основными из них, как нам кажется, являются следующие:

1. Неудачи в ожесточенных междоусобных распрях в период углубления феодальной раздробленности, борьбы сепаратизма с централизмом крупных феодалов и их политического соперничества.

---

[130] Там же.

[131] Калмыцкие дела № 1, лл. 81—84, 1655.

[132] Там же, лл. 101—108. Калмыцкие дела № 2, 1655.

[133] Калмыцкие дела № 1, лл. 110, 111, 1655. Ср. статью П. С. Преображенской «Из истории русско-калмыцких отношений 50—60 годов XVII столетия» (Записки. Калмыцкий НИИЯЛИ. вып. 1, 1960).

[134] Калмыцкие дела № 1, л. 111, 1655.

[135] Калмыцкие дела № 1, лл. 1—10, 1657. П. С. Преображенская, ук. ст. стр 67, 68.

[136] Калмыцкие дела № 1, № 2, лл. 39—42, 1657.

[137] «История калмыцких ханов». Ук. соч., стр. 17.

2. Военные неудачи в феодальных войнах калмыков против монгольских, казахских и других феодалов, которые заставили определенную часть дербетов и торгутов искать покровительства у России.

3. Земельная теснота, непрерывный рост населения и числа членов феодальных фамилий, дробление между ними улусов и увеличение поголовья скота — все это непременно приводило к недостатку пастбищных территорий и вызывало необходимость получения новых пространств для ведения кочевого хозяйства.

4. Относительно редкая заселенность и слабая защищенность территории ногайских татар в Приуралье и в Поволжье, возникшие вследствие распада Большой Ногайской орды, определили движение калмыков к Волге.

5. Калмыки, как народ, занимающийся только скотоводством, постоянно нуждались в обмене своей скотоводческой продукции на предметы промышленного и земледельческого производства. Отделившись от ойратов Зюнгарии, торгуты и дербеты, вступая в пределы России, получали постоянную возможность поддержания торговых сношений с торговыми центрами сначала Сибири ,затем Приволжья и Центральной России.

6. Россия со своей стороны имела экономическую заинтересованность в получении рабочего и продуктивного скота у калмыков, крайне необходимого для крестьянского хозяйства феодально-крепостнического государства.[138]

7. Царизм ощутил необходимость в заселении степей Приуралья и Поволжья калмыками не только потому, что сей народ был главным поставщиком скота для России, в частности лошадей, но и погому, что в обстановке феодальных противоречий России с Крымским ханством, Турцией и Речи Посполитой калмыки доказали свою способность к службе Русскому государству. Калмыцкие феодалы, надо полагать, за военную службу получили от царя Алексея Михайловича Романова право пользования землями Приуралья и Приволжья.

Таковы, на наш взгляд, действительные причины поселения калмыков в Приуралье и в Поволжье, где кочевая феодальная аристократия образовала Калмыцкое ханство, вассально зависимое от России.

---

[138] См. книгу Т. И. Беликова — «Участие калмыков в войнах России», Элиста, 1960, стр. 21, 22.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

Записки Вып. 2 1962 г.

Т. И. БЕЛИКОВ

УЧАСТИЕ КАЛМЫКОВ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА

Ни одно из народных движений, после крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина, не привлекало такого пристального внимания исследователей, поэтов и писателей, как крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева. Огромный интерес к этому историческому событию не случаен. Оно было ярчайшим проявлением героической борьбы народных масс, в первую очередь трудового крестьянства, против усилившегося феодально-крепостнического гнета. Несмотря на большой интерес к крестьянской войне 1773—1775 годов, есть еще ряд вопросов, которые незаслуженно забыты и не нашли своего отражения в исторической литературе. Одному из них и посвящается настоящая статья.

* * *

Вторая половина XVIII века характеризуется дальнейшим наступлением русского царизма на экономические и политические права калмыцкого народа, а также ростом беспощадной эксплуатации его со стороны местной феодальной знати.

Если на протяжении второй половины XVII века и отчасти первой четверти XVIII века самодержавие в какой-то мере сдерживало свои захватнические устремления по отношению к калмыкам, то начиная с конца первой четверти XVIII века оно открыто стремится полностью подчинить их своей власти, своим колонизаторским интересам.

Переломным моментом в активном наступлении царизма на калмыков явился 1719 год. В этом году была образована Астраханская губерния как самостоятельная административная единица, в подчинение которой вошли и калмыки. На пост губернатора был назначен А. П. Волынский, любимец Петра I. В глазах Волынского калмыки были «дикой бестией», с мнением которых незачем считаться. Суровые репрессии, по его

убеждению,— единственная мера обращения с народом, который некогда добровольно вошел в состав России.

Давняя мечта царизма посадить на ханство представителя калмыцкой феодальной знати, угодного русскому двору, с особой силой проявилась после смерти хана Аюки (19 февраля 1724 года). По калмыцким законам первым наследником ханского престола, после отца, мог быть старший сын от первой жены.

При свидании с Петром I в Саратове в июне 1722 года Аюка просил царя дать согласие наследовать калмыцкое ханство по смерти его, Аюки, Церен Дондуку, сыну от последней жены джунгарки Дармы Балы.

У русского двора на этот счет были свои планы. По мнению Волынского, которое вполне разделял и Петр I, наместником калмыцкого ханства должно было быть лицо, отвечающее интересам русского правительства. Такой кандидатурой был владелец Дорджи Назаров. После длительных переговоров с Волынским Дорджи Назаров, не получив поддержки со стороны калмыцкой феодальной знати, отказался принять ханский престол.

20 сентября 1724 года Волынскому, вопреки его желаниям, пришлось объявить Церен Дондука наместником калмыцкого ханства, предварительно взяв с него обязательство «... не иметь самостоятельных сношений с иностранными народами...»[1] Однако приход к власти Церен Дондука не прекратил и даже не уменьшил борьбы феодальных группировок калмыцкой знати за ханский престол. Вскоре против Церен Дондука выступил внук Аюки Дондок Омбо, который также претендовал на ханство. Он объединил вокруг себя ту часть феодальной знати, которая была недовольна Церен Дондуком и политикой русского царизма. В знак протеста Дондок Омбо покинул пределы России и ушел с подвластными ему калмыками к кубанским татарам.

В 1735 году в результате двусторонних переговоров Дондок Омбо вернулся в Россию и был провозглашен калмыцким ханом.

В калмыцких улусах водворилось относительное спокойствие и мир. Однако события 1724—1735 годов показали калмыцкой знати, что царизм не намерен больше мириться с самостоятельностью калмыцких правителей.

30—50-е годы, и особенно вторая половина XVIII века,— время дальнейшего экономического ухудшения и роста политического бесправия калмыцкого крестьянства. Междоусобные войны и борьба калмыцкой феодальной знати за ханский престол тяжелым бременем ложились на плечи калмыка-труженика. Количество «убогих» калмыцких семейств, не имевших совершенно скота, из года в год росло и к концу 1741 года, по русским источникам, достигло более 10 тысяч, а по подсчетам самих калмыков к концу 1744 года количество хозяйств, не имевших скота, этого единственного источника существования скотовода-кочевника, доходило до 30 тысяч, то есть более трети калмыцкого населения было совершенно разорено и добывало себе кусок хлеба работой по найму. Это мало беспокоило русское правительство и астраханских чиновников, в подчинении которых находились калмыки. Великодержавная национальная политика царского правительства попирала интересы и права малых наций, ставила их в крайне тяжелое положение. Проявление такой политики особенно остро почувствовали на себе калмыки во второй половине XVIII века.

В 1765 году правительство издает закон, по которому разрешалась продажа казенных земель помещикам при условии заселения их крестьянами. Кроме того, начальнику кавказского наместничества Потемкину было предоставлено право бесплатно раздавать помещикам землю по Моздокской линии для вывода и поселения крестьян из центральных губерний России. На основании этого закона со второй половины 60-х годов начинается усиленная колонизация левого берега Волги от Самары до Царицына, где помещики захватывали огромные участки лучшей плодородной земли, тесня калмыков с их стадами скота на песок и солончаки. Уже в первый год после выхода указа в свет, колонизация приняла настолько широкие размеры, что калмыки вынуждены были искать у местного начальства защиты. 20 сентября 1765 года наместник калмыцкого ханства Убуши приезжал к астраханскому губернатору Н. А. Бекетову с протестом против произвола помещиков. В беседе с Бекетовым Убуши заявил, что «выше г. Саратова в луговой стороне по Иргизу и другим рекам населились новые поселения русских, от которых чинятся калмыкам крайние обиды... если русские населения не будут уничтожены, а, наоборот, станут разрастаться, то калмыков ожидает печальная судьба... калмыцкое скотоводство неизбежно должно будет погибнуть из-за недостатка кормов».[3] Бекетов обещал принять меры, но дальше обещания дело не пошло. По далеко не полным данным, уже в первое пятилетие после выхода в свет закона только 22 помещикам было продано и отмежевано 815 501 десятина земли.

В ноябре 1766 года Убуши уже в письменной форме выражает протест Бекетову и одновременно обращается с жалобой в коллегию иностранных дел. Бекетов снова дает обещание упорядочить земельные дела путем государственного межева-

[1] Н. Пальмов. Этюды по истории приволжских калмыков, ч. I, Астрахань, 1926, стр. 67.

[3] Н. Н. Пальмов. Этюды по истории приволжских калмыков, ч. 5, Астрахань, 1932, стр. 3.

ния, но реальных мер опять не было принято. Калмыки лишались удобных пастбищных угодьев, а это вело к массовому разорению хозяйств калмыков-тружеников.

Тяжелый гнет, нищета и постоянная угроза голодной смерти дополнялись полным политическим бесправием калмыцкого крестьянства. «Жизнь калмыка-простолюдина,— замечает Костенков,— зависела от воли и каприза лиц, присвоивших себе власть над народом, ханы и нойоны, нередко без всякого суда и расправы, лишали жизни простолюдинов...»[4]

Произвол феодальной знати доходил до чудовищных размеров. Внук хана Аюки Натыр Дорджи не пропускал ни одного дня, не совершив хотя бы одного убийства. Если не попадался ему человек, то он убивал первое попавшее ему под руку животное. Феодальная знать продавала и дарила, как вещи, подвластных им калмыков; отдавались за долги целые семьи.

В 40—50-е годы XVIII века политическое бесправие еще более усилилось. 16 ноября 1737 года правительством был издан манифест по вопросу переписи крестьян и разночинцев, не положенных в подушный оклад. Пунктом шестым этого манифеста разрешалось лицам всех сословий и званий покупать калмыков, крестить их и держать у себя без всякой платы за них подушной подати, периодически только сообщая в губернские или воеводские канцелярии о числе купленных калмыков.[5]

Указом от 12 мая 1744 года, вследствие возникавших недоразумений о праве выхода калмыков, купленных согласно пункта шестого манифеста 16 ноября 1737 года, было разъяснено, что «калмыков, которые приходят и просятся на волю без всякого письменного вида от помещиков, таких за такое своевольство наказывать ботагами отдавать тем помещикам и прочим, потому что по указу 1737 года повелено быть калмыкам, у кого объявлены неотъемлемыми, почему они стали быть равно яко их крепостными».[6] Эти два указа фактически узаконили произвол и злоупотребления. Теперь торговля калмыками производилась открыто на рынках городов и селений, расположенных вблизи калмыцких степей; люди продавались иногда за самую ничтожную цену. Нойоны и зайсанги воровали и отбивали друг у друга целые семьи для продажи. При этом процедура закрепощения была крайне примитивна. Духовенство представляло промеморию (выписку.— Т. Б.), что такие-то калмыки окрещены, а губернская или воеводская канцелярия выдавала отпись, что указанные калмыки поступают в холопы к таким-то господам или обывателям. В делах фонда калмыцкого управления сохранилось очень много отписей астраханскому губернатору Н. А. Бекетову на калмыков, подаренных ему или купленных им для заселения земель, отнятых у этих же калмыков. Правительство пыталось воспрепятствовать этому произволу, но предпринимаемые меры настолько были робкими, что не имели практического значения.

[4] К. Костенков, Историческое и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. Спб, 1870, стр. 40.
[5] См. П. С. З., т. X, 1737, ст. 7338.
[6] П. С. З., т. XII, 1744, ст. 8941.

Первым ответом на усиление экономического и политического гнета и бесцеремонное вмешательство во внутренние дела калмыков был уход значительной части их в Джунгарию в 1771 году. Печальной была судьба ушедших калмыков. Основная масса их погибла в пути, и только немногим удалось дойти до места.

Не лучшим было положение и тех калмыков, которые остались в Астраханской губернии. Указом от 19 октября 1771 года звание калмыцких ханов и наместников было уничтожено. Управление народом было передано в руки владельцев улусов с подчинением последних непосредственно астраханскому губернатору. Проведенные преобразования еще больше ухудшили положение калмыцкого крестьянства.

* * *

Зачинателями народного движения 1773—1775 годов выступили яицкие казаки. Если посмотреть на карту России второй половины XVIII века, то нетрудно заметить, что земли яицкого казачества с запада, и отчасти с северо-запада, территориально вплотную примыкают к калмыцким степям. Причем указанное соседство носило не только чисто географический характер: калмыки и казаки, проживая по соседству, находились в постоянных экономических, политических и культурных связях. А поэтому очень трудно представить, чтобы такое событие, как крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, не нашло живейшего отклика в калмыцких улусах, тем более, что и экономические и политические условия к этому времени были налицо. Начиная восстание, Пугачев, безусловно, в своих планах отводил не последнее место калмыкам. Уже в первом указе, составленном Почиталиным 15 сентября 1773 года во время отдыха при переходе из табора на р. Усихе на хутора братьев Толкачевых, Пугачев обращается к калмыкам[7] с призывом послужить ему, как «прежним царям служили».

Утром 16 сентября на хуторе Тимофея Толкачева указ впервые был зачитан собранным Зарубиным и Т. Толкачевым казакам, которых насчитывалось около 60 человек, затем Пугачев привел казаков к присяге и, отпуская по домам, сказал: «Теперь, детушки, поезжайте по домам и разошлите от себя по форпостам и объявите, што вы давеча слышали, как читали... а завтра рано, севши на кони, приезжайте все сюда ко мне».—

[7] Пугачевщина, т. I (из следственных материалов и официальной переписки), М.—Л., 1926, стр. 25.

«Слышали, батюшка, и все исполним и пошлем как к казакам, так и к калмыкам»,— отвечали казаки.[8]

17 сентября 1773 года Пугачев во главе отряда в составе 70 человек казаков и калмыков с «распущенным» знаменем выступил из Толкачевых хуторов к Яицкому городку.[9]

Во второй половине дня 18 сентября Пугачев, не доходя 5 верст до Яицкого городка, остановился. К этому времени в его отряде уже насчитывалось без малого 200 человек, в том числе 140 казаков, 30 калмыков и 20 татар.[10]

Покидая улусы, бросая форпосты на Оренбургской и Яицкой укрепленных линиях, калмыки в одиночку и группами спешили в стан «ампepaтора Петра Федоровича III» — Е. И. Пугачева, чье имя стало чрезвычайно популярно среди угнетенных масс.

29 сентября казачий сотник С. Милев с Вяземского форпоста сообщал капитану Уланову, что «сей ночи находящиеся на здешнем Вязовском форпосте есаул Кузьма Кукень (крещеный калмык.— Т. Б.) с командою, с прибывшими с нижней заставы калмыками, оседлав своих лошадей и собрався, совсем уезжают в Оренбург, якобы то чинят они с повеления главного своего командира. И, хотя я им в том несколько препятствовал, чтобы без дозволения здешних командиров не отлучаться, того они не слушают и намерения своего не оставляют».[11]

Самовольный уход калмыков чрезвычайно беспокоил коменданта Озерной дистанции бригадира Корфа. В своем рапорте на имя Оренбургского губернатора Рейнсдорпа он сообщал, что «... от неприятного слуху и шпионства... начались замешательства и самовольные отлучки калмыков»,[12] а поэтому «не соизволено ли будет со всех форпостов нерегулярных, равно артиллерию снять»[13] и перевести в крепости под видом защиты от набегов киргиз-кайсаков. Бежавшие с форпостов и откочевавшие из улусов калмыки вливались в состав повстанческой армии Пугачева и принимали самое активное участие в боевых операциях как в составе сводных отрядов, так и самостоятельными боевыми единицами.

Получив известия о взятии Пугачевым Илецкого городка, Рейнсдорп отправил навстречу восставшим отряд правительственных войск с задачей разбить и уничтожить «злодейскую толпу». Одновременно с этим Рейнсдорп дал указание полковнику Симонову отправить из Яицкого городка легкую полевую команду казаков; из Ставрополя было откомандировано

---

[8] «Красный архив», т. 69—70, 1935, стр. 189; М. Жижка, Емельян Пугачев, М. 1950, стр. 61.
[9] М. Жижка, Указ. Соч., стр. 61.
[10] Там же, стр. 63.
[11] Пугачевщина, т. II., М.—Л., 1929, стр. 419.
[12] Там же.
[13] Там же.

500 калмыков, а «из близ лежащих жилищ» — 500 башкир и 300 сеитовских татар.

«Делая все эти распоряжения,— пишет Н. Дубровин,— Рейнсдорп не подозревал, что в сущности он хлопочет для Пугачева и что большая часть калмыков, башкирцев и татар, отправляемых на театр действия, перейдут на сторону самозванца и увеличат его силы».[14] Так оно и вышло. 17 октября 1773 года поручик Щипачев уведомлял коменданта Яицкого городка полковника Симонова, что во время стоянки на полпути между Красносамарской и Борской крепостями из состава порученной ему «Ставропольской калмыцкой пятисотенной команды.. часу одиннадцатом ночи... вдруг без всякой причины больше половины команды отложилось».[15] Бежало вместе с караульными 316 рядовых калмыков.

Явно опоздал Рейнсдорп и с объединением других сил, подчиненных ему, в один боевой кулак. Рейнсдорп только собирался осуществить свой план, а пугачевские воззвания уже сделали свое дело. Комендант Озерной дистанции бригадир Корф сообщал 14 октября 1773 года, что, вопреки приказу, казаки, калмыки и башкиры не являются в Озерную крепость с подведомственных ей крепостей, редутов, форпостов и застав, «оные по рассеяным от помянутого злодея (Пугачева.—Т. Б.) приглашениям изменили».[16]

Потерпела крах и попытка казанского губернатора Бранта использовать Ставропольское калмыцкое казачье войско в борьбе против Пугачева.

Назначенный на должность коменданта Ставропольской крепости Фегезак доносил 15 декабря 1773 года в военную коллегию: «... по ордеру... казанского губернатора фон Бранта, октября 20 дня весь здешний гарнизон выступил против известного злодея Пугачева под Оренбург, куда из состоящих в Ставропольском ведомстве калмыков девятьсот со старшинами командировано ж было. Но как их полковник, так и протчая старшины и рядовые из того похода все бежали, а потом и оставшихся здесь по улусам подговоря к бунтовству и грабежу. Которые и ездя по дорогам, селам и деревням Ставропольского и других ведомств, партиями человек по двести и по триста всех без остатку дворян разбойнически разбивали и на всех страх таков навели, что ныне Ставропольского уезду как черкаса, так татары, чуваша, мордва и господские крестьяне к таковому ж разорению и мятежу согласились».[17]

К моменту перехода Пугачева из старого лагеря в казачью деревню Берду, во второй половине октября 1773 года, силы его значительно увеличились, популярность его росла и быстро

---

[14] Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Спб, 1884, т. II, стр. 24.
[15] Пугачевщина. т. II, М.—Л., 1929, стр. 419.
[16] Там же, стр. 423.
[17] Пугачевщина, т. III, М.—Л., 1931, стр. 13—14.

распространялась далеко за пределы Оренбургской области. Вместе с воззваниями Пугачев рассылал в разные стороны и своих представителей, так в частности к ставропольским калмыкам, как сообщал в своих показаниях Зарубин-Чика, был послан яицкий казак пугачевский полковник Дмитрий Лысов. «Со всех сторон,— показывал казак Падуров,— стекался народ к самозванцу большими кучками...»[18] Шли к Пугачеву русские, башкиры, татары, мордва и другие народы Поволжья, привел в Берду на призыв Пугачева 300 хорошо вооруженных калмыков и атаман Ставропольского калмыцкого казачьего войска Федор Дербетев.[19]

Принимая самое непосредственное участие в штурмах Оренбургской крепости, калмыки также участвовали в разъездных отрядах, рассылаемых Пугачевым в разных направлениях для сбора продовольствия в помещичьих имениях, борьбы с правительственными отрядами, брошенными царизмом на помощь осажденному повстанцами Оренбургу и для усмирения восставших крестьян и работных людей.

Жестоко угнетаемые русскими чиновниками и местными феодалами, национальные меньшинства Поволжья мстили за свою поруганную беспросветную жизнь под ярмом царизма. Восставшие разоряли помещичьи имения, убивали ненавистных эксплуататоров. «17 октября 1773 года,— сообщал поп Степанов,— приехав в село Ляховку из злодейской толпы, казаков, калмыков и из состоящих по близости к оному селу новокрещенных деревень чуваш (как зовут, не знаю), всего человек с тридцать, и, взъехав на помещичий двор, пожитки все разграбили и скотину всю угнали».[20] Такое же заслуженное возмездие понесли помещичьи имения сел Николаевского, Черемша и многих других от калмыцких или сводных отрядов».[21]

Конец 1773 года — время дальнейшего роста активизации повстанцев против правительственных войск. В декабре Пугачев почти одновременно посылает два отряда в Ставрополь-Самарский край: один — во главе с крепостным крестьянином Ильей Араповым, другой — под командой калмыка Федора Дербетева. В Ставропольском уезде, где преимущественно оперировал отряд Ф. Дербетева, действовало еще более десяти отрядов.

Прибыв в калмыцкие улусы в последних числах декабря, Дербетев застал своих соотечественников в состоянии волнения. Часть из них еще в октябре — ноябре ушла к Пугачеву под Оренбург, оставшиеся, объединившись в отряды, действовали в пределах обширного Ставропольского уезда. Из рапорта ставропольской канцелярии в военную коллегию от 2 декабря

[18] М. Жижка, Указ. Соч., стр. 73.
[19] Там же.
[20] Пугачевщина, т. III, М.—Л., 1931, стр. 5.
[21] Пугачевщина, т. I, стр. 234.

1773 года мы узнаем, что к этому времени «бунтующих калмыков было более 5 тысяч человек».[22]

Будучи хорошо вооружены и достаточно обучены, калмыки представляли серьезную угрозу для правительственных войск. В битве за Самару в канун нового, 1774 года с повстанческим отрядом Арапова майор Муфель, несмотря на значительные силы и артиллерию, находящиеся в его распоряжении, опасался удара калмыков с тыла. В рапорте от 31 декабря 1773 года на имя Бибикова он писал: «Сего же месяца 28 числа прибыл в село Рождественское расстоянием, стоящие от Самары в 5 верстах, где я получил известия, что Ставропольская калмыцкая партия под командой одного ротмистра и хорунжего в 200 человек (которая была выслана находившейся в Самаре от той самозванной злодейской толпы атаманом Араповым, дабы те калмыки, когда я стану приближаться к городу Самаре, ударила б меня в тыл)... так, по тому известию, стремился войти в Самару поспешнее, чтобы удачей калмыки не воспользовались...»[23]

Однако не всегда так благополучно кончались встречи правительственных команд с калмыцкими отрядами. В период второго наступления правительственных войск, в ночь с 19 на 20 января 1774 года Ф. Дербетев со своим отрядом ворвался в город Ставрополь, разгромил находившийся там гарнизон в 249 солдат, захватил 6 пушек, порох и казну, разгромил питейные дома, взял в плен коменданта крепости бригадира Фегезака, отставного губернского секретаря Саблукова, батальонного командира Алашаева, секретаря Микляева и надворного советника Милковича; все они за исключением бежавшего Саблукова были потом казнены.[24]

После сдачи Самары правительственным войскам под командою Муфеля Арапов отступил к Алексеевскому городку, где соединился с калмыцкой командой и начал готовиться к новому сражению с объединенным отрядом правительственных войск под командой подполковника Гринева. В ночь с 6 на 7 января 1774 года Гринев вместе с отрядом Муфеля покинул Самару и направился к Алексеевскому городку, о чем Арапов своевременно был извещен, и потому приготовился достойно встретить правительственные войска. На рассвете 7 января в 9 верстах от Алексеевска Арапов атаковал их. Десять часов длилась упорная кровопролитная битва. Повстанцы дрались мужественно, но они не могли устоять перед хорошо вооруженным противником и с наступлением вечерних сумерков отступили в направлении Бузулукской крепости.

[22] М. Жижка, Указ. Соч., т. стр. 109.
[23] Пугачевщина, т. III, М.—Л., 1931, стр. 16.
[24] М. Жижка. Указ. Соч., стр. 109; Н. Дубровин, Указ. Соч., т. II, стр. 264.

После разгрома гарнизона города Ставрополя Дербетеву стало известно, что из Симбирска на Самару движется транспорт с провиантом для правительственных войск. Дербетев принимает решение захватить указанный транспорт. Однако об этом стало известно генерал-майору Мансурову, который приказал подполковнику Гриневу преследовать и разбить отряд Дербетева. Не желая подвергать свой отряд ненужному риску, Дербетев после неудавшейся первой атаки отряда Гринева покинул Красный Яр и ушел в район Черемшанской крепости, а калмыки, не входившие в отряд Дербетева, как сообщал Бибиков в рапорте от 17 января Екатерине II, «оставя свои улусы и кибитки все к стороне злодея (Пугачев. — Т. Б.), удалились, а с ними и калмыцкая княжна Дербетева».[25]

Действуя разобщенно, отдельные отряды повстанческой армии на протяжении января и февраля терпели одно поражение за другим. Такая же участь постигла и отряд Дербетева. После ряда неудачных сражений с правительственными войсками он ушел к Пугачеву под Оренбург. Здесь отряд был пополнен за счет ранее откочевавших сюда калмыков и 22 марта в составе девятитысячной армии принимал участие в генеральном сражении под крепостью Татищевой с правительственными войсками под командою генерал-майора Галицына. Битва эта была проиграна Пугачевым.

После поражения повстанческих сил под Татищевой крепостью часть из них ушла в Берду вместе с Пугачевым, часть была рассеяна и глухими тропами пробиралась к местам своего жительства. Дербетеву, через яицкого войскового атамана Никиту Каргина, Пугачевым было приказано отправиться к Илецкой крепости и охранять ее совместно с посланными туда же яицкими казаками.[26]

Задерживаться дальше в Берде после этого поражения было опасно, дать второе сражение Галицыну, по причине потери своих лучших сил, Пугачев не решался. На состоявшемся совете по предложению Кинзя Арсланова было решено пробиваться в Башкирию. Обращаясь к Пугачеву, Арсланов говорил: «Если вы туда пойдете, так я вам там через десять дней хоть десять тысяч своих башкирцев поставлю».[27] Пугачеву понравилось это предложение. Было решено двигаться в Каргалу, Сакмарский городок, а затем при благоприятных обстоятельствах пробиваться в Башкирию.

1 апреля 1774 года при выходе из Сакмарского городка Пугачев вновь был атакован отрядом Галицына и снова потерпел поражение. Падуров и Максим Горшков, захваченные здесь в плен, в своих показаниях от 2 апреля утверждают, что кочующие калмыки также участвовали в сражении под Сакмарой во главе с полковником Кашиитовым, «который всегда находился при злодее Пугачеве и оной (Кашиитов) с ним бежал с небольшим числом в Башкирию».[28]

[25] М. Жижка. Указ. Соч., стр. 127.
[26] См. Пугачевщина, т. I, М.—Л., 1926, стр. 169.
[27] М. Жижка, Указ. Соч., стр. 135.

Крайне неудачно также сложилась и судьба отряда Ф. Дербетева. После отступления от Илецкой крепости, под напором превосходящих сил правительственных войск, Дербетев пытался пробиться в Башкирию, чтобы там соединиться с Пугачевым, но, «преследуемый отрядом Муфеля, он отступил в Яицкие степи и 23 мая потерпел поражение при речке Грязнухе. Сам Дербетев был взят в плен и вскоре умер от ран, полученных в последнем сражении».[29]

В силу отсутствия учета личного состава повстанческой армии нет хотя бы приблизительных данных о количестве калмыков, участвовавших в армии Пугачева в период его нахождения под Оренбургом, до ухода в Башкирию. Но если неизвестно число рядовых калмыков, то вполне установлено, что в руководящем составе армии (полковники, сотники, члены военной коллегии и т. д.) было 12 калмыков.[30] Калмыцкий народ с полным правом может гордиться такими именами героев народной войны 1773—1775 годов, как Федор Дербетев, Кашинтов, Церемджаев и многие другие.

Усмирив огнем и мечом калмыцкие улусы, царизм жестоко мстил калмыкам за их приверженность Пугачеву. По указу Казанской секретной комиссии от 19 февраля 1774 года и ордера А. И. Бибикова от 25 марта 1774 года секунд-майором князем Чагодаевым, а затем его приемником ставропольским комендантом полковником Отто де Марини было насильственно отобрано у калмыков под видом бесхозного 11 255 голов скота, в том числе 465 лошадей, 4 256 голов крупного рогатого скота и 6 563 головы овец. Половина из указанного количества была роздана Чагодаевым, а вторая половина — полковником де Марини «разным помещикам... за разграбленный скот».[31] На народных костях, потоках крови и нечеловеческих страданиях Екатерина II стремилась укрепить свою социальную опору и упрочить пошатнувшийся трон.

После ухода Пугачева в Башкирию начался второй период крестьянской войны, когда преобладающую роль в ней играли угнетенные национальности Заволжья, Прикамья и работные люди Урала. Принимали участие в войне в этот период и ставропольские калмыки, большая часть которых после неудачного сражения с отрядами полковника Шепелева и капитана Квашнина-Самарского прорвалась «через московскую дорогу в Башкирию за реку Диому (Дему)...»[32] Но участие их на этом этапе

[28] М. Жижка, Указ. Соч., стр. 136.
[29] Там же, стр. 134.
[30] Там же, стр. 91.
[31] Пугачевщина, т. II., М.—Л., 1929, стр. 421.
[32] Там же, стр. 280.

движения было ограниченным, так как Ставропольский уезд полностью контролировали правительственные войска и за калмыцкими улусами был установлен строжайший контроль. Вместе с тем, находясь в Башкирии, Пугачев не забывал о калмыках, его никогда не покидала мысль привлечь как можно больше их на свою сторону. Обращаясь в мае 1774 года через специальное посольство к хану Казахской орды Аблаю за помощью, Пугачев «оным же людям приказывал... чтобы они Аблая от него попросили, чтобы он, ежели близко, где кочуют бежавшие из России калмыки, то бы он дал им весть, чтобы они как можно скорее сюда к нему... приезжали».[33] Причем желание возвратить и влить в свою армию калмыков, бежавших в 1771 году из России в Джунгарию, возникло у Пугачева уже на первом этапе движения. Еще во время пребывания в Берде он посылал «письма, называя себя государем, к калмыкам, кои откочевали в Китай, но посыльные от него пропали».[34] Но если не суждено было встретиться Пугачеву с теми калмыками, которые в 1771 году покинули «степь доброй надежды» и ушли в страну своих предков — Джунгарию, то уже давно ждали его их братья, кочевавшие между Доном, Волгою и Каспием. Еще задолго до прихода Пугачева в низовья Волги калмыцкие улусы были охвачены брожением. Поручик Державин, посланный Екатериной II для того, чтобы помешать Пугачеву пробраться на Иргиз, писал впоследствии астраханскому губернатору: «На верность калмыков, обитавших от Дона к Каспийскому морю, нельзя было вполне положиться».[35]

После двукратного поражения под Казанью Пугачев с отрядом в 400—500 человек 17 июля 1774 года недалеко от Кокшайска переправился на правый берег Волги. Снова перед Пугачевым и его сообщниками встал вопрос, куда идти. «Старшины яицкие и все прочие» звали его идти на Москву и занять «принадлежащий ему» престол. «Нет, детушки,— отвечал Пугачев,— нельзя! Потерпите! Не пришло еще мое время! А когда будет, так я и сам без вашего зову пойду. А теперь намерен идти на Дон,— меня там некоторые знают и примут с радостью».[36]

Дон в планах Пугачева на будущее, после казанских событий, занимал доминирующее положение, и потому он стремительно двинулся туда. Двадцать один день потребовался ему, чтобы пройти около 800 верст, отделявших Казань от Саратова. В Саратове Пугачев пробыл три дня, 9 августа он оставил его. Всего два дня после ухода Пугачева продержалась в городе народная власть, так как 11 августа прибыли отряды Муфеля и Мелина, 14-го — Михельсона и 15-го — Мансурова.

[33] «Красный архив», т. 69—70, 1935, стр. 211.
[34] М. Жижка. Указ. Соч., стр. 141.
[35] «Русский архив», т. VI, М., 1915, стр. 273.
[36] М. Жижка. Указ. Соч., стр. 158.

Покинув Саратов, Пугачев двинулся к Камышину (Дмитриевску). Столь стремительное продвижение Пугачева чрезвычайно встревожило Астраханское и донское начальство. В спешном порядке был создан отряд из полка донских казаков, трех тысяч калмыков, одной легкой полевой команды. По распоряжению астраханского губернатора П. Кречетникова эти силы были брошены на встречу Пугачеву. Начальник секретных комиссий П. С. Потемкин доносил Екатерине II.: «К несказанному порадованию имею я известия, что калмыки, пребывая в твердой верности к службе в. и. в., готовятся встретить сего злодея вооруженною рукою, и князь Дундуков отменно ревнует иметь честь представить самого злодея Вашему Величеству».[37] Ревностный служака явно поспешил с известием. В действительности события развивались так: первая встреча с калмыками, донскими казаками и легкой полевой командой, как показывал на допросе в тайной экспедиции в Москве сам Пугачев, произошла недалеко от Дубовки, центра волжского казачьего войска. «Донские казаки съехались ево толпы с казаками, и донские просили его казаков, что де командиры их велели просить у государя манифест».[38] Пугачев тут же дал распоряжение Творогову написать манифест и отправить его «з двумя калмыками, которые в его толпе служили».[39]

Манифест был вручен, но возвратившиеся парламентеры не привезли никакого ответа. «На другой день, осмотря означенные верные войска (правительственные.— Т. Б.), показалось ему (Пугачеву.— Т. Б.), што команда велика, то штоб с оной не дратца, боясь, что его толпу разобьют, пошел в обход другой дорогой».[40] Но правительственные войска перехватили пугачевский отряд и навязали ему бой. Во время сражения снарядом, выпущенным артиллеристами Пугачева, был подожжен пороховой ящик, раздался сильный взрыв, «отчего калмыки, а потом казаки и солдаты подались назад...»[41] Воспользовавшись замешательством, Пугачев обрушился на противника всей массой своих войск и обратил отряд Дундукова в бегство. Захватив перешедших на сторону повстанцев калмыков и почти всю артиллерию, Пугачев направился к Дубовке, где был встречен с почетом. Сюда же вскоре явилось добровольно «человек з 200» донских казаков.

Во время нахождения Пугачева в Дубовке им была принята делегация от калмыцкого владельца Цедена, которая заявила, что указанный владелец «желает быть со своими калмыка-

[37] Материалы для истории пугачевского бунта Я. К. Горта. См. Приложение к XXV тому записок императорской академии наук, № 4, Спб, 1875, стр. 23.
[38] Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье (документы), Волгоград, 1937, стр. 27.
[39] Там же.
[40] Там же, стр. 27.
[41] Там же.

ми под ево, Пугачева, ведением в службе».[42] Сообщение это Пугачев принял с большой радостью. В этот же день по распоряжению Пугачева, как сообщает в своих показаниях И. С. Трофимов, к Цедену была направлена делегация в составе казака Петра Алексеева и переводчика башкира Идорки. Визит пугачевского посольства к Цедену увенчался полным успехом. Во время движения к Царицыну, в трех верстах от Дубовки, Пугачева встретил Цеден со своими калмыками (с Цеденом пришло 3 000 человек). Вот как описывает эту встречу в своих показаниях И. С. Трофимов: «А как из под Дубовки поднявшись, он, Пугачев, пошел, и, отойдя версты три, калмытский владелец Цеден подошел, пал перед ним, Пугачевым, на колени и знамена свои преклонил... А по прибытии на станец на берег Волги, жаловал он, Пугачев, владельца Цедена с калмытской ордой... серебряной и медной денежной казной, суknами, тафтами, шитым платьем и разными знатными товарами достаточное число...»[43]

Весть о приходе Пугачева с молниеносной быстротой облетела калмыцкие улусы. «Калмыки Икицохуровского улуса завидовали Дербетовским, принятым так ласково Пугачевым и вместе с жителями улусов, принадлежащих владельцам Асархи и Маши, хотели присоединиться к бунтовщикам».[44] Из показаний Шигаева М. Г. секретной комиссии 8 мая 1774 года мы узнаем, что Цеден со своими калмыками в составе повстанческой армии Пугачева был под Царицыном: «...да и после владелец ехал с ним, злодеем, более суток,— видно, с каким не есть секретным приказом отпущен и поехал в степь».[45]

Открытая поддержка Пугачева калмыками и нежелание донских казаков воевать с ним серьезно беспокоила верных слуг русского царского престола. Мехельсон, после разгрома Пугачева у Сальниковой ватаги, писал П. И .Панину: «Я же в рассуждение того, что по здешним пустынным местам и тех войск, кои здесь находятся и остаются, достаточно быть может, возвращаюсь к Царицыну, для примечания тамошней околичности. И не допущу колебаться Дону и Дербетовским калмыкам».[46] Опасения Мехельсона оказались не напрасны, атмосфера в калмыцких улусах была крайне накалена. «Дух измены проник в самую глубь калмыцких степей»,[47] — писал астраханский губернатор П. Кречетников. Пугачев, безусловно, знал об этом, и в его планах дальнейшего пути следования, после перехода на левый берег Волги, один вариант предусматривал уход в калмыцкие улусы. Уже находясь на левом берегу

[42] Пугачевщина, т. II, М.—Л., 1929, стр. 222.
[43] Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье... стр. 70.
[44] «Русский архив» № 6, М., 1915, стр. 283.
[45] Пугачевщина, т. II., М.—Л., 1929, стр. 206.
[46] Материалы для истории пугачевского бунта Я. К. Грота... стр. 30.
[47] «Русский архив» № 6, М.—Л., 1915, стр. 283.

Волги, Пугачев созвал всех яицких казаков на совет, где спросил их, куда теперь идти. Когда казаки ответили вопросом на вопрос, то Пугачев предложил идти или к Каспийскому морю, или к запорожским казакам. Казакам, особенно той части, которая уже решила предать Пугачева, не понравилось это предложение, и они его отвергли. «Пойдем тогда в Сибирь,— заявил Пугачев,— а не то так в Калмыцкую орду к Бамбуру — он за меня заступится».[48] Калмыки не случайно пользовались таким уважением и доверием у Пугачева. Ставропольское калмыцкое казачье войско, так же как и волжские калмыки, отличались хорошей боевой подготовкой и верностью делу Пугачева. Бажандык Шагаев, побывавший в стане Пугачева в Берде, на допросе 29 ноября 1773 года заявил: «...у Пугачева способных к воинскому делу только почти одни яицкие и оренбургские казаки, башкирцы и калмыки, но из числа башкирцев многие не исправны».[49] В самые критические моменты калмыки оставались преданными до конца Пугачеву. Первая неудача под Татищевой и снятие осады Оренбурга не обескуражили калмыков, они остались верными Пугачеву. Уходя из-под Оренбурга, Пугачев оставил, как он показывал потом сам, до 50 000 мужиков, но калмыков, вместе с казаками и башкирами, взял с собой как «наиболее боеспособных».

Не оставили калмыки Пугачева и после казанской катастрофы. Взятый у Камышина (Дмитриевска) в плен яицкий казак Иван Тулин показал: «Войска злодейского, к военным действиям исправного, состоят с лишним шесть тысяч, в том числе яицкие, взятые из Саратова и Дмитриевска, тамошние и царицынские, бывшие в Дмитриевску, казаки, ставропольские калмыки и деревенские мужики, орудий двадцать семь».[50]

Верными Пугачеву остались калмыки и тогда, когда он переправился на левый берег Волги, преследуемый правительственными войсками после поражения у Сальниковой ватаги. Заговорщики, как указывает М. Жижка, боялись большой группы преданных Пугачеву — «...крепостных и заводских крестьян, работных людей, башкир, татар и калмыков...»[51] Используя слепую доверчивость их к Пугачеву и неосведомленность последнего в затеянной измене, предатели легко отделались от верных Пугачеву людей, оставив их на произвол судьбы в заволжских степях, предварительно отобрав оружие и лошадей, чтобы затем сотворить черное дело измены.

Так трагично закончилась славная битва народов России против произвола и тирании, в которой достойное место занимали и лучшие сыны калмыцкого народа.

[48] Пугачевщина, т. II., М.—Л., 1929, стр. 155.
[49] Там же, стр. 387.
[50] Материалы для истории пугачевского бунта Я. К. Грота... стр. 20.
[51] М. Жижка, Указ. Соч., стр. 184.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

М. ДЖИМГИРОВ.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО ФОЛЬКЛОРА

В настоящей статье поставлена задача — дать краткий обзор основных работ по калмыцкому фольклору. Главное внимание уделяется публикации на русском языке.

В дореволюционное время по калмыцкому фольклору почти не проводились исследования. Авторы трудов, привлекая текстовой материал, мало касались проблемы развития устного народного творчества; в большинстве случаев не ставили вопроса о развитии калмыцкого фольклора, как неотъемлемой части культурного наследия народа, использовали его только в целях описания народного быта, что противоречит марксистскому пониманию фольклора «особой области поэтического искусства, которая создается коллективно трудовым народом, отражает многовековой исторический опыт и мировоззрение народа на различных этапах его исторического развития, воплощает лучшие национальные качества народного характера».[1]

Калмыцкий народ знает сотни и тысячи увлекательных сказок, замечательных легенд, песен, пословиц, представляющих собой подлинную сокровищницу народного творчества.

В нашем кратком обозрении рассматриваются, с одной стороны, работы любителей устного творчества (таковы записи И. Лепехина, Н. Страхова, П. Небольсина, И. Житецкого и многих других) и, с другой, — исследования и публикации ученых-востоковедов, таких, как Б. Бергманн, А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов.

* * *

И. Лепехин — адъюнкт Российской Академии наук — в 1771 году опубликовал свои путевые заметки.[2] Книга содержит тринадцать калмыцких мифов об окружающем мире, тенгриях, буддийских святых и т. п. Эти мифы интересны тем, что в них мы можем обнаружить следы воззрения простого народа на

[1] «Русское народное творчество», т. I, М.—Л., 1953, стр. 5, 87.
[2] И. Лепехин. «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768—1769 гг.», ч. I, Спб. 1771.

происхождение и сущность тех или иных явлений природы и общества. Религиозно-мистический налет в буддийских мифах, как и в любых других, не мешает правильному пониманию сути вещей.

Четыре калмыцкие песни перепечатал «Санкт-Петербургский Вестник» из сочинений П. С. Палласа под заголовком «Опыты калмыцкого стихотворения».[3] Заслуживают особого внимания «Жалобная песнь на последнее отшествие волгской орды», посвященной уходу в 1771 году большей части калмыков из пределов России. Она написана по живым следам этого трагического события.

...Ах, Убаши-хан уводит у нас Торготов,[4]
Через горы шествуют они, через камни,
Стада начинают сохнуть,
Убегая по земле, покрытой снегом.
Ах, в какие снега заводите вы свои стада?
Когда время вашего отдыха настало, то вы бежите?!
За что вы поссорились с белым ханом?
Между Яиком и Волгою в спокойстве пребывавшие Торготы,
Куда вы так далеко спешите?
Ох ты, Торготами оставленная прекрасная Волга!
Ох вы, чистые воды мацака! Вы ныне осиротели...

В стихах слышатся и беспокойство за судьбу народа, и тоска по обжитым родным, полюбившимся местам. Песни полны глубокого лиризма, производят сильное впечатление, хотя перевод с оригинала в ряде мест несовершенен.

Н. Страхов, описывая быт и жизнь калмыков начала XIX века, в своей книге[5] приводит в русском переводе двадцать семь калмыцких пословиц и здесь же помещены меткие замечания автора о художественных особенностях калмыцких сказок. «...Знаменитая и самая продолжительная из сих сказок,— писал Н. Страхов,— называется «Аючих-хан». Возможно, в основе этой сказки лежит предание о выдающемся калмыцком Аюке-хане. К сожалению, исторические корни сказки до сих пор не изучены.

Н. Нефедьев у волжских калмыков записал две песни[6] (одна из них «Маштак боро» — знаменитая песня Отечественной войны 1812 года), две нравоучительные басни (сказки), последние, как нам кажется, являются калмыцкими вариантами притч из известной индийской книги «Панчатантра». Здесь же он поместил несколько изречений «из калмыцких книг». Например: «У глупого способности на языке, а умный хранит их втайне», «При счастье — все друзья, а при бедствии — все враги».

[3] «Санкт-Петербургский Вестник» № 3, ч. I, 1778, стр. 230—232.
[4] Здесь и дальше выделено переводчиком.
[5] Н. Страхов. «Нынешнее состояние калмыцкого народа...» Спб, 1810, стр. 69—95.
[6] Н. Нефедьев. «Подробные сведения о волжских калмыках...» Спб, 1834, стр. 216.

Замечательно, что эти изречения приводятся в оригинале, на калмыцком языке, в русской транскрипции. Это положительный момент в книге Н. Нефедьева. Однако значительная часть из них имеет религиозную окраску, что снижает их ценность. Поучительная житейская мораль заключена в одной из сказок этой книги. Сказка-басня носит название «Хан и орангутанг»:

«Один из ханов, ложась ночью спать при свете огня, приказывал охранять себя орангутангу, вооруженному саблею. Однажды вошел к нему вор, и в это же время явился другой злодей: лютая змея. Когда сия последняя, стремясь уязвить спящего хана, извивалась уже близ него, то орангутанг, по неразумению своему, замахнулся саблею так, что неминуемо поразил бы вместе с нею и самого повелителя своего; но вор решился пожертвовать собою для спасения хана и, удержав сабельный удар, осторожно убил змею. Пробужденный хан, узнав все случившееся, сказал: «Умный неприятель гораздо лучше, нежели глупый слуга и товарищ», — и сделал избавителю своему большую награду».

Слова хана подчеркивают иронический смысл притчи, а содержание — сатира на хана.

О героях калмыцкой сказки Н. Нефедьев говорит: «Герои сии едва ли имеют соперников в других повествованиях: они обыкновенно бывают ростом по нескольку верст, один удар меча сражает целые тысячи неприятелей, кони их перескакивают через моря и горы,— одним словом, перед ними не значат ничего ни «Францы Венецианы, ни Еруcланы Лазаревичи».[7]

«Калмыки не оставляют ни одного замечательного для них случая без того, чтобы не воспеть оного... песни составляют их поэзию, подчиненную своим правилам, по которым, взамен рифм, строки начинаются с одинаковых букв и звуков. Песни сии сочиняются не на письме, а просто импровизируются в часы досуга и вдохновения... Необыкновенная протяженность и переходы к гортанным звукам, составляя в сем пении главное достоинство, делают его неподражаемым; но песни плясовые из сего исключаются».[8]

Фольклорные произведения включает и «Монгольская хрестоматия» А. Попова.[9] Но они в основном религиозно-нравоучительного характера.

«Сказание о Дербен-ойратах...»[10] содержит две легенды: а) «О происхождении зюнгарских нойонов Цорос», б) «О том, как хитростью Дербен-ойраты победили монголов». Вторая ле-

[7] Н. Нефедьев. «Подробные сведения о волж. калмыках», стр. 216.
[8] Там же, стр. 217.
[9] А. Попов. «Монгольская хрестоматия». Казань, 1836 г.
[10] «Сказание о Дербен-ойратах», составленное нойоном Батур Убуши Тюменем». Астрахань, 1860 г., стр. 17, 43—44.

генда напоминает сказание об известном «троянском коне»: в стан врагов посылается «подарок» в виде огромных ящиков, в которых сидят вооруженные воины.

О «хозяине» подземного царства Эрлик-хане имеются интересные сведения в «Ученых записках» Казанского университета,[11] в «Оренбургском Листке»[12] и особенно в журнале «Нива»,[13] где описываются мучения одного пьяницы, который был возвращен в стан живых только за то, что он когда-то переписывал (!) «Доржо-Зудьбу» — буддийскую священную книгу.

Устно-поэтические произведения изредка помещались в сборниках: «Калмыцкие сказки, собранные Лорошем», Москва, 1872 год, «Калмыцкие сказки, собранные Лером с шестью картинами», 1873 год. (Содержат девять сказок).

Произведения калмыцкого фольклора можно встретить и в периодической печати. Так, «Донские областные ведомости» за 1876 г. (№ 34) напечатали историческую песнь «Убаши-хун-тайджин-туджи», то есть «Историю Убаши-хун-тайджи». В этом же году песня перепечатана «Донскими войсковыми ведомостями» (№ 39). На страницах этих газет печатались отдельные сказки из «Сиддиту кюрин туули».

«Астраханские Епархиальные Ведомости»[14] помещали переводы протоиерея Пармена Смирнова из сочинения «Уликгерун Далай» («Море притч»). Среди них сказания: «О сотворении солнца, луны и звезд», «О происхождении праздника «Цаган-Сар», «Повесть о Кагантае — сыне тенгрия» (духа) и др.

В 1891 году вышла книга «Библиография Азии»,[15] которая содержит богатый перечень материала по калмыцкому фольклору. В ней даются сведения о статьях, заметках и рецензиях, опубликованных в различных журналах.

«Букварь для калмыцких улусных школ», составленный Найманом Бадмаевым,[16] выдержал два издания. Недостаток этой книги — тенденциозность материала, что особенно сказывается в главе из повести об «Аржи Бурджи-хане». В букваре несколько десятков пословиц и поговорок назидательного и нравоучительного характера.

Конечно, произведения религиозно-мистического характера сами по себе не имеют ничего общего с народной идеологией.[17]

[11] «Ученые записки Казанского университета», 1834 г., книга 2, стр. 268.

[12] «Оренбургский листок» № 33—43, 1886 г.

[13] Журнал «Нива» № 29, 1872 г.

[14] См. № 45—47 за 1879 г. 1, 2, 7—10, 12, 13 за 1875 г.; 18, 19, 21—23, 26 за 1876 г. 11, 13—15 за 1877 г. 49 за 1878 г. 10 за 1882 г. 23 за 1884 г. 12, 13, 28 за 1880 г.

[15] «Библиография Азии». Указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к азиатским государствам. Составитель В. И. Межов, т. I, II, III, Спб, 1891 г.

[16] Н. Бадмаев. «Букварь для калмыцких улусных школ». Казань, 1892 г. Второе издание вышло в 1902 году.

[17] А. Попов. «Монгольская хрестоматия». Казань, 1836 г.

Авторы подобных «обработок» в угоду царскому самодержавию стремились, используя богатства поэзии, овладеть душой читателя и слушателя из народа. Но для исследователя они представляют известный интерес, потому что сквозь реакционное содержание таких произведений угадываются народные мотивы, образы, притчи и басни, благодаря которым восстанавливаются некоторые элементы устной поэзии. Это, прежде всего, мягкий юмор, ирония, социальная сатира, меткие наблюдения как над явлениями природы, так и над недостатками человека.

Завершая обзор дореволюционных публикаций текстов фольклора, следует упомянуть небольшой «Сборник калмыцких сказок» Н. Б. Бадмаева[18] и неопубликованные «Народные сказки донских калмыков» И. И. Попова.[19]

Часть сказок из этого сборника была опубликована в литературной обработке Б. Лунина в 1938 году.[20]

Сборник И. И. Попова заслуживает внимания и тем, что в нем дается калмыцкий и русский тексты всех сказок. «Кто же постарается глубже вглядеться в них (в калмыцкие сказки.— М. Д.), наверно, почувствует их оригинальную прелесть»,— пишет И. И. Попов в своем предисловии к «Сборнику».[21] Сказки собраны и переведены на русский язык самим автором. Перевод сделан тщательно, но местами не хватает живости и яркости, которые свойственны оригиналу.

* * *

Книга Б. Бергманна — одна из первых научных работ, посвященных изучению жизни и быта калмыцкого народа.[22] В ней опубликованы калмыцкие сказки, которые позже переведены Галсаном Гомбоевым и помещены в «Этнографическом сборнике».[23] В предисловии к сказкам академик А. Шифнер писал: «Между памятниками древней народной поэзии, сохранившимися до сих пор как у восточных монголов, так и у западных их братьев, калмыков, одно из первых мест занимает сочинение, передаваемое здесь (в «Этнографическом сборнике») в русском переводе и известное под именем Шидди-Куръ, или Шиддиту-куръ». Сборник включал двадцать три сказки. Интересна их судьба. Б. Я. Владимирцов в 1922 году издает собрание «Двадцати пяти рассказов Веталы» под названием «Вол-

[18] Н. Б. Бадмаев, «Сборник калмыцких сказок», Астрахань. 1899 г.

[19] И. И. Попов, «Народные сказки донских калмыков», 1892 г. Фонд Архивного отдела УМВД Ростовской области.

[20] «Сказки донских калмыков», Ростов н/Д, 1938 г.

[21] И. И. Попов, «Народные сказки донских калмыков», 1892 г., стр. 4-а.

[22] B. Bergmann, «Nomadische Streifereien unter den Kalmücken». Riga, 1804—1805 гг.

[23] «Этнографический сборник», изд. имп. русским географическим обществом, вып. VI, Спб, 1864 г.

шебный мертвец». В 1958 году почти 200-тысячным тиражом вышло второе издание «Волшебного мертвеца».[24]

Б. Я. Владимирцов в предисловии отмечает тесные культурные связи, существовавшие когда-то между Индией, странами Востока и Запада. Сказки Индии уходили и в народные массы, где часто превращались в любимые народные сказки, различные народные пересказы, видоизменялись, перемешивались... В монгольском сборнике много отличного по сравнению с индийским прототипом. Особенно сильно отличается вступление, создающее рамку для всех других рассказов.[25]

В подтверждение слов Б. Я. Владимирцова о том, что рассказы Веталы «сохранились... очень хорошо» у монголов и калмыков в форме книжной и в виде устных народных пересказов, можно привести последние издания в Монголии[26] и Калмыкии.[27]

Калмыцкие сказки «Седклин кюр» записаны в течение 1958—1959 годов. Двенадцать сказок записаны писателем Хасыр Сян-Белгиным у чабанов на Черных Землях Калмыцкой АССР. Сказочник Муутл Буринов из Городовиковского района Калмыкии рассказал еще двенадцать сказок «живого святого», которые изданы Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории под названием «Седклин кюр».

«Рамочная» композиция вступления — первой сказки этого сборника — несколько отличается от общеизвестных вступлений других изданий рассказов из цикла сказок «Сидди кюра», которое здесь и приводится.

Жили-были бедные старик со старухой. Имели трех сыновей. Отец посылает сыновей учиться волшебству к мусу. Как только научится один из сыновей волшебству, то мус умерщвляет его. Однажды самый младший сын, который сам научился всему волшебству втайне от муса, и даже больше, чем мус, говорит отцу:

«Я превращусь в прекрасного коня. Отведи меня на базар и продай, только не продавай большому черному человеку и уздечку не отдавай».

Но мус — большой черный человек,— купив коня через вторые руки, обманом взял у старика и уздечку и, никому не показывая, стал держать коня в сарае, чтобы уморить голодом.

В отсутствие муса его дети залюбовались прекрасным конем, разнуздали коня и решили его напоить. Конь вырвался у детей и убежал. Мус, узнав об этом, превращается в жеребца. Прекрасный конь, заметив погоню, бросается в реку и превращается в рыбу. Тогда мус обернулся щукой. Когда же ры-

[24] «Волшебный мертвец», ИВЛ. Москва, 1958 г.
[25] Там же, стр. 8—10.
[26] «Монгольские сказки» под ред. Ринчена. Улан-Батор, 1959 г.
[27] «Седклин кюр». Элст балһсн, 1960.

ба стала уткой и полетела в небо, мус принял облик коршуна. Вот-вот догонит. Сын старика превращается в зайца, а мус страшным зверем преследует его. Наконец, сын старика становится великаном и мус становится великаном, но вдвое больше. Вот-вот схватит сына старика, да повстречался лама.

«Спрячьте меня»,— сказал сын старика и тут же превратился в главный шарик четок ламы. Мус начинает мучить ламу, а лама, зажав под большим пальцем главный шарик, разбрасывает четки, которые превращаются в просо. Мус — великан — превращается в желтую хромую курицу с семью цыплятами и клюет четки. Тем временем сын старика принимает человеческий вид, убивает курицу с цыплятами и сжигает их.

Концовка вступительной сказки сходна с остальными вариантами сказок «Веталы». Только сын старика ходит не за волшебным мертвецом, а за живым святым по имени Арша Ики-лама, от которого и выслушивает одиннадцать его рассказов, чтобы снять с себя и ламы грех за убийства живого существа.

«Образцы народной литературы монгольских племен» известного востоковеда А. М. Позднеева[28] явились ценным вкладом в науку о фольклоре монголов. В этой книге впервые творчество народа рассматривается в неразрывной связи с его историческими условиями развития. По мнению автора, «устная литература их (то есть монгольских народов) должна быть весьма обширна..»[29]

«Что касается народной поэзии монголов, то о ее содержании не говорил еще никто...»[30]

Однако А. М. Позднеев односторонне понимает характер творчества монголов, что подтверждается таким высказыванием: «...можно сказать, что созерцательным характером проникнуты почти все творения монголов и почти в каждом из них проглядывает какое-то уныние, какая-то тоска души, мучимой неразрешенностью вопросов жизни».[31] «Но этого мало, мы находим у каждого из монгольских племен даже целые песни с таким рядом вопросов. Певец обращается в таких песнях и к солнцу, и к луне, и к животным, одним словом, ко всей природе, отовсюду представляются ему вопросы, и отовсюду ищет он на них ответа».[32] К тому же А. М. Позднеев об оригинальности устного творчества говорит как бы мимоходом. Он смешивает песни с другими видами фольклора.

Для нас наибольший интерес представляет глава «Песни Ӧлӧтов», где говорится о происхождении имени «ойрат» и

[28] А. М. Позднеев, «Образцы народной литературы монгольских племен». Спб, 1880.
[29] Там же, стр. 49.
[30] Там же, стр. 52.
[31] Там же, стр. 54.
[32] Там же, стр. 55.

«ӧлӧт». А. М. Позднеев приходит к мысли, что, «всматриваясь в историю ӧлӧтов, нельзя не видеть резкого, почти до противоположности различия их от халхасов, хотя внешние стороны и условия жизни были у них, по-видимому, совершенно одинаковыми».[33]

Он приводит слова Палласа: «Все те народы, которые ведут беспечную кочевую жизнь, по природе склонны к праздности... калмыки же по их ревниво-деятельному духу в самом деле могут быть названы трудолюбивыми».[34] И далее: «Халхасы совершенно упали духом и как бы уснули для деятельности более чем за полвека до подчинения Китаю, у Ӧлӧтов, напротив, ...неугомонная жажда свободы, движения и деятельности постоянно обнаруживалась и после подданства Китаю, что видно из разновременных переходов их в Сибирь, перекочевок к Уралу и к берегам Волги. Само собой разумеется, что такой народ должен был создать поэзию, совершенно отличную от поэзии халхасских монголов, и он действительно создал ее».[35]

Положительной стороной этой работы А. М. Позднеева является сравнительное исследование творчества ӧлӧтов и калмыков России. Сопоставляя калмыцкие и ӧлӧтские легенды об Амурсанане, А. М. Позднеев находит, что в ӧлӧтскую «легенду вкрался буддийский элемент и привносит с собой в обыкновенный баснословный, народный рассказ учение о необычайности свойств, даруемых буддизмом его последователям.»[36] Автор замечает об йорелах, что они «составляют в количественном отношении едва ли не самый важный отдел во всей народной песенной литературе Ӧлӧтов».[37]

Думается, что эти слова можно отнести и ко всем монгольским народам, применительно к устному народному творчеству дореволюционного периода.

Нельзя согласиться с выводом А. М. Позднеева, что «эпические песни положительно у всех монгольских племен можно находить только как редкость, а воспевание похвал коню далеко уступает свое место излияниям благоговенных чувств перед буддою».[38]

А. М. Позднеев с 1888 по 1896 год издает ряд калмыцких сказок[39] в оригинале и переводе на русский язык. Перевод сделан хорошо.

Весьма ценно указание мест, где записывались сказки. Преимущественно они записаны в Малодербетовском улусе; в Икицохурах записана сказка «про Харадай Мерген-хана», а в Багацохурах — «про Кӧкшин Замбул-хана, имевшего 500 жен», «про князя Донон-хара». Автор в «Примечании» к сказкам говорит: «Излишне было бы объяснять в настоящую пору, как высоко научное значение памятников народного творчества в деле языковедения и этнографии, и тем печальнее, конечно, что доселе у нас не было известно никаких сборников народной литературы калмыков, свыше 250 лет живущих уже в России».[40]

Своевременны и важны такие его замечания: «Народный язык калмыков, являющийся в их национальных произведениях, представляется совершенно иным, чем язык калмыцкой литературы. Строение и обороты речи являются здесь (в народном языке) более свободными, попадается много новых грамматических форм и комбинаций, встречаются слова, никогда не употреблявшиеся в языке литературном... Исследователю калмыцких народных сказок нужно быть крайне осторожным, чтобы не объединить в своих толкованиях форм языка, в действительности совершенно различных, правильно понять оборот речи и не смешать слов, подчас весьма созвучных и являющихся у безграмотного писца в одних и тех же формах, но совершенно различных по значению».[41]

А. М. Позднеев, как это видно из «Примечаний», был намерен издать калмыцкие сказки отдельным томом с введением, в котором он хотел показать особенности калмыцкого языка и содержание сказок. К сожалению, этот предполагавшийся сборник по каким-то причинам не увидел свет.

В «Монгольской хрестоматии для первоначального преподавания»,[42] составленной А. М. Позднеевым, обращают на себя внимание его слова, приведенные в предисловии к ней Н. И. Веселовским: «...эпос, который у монголов, как и у всякого другого литературного народа, всегда предшествует истории и представляет собою то рассказы об опоэтизированных народною фантазией богатырях и отдельных событиях, заключенные в формы изящной народной речи, нередко витиеватой, мерной, или даже стихотворной; то простейшие, излагаемые почти детским языком, полусказочные повествования».

Мысль о том, что эпос предшествует историческому периоду, верна в основе и указывает на истоки формирования калмыцкого героического эпоса. В связи с этим нельзя не упомянуть статью Ю. Г. Рамстедта «О монгольских былинах»,[43] где

---

[33] Там же, стр. 138.
[34] П. С. Паллас. «Путешествие по разным провинциям Российского государства», т. I, стр. 309.
[35] А. М. Позднеев. «Образцы», стр. 143—144.
[36] Там же, стр. 145.
[37] Там же, стр. 184.
[38] Там же, стр. 167.
[39] «Записки восточного отдела имп. русского археологического общества», Спб, 1888 г., т. III, вып. I—II, III—IV; т. IV, Спб, 1889 г., т. IV, вып. I—II; III—IV; Спб, 1891 г., т. VI; VII; 1895 г., т. IX; 1896 г., т. X.
[40] А. М. Позднеев. «Примечания к калмыцким сказкам», Записки Восточн. отд. русск. арх. общ., т. IV, Спб, 1890, стр. 373.
[41] А. М. Позднеев. «Примечания», стр. 374.
[42] «Монгольская хрестоматия...», составленная А. М. Позднеевым. Спб, 1900 г.
[43] «Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела». Имп. РГО 1900 г. Иркутск, 1902 г., т. III, вып. II и III.

отмечается, что у алтайцев эти былины обозначаются монгольским словом «кучин» («хучин») — «старина», и почти во всех алтайских былинах встречаются монгольские имена и выражения. К примеру, общее название сказки или былины у татар «ӧлӧнгӧ» (якутское «олонго») есть производное от того же корня, как и монгольский «улигер» (сказка, сказание)».[44]

Ю. Г. Рамстедт, подчеркивая своебразие устного народного творчества, пишет: «...Оригинальный, чисто искусственный характер передавания этих песен, частое и удачное рифмование, которое наблюдается не только в начале слов, но и в строе и длинноте предложений (параллелизм),— не переводимы на европейские языки. Самое важное — фантазия, пленяющая монгола своею красотою и силой,— для человека, не знакомого с языком, остается непонятною».[45]

Он детально рассматривает общие места, характеры и вооружение главных героев монгольских былин, дает развернутую характеристику рассказчикам, говорит о манере исполнения, мимике и богатстве интонации их речи. «Трудно найти что-либо историческое, — заключает Ю. Г. Рамстедт, — в монгольских былинах в том виде, в котором они теперь существуют. Хотя и встречаются в них исторические личности, но в искаженном виде. Так, например, хан Чингис-Богдо, Хабуту Хасар, Агумехан здесь (то есть в былинах) неузнаваемы. Старик, которого Чингис-Богдо почитает как отца, несколько напоминает Ван-Хана, царя кереитов».[46]

В 1905 году выходит из печати сборник калмыцкой афористической поэзии.[47] В предисловии к нему автор сообщает о тех, кто участвовал в подготовке издания (Аля Лиджиев, Дорджаб Кутузов — лектор Санкт-Петербургского университета, учащиеся Астраханской гимназии и другие). В сборнике приведен список изданий, в которых помещались калмыцкие пословицы и загадки.

В. Л. Котвич тепло отзывается о носителе афористической поэзии — о народе: «Калмыки так же, как и их единоплеменники — буряты и монголы, мастера говорить. Плавности речи, красоте оборотов и меткости выражений они придают большое значение».[48]

Обратив внимание на изящную форму пословиц и загадок, исследователь не коснулся их стиля, художественно-изобразительных средств и т. д. Фактический материал сборника представляет большую ценность и может служить пособием при изучении калмыцкой устной поэзии малых форм.

---

[44] «Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела». Имп. РГО. 1900 г.Иркутск, т. III, вып. II и III, 1902 г., стр. 45.

[45] Там же, стр. 45.

[46] Там же, стр. 50.

[47] В. Л. Котвич. «Калмыцкие загадки и пословицы». Спб, 1905 г.

[48] Там же, стр. 3.

Б. Я. Владимирцов не занимался специально исследованием устного творчества калмыков. Однако в его работах мы находим ценные наблюдения и высказывания о калмыцком фольклоре.

В «Монгольском сборнике рассказов из Панчатантры»[49] он, например, сопоставляя калмыцкое сказание[50] о царе Хашане с рассказами о «Canda Pradyota», с версиями «Kalilag», «Дамиад» и «Kalilah» и «Dumnah», делает вывод об их идейно-художественной взаимосвязи.

В рецензии на книгу Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднева Б. Я. Владимирцов с искренним сожалением писал: «...сведения наши о народной литературе монгольских племен, о составе монгольского фольклора находятся в самом печальном состоянии. Не только не существует общих, теоретических исследований, не имеется до сих пор, за исключением самого незначительного числа изданий, образцов монгольской народной устной литературы, по которым, хотя бы приблизительно, можно было судить о составе монгольского фольклора».[51] И здесь же подчеркивается, что «Труд B. Bergmanna «Nomadische Streifereien unter den Kalmücken» (Riga, 1804—1805 гг.), содержащий интересные данные по фольклору астраханских калмыков, стал библиографической редкостью».

Значительное внимание уделяет рецензент раскрытию особенностей и своеобразию монгольской сказки. Говоря о таких типах сказок, которые насквозь пропитаны буддийско-ламайскими взглядами, он, однако, отмечает, что «мораль их очень высокая, и мелкое ханжество и угодничество перед религией и ее служителями отсутствуют».[52] Это говорит о стойкости народных произведений.

В 1909 году в «Живой старине» была опубликована статья студента Петербургского университета Номто Очирова «Йорелы, харалы и связанный со вторыми обряд «хара келе утулган» у калмыков».[53]

В статье говорится об оригинальности йорел и харал. Смысл последних раскрывает калмыцкая пословица, приведенная автором в начале статьи: «Благопожелания (йорелы) — начало блаженства, а проклятия и дурные помыслы (харалы) — семя несчастья и раздора».

«Харалы,— пишет Н. Очиров,— в обыденной жизни употребляются реже йорелов, а встречаются большею частью в сказках, песнях, былинах и др. Йорелы, как более распростра-

---

[49] Б. Я. Владимирцов, «Монгольский сборник рассказов из Панчатантры». Л-д., 1925.

[50] Библиотека Ленинградского университета им. Жданова, рукописный каталог.

[51] «Живая старина», XVIII, вып. IV, 1909 г., стр. 87.

[52] Там же, стр. 90.

[53] Там же, стр. 84—87.

ненные, имеют свою специальную литературу: письменно-религиозную и устно-народную».

В небольшом очерке о дореволюционном калмыцком фольклоре не представляется возможным дать исчерпывающее представление о всех исследованиях и публикациях текстов. Однако с полным основанием можно сказать, что это был период собирания и первых попыток научного осмысливания богатств устного народного творчества.

* * *

Только после Великой Октябрьской социалистической революции изучение калмыцкого фольклора стало на прочную научную основу, началось систематическое собирание и изучение народных богатств устной поэзии. В то же время это был период нового фольклора, фольклора, рожденного революцией, новыми социальными преобразованиями в нашей стране. Именно это имеет в виду И. Кравченко, который утверждал, что «советский фольклор калмыцкого народа зародился в битвах гражданской войны». Он писал: «...на вооружении у калмыцких красных воинов были не только шашки и бомба, винтовка и пулемет, но и такое испытанное оружие, как созданная самими бойцами красноармейская песня. Первая из известных народных песен этого времени «Развевается красное знамя». Ею и открывается советский фольклор Калмыкии».[56]

Здесь же говорится о первом сборнике калмыцких песен гражданской войны «Революцин дун цуглорв» (Сборник революционных песен), изданном политотделом калмыцких военных частей в 1920 году. Отмечая емкость и гибкость этого жанра, Кравченко делает правильный вывод: «...показательно, что именно песня, а не другой какой-либо фольклорный жанр оказался на передовых постах в годы гражданской войны».[57] И. Кравченко убедительно показывает и процесс переосмысливания художественных образов прошлого под воздействием бурного становления новой жизни.

В легенде о Миитр-нойоне в дореволюционных вариантах Миитр-нойон прославляется как представитель господствующего класса, тогда как в годы гражданской войны он выступает самоотверженным защитником бедноты, народным героем. Подобные изменения характерны и для других жанров калмыцкой поэзии. «То, о чем в дореволюционных вариантах сказки и легенды говорилось, в силу необходимости, намеком, вполслова,— пишет И. Кравченко,— в современных вариантах говорится полным голосом, социальная тенденция раскрывается более широко и полнозвучно».[58]

[54] «Калмыцкие сказки», Волгоград, 1936 г.
[55] Сборник «Советский фольклор» № 6, 1939 г.
[56] Там же, стр. 121.
[57] Там же, стр. 124.
[58] Сборник «Советский фольклор» № 6. 1939 г., стр. 128.

Говорит автор и о новых образах и прежде всего об образе вождя — о В. И. Ленине: «...впервые в творчестве калмыков возникает образ Ленина, как освободителя всех народов от ига, от рабства и нищеты, и образ революционера-калмыка Бакшичинга».[59]

История собирания и публикаций калмыцких сказок довольно полно изучена И. Кравченко,[60] что дало ему возможность в некоторой степени восполнить пробелы в изучении этого жанра.

Калмыцкие сказки он делит на три основных вида: 1) волшебные сказки, 2) сказки о животных и 3) бытовые. Неправомерным, нам кажется, отнесение анекдотов к жанру сказок и оригинальной по сюжету и построению калмыцкой сказки «71 небылица» в разряд сказок о животных, впрочем, сам автор это делает с оговорками.

Интересна мысль автора о влиянии товаро-денежных отношений на калмыцкую сказку и его наблюдение о том, что в сказках женщина-калмычка всегда занимает ведущее положение и оказывается умнее, сильнее мужчины, тогда как в действительной жизни она была на положении рабыни.

«Народное творчество Калмыкии»[61] И. Кравченко готовил к 500-летию героического эпоса «Джангар».

Сборник содержит богатый фактический материал. В нем представлены почти все виды калмыцкого фольклора. Книга снабжена комментариями, словариком и указателем литературы. В небольшом предисловии автор говорит о богатой поэтике калмыцкого фольклора, о разнообразии ее средств художественной изобразительности. Она, по мнению И. Кравченко, «богата художественными условностями, служащими рельефному, яркому и красочному раскрытию образов. Наделение героев титулами ханов, найонов — не что иное, как один из условных фольклорных приемов, как и гиперболы, традиционные формулы, как сказочные чудесные предметы и животные. Прием этот служит лишь для предоставления максимальных возможностей герою в проявлении своих свойств, характера, в совершении своих подвигов. Он нисколько не мешает творцу фольклора — народу — выражать в сказочных образах свои героические черты».[62]

И. Кравченко уделяет внимание и песне. «По количеству произведений, — подчеркивает он, — песни — самый богатый жанр калмыцкого фольклора. В этом отношении они значительно превосходят сказки, уступая в то же время им по широте

[59] Там же стр. 129.
[60] «Калмыцкие сказки», Волгоград, 1936 г.
[61] «Народное творчество Калмыкии». Составитель И. Кравченко. Волгоград, Элиста, 1960 г.
[62] Там же, стр. 7.

и разнообразию тематики...»[63] «Песенное творчество калмыцкого народа пережило уже ту ступень своего развития, когда широко развились самые разнообразные поэтические жанры. Помимо обрядовой поэзии, героических и исторических песен, мы имеем песни на социальные темы, военные, бытовые, лирические, плясовые, шуточные, хвалебные (макталин дун), хороводные (нирген дун)».[64]

Ценно в этой работе и то, что здесь называются певцы и сказители, которых И. Кравченко слушал и записывал, таких, как Манджи Ботхонов, Джугльджан Джанхоев из Долбанского улуса и Инджя Орусов из Приволжского улуса, и многих других.

Наш обзор был бы неполным, если не остановиться на работах по изучению «Джангара».

Как мы уже упоминали, первой научной работой была книга В. Bergmanna,[65] где дана оценка «Джангару»: «Из этой приукрашенной до невероятности обстановки выступает столь **блестящее изображение** естественных красот, что здесь может иметь место сравнение с искусством величайших поэтов древности...» И еще: «...искусные певцы придают самым неправдоподобным приключениям видимость натуральности и очень верно изображают калмыцкие нравы, обычаи и образ жизни... Все это делает «Джангар» достойным нашего внимания».[66]

В своем отзыве на рукопись Н. И. Михайлова «Песни и сказки калмыцкого народа» А. А. Бобровников пишет: «Джангар» выходит из ряда обыкновенных сказок уже тем одним, что не рассказывается, как сказка, а поется под аккомпанемент балалайки или гуслей».[67]

Слова А. А. Бобровникова о том, что «Джангар» еще не получил определенной литературной формы не только по языку, но даже и по содержанию», явно ошибочны, как и его утверждение о том, что главную идею «Джангара» надо видеть только в изображении идеального кочевого владыки.

Об этом же говорит и Б. Я. Владимирцов в рецензии[68] на книгу Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднева «Образцы монгольской народной литературы», Спб, 1908 г., подчеркивая, что «Джангар» «является действительно национальной поэмой калмыцкого народа».

Но утверждение Б. Я. Владимирцова, что в настоящее время «стала падать способность к поэтической импровизации»,[69]

---

[63] Там же, стр. 20.
[64] Там же, стр. 21.
[65] B. Bergmann, «Nomadische Streiferein unter den Kalmücken», Riga, 1804, 1805 гг.
[66] «Калмыцкий эпос «Джангар», Ростов н/Д, 1940, стр. 19—20.
[67] «Вестник имп. рус. географ. общества», ч. 12, книга 5—6, Спб, 1854.
[68] «Живая старина», XVIII, вып. IV, 1909 г., стр. 87.
[69] Там же, стр. 93.

нам кажется неверным, так как джангарчи в калмыцкой степи всегда были и есть. Хорошо известно, что В. Л. Котвич записал одиннадцать песен «Джангара» от одного из выдающихся джангарчи своего времени Овлаева Эля, и это тогда, когда большинство востоковедов считало, что в Калмыкии нет уже давно настоящего джангарчи.

Пример Овлаева Эля подтверждает слова Б. Я. Владимирцова о том, что «отдельные эпизоды в устах искусных профессиональных певцов стали обретать все большую определенность, стали фиксироваться».[70]

Статья В. Л. Котвича «Джангариада и джангарчи»[71] приурочена к 500-летию «Джангара».

«Ввиду большого значения «Джангара» не только в монгольско-калмыцкой, но и в мировой литературе,— пишет автор, — я решил повидаться с Овлаевым Эля...» И далее: «Однако новые материалы для изучения «Джангариады», как они ни были интересны, мне пришлось отложить в сторону. Только представители калмыцкой молодежи (очень жаль — не названы их имена.— М. Д.), желая распространить среди своих сородичей новые песни, переложили их фонетическую запись на обычное калмыцкое письмо и издали литографским способом. К сожалению, работа была выполнена не вполне удачно, так как для ускорения дела произвели довольно многочисленные сокращения текста. Еще большего сожаления заслуживает то обстоятельство, что материалы, связанные с именем Овлаева, рассеялись по разным местам и не могут быть использованы теперь, когда интерес к «Джангару» возрос особенно сильно».[72]

Кстати, в газете «Советская Калмыкия» опубликована статья доцента А. П. Конакова — «Ученый-калмыковед В. Л. Котвич»,[73] где сообщается, что, «кроме опубликованных научных трудов, В. Л. Котвич оставил рукописное наследство. Здесь можно найти и рукописи, готовые к печати, и записи калмыцких текстов, сделанные в свое время Б. Я. Владимирцовым и С. А. Козиным».

Первым большим трудом академика С. А. Козина, посвященным калмыцкому фольклору, является «Джангариада».[74] «Калмыцкая литература,— пишет он,— периода XVII—XIX вв. неотделима от ойратской литературы этого времени точно так же, как эта последняя в ее древнем периоде XIII—XVII вв. неотделима от монгольской, в составе которой и излагалась все-

---

[70] Б. Я. Владимирцов, «Монголо-ойратский героический эпос», Петроград — Москва, 1923 г.
[71] «Филология и история монгольских народов» (Сб. в память Б. Я. Владимирцова), Москва, 1958 г., стр. 196—199.
[72] Там же, стр. 199.
[73] Газета «Советская Калмыкия» № 195, за 4.X-1959 г.
[74] «Джангариада» — героическая поэма калмыков (Введение и изучение памятника и перевод торгутской его версии). Москва — Ленинград, 1940 г.

ми исследователями истории монгольской литературы. Единство в данном случае мыслилось настолько естественным, что даже классический труд А. А. Бобровникова по монгольскому языку изложен в виде «Грамматики монгольско-калмыцкого языка».[75]

«Это явление, — продолжает автор, — обусловливалось общеизвестными фактами политической истории монгольских племен, хотя в этой области наши знания еще пока далеки от надлежащей точности и ясности».

В «Джангариаде» С. А .Козин говорит о возрождении ойратской (калмыцкой) литературы, которая, по его мнению, «начинается значительно раньше», чем возрождение южномонгольской литературы. Начало возрождения южномонгольской литературы Б. Я. Владимирцов относит к концу XVI столетия. С. А. Козин относит возникновение «Джангара» к середине XV века. К «Джангару» непосредственно примыкает историческая повесть «О монгольском Убаши-хун-тайджи» (1587 г.), «которая дошла до нас в ойратском (калмыцком) письме Зая-Пандиты (1648 г.) и, очевидно, представляет некоторую литературную обработку народного ойратского эпоса».[76]

Труд С. А. Козина «Джангариада» состоит из двух тесно связанных разделов. В первом исследуется развитие письменности и литературы монгольских народов XIII—XVIII вв. Второй раздел — «Общие сведения о «Джангариаде» и вопрос о времени ее сложения» — включает перечисления известных текстов «Джангариады», начиная с издания Б. Бергманна и кончая записью от Овлаева Эля. Представляет интерес указание на материалы, которые могут быть извлечены из рукописных собраний: наследников Санджирхаева (бывшего учителя калмыцкого пансиона в г. Астрахани), Ю. Лыткина в mssful F—63 в Ленинградском госуниверситете, последних записей (имеются в виду довоенные.—М. Д.), организованных калмыцким правительством.

В «Сокровенном сказании»,[77] после краткого исторического обзора монгольских народов, С. А. Козин обращается к рассмотрению «Джангара».

«Мы, прежде всего, наблюдаем в нем высокоразвитое национальное самосознание и готовность сознательной борьбы»,— пишет автор. Сказав, какие соображения затрудняют правильно решить историческую среду возникновения эпоса, С. А. Козин, на основании анализа «Джангара», исследования

[75] А. А. Бобровников. «Грамматика монгольско-калмыцкого языка», Казань, 1849.

[76] С. А. Козин, «Джангариада», стр. 50.

[77] «Сокровенное сказание» (Юань-чао-би-ши), Москва — Ленинград, 1941.

всех элементов поэмы, приходит к выводу, что «Джангар» может быть приурочен « к эпохе наивысшего развития ойратского союзного государства, в эпоху хана Эсеня около 1440 года».

* * *

В нашем очерке мы пытались дать критический обзор публикации текстов и важнейших исследований, обращая главное внимание на вклад ученых-востоковедов Б. Я. Владимирцова, С. А. Козина, В. Л. Котвича, А. М. Позднеева в изучении калмыцкого фольклора.

Большая работа, проводимая Калмыцким научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, а также советскими учеными, позволяет нам надеяться, что в ближайшем будущем значительно полнее будет наше представление о богатстве устного творчества калмыков.

Изучение фольклора и его истоков с позиций марксистской эстетики не только расширяет наше представление о памятниках калмыцкой культуры, но ярче, полнее становится сама картина культурных достижений нашего народа на каждом историческом этапе его развития.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

Г. И. МИХАЙЛОВ

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ БЫЛИН МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ[1]

Для определения времени зарождения героического эпоса монгольских народов у нас пока еще мало данных. В этом направлении предстоит большая работа: тщательное изучение былин, произведение фольклора вообще и письменных памятников древности. Тем не менее современное состояние монголоведения позволяет уже сейчас определить время возникновения эпоса монголов.

Эпические монгольские песни были известны в глубокой древности. Естественно, в то время никто их не записывал. Не записывались они, видимо, и в более близкие к нам эпохи. Во всяком случае ни один из известных нам письменных памятников не включает былин или каких-нибудь упоминаний о них. Только в 1716 году была издана в Пекине ксилографическим способом «Гэсэриада». Несколько позже, вероятно в конце XIX в., была записана «Повесть о Хан-харангуе», списки которой обнаружены у халхасов, ойратов и даже у тувинцев.

В России монгольский героический эпос стали изучать в начале прошлого века.

В. Бергманн и Е. Тимковский опубликовали отдельные песни «Гэсэриады» на европейских языках, И. Я. Шмидт издал текст произведения полностью и к нему перевод на немецком языке по пекинскому ксилографу. Систематическое же собирание и изучение богатств фольклора русскими учеными началось несколько позже, во второй половине XIX в.

Следовательно, и монгольские записи, и записи русских ученых знакомят нас с более поздним состоянием героического эпоса, а не с начальной стадией его развития. В связи с этим при установлении времени возникновения монгольских былин приходится руководствоваться теми текстами, которые были собраны нашими предшественниками в прошлом веке.

---

[1] У монгольских народов произведения эпоса не имеют четкой жанровой классификации, отсутствие которой вынуждает нас пользоваться русским термином «былины».

Вместе с тем анализ произведений мало дает данных для ответа на интересующий нас вопрос. В русских былинах фигурирует князь Владимир; события, изображаемые в них, развертываются в Киеве и Новгороде и т. д. В монгольских былинах ничего подобного нет. Хорошо известные по историческим сочинениям географические местности и названия — гора Бурхан-халдун, местность Ходо-арал, реки Онон и Хэрлэн — не упоминаются, а Монголия и Халх встречаются лишь в некоторых произведениях и появились, видимо, значительно позже.

Картины жизни, изображенные в былинах, можно наблюдать и сто, и пятьсот, и две тысячи лет назад. К тому же народные певцы непрерывно вводили в исполняемые ими произведения новые детали, новые эпизоды. Поэтому в былинах часто обнаруживаются причудливые сочетания исторических фактов различных эпох. Так, в отдельных произведениях встречаются рядом Гэсэр-хан и русский казак, охраняющий сына Хурмаст-хана (бурятская «Гэсэриада»), древнее вооружение батаров и ружье (ойратская былина об «Эгиль-мэргэне»), русский кузнец, трудившийся над отделкой богатырского меча вместе с китайским, непальским, халхасским и элетским кузнецами (ойратская былина «Дайни-кюрюль»), мифическая гора Сумбар и город Иркутск в бурятских «улигерах» и т. д.

При определении времени возникновения былин исследователю приходится решать трудную задачу отделения первоосновы произведений от более поздних напластований, древних элементов от новых.

Для наших целей наибольший интерес представляют именно древние элементы. К ним в первую очередь относятся имена действующих лиц эпических песен, так как в подавляющем большинстве случаев батары, их друзья и неприятели называются теми же именами, которые бытовали среди монголов до принятия ими ламаизма.

Эта традиция оказалась устойчивой: господство ламаизма не могло сколько-нибудь заметно поколебать ее, буддийские имена в героическом эпосе встречаются крайне редко.

Бум-эрдэнэ (ойраты), Очир, сын Гэсэр-хана (буряты), Маньбадар (халх-монголы) — буддийские имена, но и они содержат элементы древности. Так, отец Бум-эрдэнэ именуется Бурхан-ханом. Но **бурхан** в данном случае не означает **будда.** Нам известно название горы Бурхан-халдун, с которой так тесно связана история монголов, начиная с Бортчоно. В летописях Рашид-ад-дина упоминается под названием Бурхан, находившийся где-то в пределах кочевий кериитов.

Такой характер имен эпических героев, в частности, дает основание полагать, что былины у монголов возникли в добуддийский период его истории, которая насчитывает многие столетия.

Справедливость этого положения подтверждает и сопоставление былин с «Сокровенным сказанием» («Нууц товчоо»), летописи Рашид-ад-дина, а также сопоставление с некоторыми другими историческими сочинениями.

Монгольские летописи содержат, наряду с историческими данными, большое количество эпических фрагментов, преданий, следы древних мифов и т. д. При сравнении летописей с эпическими произведениями обнаруживается много общего. Рашид-ад-дин, например, сообщает древнейшую легенду о двух супружеских парах, уцелевших от разгрома и укрывшихся в местности Эргэнэхон, окруженной неприступными горами. От этих двух пар, как полагает летописец, и ведут свое происхождение нынешние монголы.

Почти такая же ситуация имеется в былине «Хошоо-чулуун-зурхт-хувэй-буйдэр-хуу» (халх-монгольская). Отец героя этой былины узнал, что на них собираются напасть мангасы. Он не может противостоять чудовищам, а сам герой находится еще в пеленках. Старик решил спрятать сыновей, подданных, имущество и скот в долине за горой. Сам же с женой остался дома. Мангасы напали и увели их в неволю, зато сыновья и подданные отца остались в живых.

Сообщение Рашид-ад-дина и завязка былины «Хошоо-чулуун-зурхт-хувэй-буйдэр-хуу» имеют известную общность ситуаций. И эту общность нельзя считать случайной, если учесть, что подобные параллели между летописями и эпическими произведениями не единичны.

Они имеют место и в легендах более близкой нам эпохи, эпохи Алун-гуа, прародительницы Чингис-хана в десятом колене.

Любопытны обстоятельства, при которых Алун-гуа стала женой Добу-мэргэна. По данным «Сокровенного сказания», брат Добу-мэргэна Дува-сохор, считающийся предком ойратов, имел всего один глаз по середине лба, но мог видеть этим глазом на расстоянии трех перекочевок. Он-то и увидел в группе кочующих Алун-гуа. Девушку посватали, и она стала женой Добу-мэргэна.

В «Сокровенном сказании» наше внимание привлекает одноглазый Дува-сохор. Возможно, здесь использован какой-нибудь былинный образ, тем более в эпических монгольских песнях одноглазые, как действующие лица, и до сих пор встречаются. Халхасская былина «Лучший из мужей эгээдэй-мэргэн» рассказывает о битве героя с одноглазым людоедом. Одноглазый мус — типичный образ калмыцкой сказки.

В «Сокровенном сказании» есть еще одна легенда. У Алун-гуа после смерти мужа родилось три сына. Старшие сыновья стали подозревать, что их сводные братья произошли от Малиг-баяуда, слуги Добу-мэргэна.

Тогда Алун-гуа сказала, что три ее младших сына произош-

ли от небожителя, который через верхнее отверстие юрты спускался к ней каждую ночь в виде светло-желтого человека. Попутно заметим, что многим былинным богатырям приписывается небесное происхождение. Гэсэр-хан появился на земле таким же путем, как и Бодончар. В ойратской былине об Эгэль-тюргэлэ сообщается, что родителями его были «Вечное синее небо и Қористая золотая земля». Именуется сыном неба (тэнгрийн хуу) халхасский герой Тэвэг-луу-баатар. Бурятский Айдурай-мэргэн своим творцом считает Эсэгэ-малана.

Не только обстоятельства рождения сближают Гэсэр-хана с Бодончаром, есть общее и в дальнейшей их судьбе. Известно, что Гэсэр-хан в юности имел непривлекательный вид (нусха). Непривлекателен и Бодончар в «Сокровенном сказании», который изображен дурачком (мунхаг). Однако Гэсэр-хан со временем стал славным воителем, прославился и Бодончар, создавший нечто вроде ранней монгольской империи.

Как сообщает Рашид-ад-дин, Мунулун, жена седьмого предка Чингис-хана, Дутум-мэнэма, имела так много скота, что не могла его сосчитать. Через каждые несколько дней Мунулун приказывала сгонять стада и табуны. И «когда от вершины горы, где она сидела, до подножия горы, у которого протекала большая река, становилось скота столько, что земля сплошь покрывалась копытами, она говаривала: «Собрано все полностью!»

Все изложенное Рашид-ад-дином можно было бы признать за подлинный исторический факт, если бы былинные герои не прибегали к подобному же способу учета поголовья скота. Эрэнцэн-мэргэн (герой халх-монгольской былины «Лучший из мужей Эрэнцэн-мэргэн») имел множество табунов. В том случае, когда долины заполнялись, он знал, что табуны собраны полностью. Если же долина заполнялась лишь наполовину, он видел, что не все лошади собраны.

Понятно, что такое сказочное богатство создано фантазией, в действительности его не было и не могло быть.

Если в приведенном нами примере устанавливается общность поэтической детали, то в сказании о женитьбе Эсукэйбатара («Сокровенное сказание») и многих халх-монгольских былинах обнаруживается сюжетная близость.

Вот сказание о женитьбе Эсукэй-батара. Ему приглянулась Оэлун, жена мэргидского Чилэду. Призвав на помощь двух своих братьев, Эсукэй-батар захватил Оэлун, которая, расставаясь с мужем, советует не думать о ней, спасать свою жизнь. Своему мужу она говорит, что жену, Чилэду, ты найдешь в любой повозке. Таким же образом ведут себя и жены эпических батаров. На владения батара нападает мангас и уводит семью и подданных. Придя на пепелище, герой получает весточку от жены. Письмом или через посланца она извещает о случившемся. Қак и Оэлун, эпическая хатан рекомендует супругу не подвергать опасности свою жизнь, следуя за женой, а вступить в брак с другой женщиной.

Сюжетная близость летописных повествований и эпических песен характерна и для эпохи Чингис-хана. Согласно «Сокровенному сказанию», Тэмужин родился с куском запекшейся крови в руке. Подобное мы имеем и в ойратской былине «Эгиль-мэргэн», в которой говорится, что Эгиль-мэргэн родился с куском запекшейся крови, зажатой в руке, и что во рту он держал алмазный черный меч.

«Сокровенное сказание» утверждает, что Чингис-хан поклонялся Вечному синему небу, которое было его защитником и покровителем. Ойратские герои тоже считают себя детьми Вечного синего неба. «Отцом его (Эргиль-тюргюля.— Г. М.) было Вечное синее небо, а матерью — Қористая золотая земля». (Былина «Эргиль-тюргюль»).

Мотив расколовшейся скалы встречается и в легенде о печати Чингис-хана, и в бурятской былине «Пятнадцатилетний Айдурай-мэргэн и его сестрица Агу-гохон», и уже в упомянутой былине об Эргиль-тюргюле, герой ее «появился на свет из узорчатого черного камня... который сам по себе растрескался».

Одна из легенд сообщает о своеобразном состязании между стариком и братьями Чингис-хана. Старик, натянув лук, вышел победителем. Это был сам Чингис-хан, подтвердивший, таким образом, свое превосходство над братьями.

Такой эпизод мы встречаем и в ойратской исторической песне о Шоно-батаре.[1] Важно отметить и другое: в основу предания положены факты истории, а именно: недоброжелательные взаимоотношения между Чингис-ханом и его братьями.

Этот перечень эпизодов и мотивов, общих монгольским эпическим произведениям и историческим сочинениям, можно было бы продолжать и дальше. Б. Я. Владимирцов, например, обратил внимание на наличие в былинах монголов второго богатыря, сначала противника, а потом друга героя, его побратима. По мнению Б. Я. Владимирцова, отношения между ними напоминают отношения между Жамугой и Тэмужином. Второй герой встречается во многих халхасских и ойратских былинах. Подобного рода художественные параллели убедительно свидетельствуют о древности монгольского эпоса.

Все сказанное выше подводит нас к определенному периоду истории монголов, который начинается эпохой Добу-мэргэна и кончается эпохой Чингис-хана. В эти хронологические рамки не укладывается лишь история с двумя супружескими парами, укрывшимися в Эргэнэхоне. Рашид-ад-дин сообщает, что бегство в Эргэнэхон было две тысячи лет назад, то есть за семьсот лет до н. э. Впрочем, установить точную хронологию, опираясь на предания, очень трудно. Несомненно одно — события,

---

[1] Легенда и песня о Шоно-батаре были записаны А. Позднеевым.

связанные с Эргэнэхоном, происходили задолго до Добу-мэргэна и Алун-гуа. Быть может, они относятся ко времени Бортчоно.

Эпоха Чингис-хана началась во второй половине XII в. и закончилась в 1226 году. А Добу-мэргэн и Алун-гуа отделяют от Чингис-хана десять поколений. Монгольские былины, следовательно, сложились в том виде, в каком они дошли до нас в последние столетия прошлого тысячелетия и в первые столетия нынешнего, то есть в период от 7—8 до 12—13 вв. Этот отрезок времени и является тем периодом эпического творчества, о котором писал Б. Я. Владимирцов. Правда, он ограничивает эпоху сложения монгольских былин концом XII и началом XIII вв. Приведенные же выше данные свидетельствуют, что начался этот период значительно раньше, указанные же Б. Я. Владимирцовым века явились его концом.

Наши примеры позволяют, с одной стороны, несколько конкретизировать период эпического творчества, с другой — установить, когда возникли былины халх-монгольские, ойратские, бурятские и внутренних монголов.

Процесс формирования эпоса у монгольских народов своеобразен, так как каждый из этих народов складывался и развивался в различных исторических условиях.

Бегство в долину Эргэнэхон, одноглазый персонаж, небесное происхождение героев, изображение их дурачками или неказистыми пареньками, подсчет поголовья скота по способу Мунулун-тарган, наказ жен, ставших добычей неприятеля, своим мужьям — все эти эпические элементы, как мы уже установили, относятся к дочингисовскому периоду, причем только последний из них (наказ жены) связан с матерью Чингис-хана. Эти же элементы характерны и для халх-монгольских былин, что дает нам основание сказать — предки нынешних халх-монголов раньше других племен перешли от древних форм поэтического творчества к созданию произведений героического эпоса.

В халх-монгольских былинах нет героев, рождающихся с куском запекшейся крови в руке. Герои небесного происхождения халх-монголам известны, но небо в этих произведениях только упоминается. «Вечное синее небо» в халх-монгольских былинах не фигурирует. В былинах отсутствует мотив, по которому из расселины скалы появляется кто-нибудь или что-нибудь. Не встречается и мотив о ненатягиваемых луках. Иными словами, более поздние, связанные с Чингис-ханом легенды не нашли отражения в богатырских улгэрах халх-монголов. Но зато все это есть в произведениях ойратского героического эпоса и в фольклоре вообще. Вероятно, ойратские былины возникли позже халх-монгольских. Если халх-монгольские былины связаны с эпохой Алун-гуа и Бодончара, то ойратские — с эпохой Чингис-хана.

Первые, таким образом, относятся к началу, а последние — к концу эпического периода, о котором в свое время писал Б. Я. Владимирцов.

Былины внутренних монголов по идейно-художественному содержанию не дают достаточных оснований для отнесения их к какому-нибудь историческому периоду. Но по своему сюжетно-композиционному своеобразию они ближе к халх-монгольским богатырским улгэрам. Возможно, халх-монгольские и южномонгольские былины складывались одновременно. А если и была разница во времени, то она была незначительной.

Труднее установить время сложения бурятских былин. Ни сопоставление их с летописями, ни с произведениями героического эпоса других монгольских народов, ни анализ сюжетов — ничего определенного в этом смысле не дают.

Отличительной особенностью бурятских былин Б. Я. Владимирцов считает их первобытность, архаичность. Ссылается он при этом на сюжетные особенности произведений, на «странный и страшный, туманный шаманский мир», на «страшные невиданные образы». А такой мир и такие образы, безусловно, являются архаизмом. В произведениях героического эпоса всех монгольских народов сосуществуют реальный мир с фантастическим. По мере эволюции былин фантастические элементы постепенно оттесняются на задний план, стираются, тускнеют.

Следовательно, «страшный мир» и «страшные образы» дают основание предполагать, что буряты дольше других монгольских народов задержались на предыдущем этапе поэтического творчества, позже приступили к созданию былин. Поэтому архаические элементы сохранились у них лучше, чем у халх-монголов или ойратов.

Установив хотя бы приблизительно хронологические рамки эпического периода, мы можем с большей уверенностью решать целый ряд других важных вопросов.

В разное время различными авторами предпринимались попытки отождествить или установить какую-то связь между эпическими героями и историческими личностями. Чингис-хана, к примеру, считали прототипом Гэсэр-хана, других эпических героев отождествляли с феодалами более поздних времен, а войны доблестных батаров рассматривались как феодальные усобицы.

Но героический эпос монгольских народов складывался в конце прошлого и начале нынешнего тысячелетия. Эпические герои, следовательно, древнее исторических ханов. К тому же в былинах рисуется иной мир, отличный от того мира, который известен нам по историческим сочинениям. В произведениях эпоса говорится о трех мирах: верхнем (небесном), земном и нижнем (подземном). Верхний мир населяют тэнгрии (небожители) земной — герои и простые люди, подземный — гигантские змеи, лусы (халх-монголы, ойраты и внутренние монго-

лы). Где-то между этими мирами обитают мангасы (мангадхаи бурятских былин), шуламы, шимнусы и т. д. Славные батары, как об этом указывалось выше, наделяются небесным происхождением.

В эпическом мире нет места для реальных ханов и для феодальных войн. Былинные герои сражаются с мангасами и шуламсами. Иногда батарам противостоят ханы, мэргэны, батары. Однако и такие персонажи часто оказываются представителями сверхъестественных сил. Так, шарайгольские ханы в прошлом были вероломными тэнгриями, которым Гэсэр-хан на небе девять раз наносил поражение. А на земле эти тэнгрии в виде ханов победили богатырей Гэсэр-хана.

Короче говоря, эпические герои мало имеют общего с историческими ханами. Столь же большая разница между феодальными войнами и войнами, которые ведут эпические герои. В эпосе отражается иной мир, иные герои и иные войны.

В свете изложенного легко решается вопрос о том, кто является автором монгольских былин. Очень далеки от истины те исследователи, которые объявляют произведения героического эпоса достоянием феодалов. Былины возникли раньше, чем сложились у монголов феодальные отношения.

Героический эпос — творение народа, а не феодалов. В нем отражается идеал простых людей, их представление об идеальном царстве и идеальном правителе. Этот идеал творцы былин противопоставляли реальной действительности. Столетия, прошедшие после возникновения былин, не внесли существенных изменений: многовековые традиции явились почти непреодолимым барьером для феодальной идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. II, М.—Л., стр. 18.
2. А. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1. Народные песни монголов. Спб, 1880, стр. 163—164.
3. Монголо-ойратский героический эпос. П.—М., 1923, стр. 8.
4. Монголо-ойратский героический эпос. П.—М., 1923, стр. 14.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

И. М. МАЦАКОВ

К ВОПРОСУ О КАЛМЫЦКИХ ЙОРЕЛАХ

(Материалы)

Все прекрасное, что появлялось в жизни калмыцкого народа, испокон веков вызывало радостный и утверждающий отклик в форме благопожелания. Так было, когда зарождалась жизнь, так было, когда человек достигал реально ощутимых результатов общественного или личного порядка. Благопожелание — это выражение чистых и искренних чувств ко всему тому, что питало человеческую жизнь.

Благопожелание — это особый вид калмыцкого устного народного поэтического творчества, художественным, ярким, глубоко проникновенным языком выраженная мысль.

Творцами благопожеланий у калмыков являются люди, умудренные жизненным опытом, одаренные творческой мыслью и способностью искусно высказывать благопожелания в знаменательные случаи.

Благопожелания, как определенная форма устного народного творчества, своими корнями уходит в далекое прошлое калмыцкого народа.

Академик Б. Я. Владимирцов писал о существовании особого рода народной словесности у ойратов (калмыков) и об их сущности: «...благопожелания (йөрелы) по большей части бывают тесно связаны с обрядом или другим каким-нибудь бытовым явлением» и что «...йорелы» — не только «благопожелание», но и твердое решение, обет».[1]

У калмыцкого народа среди многочисленных благопожеланий бытуют с давних времен благопожелания, которые высказываются при рождении ребенка. Родители приглашают старейшин рода, соседей для угощения, во время которого произносятся благопожелания семье и новорожденному. Вот образец этого благопожелания:

[1] Акад. Б. Я. Владимирцов. Образы монгольской народной словесности. (С.-З. Монголия) Ленинград, 1926. Предисловие, стр. VI—VII.

Шин һарсн[4]
Му үрнәнтн
Қинь акж
Қөлнь шоратж
Ээж аавиннь
Нер дуудулх
Эңкр үрн болтха.
Эн цаһан мөңгнлә әдл
Мөңк наста,
Бат кишгтә болж
Ардасн олн дүүнрән дахултха.

У рожденного ребенка
Дыханье чтобы окрепло,
Чтобы ножки в пыли были,[1]
Чтобы имя отца и матери
возвещал,
Любимым детищем был,
Подобным этой серебряной
монете был,[2]
Чтобы вечной жизнью жил,
Крепок в счастье был,
За собой многих потомков
вел.[3]

Наступает в жизни человека момент перехода к самостоятельной жизни — и на свадьбе произносится благопожелание:

Әмәр өнр болж
Аһурсар байн болж,
Теңгрин өвчн уга,
Төрчин аюл уга,
Дә уга давд,
Зуд уга һолд,
Эрни хард
Өвсни көкд
Салаһарнь тосн һоожж,
Саңнаһарнь көлсн гоожж,
Ачнран таньшго өнр болж
Агтан таньшго байн болж,
Амулң менд йовх болтн!

Многодетным будь,
Скотом богат будь,
Без болезней будь,
Вне стихий будь,
В местах без войн,
В долинах без бедствий,
В тени гор,
В зеленых травах будь,
Чтобы меж пальцев жир тек,
Чтобы по челу пот тек,
Чтобы внучат своих не узнавать, многосемейными будьте,
Чтобы не сосчитать, табунами богаты будьте!
В благоденствии здоровы будьте!

Когда приобретается одежда для того или иного члена семьи, по этому поводу кто-либо из старших или родственников произносит благопожелание:

Өмссн хувцнтн
Өлзәтә цаһан хаалһта болж,
Эднь элж
Эзнь мөңк нас наслтха!

Надетая на тебя одежда,
Чтобы открыла светлый,
счастливый путь,
Чтобы материал износился,
Чтобы вечной жизнью хозяин
ее жил.

---

[1] В смысле того, чтобы по земле ступал.
[2] Чтобы чист душой и телом был, дарят новорожденному серебряную монету.
[3] Перевод йорелей автора.
[4] Оригинал благопожелания.

Благопожеланием напутствовали человека, отправляющегося в путь по какому-либо общественному или личному делу, например:

Сансн санантн күцж
Сәксн бурхнтн йевәж,
Күүнд келүлл уга,
Нохад хуцулл уга,
Аль сансан күцәж
Алтн җола эргүлх болтха!

Чтобы исполнились
Замыслы твои,
Чтобы почитаемое
божество благоволило,
Чтобы никто тебе плохого
слова не молвил,
Собака на тебя не лаяла,
Замыслы любые исполнились,
Чтобы золотой повод
обратно повернул.

Самобытны благопожелания, связанные с приемом пищи. Благопожеланиями образно выражалась благодарность по поводу появления в доме редкостной пищи. Их тон подчеркивал, что это не случайный дар. Чтобы это было не в последний раз, нельзя было употреблять такую пищу, не выразив благодарности. Часто это сопровождалось особым ритуалом этнографического порядка. Самым главным кушаньем у калмыков была баранина. Когда резали барана, а это, безусловно, не являлось всегда доступным для бедного люда, то в первую очередь варили внутренности (почки, печенку, сердце и пр.), которые крошились и протушивались в котле, после чего выкладывались в чашу (тевш). Один из почетных членов семьи — мужчина, — стоя, держит в руках тевш, а самый почтенный старик произносит благопожелание. Вот этот текст и перевод благопожелания:

Цагин дунд бәәлһж,
Цасн цавд үвлзүлж,
Эңк нас өгч,
Мөңк жирһл өгч,
Йов гих зарһ уга,
Ях гих өвчн уга,
Киитн булгин уснд
Көк девән өвснд
Зуд уга һолд,
Дән уга дәвд бәәлһж,
Ижлнь олн болж,
Идсн махнь маднд
Аршан болтха!

Во все времена
На зимовке среди прогалин,
До глубины веков
Вечное счастье даруя,
Без бедствий,
Без болезней,
Среди трав зеленых,
У студеного родника,
В долине без стихий,
Вне враждебных бедствий
Подобных чтобы много было.
Употребляемое нами мясо
Пусть будет аршаном.

У калмыцкого народа сохранилось благопожелание, связанное с серьезнейшим событием, происшедшим три с половиной века тому назад—это переход из Джунгарии в пределы России.

Вмешательство маньчжурского императора во внутренние де-

ла монголов, постоянные междоусобицы своих феодалов не давали народу спокойно жить. Много бедствий испытали в то время простые люди. Калмыцкий народ, стремясь найти более благоприятные условия для своего существования, пришел тогда к мало заселенным низовьям Волги.

Величие Волги и природные богатства ее Низовья с первого же взгляда пленили посланцев калмыцкого народа, высланных вперед для изучения и определения мест, удобных для расселения. С воодушевлением они докладывали пославшим их:

Урсхлинь авад шинҗлхлə:
— Хоосн таниг хайхшв
Ховдг седкл зүүхшв.
Тер учрар:
Җирн җилдəн җирһхв бидн
Җирнəсн цаарандкнь
жирлһн болад бəəнə.

«Если понаблюдать за течением, — говорили послы, — то течение Волги как бы сказало: «Обездоленными вас не оставлю и скряжнические чувства не возымею».
Поэтому в течение шестидесяти лет будем жить в блаженстве, а после шестидесяти — для нас мираж».[5]

После прихода калмыков к берегам Волги рождается благопожелание, выразившее цели и стремления этого народа.

Өндр ик сəəхн Алта уулин өөрəс
Өргндəн делгрҗ һарсн,
Ижл һолд бəəршгсн,
Өөрд нерəдлһтə улсин
Төр-төкмнь батрҗ,
Цуһарн амулң эдлх болтха!
Басчн бүгдин əмтн җирһҗ,
Буст хамг даргдх болтха!
Эрдм-сурһуль нарн мет
Мандлх болтха,
Төр-төкм хойрнь
Хад мет батртха!

От подножия высокой красивой горы Алтая
двинувшиеся, развернувшись во всю ширь,
У народа, обосновавшегося у реки Волги,
Ойратами называющегося, дела,
укрепляясь, пусть благоденствуют.
Да еще объединившийся народ здравствует, все враждебное подавляя,
Просвещение подобно солнцу пусть сияет.
Дела и мысли подобно скале пусть крепнут!

Чтобы жизнь народа протекала без войн, чтобы дела были успешными, чтобы просвещение распространялось — такова основная идея этого благопожелания.

---

[5] Записано со слов поэта К. Эрендженова.

Жил калмыцкий народ на этой территории, лелея в душе мысль о счастливой и радостной жизни в будущем. Многострадален был путь этого народа, так как и в России царила социальная несправедливость, от которой страдали все народы империи и которая неминуемо отражалась и на жизни калмыцкого народа. Нойоны и зайсанги, впоследствии ставшие царскими сатрапами, вместе с царскими чиновниками обрекали калмыков на тяжелую участь эксплуатируемых. Чаяния и стремления их, выраженные в благопожелании, сложенном при приходе в Россию, не находили претворения в жизнь в таком виде, как мечтал народ.

В таких условиях была сложена народная поговорка: «Времена чередуются». Пришел Великий Октябрь, давший калмыкам наравне со всеми народами Советского государства иную жизнь, о которой они могли лишь мечтать, включил их в единую многонациональную советскую семью и вывел на новый путь общественного развития.

Благодарный и признательный народ слагает благопожелание новой народной власти, созданной под руководством великого Ленина. Это подлинно реалистическое, глубоко идейное, полное блестящих художественных сравнений благопожелание.

«Великий Ленин, изучив богатого, дворянина и бедняка, изгнал богачей и дворян и нам, беднякам, хорошую жизнь дал. Ежегодно 7 ноября, живя при власти, созданной Лениным, выражаем благопожелание: «Пусть просвещение распространяется, народ растет и размножается, нашим сынам и дочерям эта власть пусть опорой будет. В сердце учение Маркса—Ленина пусть впитывается, как алмаз пусть блистает, благоденствие России пусть умножается, как звезды, народ многим пусть будет, как луна, красивы, как солнце, светлы пусть будут, жизни долги пусть будут и пусть пользуются и владеют они благами жизни вселенной!»

«Алдр Ленин байн, зəəсң, угатя һурвиг шинҗлəд, байн нойн улсиг көөҗ əрлһəд, угатя манд сəн җирһл үзүлсн болдг. Эн йосиг бидн йөрəл тəвхлəрн җил бүүрд, сəн өдр болһнд ноябрин доланд, Ленина һарһсн йоснд бактҗ, эрдм-сурһуль элвг болҗ, өндр-өнр болҗ, эн үрн саднд номин залмҗ болҗ, эркəн чиңгə зүркнднь Маркс-Ленинə сурһуль тогтаҗ, җиндм эрднь кевтə герл һарч, Өрəсəн нутгин амулң делгрҗ, алькчн насндан җиндм эрднь кевтə герл һарч йовх болтха! Одн мет олн болҗ, сар мет сəəхн болҗ, нарн мет герлтə болҗ, насн хамгнь ут болҗ йиртмҗин җирһл эдлҗ йовх болтха!»

Таковы ответы на все хорошее в жизни, выраженные творческим разумом благодарного народа.

По своим художественным особенностям калмыцкие «благопожелания» почти ничем не отличаются от старооиратских. Акад. Б. Я. Владимирцов полагает, что «по языку «благопо-

желания» мало чем отличаются от языка лирических песен, в особенности шаштр дун».[6]

«Благопожелания» никогда не поются, а их «произносят» особым речетативом. Повсюду можно встретить признанных мастеров произносить йөрелы.

Благопожелания не могли не направлять сознание людей на борьбу за устройство своего благополучия, не звать к труду и всеобщему счастью.

Разнообразны благопожелания, как и сама жизнь. Они дают возможность познать все стороны жизни калмыцкого народа в разные периоды его истории.

---

[6] Акад. Б. Я. Владимирцов пишет, что «шаштр дун» — один из родов ойратских песен (аадм дун, шаштр дун, шалик дун). По его определению, «шаштр дун» — это «песни буддийского духовного содержания, песни про монастыри, про лам-святителей». Между прочим, у калмыков в данное время ни одно из этих названий не применяется. Однако калмыкам было известно понятие «шаштр дун» до революции. Возможно, что все эти три поэтические понятия бытовали, но только в кругу духовенства. Сам же калмыцкий народ, храня богатое устное народное поэтическое творчество, к определению их по поэтическим родам не прибегал. Не встречаем мы этого и в калмыцких письменных памятниках.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

Д. А. ПАВЛОВ

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ «ТОДО БИЧИГ»

По вопросу о создании ойратской письменности «Тодо бичиг» еще нет специальных работ. Все авторы, которые касались этого вопроса, освещали его лишь мимоходом. А между тем «Тодо бичиг», как выдающееся культурное наследие ойраг-калмыков, и его создатель Зая-Пандит, как видный просветитель, должны стать предметом специального научного исследования.

Автор же задался здесь скромной целью — ознакомить широкий круг читателей, а также интересующихся лиц с «Тодо бичиг» в сравнении со старомонгольской письменностью и причинами ее создания. Ниже делается попытка выяснить фонемную основу ойрат-калмыцкого языка по буквенным знакам этой письменности и рассмотреть некоторые фонетические явления, связанные с изложенным. Выяснение этих вопросов, несомненно, представит известный интерес с точки зрения изучения истории развития фонетической системы калмыцкого языка.

Тодо или тодрха бичиг («Ясное письмо») было создано в 1648 году на базе общемонгольской письменности, которая называлась у калмыков монгол бичиг (монгольское письмо) или хуудма или хуучин бичиг (древнее письмо). Название же «Тодо бичиг», или «Ясное письмо», возникло в отличие от старомонгольской благодаря четкому и последовательному обозначению каждой фонемы ойрат-калмыцкого языка одной какой-либо определенной буквой и строго продуманной системы правописания.

История создания «Ясного письма» тесно связана с образованием суверенного Ойратского или Джунгарского государства. Как известно, после падения Юаньской (монгольской) династии ойратские племена, входившие в состав Юаньской империи, по выражению акад. С. А. Козина, как члены федерации, в первой половине XV столетия образовали свое государство при правителе Тогон-тайши и его сыне Эсене.

Политическая история ойратов становится известной с середины XV века именно под названием «Дөрбен ойрат», то есть как четыреединый ойратский каганат.

Образование ойратского ханства способствовало процессу сложения ойратской народности, сопровождавшейся самобытным развитием ойратского языка, устного народного творчества, искусства и литературы в целом. Ойратская литература, как отмечает акад. С. А. Козин, «отпочковалась от единой монгольской литературы XIV—XV столетия, хотя все еще и оставалась на базе единой монгольской письменности».[1]

Одним из выдающихся памятников эпохи ойратского возрождения является героический эпос калмыцкого народа «Джангар», время сложения которого относится к середине XV века.

Своего наивысшего развития ойратское ханство достигает в XVII веке, когда на историческую арену выдвигаются такие крупные общественные деятели, как Батур-хун-тайджи, Хо-Орлюк и Зая-Пандита.

В целях дальнейшего укрепления своего государства и упрочения единства внутри страны Батур-хун-тайджи проводит большие внутриполитические и внешнеполитические мероприятия. Он неоднократно добивается установления дипломатических и торговых отношений с Китаем, со странами Средней Азии, а также с Россией.

В период становления Джунгарского ханства появилась необходимость создания новой письменности, способной обслуживать все стороны общественной жизни ойратов. Старомонгольская письменность с полифонею многих знаков уже не отвечала возросшим государственным требованиям и задачам культурного возрождения ойратской народности.

Создание так называемого «Ясного письма», на наш взгляд, было тесно связано с именем Батур-хун-тайджи и объясняется стечением ряда причин.

В «Сказании о Дөрбен ойратах» Батур Убуши Тюменя сказано: «Свидания и беседы с зюнгарским[2] Батур-хун-тайджием, законодателем ойратским, окончательно убедила Зая-Пандиту приступить к великому делу: «Зимой 1648 года он составил ясные буквы».[3]

Создатель «Ясного письма» Зая-Пандита (1599—1662), ойрат хошутовского поколения, крупный ученый своего времени, получил в Тибете высшее буддийское образование и ученую степень рабджамбы (доктора философии). «Ясное письмо» получило известность в науке под названием зая-пандитской или калмыцкой.

---

[1] С. А. Козин. «Джангариада», Л., 1940, стр. 13.

[2] Зюнгария, или Джунгария, образовано от двух слов «зюн гар», что означает — левая сторона.

[3] Ю. Лыткин. «Астраханские губернские ведомости» № 33, от 14.VIII-1859.

Правители Джунгарского государства, решая вопросы о создании новой письменности, не могли не учитывать древние традиции монгольской письменности. Как известно, при организации монгольской империи была создана монгольская письменность на основе уйгурской графики, а при Юаньской династии было создано квадратное письмо на основе тибетского алфавита. Выбор же Зая-Пандитской уйгурской графической базы, как отмечал академик С. А. Козин, «лишний раз свидетельствует о том, что инициатива уйгурского письма и последовательное сохранение его традиции принадлежали, по-видимому, западным монголам».[4]

С появлением зая-пандитской письменности завершается общемонгольский период пользования древней монгольской письменностью, которая была общей для всех монгольских народов, в том числе и для ойрат-калмыков, и являлась «мощным связующим звеном между восточными и западными монголами (ойратами)».[5] С середины XVII века начинается средний период ойратского письменного литературного языка. Причем для калмыцкого народа, обретшего вторую родину в России, этот период завершается Октябрьской революцией, а новый период развития калмыцкой литературы и калмыцкого литературного языка начинается с послеоктябрьского периода.

Кроме того, при создании новой ойратской письменности преследовали цель способствовать распространению ламаизма среди ойратов на понятном для них письменном языке.

Старомонгольская письменность не могла в должной мере способствовать победе Зая-Пандиты в борьбе за искоренение шаманства среди ойратов и распространению ламаизма. Ламаистская литература, которая издавалась на древнемонгольском письменном языке, для калмыков была малопонятна, а старомонгольская письменность, которой ойраты пользовались до того времени, не могла отражать фонетическую систему ойратского языка.

Помимо обстоятельств политических и религиозных, были и языковые причины, которые и сыграли в данном случае основную роль.

Огромный разрыв между архаической формой написания и звуковой системой живого языка ойратов привел к явному противоречию между письмом и речью. По свидетельству персидского ученого Рашид-ад-дина (1247—1318), еще в начале XIII века ойраты несколько отличались по своему языку от остальных монголов. Рашид-ад-дин о языке ойратов писал: «Несмотря на то, что их язык монгольский, он [все же] имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен... [Ойраты] всегда имели государя и вождя. Хотя во времена Чин-

---

[4] С. А. Козин. Эпос монгольских народов, М.—Л., 1948, стр. 107.

[5] С. А. Козин. Там же, стр. 6.

гис-хана они оказали некоторое сопротивление [монголам], однако [скоро] прекрасно смирились и покорились... Чингис-хан поддерживал с ним связь».[6]

В результате распада империи Чингис-хана и некогда единого языка монголов диалект ойратов, стоявший несколько особняком от всех других монгольских диалектов XIII века, дал начало образованию самостоятельного языка ойратской народности. Проф. Г. Д. Санжеев отмечает, что процесс образования самостоятельных монгольских языков в основном протекал в XIV—XVII столетиях, а на рубеже XVI и XVII веков завершается процесс сложения современной грамматической системы монгольских языков и образование долгих гласных в результате выпадения интервокальных согласных **б, һ, г** и **й**.[7] В этот период происходит так называемый третий перелом гласного **и**, что и повлекло за собой существенную эволюцию и в фонетическом облике языка ойратов. В результате этого произошла взаимная ассимиляция двух качественно различных гласных: **и** и **у—ү, и** и **а, э** и **ү**: зурһа:н, заһасун, чусун, чолуун, шүдүн, җоло:, өдөр, вместо җирһуһан — «шесть», җиһасун — «рыба», чисун — «кровь», чилаһун — «камень», шидүн — «зубы», җилуһа — «повод», эдүр — «день» и др. В указанный же период в языке ойратов свистящий аффрикат **дз** развился в спирант **з**, а смычный **к** сохранился без изменения и писался во всех словах с гласными переднего ряда, а в словах с гласными заднего ряда встречается этот согласный в сочетании с нейтральным **и**: салкин — «ветер», цокиху — «бить».

Таким образом, к периоду сложения Джунгарского государства в языке ойратов произошли большие изменения фонетического и морфологического порядка. Ойратский язык пополнился значительным количеством заимствованных слов из китайского, санскрита, тибетского и тюркских языков. «Влияние тюркского языка развило в языке ойратов или западных монголов мягкость, гибкость и упругость, которых был лишен язык восточных монголов; живость и необыкновенная сжатость, удивительная беглость и кипучесть живого говора ойратов вполне выражали их жизнь кипучую, деятельную...»[8]

Эти коренные изменения, происшедшие в языке, потребовали не реформы, а создания новой письменности. Графика старомонгольского письма совершенно не в состоянии была точно передать звуки живой речи ойратов и обеспечить потребность дальнейшего развития языка ойратской народности, а ее орфография стала совершенно архаичной и малодоступной.

Одним словом, несовершенность старомонгольской письменности, оторванность ее от живой речи — вот главное, что явилось непосредственной причиной, приведшей к созданию заяпандитской письменности.

[6] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М., т. 1, стр. 118—119.

[7] Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, стр. 16.

[8] Ю. Лыткин. «Астраханские губернские ведомости» № 33 от 14/VIII-1859.

«Как бы отвечая новым потребностям и национальному самосознанию ойратов, — писал акад. Б. Я. Владимирцов, — представитель одного из ойратских племен хошутов Зая-Пандита, получивший солидное образование в Тибете, изобрел в 1648 году ойратский алфавит, основанный на общемонгольском, и установил правила новой орфографии, руководствуясь главным образом этимологическим принципом правописания. Еще большая заслуга Зая-Пандиты заключается в том, что им был определен и установлен литературный язык ойратов»,[9] на котором Зая-Пандита в течение 12 лет (1650—1662) перевел 177 названий, а его ученики — 37 названий сочинений из санскрита и тибетского языка по вопросам буддийских канонов, медицины, философии, астрономии и пр.

Новая письменность, созданная Зая-Пандитой, должна была быть способной точно отражать происшедшие изменения в языке и служить не только для обслуживания нужд государственной переписки и буддийской церкви, но и быть хранителем литературного языка.

Основой ойратского письменного литературного языка послужил язык устного народного творчества ойратов, типичными образцами которого являются «Джангар», повесть «История Убуши-хун-тайджи», время сложения которой датируется 1587 годом.

Акад. Б. Я. Владимирцов писал: «Зая-Пандита не ограничился изобретением новых букв и нового правописания, он стремился создать новый литературный общеойратский письменный язык.

Зая-Пандита со своей задачей справился вполне: он создал действительно общий литературный язык на почве ойратских говоров... По-видимому, для Зая-Пандиты материалом еще послужил и живой эпический язык ойратов».[10]

«Ясное письмо» получило признание у всех ойратских племен Джунгарии, Кукунора и Поволжья. С созданием «Ясного письма» была заложена основа калмыцкого письменного языка. Этот письменный язык стал государственным языком поволжского калмыцкого ханства.

На этом письменном языке велась вся официальная переписка калмыков. На новую письменность были переложены «Великое уложение» и другие документы. Этой же письменностью был записан калмыцкий героический эпос «Джангар» — гордость калмыцкого народа, его изумительный вклад в сокровищницу мировой литературы.

[9] Б. Я. Владимирцов. Литература Востока. Вып. II. Сборник статей, 1920, стр. 94.

[10] Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929, стр. 25—26.

Кроме того, принимались меры по повышению грамотности на новой калмыцкой письменности. В законе Дондук-даши 1751 года, являвшемся дополнением к «Великому уложению» 1640 года, предусмотрены штрафы с родителей за необучение детей до 15-летнего возраста монгольской письменности.[11]

Составленный Зая-Пандитой калмыцкий алфавит в сравнении со старомонгольским алфавитом выглядит так (стр 115).[12]

От монгольского калмыцкий алфавит отличается внешним своим начертанием, дополнительными буквами и диакритическими знаками, позволившими точно передавать звуки калмыцкой речи.

К периоду создания «Тодо бичиг» в языке ойрат-калмыков были следующие основные фонемы:

а) гласных кратких семь: **а, о, у, э, ө, ү, и;**

б) гласных долгих семь: **а, о, у, э, ө, ү, и;**

в) дифтонгов семь: **ай, ой, уй, эй, өй, үй, ий;**

г) согласных девятнадцать: **б, г, һ, д, ж, з, й, к, л, м, н, ң, р, с, т, х, ц, ч, ш.**

Таким образом, зая-пандитский или старокалмыцкий письменный язык зафиксировал 21 гласный и 19 согласных, итого 40 основных звуков, которые имели фонематическое значение. В отличие от старомонгольской, калмыцкая письменность характеризовалась наличием особого обозначения долгих гласных фонем. Как видно из приведенной выше таблицы, звуковой состав древнемонгольского языка передавался монголами двадцатью буквами, а калмыки, в связи с созданием своей письменности, фонемный состав своего языка передавали двадцатью семью буквами.

На основе алфавита, созданного Зая-Пандитой, была составлена особая калмыцкая азбука, которая называлась цаһан толһа.[13]

В этой азбуке, исходя из графической близости и сочетаемости знаков алфавита, буквы зая-пандитского алфавита были расположены в следующей последовательности: **а, э, и, о, ө, у, ү, н, х, һ, б, с, ш, т, д, л, м, ц, з, й, к** (твердый), **к, г, в, р, ж, п.**

---

[11] По старой традиции калмыки «Тодо бичиг» («Ясное письмо») иногда называли монгол үзг (монгольские буквы), умея в виду калмыцкий. Проф. К. Ф. Голстунский писал: «Слово «монгол» калмыки употребляют в значении «калмыцкий», когда говорится о письменах: моңгол үзүг означает «калмыцкие буквы», монгольские письмена калмыки называют словом худма (то есть современ. хуудм Д. П.) См. «Монголо-ойратские зокалы», стр. 137.

[12] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцк. языка, Казань, 1849, стр. 3.

[13] Цаһан толһа — дословно «белая голова». У калмыков все, что является благородным, связано со словом цаһан: цаһан сар («белый месяц» — «начало весны»), цаһан идэн («молочные продукты»), цаһан хаалһ («счастливый путь»), цаһан санан («благородная мысль») и др.

Монгольскія			Калмыцкія			Произношеніе.
Въ началѣ.	Срединѣ.	Концѣ.	Въ началѣ.	Срединѣ.	Концѣ.	
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	а
[illegible]			[illegible]	[illegible]		э
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	и
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]		о
			[illegible]	[illegible]	[illegible]	у
[illegible]	[illegible]		[illegible]	[illegible]		ö
			[illegible]	[illegible]	[illegible]	ӱ
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]		Не пишутся.	ха
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]			га
[illegible]		[illegible]	[illegible]			кхэ
			[illegible]			ге
			[illegible]			ка
				[illegible]		к

Монгольскія			Калмыцкія			Произношеніе.
Въ началѣ.	Срединѣ.	Концѣ.	Въ началѣ.	Срединѣ.	Концѣ	
	[illegible]	[illegible]		[illegible]	[illegible]	нı
[illegible]			[illegible]		Не пишется.	ц. ч.
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]			[illegible]
			[illegible]			j
[illegible]	[illegible]		[illegible]			д
	[illegible]	[illegible]	[illegible]		[illegible]	г
[illegible]		[illegible]	[illegible]		[illegible]	н
[illegible]		[illegible]	[illegible]		[illegible]	б
[illegible]		[illegible]	[illegible]			с
[illegible]		[illegible]	[illegible]			ш
[illegible]		[illegible]	[illegible]		[illegible]	л
[illegible]		[illegible]	[illegible]		[illegible]	м
[illegible]		[illegible]	[illegible]		[illegible]	р

Зая-Пандита выработал для своей письменности графику, исходя из фонетической системы родного языка. Знаки нового алфавита были вполне пригодны для точного обозначения всех основных фонем живого ойрат-калмыцкого языка. Отношения между буквами и звуками живой речи были очень близки в период создания данной письменности. Поэтому мы по его графике определяем основной фонемный состав калмыцкого языка среднего периода.

Зая-пандитское письмо, как мы видим, соотнесено с фонетической системой языка и наиболее разносторонне отражает язык калмыков того периода. Здесь каждой отдельной букве, или графеме, являющейся основной единицей звукового письма, соответствует одна кратчайшая звуковая единица.

Калмыцкий язык относится к языкам агглютинативного типа, в фонетической системе которых особо важную роль играют гласные фонемы. Поэтому они нашли последовательное свое обозначение в старокалмыцком письменном языке. В пределах материалов, которыми мы располагаем, трудно судить о характере возможных звуковых оттенков гласных фонем в языке калмыков в период создания «Тодо бичиг». Но известно, что позиционная определенность гласных первых слогов, наличие долгих гласных в любой позиции и четкость последних слогов слова обеспечивали ясную артикуляцию гласных в языке калмыков того периода. Что касается согласных, то старокалмыцкий письменный язык свидетельствует о наличии таких оттенков согласных, которые, имея специальное буквенное обозначение, все же не имели фонематического значения. Так, для обозначения оттенков или вариантов имелись три буквы: **к** — для обозначения звука **к** в сочетании с мягкими гласными или перед **и**, **к** — для написания того же звука с твердыми гласными, **к** — для написания того же звука с глухим оттенком, который писался перед любым согласным и на конце слога.

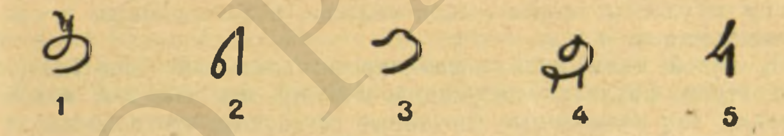
Созданная Зая-Пандитой звуковая система письма характеризуется своей большой простотой, возможностью обходиться меньшим количеством знаков и легкостью при передаче грамматических форм слов.

Некоторые знаки калмыцкого алфавита, как и алфавита старомонгольского письменного языка, имеют три разных начертания в зависимости от того, где они находятся: в начале, середине или конце слова.

В отличие от старомонгольского в калмыцком алфавите одинаковы средние и конечные начертания букв **э**, **о**, **ө**, а также начальные и средние начертания букв **х**, **һ**, **ч**, **к**, **к** (твердый), **г**, **ц**, **з**, **й**, **т**, **д**, **н**, **б**, **л**, **м**, **р**. Причем первые десять согласных букв не имеют конечного начертания, так как соответствующие звуки не бывают в абсолютном конце слога, а буквы **д**, **н**, **б**, **л**, **м**, **р** такое начертание имеют. Буквы **с**, **ш** по своим начертаниям не подразделяются на начальные, средние и конечные, то есть во всех позициях в слове пишутся одинаково.

Зая-Пандита ввел дополнительно семь новых букв, а семь букв снабдил особыми диакритическими знаками: **у**, **х**, **һ**, **н**, **к** (конечный и средний) — диакритическими знаками спереди, а буквы **ш**, **ө** — диакритическими знаками сзади.

Для передачи звуков в заимствованных словах, особенно с тибетского языка и санскрита, были изобретены специальные буквы, называемые галик:



соответственно — **п**, **в**, **к** (твердый), **ж**, **ч**.

В связи с этим Ю. Лыткин писал: «Преимущество ойратского алфавита перед монгольским состоит в том, что здесь буквы более округлены и для каждого звука, даже оттенков его, были придуманы определительные знаки так, что ими возможно было передавать звуки живого языка—сильного и энергичного. Передавая вполне живой говор народа, письменность с этих пор сделалась способной быть как бы хранилищем жизни ойратов в слове, дала ойратским поколениям начало единства и самобытности, служа средством передачи умственного образования».[14]

В старомонгольской письменности такие звуки, как **о** и **у**, **ө** и **ү**, **к** и **г**, передавались одними знаками, фонемы **д** и **т** передаются разными вариантами. Одним и тем же знаком обозначаются среднеязычный **й** и аффрикат **дз** или в диалектах— **дж**. Знак, обозначающий **а** в начале слова, мог передавать согласный **х** в середине слова или сочетание гласного **е** и согласного **н**. Такая несовершенность алфавита «образовала в старописьменном монгольском языке, — пишет проф. Г. Д. Санжеев,—определенное количество графических омонимов, фонетическое значение которых устанавливается только в зависимости от контекста».[15]

Б. Х. Тодаева, отмечая графическую сложность и трудность усвоения монгольской письменности, нерациональность построения монгольского алфавита, приводящий к разночтению многих слов, указывает, что «этот алфавит включал в себя 14 знаков. Только три из них имели самостоятельное значение — **л**, **м**,

---

[14] Ю. Лыткин. «Астраханск. губернские ведомости» № 33, от 14/VIII-1859

[15] Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, 1953, стр. 17.

р, остальные 11 знаков имели одновременно по нескольку значений».[16]

Несовершенность монгольского алфавита, когда одним знаком передавалось несколько различных фонем и, наоборот, одна фонема передавалась несколькими знаками, приводила к чтению текста по догадке ,опираясь на контекст. Одинаково писались, но по-разному читались, например, такие слова, как дзаһун «сто» и йаһун «что», хота «ограда» и худа «сват», өнөр «многосемейный» и үнүр «запах», хор «карман» и хур «дождь», унуху «садиться на коня» и оноху «попасть в цель», утаһан «дым» и удаһан «долго», эндэ «здесь», ата «верблюд» и ада «сумасшествие» и т. д.

В новой калмыцкой письменности, созданной Зая-Пандитою, строго различались фонемы **а-е, о-у, ө-ү, г-к, д-т, ж-з-й,** а также так называемые гортанные согласные, что показано в указанной выше таблице по графе «Произношение» над буквами **ха, га, кхэ, ге, ка, к.** Но фонемы **ж-з** и **ч-ц** соответственно имели по одному знаку и различались либо орфографическими средствами, в зависимости от позиции (перед гласными **и** означал **ж** и **ч,** а перед прочими гласными — **з** и **ц**), либо в соответствии с нормами устного произношения (чоно—«волк», цусун — «кровь»).

Соответственно было решено обозначение долгих гласных. Долгие гласные **у** и **ү** передаются удвоенным обозначением одной и той же буквы, а долгие **а, о, ө, э** — присоединением черточки направо от корпуса буквы по основанию. Этот знак долготы носит название «сербе» (крючок). При обозначении долгих гласных в середине и на конце слова по общему правилу не ставится начальный «зубец» (аран). Примеры обозначения долгих гласных:

ā ō ӯ э̄ ө̄ ү̄ ӣ

Такой способ обозначения долгих гласных приблизил письмо к живой речи. В письме оказалось возможным различать ула:н, хаша:, доло:н, бо:рцок, уула, буурал, теме:н, кезе:, дөрө:, белкүүсен, күүн, соответственно, вместо улаһан — «красный», хашийа — «ограда», долуһан — «семь», боһорсак — «лепешка», аһула — «гора», буһурал — «чалый», темеген — «верблюд», кезийе — «когда», дөрүге — «стремя», белгегүсүн — «поясница», күмүн — «человек», как это было принято в старомонгольской письменности.

[16] Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка, 1951, стр. 7.

Приведенные примеры способа передачи долгих гласных в зая-пандитской письменности свидетельствуют о том, что задолго до ее создания произошло выпадение интервокальных **һ, г, м, й.** Стяжение двух слогов и образование долгих гласных, как отмечает проф. Г. Д. Санжеев, шло неравномерно и не полностью было завершено в языке ойратов в половине XVII века, то есть к периоду сложения зая-пандитской письменности. Способ орфографирования дөү, өүден, өүлен, зөүн, өүр в зая-пандитской письменности, развившийся впоследствии в дүү — «меньший», үүден — «дверь», үүлен — «облако», зүүн — «левый», үүр — «гнездо», выражал живую речь ойратов того периода. Не было никакой надобности обозначать долгий **ү** сочетанием **өү**, если этого не было бы в живой речи, тем более когда в алфавите Зая-Пандиты были специальные знаки для обозначения долгих гласных **ү** и **ө.**

В зая-пандитском или старокалмыцком письменном языке в падежных аффиксах долгий **и** обычно передается удвоенным обозначением **и,** но без начального зубчика, см. рис. № 4 (долгий **и** с начальным зубчиком см. на стр. 119 последний рисунок); под № 1 показан способ обозначения долгого гласного **и** после палатализованных **н** и **л,** под № 2 показано сочетание **иу,** а под № 3 — сочетание **иү.**

ӣ иу иү ӣ
1 2 3 4

Следует отметить, что к периоду создания зая-пандитской письменности не было завершено образование долгих гласных и от сочетаний **иу** и **иү**, восходящих к **иһу** и **игү:** ариун —«чистый», хариу — «ответ», териун—«первый», кеблиун—«статный», хажиу — «бок», хажиул — «бревно». Указанные сочетания подверглись регрессивной ассимиляции после создания зая-пандитской письменности и развились в долгий **у** или **ү** лишь после. При этом гласный **и** указанного сочетания как в словах коренных, так и производных, подвергаясь ассимиляции, одновременно смягчал предшествующие гласные твердого ряда: хариу → хәрүү — «ответ», ариун → әрүүн — «чистый», бариулху → бәрүүлхү — «задержать». В словах же с гласными мягкого (переднего) ряда или, будучи после согласных **ж, ч, ш,** в словах любого ряда гласный **и** этого сочетания ассимилировался в долгий **у** и **ү**, не оказав палатализующего влияния на соседние гласные и согласные (териүн → түрүүн — «первый», хажиул → хажуул — «бревно», хошиун → хошуун — «адм. единица», орчиулху → орчуулху — «переводить», чабчиур → чаб-

чуур — «кирка», негжиул → негжүүл — «обыск». В халха-монгольском языке сочетание **иу** до сих пор частично сохранилось в живом языке и имеет соответствующее оформление в современной орфографии — хариу — «ответ», бариул — «ручка».

Большой интерес представляет способ передачи в зая-пандитской письменности слов типа **хани:ху** — «кашлять», **хурни:сун**[17]—«морщинка», толи:р—«зеркалом», мали:а—«плетка». Эти и подобные им написания убеждают нас в том, что в период создания зая-пандитской письменности в языке ойратов произошла палатализация согласных **л** и **н** под влиянием мягкого **и,** начавшегося подвергаться редукции и палатализующе влиять на предшествующие в слове гласные твердого ряда. Известно, например, что до создания зая-пандитской письменности сочетания **ийа** и **ийе** развились в долгие **а** и **е**. Казалось бы, что надо было писать **хана:ху, хурна:сун** подобно словам **ара:ту** ← **арийату** — «лисица», **така:** ← **такийа** — «курица». Однако этого не случилось, так как Зая-Пандита знаком **и** стал обозначать долготу данного звука и палатализацию предшествующего согласного (см. на стр. 119 под № 1 способ обозначения долгого **и** после палатализованного согласного). Надо полагать, уже тогда произносилось, видимо, так: хан'а:ху — «кашлять», хурн'а:сун — «морщинка», тол'о:р — «зеркалом».

О начавшейся палатализации предшествующих твердых гласных под влиянием последующего гласного **и** свидетельствует также написание в зая-пандитской письменности, как **мори:со, мори:р** — «конем», **хуби:са** — «из части», **хони:со** — «из овцы».

В словах **морин, хуби, бари** и **хони** гласный **и** не является долгим. По общему правилу словоизменения в окончаниях исходного и творительного падежей или разделительного деепричастия должны мы были видеть долгие гласные: **моро:р, хуба:р, хуба:с, бара:т** и др. Но такое написание, безусловно, тогда не соответствовало бы живой речи, поэтому создатель нового письма стал передавать эти окончания через **и,** что следует рассматривать как способ передачи начавшейся палатализации предшествующих твердых гласных. В этом отношении большой интерес представляет написание слова **морин** через **мөрин** в «Великом уложении», переложенном на зая-пандитскую письменность. Все это свидетельствует о том, что знак **и** использовался, помимо своего прямого значения, как средство передачи начавшейся палатализации предшествующих твердых гласных, а также согласных **л** и **н**.

Что касается написаний типа **ачи:са, ачи:р** — «внуком», **элчи:р** — «послом», **хажи:р** — «косой», то его следует объяснить устойчивым характером гласного **и** в составе аффриката **ч, ж.**

---

[17] Знаком : (двоеточие) указана долгота гласных, обозначавшаяся в зая пандитской письменности черточкой сзади букв.

Не случайно и в настоящее время после этих согласных гласный **и**, будучи в непервых слогах, потерял неполностью свой отличительный качественный признак: мы скорее слышим **ачи** «внук», **келҗи** «говорил» **көглҗирһн** «голубь», чем **ач, келҗ, көглҗрһн.** В составе других же согласных гласный **и,** будучи в непервых слогах, превратился в неясный гласный или подвергся полному исчезновению, например, **мөрін**[18] «лошадь», — но **мөртә.**

Как видно из изложенного, Зая-Пандита прекрасно разбирался в звуковой системе родного языка. Это позволило ему очень умело и глубоко продуманно использовать алфавитные средства в своей новой письменности. Благодаря этому была обеспечена четкая передача фонемной основы родного языка при создании «Тодо бичиг».

С переходом на новую письменность калмыки, как отметил еще А. Бобровников, «начали писать так, как говорят...» [19]

Зая-пандитская письменность, точно отразившая «все звуки и оттенки народного говора, сблизила язык книги с языком народа, вытеснила искусственность звуков в словах и грамматических формах, присущих письменному монгольскому языку...»[20]

Относительное единство языка ойратских племен и незначительные фонетические различия по говорам позволили Зая-Пандиту в своей письменности избежать полифонию знаков и приблизить письмо к живой речи ойратов.

В орфографии старокалмыцкого письменного языка, построенного на педантично выдержанном морфолого-этимологическом принципе, следует отметить:

1. В ней, как в старомонгольской письменности, не было прописных букв. Знаки алфавита как печатные, так и рукописные внешне не отличались как по форме, так и по начертанию.

2. Полностью был перенесен со старомонгольской письменности и сохранен слоговой принцип обозначения звуков и способ соединения букв между собой, как это видно на примере соединения следующих слогов:

на	**но**	**ну**	**нэ**	**нө**	**нү**	**ни**
ха	**хо**	**ху**	**кэ**	**кө**	**кү**	**ки**
һа	**һю**	**һу**	**гэ**	**гө**	**гү**	**ги**

---

[18] Знаком і отмечен в данном случае неясный гласный и.

[19] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849, стр. 7.

[20] К. Ф. Галстунский. Монголо-ойратские законы 1640 года, Примечания, стр. 129.

Следовательно, знаки зая-пандитского алфавита пишутся сверху вниз направо, как бы нанизывая буквы на вертикальную черточку. Обучение чтению и письму происходило по буквенно-слоговому методу, для чего было составлено 273 слога. Слоговой принцип письма обеспечивал ясность обозначения звукового состава языка калмыков.

3. Любая гласная, стоящая в начале слова, имеет «зубчик» (аран), а на конце слова некоторые буквы оканчиваются «хвостиками», которых три:

1 2 3 4

Здесь под № 1 начальный «зубчик» (аран) к гласной, № 2— это «хвостик» к конечному **б** или **к**, № 3 — согласный **р** с «хвостиком», № 4 — «хвостик», обозначающий конечный **а** или **н**.

4. Сохранен принцип орфографирования **н**, которая имеет перед собой точку. Эта точка сохраняется, когда согласная **н** пишется перед гласными, но перед согласными точка не ставится.

5. Строго сохранен закон гармонии гласных. В одном слове не пишутся гласные переднего (**э, ө, ү**) и заднего (**а, о, у**) рядов. Гласный **и**, как звук нейтрального ряда, встречается в зая-пандитской письменности как с гласным заднего, так и переднего рядов, особенно при словоизменениях. Слоги **ги, ки** встречаются в одном слове с любыми гласными.

Закон сингармонизма гласных не исчерпывается делением гласных на задние и передние, а дополняется еще явлением губного притяжения. Суть этого явления сводится к тому, что после **а, у, ү, и, э, ай, уй, үй, эй** первого слога в следующем слоге не могут следовать **о, ө, ой, өй** и, наоборот, после последних первого слога не могут следовать **а, ай, э, эй,** а могут следовать **о, ө, ой, өй,** а также **у, ү, уй, үй,** например: **олон** — «много», **онцо** — «особый», **өбөгөн** — «старик», **өндөйку** — «подниматься», **толоһой** — «голова».

Написание гласных **о** и **ө** в непервых слогах слова после таких же гласных первого слога отражает закономерное явление, происшедшее в живом языке ойратов до создания зая-пандитской письменности. В письме ойратского хана Галдана к русскому царю, написанное в 1961 году,[21] встречаем слова: **мордод** — «сев верхом», **төлө** — «за», **хойор** — «два», **өмөнө** — «впереди» и др. Подобные же явления мы находим в тексте «Великого уложения» и в других документах. В говоре донских калмыков и в настоящее время налично **хойор** — «два», **хойорн** — «вдвоем». Это значит, что за гласными **о** и **ө** первого слога следовали такие же гласные в непервых слогах в живой речи ойратов в период создания зая-пандитской письменности. Не случайно А. Бобровников писал: «Живое произношение решительно не терпит последовательных гласных **о-а, ө-э**».[22] Далее А. Бобровников привел примеры, как сочетания **ийа, ийе** в разговорном монгольском и калмыцком языках дают долгий **о, ө,** и что это бывает при предшествовании им гласных **о** и **ө**, например: **доло:ху** (долийаху) — «лизать», **доко:** (докийа) — «сигнал», **өрөшө:кү** (өрүшийекү) — «оказать милость».

В зая-пандитской письменности, помимо отражения общего закона сингармонизма гласных, отмечается и закон гармонии слога. На основании этого закона согласные **х, һ** пишутся только с гласными твердого (заднего) ряда, а согласные **г, к** пишутся только с гласными мягкого (переднего) ряда. Причем согласные **һ** и **к** не пишутся перед согласными и в конце слова, а вместо них пишется **к** (средний и конечный), что указано под № 5.

х һ г к к (ср., кон.) к (твер.)

1 2 3 4 5 6

Указанная буква **к** (№ 5) пишется непосредственно перед согласными, а также на конце слова, независимо от того, какого ряда гласный предшествует ему, например: **мактаху** — «хвалить», **көкшин** —«старый», **ирексен** —«пришедший», **бичикчи**— «пишущий», **цак** — «время», **цек** — «точка». При присоединении к слову с конечным **к** любых аффиксов, начинающихся с гласной, данный согласный приобретает другой оттенок. Поэтому Зая-Пандита стал обозначать эти оттенки следующим образом: перед гласным **и** — через **г** (№ 3), например, **цагиги,** а перед твердыми гласными через **һ** (№ 2) — цаһа:р.

Закон гармонии слога в калмыцком языке давал себя знать до последнего времени, что особенно ярко видно в звуковом оформлении заимствованных слов. Так, например, слово **«хутор»** освоено, как **күүтр**, а слова **«каша»**, **«Кубань»**, **«Казань»**, как **хаш, Ховн, Хазн** и т. д.

О строгом соблюдении гармонии слога в «Тодо бичиг» свидетельствует и правописание различных морфем с указанными выше согласными, например, суффикс причастия будущего времени **кү** — келекү «говорить», но **ху** — сууху «сидеть» или суффиксы прилагательных **ңһу—хузуңһу** — «чесоточный», но **ңгү— көгширеңгү** — «старообразный».

[21] Н. П. Шастина. Русско-монгольские посольские отношения XVII в., М., 1958, Приложение к стр. 170.

[22] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1949, стр. 32.

6. Как в старомонгольской письменности, так и в «Тодо бичиг» применяется вставная буква (буфер), которая вставляется между конечным согласным основы глагола и окончанием глагольной формы в том случае, если последние начинаются с одной из следующих согласных **к** (средний и конечный), **н, м**; **аб—абуксан** — «взявший»; **бос—босокчи** — «встающий»; **һар—һаруктун** — «выходите», **һарумуй** — «выходит», **һарунай** — «выходит», **һарун** — «выйдя», **һаруксан** — «вышедший», **өг—өгүксен** — «давший», **өгүкчи** — «дающий».

7. В старокалмыцком письменном языке знаменательные части слова (морфемы): корень, суффиксы и т. д. — пишутся всегда одинаково, независимо от различий в их произношении. В качестве основы написания имен берется именительный падеж, а глаголов — повелительная форма, к которым при словообразованиях и словоизменениях присоединяются соответствующие суффиксы. Если буквенный состав морфем передает фонетический облик морфем вплоть до каждого звука в наиболее дифференцированном его положении, то морфологическим написанием корня данного слова сохраняется единообразие последнего во всех его формах.

Примеры приближения написания отдельных суффиксов к формам живой речи.

Наименование грамматических форм	Написание суффиксов	
	в старомонгольской письменности	в зая-пандитской письменности
1. Дательный падеж	- дур, - тур	- ду, - ту
2. Совместный падеж	- луһа, - луге	- ла:, - ле:
3. Творительный падеж	- бар, - ийар	- а:р, - е:р
4. Настоящее время глагола	- муй, - мүй	- най, - ней
5. Прошедшее время глагола	- жухуй, - чухуй	- жи, - чи
6. Давнопрошедшее время глагола	- луһа, - луге	- ла:, - ле:
7. Соединительное деепричастие	- жу, - чу	- жи, - чи
8. Разделительное деепричастие	- һад, - гед	- а:д, - е:д

Архаические написания отдельных слов, имевшие место в старомонгольском письменном языке, были устранены в соответствии с живым произношением. Так, вместо **чинагши, инагши, чиңгигед, цембе, омартаху**, соответственно стали писать в новой письменности ца:ран — «дальше», на:ран — «сюда», теге:д — «затем», цегмен — «сукно», мартаху — «забыть» и т. д.

В старокалмыцком письменном языке суффиксы словообразования обычно пишутся слитно со словами, к которому они от-

носятся, а именные суффиксы словоизменения пишутся слитно и отдельно. Такое написание в основном касается исходного и творительного падежей. С долготой гласных пишутся падежные суффиксы **-иин, -иигe, -а:р,-е:р, -а:ца,-е:це:, -ла:, -ле:.** При этом закон уподобления распространялся и на суффиксы словообразования и словоизменения, например: **хойор**—«два»,—**хойоро:со, өйрөд** — «ойрат» — **өйрөдө:сө, то:** — «число»—**то:той** и др. Характерно, что уже в этой письменности отмечено появление соединительных **һ** и **г** между словами с конечным долгим гласным и дифтонгами, с одной стороны, и падежным окончанием с гласной, с другой стороны, например: **то:** — «число» — **то:гиин, то:һо:р, доү**—«меньший» — **доүге:р, моһой** — «змея»—**моһойгиин, моһойһо:р** и т. д.

Таким образом, орфография старокалмыцкого письменного языка представляет собой строгую систему правил, в которой выделяются значимые элементы и тогда, когда произношение не дает порою для этого достаточного основания. Но в то же время эта система, используя опорные и поверочные написания, для подавляющего большинства написаний, сохраняет связь с произношением.

8. Нам кажется, что уже в период создания зая-пандитской письменности началось в языке ослабление позиции кратких гласных непервых слогов, то есть развитие гласных полного образования непервых слогов в гласные неполного образования. Этим следует объяснить выпадение или ассимиляцию конечного краткого гласного слова при присоединении аффиксов с начальным долгим гласным: **албату** — «подданный» — **алба-та:р, булу** — «пух»—**була:р, бүлү**—«семья»—**бүле:р** и др. Старомонгольское **урида** — «прежде» встречается в письме ойратского хана Галдана к русскому царю (1691 г.)[23] как **урда.** Это слово дважды встречается и в другом письме ойратского посланца Ачин-Кишика тоже русскому царю (1691 г.),[24] где написано в одном случае **урда,** а в другом — **урду.**

Затем в языке гласные непервых слогов начали постепенно терять свою определенность и ясность. Этим следует объяснить разнобой в написании отдельных слов и сокращение количества слогов, переход открытых двух- и трехсложных слов в закрытые односложные и двусложные, что было следствием усечения и выпадения гласных в определенной позиции. Так, наряду с написанием **алус, амураху, ару, удаһан, харусху, хабудар** допускалось написание **алас** — «через», **амараху** — «отдохнуть», **ара** — «тыл», **удуһун** — «колдунья», **харасху** — «защищать», **хабадар** — «опухоль», или **хурһун, келкей, өмнө, услур, зүркен, хулсун, алха, чилгер, өрөм,** вместо **хуруһун** — «палец»,

[23] Н. П. Шастина. Русско-монгольские отношения. М., 1958 г. Приложение к стр. 170.

[24] Н. П. Шастина. Там же. Приложение фотодокументов.

келекей — «немой», **өмөнө** — «впереди», **усулур** — «водопой», **зүрүкен** — «сердце», **хулусун** — «камыш», **алуха** — «молоток», **чилегер** — «ясный», **өрөмө** — «сливки и др. Эти и приведенные выше примеры редукции гласных непервых слогов и исчезновения их в определенной позиции являются закономерным процессом, требующим специального изучения.

9. Сохранены в «Тодо бичиг» знаки препинания, применявшиеся в старомонгольской письменности.

1 2 3 4 5 6

Здесь под № 1 и 2 показаны знаки, называемые **бирга.** Любой из этих двух знаков употребляется в начале сочинения и глав, а в книгах, написанных на отдельных листах,— в начале каждого листа. Под № 3 стоит знак, называемый **цег,** соответствующий запятой; под № 4 стоит знак, называемый **давхр цег** — «двоеточие», соответствующий точке; под № 5 стоит знак, называемый **дөрвлжн цег** или **бадг** — «четырехточие», ставится в конце глав или частей книг, а также в конце строф в стихах. В последнем случае иногда употребляют несколько таких знаков, разделяя их цегами (см. № 6).

10. В старокалмыцкой письменности имеются особые знаки для обозначения цифр. Эти калмыцкие цифры, заимствованы у индийцев, пишутся горизонтально от левой руки к правой и располагаются так же, как и арабские, начиная с единицы и далее.[25]

0. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.

Изложенные нами вкратце основные правила орфографии зая-пандитской письменности показывают ее прямую преемственность с орфографией старомонгольской письменности. Учет Зая-Пандитой сильных и слабых сторон орфографии старомонгольской письменности позволил ему построить очень удобную

[25] А. Попов. Грамматика калмыцкого языка, Казань, 1847, стр. 92.

и легкодоступную орфографию для своей ойратской письменности. Что касается обозначения отдельных оттенков фонем ойратского языка, то его следует объяснить тем, что оно было сделано под влиянием санскритской письменности, в которой оттенки имеют свои буквенные знаки.

Ниже прилагается краткий образец текста. Первая половина текста напечатана монгольским шрифтом, а вторая — старокалмыцким шрифтом.[26]

Изъ милосердія раждаются лучшія мысли. Съ востока восходитъ солнце. Отъ причинъ раждаются слѣдствія. Изъ дома выносятся вещи. Изъ земли выростаетъ зелень. Изъ высочайшаю ученія выходитъ собраніе добродѣтелей.

С внешней стороны, как мы видим, калмыцкий шрифт довольно красив. Из этого текста видно, что Зая-Пандита создал четкий тип письма, с определенной графической формой и стабильным составом графем с точным фонематическим значением.

Если переложить указанный текст на новое современное калмыцкое письмо, то будет выглядеть так:

а) Текст, написанный старокалмыцким (зая-пандитским) письмом: Нигүүлескүй[27] э:це үлемҗи седкил төрөкү. Дорона э:це нара урһуху. Шилта:н э:це үре төрөкү. Гер э:це эд бара:н һарһаху. Һазар э:це ноһо:н урһуху. Де:дү ном э:це сайн цуулһан һарху.

[26] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, стр. 247.
[27] Слово *нигүүлескүй* — «милосердие» является архаизмом. Оно звучало бы в современном калмыцком языке приблизительно как *нүүлскү.*

б) Этот же текст по современной калмыцкой орфографии: Һүүлскүһәс үлмҗ седкл төрх. Дорнас нарн урһх. Шалтгас үр төрх. Гертәс эд бара һарһх. Һазрас ноһан урһх. Деед номас сән цуулһн һарх.

Указанные тексты, напечатанные старомонгольским и старокалмыцким шрифтами, являются в точности одинаковыми. Полифония же знаков монгольского письма не позволяет переложить монгольский текст на современное калмыцкое письмо. Однако из сравнения монгольского и калмыцкого текстов видно, что в монгольском тексте написано **шилтаһан, бараһа, ноһуһан, чиһулһан, дегеду,** что соответствует в калмыцком **шилтаан** — «причина», **бараан** — «товар», **ноһоон** — «зелень», **цуулһан** — «собрание», **деедү** — «высочайший». Отсюда напрашивается вывод о том, что в период создания калмыцкой письменности в языке калмыков уже наличествовали долгие гласные, образованные вследствие выпадения интервокального согласного **һ**. Вместе с тем старокалмыцкий письменный язык свидетельствует о сохранении в языке калмыков того периода дифтонгов (**сайн** — «хороший») и полнозвучность гласных во всех позициях слова.

Со временем дифтонги в калмыцком языке развились в долгие гласные. Долгие же гласные в свою очередь получили свое дальнейшее развитие: в односложных словах и в непервых слогах слова они перешли в полудолгие гласные, а краткие гласные непервых слогов стали неясными гласными.

Таким образом, система буквенного обозначения фонем раскрывает фонетическую систему ойрат-калмыцкого языка, а написание того или иного слова соответственно его произношению обеспечивало стабильное чтение.

В первое время после создания зая-пандитской письменности в старокалмыцких текстах, особенно в переводах буддийских сочинений с санскрита и тибетского языка, встречались наряду с новыми и старые написания тех или иных морфем или отдельных слов. Например: **йарһучи** вместо **зарһучи** — «судья», суффикс **-басу,** соответствующий калмыцкому **-хула** (**һарбасу—һархула** — «если выйдет»), или **-макца -мекце,** который отсутствует в калмыцком языке и переводится на русский язык «как только», «лишь только»; суффикс **-луһа, -луге** часто писался наравне с **-ла:, -ле:** (**һарлуһа — һарла:** — «вышел», **ирелүге — иреле:**—«пришел»), а морфема **-мүй—мүй**—наряду с **-най—ней: һарумуй—һарунай, иремүй—иреней.** Такая «непоследовательность», как отмечал А. Бобровников, объяснялась укоренившейся «привычкой к монгольскому книжному языку и еще, вероятно, потому, что на первый раз представлялось неприличным ввести в священные тексты язык и выговор популярный... Но ныне в частной переписке и в некоторых новых сочинениях, написанных без притязания блеснуть знанием языка священного, является письмо, в точность соответствующее живому выговору».[28]

Со временем, по мере дальнейшего развития фонетической системы калмыцкого языка, произвольно вносились изменения в написании отдельных слов. В силу этого в старокалмыцком письменном языке встречается, как указывалось выше, разное написание одних и тех же слов. По этим неодинаковым написаниям разных слов мы можем прослеживать фонетические изменения в языке.

Вместе с изустным освоением заимствованных слов постепенно вводилось употребление галика и в словах калмыцкого языка. Так, наряду с традиционными написаниями по орфографии Зая-Пандиты галики **ж, ч, в, к** (твердый) стали писаться также в исконно калмыцких словах. Применение галика происходило не произвольно, а закономерно, отражая соответствующие звуки калмыцкого языка или по мере освоения этих звуков калмыками.

Как известно, аффрикаты **ч, җ** обычно писались с гласной **и**. Этим отличались от согласных **ц** или **з**. Постепенно эти аффрикаты стали появляться и перед другими гласными в любом положении, зачастую передаваясь в письме соответствующим галиком, например: **че:җи, чабчиху, чачир, чагчим, жоло:, җаҗилаху,** вместо **це:җи** — «грудь», **цабчиху** — «рубать», **цачир** — «зонт», **цагчим** — «крутой», **җилуһа**—«вожжи», **заҗилаху**—«жевать». Согласный **в** стал встречаться только в середине и конце слова, так как калмыцкий язык не допускает его в начале слова. Этот согласный в начале слова был освоен как **б**, а в некоторых редких случаях — как **о** (**очир** вместо **вачир** —«алмаз»). Характерным оказывается появление в калмыцком языке твердого оттенка согласного **к**, близкого к русскому **к** в словах типа **кадры**. В связи с этим могли сочетаться и составить слог с твердыми гласными **а, о, у** не только согласные **һ, х,** но и твердый **к: зоко:ху, ука:ху, така:, сакуусун, оркуху** вместо старомонгольского **зокийаху**—«учреждать», **угийаху** — «мыть», **такийа** — «курица», **сакиһусун** — «талисман», **оркиху** — «оставить».

Написание **аһуу, алца:ху, хууби, һууху, сиике** наряду с **аһуй** — «обширный», **алцайху** — «растопырить ноги», **һуйху** — «выпрашивать», **сүйке** — «серьги» фиксировало развитие дифтонгов в долгие гласные, начавшиеся в живой речи. Сочетания **иу, иү** и **өү** также развились в долгие гласные. Под влиянием начавшейся ассимиляции в старокалмыцком письменном языке последнего периода, наряду с **өүрге, дөү,** обнаруживаются написания **үүрге** — «ноша», **дүү** — «брат» и др. Разнобой в на-

[28] А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849, стр. 7.

писании отдельных слов свидетельствует и о других фонетических изменениях, происшедших в живом калмыцком языке.

Калмыкия пользовалась зая-пандитской письменностью до 1924 года, то есть более 300 лет. Эта письменность сыграла в свое время выдающуюся роль в истории калмыцкого народа, в развитии их культуры, искусства и литературы. Ведь письменная культура народов, их культура, их письменная традиция начинается с создания своей национальной азбуки. В этом отношении зая-пандитская, или старокалмыцкая, письменность, создавшая условия и возможности для развития калмыцкой национальной культуры, бесспорно, сыграла важную роль.

В наше время старокалмыцкий письменный язык, подобно старомонгольскому письменному, стал книжным и малодоступным. В этом письменном языке грамматические формы и орфографические нормы оставались неприкосновенными, не приспосабливались к закономерностям развивающейся живой народной речи. Поэтому старокалмыцкий письменный язык окостенел и практически стал непригодным. Однако на этом языке сохранилось значительное количество оригинальной исторической, юридической и отчасти художественной литературы, записаны ценные произведения устного творчества калмыцкого народа. Среди них большой интерес представляют документы об ойратско-русских отношениях, первые письма ойратов, свидетельствующие об их стремлении установить дружественные, братские отношения с великим русским народом, о добровольном вхождении калмыков в состав Русского государства. Изучение всего этого богатства имеет большое практическое и научное значение.

В деле изучения развития фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса калмыцкого языка исключительно велико значение памятников как на старокалмыцком, так и старомонгольском письменном языках. А такое изучение в состоянии раскрыть и расшифровать много неясных и непонятных процессов, происшедших в современном калмыцком языке.

Сравнение современного калмыцкого языка со старокалмыцким или зая-пандитским письменным языком дает интересные данные о развитии в калмыцком языке долгих гласных, палатализации гласных и согласных, редукции гласных непервых слогов, различного ряда звуковых ассимиляций, чередований и появлений новых звуков, имеющих фонематическое значение. Старокалмыцкий письменный язык позволяет расшифровать этимологию отдельных слов и словосочетаний калмыцкого языка. Так, например, слова **суух** — «сидеть», **сүүр**—«основа» восходят к одному общему корню **суу** — «сиди», а в «Хуудма бичиг» — **сууху** и **суури.** Стало быть, слово **суури** под палатализующим влиянием конечного **и** развилось в **сүүр.** Слово **телтр** — «на той стороне» образовалось из сочетания **тер**— «то», «тот» и **тала** — «долина», «сторона». Здесь при слиянии

этих двух слов произошла метатеза, то есть перестановка согласных **л** и **р.** Слово **цальң** — «жалованье» восходит к китайскому **цянь-лян.** Из сочетания **һай** — «плохой» и **уга** — «нег» образовалось в торгутском говоре **гәәгә,** дербетовском — гәәвһә, а в говоре донских калмыков — гәәһә — «хороший, прекрасный». Сочетание **тейн** — «так» и **гед** — «суффикс» дало двоякое развитие **тегәд** — «затем», «потом» и **тиигәд** — «таким образом», а в речи торгутов в основном дало **тигәд** в обоих указанных выше значениях. Интересно отметить, что в «Великом уложении» выражение «не ставить в вину» передавалось сочетанием **һай уга**—«плохой нет», но в законе Дондук-даши, в связи со слиянием **һай уга** в одно слово (һәәвһә) и приобретением значения «хороший» это же выражение передавалось уже словами **гем** — «болезнь» и **уга** — «нет».

Большой интерес представляет образование омонимов в калмыцком языке. Слово **ой** в старомонгольской письменности означало «лес», «роща», «сноровка», «разум», «круглый год или годовщина», «чувство отвращения», а слово **өгө** передавало понятие «неровность и шероховатость». Выпадение в слове **өгө** интервокального **г** дало долгое **өө,** и в старокалмыцком письменном языке **өө** означает «неровность и шероховатость», **өй**—«роща и недоделок», **өөй—**«сноровка», **ой** — «лес», **ойн** — «разум». В дальнейшем из этих слов образуются омонимы, так, **ой** — «лес», **өй** — «роща», **өөй**—«сноровка» развились сначала в **өө,** а затем — в полудолгий **ө** и стали произноситься одинаково со словом **ө**—«неровность и шероховатость». Постепенно стало теряться значение слова **ө** как «роща», «разум», «лес», «сноровка». В настоящее время в живой речи сохранилось **ө** в прямом значении только как «неровность». Былое значение **ө** как «лес», «роща», «сноровка» обнаруживается из контекста отдельных выражений: **өөтә күн** — «человек со сноровкой» или «умелый человек», **ө-шуһу модн** — «тайга». Здесь **ө** «лес» в сочетании **шуһу модн** — «густой лес» стал означать «тайгу», «лес» вообще. В пословице: **Сурһн бәрн өөнднь, сундлн бәрн гертнь»** — «Учить до ума, доставлять до хаты» корень слова **өөн** означает «разум», что восходит к старомонгольскому **ой.** Причем слово **өөн** в изолированном виде малопонятно, но зато оно составляет омоним со словом **өөн** — «годовщина», которое в свою очередь восходит в старокалмыцком письменном языке к **өн.**

В современном калмыцком языке слово **гүн** означает «глубокий» и «кобылица», в старокалмыцком языке понятие кобылица обозначалось и произносилось **гүүн,** а в старомонгольском — **гегүн;** слова **үр** — «плод», «товарищ», «гнездо» произносятся одинаково, в старокалмыцком письменном языке писалось и произносилось по-разному: **үре** — «плод», «потомство», **өүр** — «гнездо», «товарищество», а в старомонгольском — **эгүр.**

Можно привести много подобных примеров, показывающих образование омонимов в результате образования долгих гласных и редукции гласных непервых слогов.

Старокалмыцкий письменный язык позволяет выяснить, на каком из калмыцких говоров написан тот или иной документ. Так, например, «Великое уложение» было переложено со старомонгольского языка на калмыцкий язык в основном на торгутском говоре. Это объясняется написанием слов: **сумун, һурбан, бөдүүн, шубуун, гөлмен, хорим, мохордуху,** вместо дербетовского **сомун**—«пуля», **һурбон** — «три», **будүүн** — «толстый», **шобуун** — «птица», **гүлмен** — «сеть», **хурим** — «пир», **чилекү** — «окончить» и др.

Здесь мы привели лишь отдельные и частичные случаи. Задача заключается в том, чтобы широко и планомерно изучить все имеющееся литературное наследство на старокалмыцком письменном языке и в полной мере использовать все то ценное, что имеется в этой письменности. Отсюда, несомненно, становится вопрос о необходимости научного изучения всего литературного наследия в «Тодо бичиг» в целях разработки истории калмыцкого народа, истории развития калмыцкой литературы и языка. Для этого все печатные и рукописные материалы, накопленные более чем за 300 лет, необходимо систематизировать, издать и перевести на русский язык, чтобы содействовать развитию всего нашего отечественного востоковедения. Равным образом представляется целесообразным составить и издать специальные пособия по зая-пандитской письменности для высших учебных заведений, в которых изучаются калмыцкий, монгольский и бурятский языки.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

Записки Вып. 2 1962 г.

Б. Х. ТОДАЕВА

ПОСЛЕЛОГИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ[1]

В калмыцком языке, как и в большинстве других монгольских языков, несмотря на обилие в нем падежных форм, используются также и послелоги для выражения и уточнения ряда пространственных, временных и иных отношений.

Послелоги в основном выполняют те же функции, что и предлоги в русском языке, хотя в отличие от предлогов они занимают место после слов, выступающих в роли дополнений.

В трудах по грамматике монгольских языков послелоги именуются различно: «послеречие» (А. Попов), сула үге — «пустые слова» (А. Бобровников), «послелоги» (остальные монголисты).

Послелоги, как показывают наблюдения над языком, образуются от различных частей речи.

Среди калмыцких послелогов наиболее употребимы отыменные, отглагольные, наречные, а также собственно послелоги.

Отыменные, отглагольные и наречные послелоги могут употребляться не только как послелоги, но и как слова с самостоятельным значением. Так, примером послелога именного происхождения является **дотр**, что соответствует русским служебным словам, или «в», «внутри», «в течение» выступает в самостоятельном значении — «желудок», «внутренность», «потроха», «нутро», «подкладка».

Вот несколько примеров: Дотрт хурсн улс дотран болһад, ишкәд идәд, шөлән ууһад хууртлан, колхозд мал ниилүлхин тускар... күүндцхәв (М. Н.—147). —«Люди, которые собрались на потроха (пока сварились потроха, а затем пока ели, разрезав мясо на мелкие кусочки, и пили бульон), беседовали об объединении скота в колхозе»; Дотр һал деер буслҗана (М. Н.—146).— «Потроха кипят на огне». В этих примерах существительное «дотр» употреблено в именительном, дательно-местном и винительном падежах.

Подобно именам типа **модн** — «дерево», «деревянный», алтн — «золото», «золотой», слово «дотр» может выступать в предложении и в качестве определения: «Дотр киилг махмудт өөрх»,—гидг үлгүр бәәдмн (Т. Г.—138).—«Пословица гласит: «нижняя рубашка к телу ближе»; Дотр хувц өгдг болв, болв тергуг

[1] В основу статьи положены материалы из главы кандидатской диссертации «Семантика и синтаксические функции падежей в монголо-ойратских наречиях», защищенной автором в 1946 г.

бидн эврән уһах зөвтә биләвдн (О. Г.—28). — «Стали выдавать нижнее белье, но мы должны были сами стирать это белье».

Часто слово «дотр» используется в значении «внутри», «в душе» (про себя): «...нә ода әдн юн гидг чигн»,—гиж дотран санв (М. Н.—129). — «...ну что они скажут», — подумал (он) в душе; Болв хәруцдг арһ ага, дотран уурнь күрәд, дораһур хәләһәд, күчәр инәжәх бәәдл һарһна (Т. Г.—135). — «Однако против ничего не скажешь, сердясь (в душе), он смотрел вниз, насильно заставляя себя улыбаться». В этом случае слово «дотр» обязательно ставится с частицей притяжания **«-ан»**. Когда необходимо подчеркнуть, что именно внутри в душе кого-то что-то творится, за словом «дотр» следует иногда «бийнь»: Тиигҗ келсинь соңсчкад, Дегәлә яахан медҗ эс чадад, дотр бийнь хутхлдад одв (Т. Г.—171). — «Выслушав сказанное им, Дегеле не знала, что делать, — внутри все перевернулось».

Несомненно, послелог **күртл** (соответствует русскому предлогу «до») глагольного происхождения. Непосредственное его значение—«пока (не) достигнет»: Әәмгин парвлян ода чигн хол, дәкәд болхла киитн, йовж күртл сө болад, әмтн унтж одхмн (Б. Б.—37). — «Аймачное правление находилось еще далеко, притом было еще холодно. Пока доедем до места, настанет ночь, люди улягутся спать».

В калмыцком языке существует целая серия слов, употребляемых в зависимости от того, какую синтаксическую роль они выполняют в предложении. К ним относятся, например, **деер, дор, дунд, хамдан, дару, өмн, хөөн** и некоторые другие. Когда слово является качественным определением действия и выступает в предложении в роли обстоятельства, его следует рассматривать как наречие; если же оно выступает в предложении в качестве служебного, зависимого слова, уточняющего различные отношения между словами в речи, то становится послелогом.

Количество послелогов в калмыцком языке невелико. Самыми распространенными из них являются: **ард** — «за», «позади», «после»; **дару**—«за», «после»; **деер**—«на» «наверху», «над»; **дор**—«под»; **дотр**—«в»; **дунд**—«посреди»; **зуур**—«в», «в течение»; **күртл**—«до»; **һаза**—«вне»; **ормд**—«за» «вместо»; **өмн**—«пред», «перед»; **тал**—«к»; **төлә**—«для»; **турш(арт)**—«в течение»; **туск(ар)**—«о», «по поводу», «насчет»; **үлү**—«больше», «свыше»; **урд**—«до»; **хамдан** — «вместе»; **хоорнд** — «между», «между тем», «в момент»; **хөөн** — «после»; **чингә** — «как», «величиною»; **мет** — «словно», «подобно», «как»; **әдл** — «одинаково», «одинаковый», «как».

Классифицируя по семантическому признаку, послелоги можно разбить на такие группы:

1. **пространственные:** тал, деер, һаза, дор, дунд, дотр, хоорнд, ард, өмн, хөөн, күртл;
2. **временные:** урд, турш(арт), дару, зуур;
3. **совместности:** хамдан;

4. **сравнения:** мет, чингә, әдл;
5. **целевые:** төлә, туск(ар);
6. **замены и противопоставления:** ормд, үлү.

Собственное значение послелога не может быть реализовано вне связи с падежной формой имени. Значения послелогов выступают яснее тогда, когда они рассматриваются в сочетании с управляемыми ими именами.

В калмыцком языке послелоги употребляются с родительным, исходным, соединительным, совместным падежами, а также с основой имени. Остальные падежи при выражении ими синтаксических отношений не имеют при себе послелогов.

1. Послелоги с основой имени

Послелог **тал** указывает направление к предмету, к тому или иному месту («к», «по направлению», «в сторону»): Цаһан тиигәд зогсҗ бәәһәд генткн шулу шулуһар ишкәд, гер **талан** йовад одв (Б. Б.—16). — «Цаган, постояв так, сразу же зашагала быстрее, направилась к своей юрте»; Үкрмүд бәән **талан** һарч одв (М. Н.—56). — «Коровы отправились к своему пастбищу» (на свое пастбище, в сторону своего пастбища).

Послелог **тал** происходит от имени существительного тал — «сторона», «равнина». Примеры: Немш талас манахсур хасн товнь альд зогсҗахнь, танкс альд бәәхнь... нанд мел ил (Т. Г. — 117). — «Мне совершенно ясно, где стоит пушка, стреляющая по нашим со стороны немцев, где находятся их танки».

Послелог **мет** употребляется при сравнениях и соответствует в русском языке значению слов: «словно», «подобно». Например: Сумн гисн юмн мөндр **мет** асхрв (Т. Г.—119). — «Пули лились словно град»; Хаврин нарнд хәәлҗәх цасн **мет** полк с урсад бәәцхәв (О. Г.—39). — «Полки уменьшались (численно), подобно снегу, тающему на весеннем солнце»; Ода цуһар эгч — дүүнр **мет** болувдн (Т. Г.—150). — «Теперь мы все были, словно сестры».

В предложении — ...хөөнд йовх чон **метәр** дакн дәврәд, шар толһата цаһан ирглә ноолдхла, хөөч хәәкрв (М. Н. — 131). — «Когда он еще раз погнался за белым, желтоголовым валухом, словно волк, в стаде овец, пастух закричал» — послелог **мет** стоит в орудном падеже и выполняет роль обстоятельства.

Послелог **деер** имеет в основном пространственное значение:

а) местонахождение предмета на чем-либо (на поверхности чего-либо): Стол **деер** хот-хол, әрк, чигән бәәнә (Т. Г.—108). — «На столе находятся еда и питье»; Бер тергн **деер** духуцад, үргләд йовна (М. Н.—30).—«Молодая утомилась, сидя на телеге, она дремлет»; Новочеркасскд би ачлһта поездин ора **деер** сууж авад Ростов күртл күрүв (О. Г.—40). — «Я в Новочеркасске сел на крышу товарного поезда и ехал до Ростова»;

б) место, куда направляется предмет или действующее лицо: Гертән иртлнь үкр саах цаг болад, үкрмүд гер **деер** күрч ирв

(М. Н.—56). — «Пока он добрался домой, настало время, чтобы доить коров, и коровы пришли домой»; Машин худг **деер** ирəд зогсв (Т. Г.—148). — «Машина прибыла к колодцу и остановилась»;

в) место, где должно происходить действие: Хург **деер** Сарсинов бийəн хөөнд орхнь дорар бəрв (О. Г.—42). — «На собрании Сарсинов держался хуже, чем овца»; Хөн уснд орхас эрт. Худг **деер** кун уга болх (М. Н.—16). — «Еще рано поить овец. У колодца не будет людей».

Послелог **деер** в зависимости от сочетающихся с ним слов может указывать также на предел во времени: Əн комбинат мини мууд орх бəəдлтə, əмд деерəн үүнəс мөлтрх болхнь бəəж... (Т. Г.—153). — «Замучает меня этот комбинат; пока жив, надо от него освободиться»; Муурза, нам Ноониг эрүл деернь, би талан хəлəлһҗ күүндхəр седəд: — Овсəн кезə овалхмбт!.. гив (Т. Г.—129). — «Решив поговорить с Ноони, пока тот не опьянел, спросил: «Когда собираетесь складывать в копны сено?»; Ода **деерəн** хурһлсн зун хөн болһнас зун һучн нəəмн хурһн (Т. Г.—179). — «Пока что от ста окотившихся овец получаем сто тридцать восемь ягнят».

Он же указывает на то время, параллельно с которым продолжает совершаться главное действие. В этом значении послелог **деер** употребляется с отглагольными существительными или с причастиями будущего времени: Шин хаша зуг хавраһа хөд хурһллһн деер кеж авб. (Т. Г.—117). — «Новый сарай построили лишь во время весеннего окота овец»; Хот уух **деер** Калинин Петровский хойр бəəсн улст соньмсгдв (О. Г.—79). — «Люди, которые сидели там во время еды, заинтересовались Калининым и Петровским».

В калмыцком языке существует слово **дав**, которое обязательно сопровождается послелогом **деер**. Сочетание слова **дав и деер** в таком случае выступает с временным значением («пока»): Өшəтн **дав деерəн** мана корпусла дəəллдхəсн зулад йовцхав (О. Г.—70). — «Враг пока не решался вступить в бой с нашим корпусом»; Ода тедн альд бəəхнь, кедү күн йовхнь — **дав деер** медгдҗəхш (О. Г.—38).—«Где они теперь, сколько их—пока не было известно»; Зуг ода **дав деерəн** тер эвиг куцц олзлҗ чаджахшвдн (Т. Г.—178). — «Но пока мы не можем полностью использовать тот метод».

Редко употребляется послелог **деер** и в причинном значении: Ода адг Карагиннь бийнь ямана ишк **деерəс** кү гүвдҗ оркхмн (М. Н.—88). — «Сейчас даже Караг мог из-за козленка побить человека»; Тегəд баһчудин зəрмснь партизанд орхмн гилдəд, зəрмснь цаһачуд дахкмн гилдəд, терүн **деерəс** авн гүвдлдəн болжана — гицхəв (Т. Г.—119). — «Часть молодежи считала необходимым уйти в партизаны, а часть — к белым, из-за этого идет ссора», — ответили они». В этом случае послелог **деер** всегда оформляется суффиксом исходного падежа.

Послелог **деер** наречного происхождения. В качестве наречия **деер** имеет значения:

1) **лучше:** Һалзна өнгнь чигн **деер** биш, бас нанла эдл хортнас хооран цухрҗахш (О. Г.—15). — «Собака пестрая на вид так же, как и я, не отступает от врага»;

2) **сверху:** Хурц нарн **деерəс** халун герлəн өгч мандлна (Т. Г.—150). — «Светит жаркое солнце, посылая сверху свой горячий блеск». Это прямое значение наречия **деер.**

Деер в исходном падеже может иметь значение «свыше», «от начальства». Например: Чамд нерəдсн хорасиг талдан күүнд өгтхə гиж **деерəс** закҗана (Т. Г.—151). — «Есть приказ свыше: комнаты, предназначенные тебе, передать другому человеку»;

3) **выше** (высоко): Нарн сда чигн **деер** бəəнəлм, невчк мəрəн амраҗ бəəһəд мордхгов,—гиж залхурсн дүрстəһəр келв (Б. Б.—51).— «Солнце еще высоко. Выедем, когда лошади немного отдохнут», — сказал он устало». К этому же значению приближается и переносное «высокомерно»: Бийəн чинртə, деегүр кевəр бəрдмн (О. Г.—9). — «Держался он чинно, высокомерно».

Послелог **дор** указывает на место положения предмета (под чем-либо): Цасн **дор** дуларсн болад одв (О. Г.—20). — «Под снегом как будто стало теплее»; Зүн һаран залу стол **дор** бəрҗəнə, нудрмнь атхата (Т. Г.—109). — «Мужчина держит левую руку под столом, кулак зажат».

Послелог **дор** наречного происхождения имеет следующие оттенки в значении:

а) Би болхла... яамаран чигн хазгас **дор** бишəр мэрн деер эрдм һарһдг билэв (О. Г.—28).—«Я не хуже любого казака проделывал на коне различные упражнения»;

б) ...Үүдинь **дорасњ** өнслчкəд, арһулхн Булһн тал одад:— Булһн! Булһн! би Басңгв гиж келəд, йовһн суув (Б. В.—29). — «Вошел в юрту, замкнул снизу дверь, приблизился к Булгун и позвал: «Булгун! Булгун! Это я ,Басан. Он опустился перед ней на колени»;

в) — А, энчн, эс көдлхлə көдлсн **дорхнь дор**... мел чөлəн уга болсн болад бəəнə (Т. Г.—143). — «О, если не работать, то хуже, чем работаешь... всегда кажется, что недостает времени...»

г) — Алх болхла **дорм** хатн, эн ормасн көндрхшв (Т. Г.—116). — «Если собираетесь убить, то стреляйте на месте, я не сдвинусь с этого места».

Послелог **дунд** имеет пространственное значение («среди»): Куриһəд суусн улс **дунд** күүкд улс талдан баг (М. Г.—114). — «Среди множества сидящих людей женщины составляют отдельную группу». **Дунд** в самостоятельном значении («середина», «средний»): Ишкə гер болһн **дунд** һулмт (О. Г.—7). — «В середине каждой юрты имеется очаг»; Көвум **дунд** сурһуль төгскв (Х. У.—3). — «Мой сын окончил среднюю школу».

Послелог **дотр** в калмыцком языке имеет также пространственное значение, но с оттенком направленности действия

внутрь чего-либо («в», «внутри»): Машин **дотр** орулад хайтн (Т. Г.—110). — «Бросьте его в машину»; Нигт көк модн **дотр** бәәх нутгин һол селәнд ирәд машинәсн бууввдн (Т. Г.—138).— «Мы приехали в районный центр, находящийся в густом лесу, и вышли из машины»; Вагос **дотр** орад оркен көвүд уульдгнь ууляд, дуулдгнь дуулад, нир-цнир гигәд шуугад йовцхана (М. Н.—27). — «Часть парней, едущих в вагоне, плакала, часть — пела песни. Там стоял крик и шум».

Послелог **дотр** используется и с несколько иным оттенком значения, а именно: «среди», «в кругу»; к примеру: Би гертән эврәхс дотран ирчкүв (О. Г.—29). — «Я вернулся домой, находился среди своих»; Төрләрн олн, байн улс **дотр** һанцхн өркәрн бәәх юмн биш гиҗ би чамд кедү келләв (М. Н.—15). — «Сколько раз я тебе говорила, что нельзя жить одному среди стольких родственно-близких и богатых людей»; Ман **дотрас** күн кәләд оркен болхий? Кен медхв (Т. Г.—114). — «Неужели выдал кто-нибудь из нас? Кто знает?»

Если же послелог **дотр** встречается с указательным местоимением **тер**, то используется в значении «тем более»; **Тер дотр** эн өдр нанд үлү ончта (Т. Г.—150). — «Тем более мне особенно памятен этот день»; **Тер дотр** теднчн чини ээмтк хувцичн хаһлҗ, өричн өвткәҗ зарх, гесичнь өлскәҗ, төркичнь санулҗ зовах улс гидг теднчн биш (Б. Б.—4). — «Тем более они не такие люди, чтобы допустить тебя нуждаться в одежде, выполнять непосильный труд, скучать по своим родным».

Дотр употребляется и в самостоятельном значении («внутренность», «потроха», «подкладка»). Об этом говорилось выше.

Послелог **хоорнд** имеет временное и пространственное значение. В первом случае указывает, что действие распространяется на такой отрезок времени, который определяется семантикой сочетающегося с ним слова («в момент»): Юн болҗахинь намаг оньглх **хоорнд**, хасн э тачкнв, йовсн күн доран көлврәд одв (О. Г.—26). — «В момент, когда я осмыслил, что случилось, послышался выстрел, шедший тут же свалился».

Послелог **хоорнд** указывает и на местонахождение («между»): Тер хойр гер хоорнд йовсн юмб? (Х. У.—2). — «Что это такое, что находится между теми двумя домами?»

Указанные выше значения послелога подтверждаются его этимологическим содержанием: **хоорн** — «промежуток» + «д» (суффикс дательно-местного падежа). Слово в целом обозначает определенный промежуток как во времени, так и в пространстве.

Самостоятельное значение послелога **хоорнд** видно из следующего примера: Үүдн хоорнд зогсҗ бәәсн улсиг Ноха хутхлзад хәләв (М. Н.—66). — «Ноха неприветливо посмотрела на людей, стоявших у двери».

В этом предложении сочетание **үүдн хоорнд** означает «промежуток», «свободное место у двери». Здесь нет указания на расположение между двумя предметами.

Послелог **күртл** указывает на предел распространения действия как во времени, так и в пространстве. В первом случае он означает предел во времени (время, до которого совершается действие): Ода асхн күртл кех юмнь: ус авх, әрк нерх, арһс түүх (М. Н.—56). — «Теперь до вечера надо принести воду, варить араку, собрать топливо»; Эн өдр **күртл** мана сельсоветд зуг хойр товариществ билә (М. Н.—116). — «До этого дня в нашем сельсовете было только два товарищества»; Намр **күртл** торсарн торх кергтә (Т. Г.—139). — «До осени надо было потерпеть». Послелог **күртл** обычно стоит за именем, имеющим временное значение.

Во втором случае **күртл** означает место, которым ограничивается или до которого доходит действие: Тер салдс намаг көләсм авн толһа күртлм хәләчкәд, келҗәнә: хәәмнь, шин күн кевтәч (Т. Г.—110). — «Солдат окинул меня взглядом с ног до головы и говорит: «Бедный, ты, по-видимому, новичок?» Үүнәс үвлзң күртл һуч шаху дууна үлдв (О. Г. —18). — «Отсюда до зимника (до зимней стоянки) оставалось около тридцати верст».

Послелог **күртл** имеет и прямое значение предела, что видно из следующих примеров: Уух хотасн авн, үмсх хувцн **күртл**, авх мөңгнәснь авн, сурх сурһуль-**күртлнь** Советин йосна һарһсн хамг йосnла ниицәтәһәр кехиг хама йовсн һазртан хәләҗ йовит (М. Н.—78).— «Следите всюду за тем, чтобы решение вопросов, начиная от питания до одежды, от платы за труд до обучения батраков в школе, соответствовало законам Советской власти»; Тер цагт нег чигн батрак **күртлән** байнд бийән дәврүлх уга биз гих бүлән улан седкл нанд орна (М. Н.—78). — «Мне хочется надеяться, что тогда все — до единого батрака — не будут угнетаться богатыми».

Послелог **күртл** в самостоятельном значении («пока (не) достигнет» — деепричастие предела): Әәмгин парвлен ода чигн хол, дакад болхла, йовҗ күртл сө болад, әмтн унтҗ одхмн (Б. Б.—37). — «Аймачное правление еще далеко, к тому же холодно. Пока доберешься, наступит ночь, люди улягутся спать».

II. Послелоги с родительным падежом

Послелог **төлә** в зависимости от сочетающихся с ним слов имеет несколько оттенков значения. Основным из них является значение цели: Наснаннь туршарт советин йосна төлә ноолдад йовхларн наадад ноолдад йовлу тер? (М.Н. — 118) — «Когда он всю свою жизнь боролся за Советскую власть, думаете, он зря боролся?» Фронтин **төлә** мөрд, мал, хот-хол цуглулҗ авч йовулв (О. Г.—36). — «Собрали и отправили для фронта лошадей, скот и питание».

Часто этот послелог используется со значением «за», «вместо»: Үүнәс хооран бас эн кевәрн йовцхахмн: цуһар негнәннь төлә, негнь цугтаннь төлә (Т. Г.—150). — «И в дальейшем оста-

немся такими: все за одного, и один за всех»; Манһдуртнь... мини төлә һар цаас өгәд, намаг хот-хол хәәхд тәвб (Т. Г.—112). — «На завтра дали вместо меня расписку (то есть поручились за меня) и отправили поискать что-нибудь из съестного».

Если послелог **төлә** управляет причастием будущего времени в родительном падеже, то все сочетание передает значение цели и переводится на русский язык союзом **чтобы** с соответствующим глаголом в форме инфинитива: Балһс орхин **төлә** би эндр эрт босув. — «Я встал сегодня рано, чтобы поехать в город».

Происхождение данного послелога в калмыцком языке можно связать с именем существительным **төл** — «замена». В этом отношении интересны следующие примеры: Хальмг күн доран ишкә девскртә, деерәсн салврха хувцар хучҗ авад, хавртан тег яһҗ көкрхиг... хөн төлән **авхиг** санад кевтдг (О. Г.—8). — «Обычно калмык ложится на кошму, укрывшись рваной одеждой, и думает о том, как весною зазеленеет степь... как овцы принесут себе замену (то есть молодняк)»; Хавр—мал өскдг улсин байр. Эн цагас авн эклҗ хурһдиг олар негдуләд, төлиг эклҗ хәрүлдг мөн (О. Г.—11). — «Весна — праздник для скотоводов. С этого времени они начинают собирать вместе ягнят и начинают пасти эти замену (то есть ягнят)».

Послелог **туск(ар)** употребляется в значении «о», «насчет», «по поводу».Таньдг күүнд бийиннь тускар **келхлә** күчр болнал эн (Т. Г.—176). — «Трудно говорить о себе знакомому человеку»; Дәәнә **туск** зәңг станицүр генткн ирв (О. Г.—31). — «Весть о войне пришла в станицу неожиданно»; В. И. Ленинә **тускар** түрүн болҗ би офицермудәс сонсув (О. Г.—33). — «О В. И. Ленине я услышал впервые от офицеров»; Көлснә **тускиг** парвлән медх,—гиҗ уг сүүлднь хәру өгв (М. Н.—133). — «Насчет платы за труд знает правление», — нашелся я ответить, наконец»; Нанд нер яһҗ егснә **тускар** мини эцк ним туүж келдг билә (О. Г.—9).— «По поводу того, как мне давали имя, отец рассказывал такую историю»; Авхиннь **тускд** тедн юунас чигн эмәдго билә (О. Г.—6). — «Богачи не стеснялись насчет того, чтобы получить побольше от батраков».

Послелог **туск** используется в двух вариантах, то есть как **туск и тускар** (с суффиксом орудного падежа «-ар»).

Послелог **ормд** используется в значении «вместо», «за»; Хәәкрәд, зуткллджәһәд, эврәннь көвунә **ормд** эцкнь кедү авхар седҗәхиг нәәмәдлгч сурна (О. Г.—11).—«После того, как пошумят и поторгуются, нанимающий спрашивает у отца, сколько он думает получить за сына»; ...Иванов түүнә **ормд** бригад толһалх кергтә (Т. Г.—147). — «Вместо него бригадой должен руководить Иванов».

Послелог **ормд,** управляя причастием будущего времени, может передать и оттенок противопоставления (чем делать то-то, лучше поступить иначе); Тиигҗ көлг күүнәс сурхин **ормд,** гер-

тән, ә угаһар кевтсн деер... (Б. Б.—13). — «Чем так выпрашивать у людей подводу, лучше молча лежать дома».

Послелог **ормд** представляет собою имя существительное в дательно-местном падеже со значением «место»: Гер дотр нег сул **орм** уга (О. Г.—29). — «В юрте нет ни одного свободного места»; Пиисриг күндтә **ормд** суулһна (О. Г.—10). — «Писаря обычно сажают на почетное место».

Послелог **чиңгә** обозначает сравнение (чаще всего выражает сравнение по количеству): ...Манҗиг делтрин чиңгә хар ишкә делгәд, түн деерән суулһна (М. Н.—37). — «...он стелит черную кошму величиною с седельную подушку и усаживает на это Манжи».

Взамен послелога **чиңгә** с тем же значением можно употребить и **чиңгән.**

Послелог **дару** имеет временное значение, указывает на время, за которым начинается другое главное действие: Эн күүндәнә **дару** бор мөртә залу, Кичгәс нег амнд авх тәмк сурҗ авад... көндрәд һарв (М. Н.—101). — «После этого разговора человек на сивом коне, выпросив у Кичг немного табаку, двинулся с места»; Эркн сән мендин **дару** ирсн улст цөн амн үгәр эн кошар деер юн — күн болҫиг Манҗ келв (М. Н.—66). — «После теплых приветствий Манж коротко рассказал приехавшим о том, что произошло на кошаре»; Түүнәнь **дару** өвгн нег амнд авх тәмк нанас сурҗ авб (М. Н.—84). — «После этого старик выпросил у меня табаку на одну сигару».

Этот послелог наречного происхождения имеет значение «после», «тотчас», «тут же».

Послелог **зуур,** сочетаясь с родительным падежом, имеет значение времени. Но в отличие от других послелогов с временным значением он указывает, что действие длилось определенный промежуток времени, причем ограниченный, что уточняется словами **баахн** или **бичкн** — «маленький», «мало», «немного»: Эн **баахн** цагин **зуур** Булһн ик гидгәр хүврв (Б. Б.—5). — «В течение этого короткого времени Булгун сильно изменилась».

В данном примере слово **цагин** — «времени» можно смело опустить, отчего содержание фразы не нарушится. Пример: Нег **бичкн зуур** амрч бәәһәд мордхмн (Б. Б.—52). — «Отдохнем немного (буквально: в течение небольшого времени) и поедем».

Здесь опущено слово **цагин** — «времени» (можно было бы сказать: нег **бичкн цагин** зуур...)

Послелог **зуур** встречается и со словом акчм — «миг»: Э шатан мартчкжв... шат... шат... гиж хәәкрәд, өсрж босад, нег **акчмин зуур** дааһан тохҗ авад, шатан орад һарув (Б. Б.—25).— «О, я забыл про колодец. Колодец... колодец...» — вспомнил он, тут же выскочил и, вмиг оседлав своего двухлетка, направился к колодцу»; ...Экнь яһҗ гилч-гих ухан акчмин **зуур** орад одв (Б. Б.—38). — «Что же сталось с коровой?» — мелькнуло у меня в мыслях».

Послелог **зуур** происходит от существительного **зуур** — «в пути». Здесь имеется в виду движение между двумя точками: ...Хәрҗ йовад, **зууран** эртинк гермудәрн орад ирүв (Х. У.—3).— «Возращаясь, в пути я подъехал к тем самым юртам».

Послелог **ард** употребляется при указании на местонахождение предмета: Удл уга мана **ард** бәәсн тактиг хортн бомб хаяд уга кечкв (Т. Г.—110). — «Немного спустя, враг бросил бомбу и уничтожил мост, находившийся позади нас»; Темәдин **ардас** тергтә ацад дахдг (О. Г.—6). — «За верблюдами обычно следовали повозки с поклажами».

Этот же послелог указывает на время действия: Мини **ард** ямаран кевәр үлднә гихв чамаһан (Б. Б.—15). — «Если бы знать, как ты останешься без меня» (буквально: после меня); Тиигәд нег — негнәнь ардас мини җирһлин өдрмүд давна (О. Г.—14). — «Так день за днем проходила моя жизнь».

Послелог **ард** происходит от имени ар (бий, тал) — «задняя сторона», взятом в дательно-местном падеже.

Следует отметить, что в калмыцком языке слово **ард** с суффиксами «-к» (местонахождение) и «-с» (множественное число) — **ардкс** — употребляется иногда в значении «родители», «домашние», то есть «те, которые остались дома»; Мини ардксас чигн әәһәд намаг алх уга (Б. О.—57).—«Они не убьют меня, побоявшись моих родителей (домашних)»; Болв бүкл нәәмн җилд **ардкстан** нег үзүгдл уга йовдгтнь күүнә седкл соньҗ болад бәәнәл (Б. Б.—12).— «В сердце вкрадывается сомнение, потому что она в течение всех этих восьми лет ни разу не приехала повидаться со своими родственниками»; **Ардксм** медсн хөөн юуни болв чигн эвәр намаг алдулҗ авцхах (Б. Б. — 57). — «Если узнают об этом мои родственники, то найдут способ освободить меня».

Послелог **өмн,** сочетаясь с именем в родительном падеже, обозначает местонахождение предмета: Мини **өмн** әвртә гидг шовун бәәнә (О. Г.—14). — «Предо мною оказалась громадная птица»; Босад йовдңҗасн Басң Муучкан **өмн** ирәд зогсв (М. Н.—136). «Басанг, который ходил взад и вперед по комнате, встал перед Муучка»; Полкин командир зергләнә **өмн** нанд ханлт зарлв (О. Г.—25). — «Полковой командир объявил мне благодарность перед строем»; ...Орнаннь **өмн** хувц хатхҗ суусн экнь Цаһан келҗ сууна (Б. Б. — 3). — «Мать Цаган, которая сидела перед кроватью и чинила одежду, рассказывала».

Послелог **өмн** происходит от наречия со значением «перед», «впереди»: ...Чонмуд улм шидрлдәд, **өмннь** хаалһднь һарад зогсҗ оркад, йовлһ өгхш (Б. Б.—21).— «...Волки, приблизившись, встали перед ней на дороге и не давали ходу»; ...Дәрк минь толһатн яһҗ одва?—гиҗ дахлдн орҗ иржҗ йовсн гергн сурн, **өмннь** тотхад зогсв (Б. Б.—9).—«...господи, что с вашей головой?»— спросила жена, вошедшая следом за ним, и встала перед ним как вкопанная».

Данное слово в исходном падеже приобретает значение «навстречу»: Басң уралан йовад, тергнд курәд урлһнлә **өмнәснь** Делгр һарад ирв (Б. Б.—29).—«Когда Басанг пошел дальше и приблизился к телеге, навстречу ему вышла Делгр».

Послелог **хөөн** встречается с временным значением: Балһсн дәәнә бәәдлд бәәлә, асхн арвн часин **хөөн** уульнцд күн һарх зөв уга билә (О. Г.—26). — «Город был на военном положении. После десяти часов никто не имел права выходить из дому»; Өрун цәәһин **хөөн** Цаһан хойр суулһ авад худг орад уснд одв (М. Н.—56). — «После утреннего чая Цаган взяла два ведра и отправилась за водой»; Совещане **хөөн** С. М. Буденный нанта хамдан Мөртә цергин 6-ч дивиз орад һарв (О. Г.—138). — «После совещания С. М. Буденный вместе со мною отправился в 6-ю дивизию Красной Армии».

Тоже значение времени сохраняется и при управлении послелога **хөөн** причастием прошедшего времени в родительном падеже: Тиигәд зөвәр удан кевтәд оркснa **хөөн,** нег бичк унднь хәрсн болв (Б. Б.—20). — «После того как достаточно долго пролежал на земле, он почувствовал, что несколько утолил жажду (пить)».

Иногда **хөөн в сочетании с причастием** прошедшего времени от глагола бол — «быть», «становиться» и соответствующего порядка приобретает несколько иной оттенок значения— значению имени условно-временной: Манахн болсн **хөөнь** атаһан күүнд өгшл уга болхгәв... (Б. Б.—8). — «Если это наши, то никому не дадут обогнать (опередить) себя»; Арһта болсн **хөөнь** бериг эн зовлнга аснь һарһх седкл орулв (Б. Б.—59). — «Если бы была возможность, то желательно избавить женщину от этих мучений».

Данный послелог происходит от наречия **хөөн** — «после», «затем»; **Хөөнь** бәәһә бәәҗ иҗлдәд одсм тер (Б. Б.—12). — «Затем пожила и свыклась (с этой мыслью)»; **Хөөнь** минь түүнә үг үнн бәәҗлм гихитн сонсхв... (Б. Б.—40). — «После услышу, что сочтете мои слова правдивыми».

Послелог **тур(арт),** имея временное значение, указывает, что действие охватывает весь отмеченный отрезок времени: Һучн җилин **туршарт** сольвр угаһар хөөчәр көдлнә гидг — ик ачта төр (Т. Г.—209). — «Работать бессменно в течение тридцати лет пастухом овец — почетное дело»; Насни **туршарт** әәһәд йовхла юм дасҗ болну? (Т. Г.—187). — «Если всю жизнь бояться, можно ли чему-нибудь научиться?»; Кесг занятин **туршарт** хаана хатиг, эс гиҗ терүнә күүкдин нериг яһҗ нерәддгиг дасвдн (О. Г.— 23). — «В течение нескольких занятий мы учились величать императрицу или их детей».

Этот послелог встречается в виде **турш** и **туршарт** (то есть с суффиксами падежей — орудного и дательно-местного), но значение обеих форм остается одним и тем же; можно сказать **зунин турш** и **зунин туршарт** — «в течение лета», возможно также — **зунин туршар.**

Со значением времени встречается и послелог **урд**: Кесг жилин **урд** хальмгуд моңһлин хаана алвтас тасрҗ һарад... Әрәсән йоснд орҗ өгсн болдг (О. Г.—5). — «Несколько сот лет тому назад калмыки отделились от подданства монгольского хана и присоединились к России».

Послелог **урд** наречного происхождения. Пример: Һазрин сэн гисинь **урдк кевтән** мөрнә заводчикудин, баячудин һарт (О. Г.—41). — «Как и прежде, самые лучшие земли принадлежали конозаводчикам, богачам».

Послелог **һаза**. Этот послелог обозначает место: Үүднә **һаза** йир телмдг уга. Үүдн дотраснь өньста (Б. Б.—43). — «На двери (снаружи) нет никаких примет. Дверь закрыта на замок»; Сарин сарулд, маштг шавр герин **һаза** көлтә гидг нер болҗана (Б. Б.—59). — «При лунном свете, вне юрты, устраивается шумная вечеринка».

Несомненно, **һаза** — наречие места. Примеры: ...Долана эмгн һазаһас уурлсн өңгтә орад ирв (Б. Б.—26) — «С улицы вошла с сердитым видом старуха Долан»; Дахулҗ ирсн улсан орулхнтн Бадм, һаза зогсад бәәхм биш (Б. В.—58). — «Бадм, пригласите людей, которых вы привели. Не стоять же им на улице».

III. Послелоги с совместным и соединительным падежами

В калмыцком языке послелог **хамдан** имеет значение совместности, соучастия. Он управляет двумя падежами — совместным и соединительным.

Примеры на послелог **хамдан** с совместным падежом:

Санҗ Ноһалата **хамдан** һаза һарв (Т. Г.—200). — «Санж вместе с Ногала вышел на улицу»; ...Бидн терүтә **хамдан** хөөдиг кеерәгшән туућад һарувдн (О. Г.—13). — «...Мы вместе с ним погнали овец в степь»; Нанта **хамдан** станицәс арвн нәәмн баахн хальмг көвүн морджана (О. Г.—22). — «Вместе со мною уезжают в армию из станицы восемнадцать молодых парней».

Примеры на послелог **хамдан** с соединительным падежом:

Зурһанла **хамдан** гер дотр кесг улс ца ууҗ сууцхана (М. Н.—22). — «В юрте вместе с Зурганом пили чай еще много людей»; Нанла **хамдан** асхна школд арвдгч класст дастг билә (Т. Г.—144). — «Она училась вместе со мною в десятом классе вечерней школы»; Бичкдүдлә **хамдан** теднә эк эцкнрнь ирәд, арцлдадкедмн (О. Г.—11). — «Вместе с малышами приходили и их родители, торговались с нанимателями».

Послелог **эдл**, употребляясь главным образом с именем существительным в соединительном падеже, обозначает сравнение: Манас бичә эмә, цуһар чамла **эдлвдн**, наар... (Т. Г.—196). — «Ты не стесняйся нас, мы все, как и ты, равны с тобой, подойди (к нам)»; ...Өдр болһн гилтә күүкд күүһән кезәнк цагла **эдл** гүвдәд бәәсн залуг йоснла харһулх зевтә (М. Н.—80). — «Мужчину, который почти ежедневно бьет свою жену, как в старое время, необходимо наказать по закону»; Зунакла эдл биш... нарна герл далаһар һазр халулҗахш (Т. Г.—107).—«Не то, что летом... солнце не так греет землю».

IV. Послелог с исходным падежом

С исходным падежом употребляется послелог **үлү** — «кроме», «свыше», «лишний»; ...Танас үлү нег арслң, ээмдән күргх хувц авад угав (Б. Б.—33). — «Я от вас не получал ни лишнего рубля, ни какой-либо одежды»; Гермүдиг хойр—һурв төгәләд эргсн бийнь хазгуд хойр баахн берәдәс үлү күүкд олҗ чадсн уга (О. Г.—49). — «Хоть и по 2—3 раза обшарили юрты, но казаки не могли найти никого, кроме двух молодых женщин».

Если же **үлү** сочетается с числительным **нег** — «один», то имеет значение «тем более»: Нүүдг улст увлд **нег үлү** түрү болдмн (О. Г.—8).—«Кочевникам было трудно, тем более зимою»; Писр дарунь төгәлҗәсн улсларн, **нег үлү** мини эк — эцклә жөөлн эвлүн болад одв (О. Г.—10). — «Писарь затем стал относиться к окружающим помягче, тем более к моим родителям».

Послелог **үлү** в орудном падеже приобретает значение сравнения: Мини эзндњ орхнь **үлүһәр** хәләһәд йовсар хөөднь ода миңһ күрвш (Б. Б.—31). — «Так как я смотрел за овцами лучше, чем хозяин, они теперь достигли тысячи голов».

До сих пор мы говорили о послелогах, которые управляли каким-нибудь одним определенным падежом, то есть о послелогах с родительным, исходным, совместным и соединительным падежами или с основой имени. Но в калмыцком языке небольшая часть тех же послелогов может управлять и другим, вторым падежом. К ним относятся **дотр, дунд, дор** и **хоорнд**. Они могут употребляться не только с основой имен, но и с родительным падежом. Приведем несколько примеров:

а) **дотр** — «в течение» (с временным значением): Эн хойр җилин дотр күүкнәнњ эд-үв белдҗ чадсн угавчи?.. (Б. Б.—11).— «В течение этих двух лет неужели не смог приготовить приданое своей дочери?»;

б) **дунд** — «посреди» (местонахождение): Һолин **дунд** бәәсн хулста арлин өөр ирҗ йовнав (Т. Г.—119). — «Подхожу близко к камышу, находящемуся посреди реки»;

в) **дор** — «под» (местонахождение предмета): Паркд өндр модна **дор** хойр күн сууна (Т. Г.—145). — «В парке, под высоким деревом сидят двое»;

г) **хоорнд** — «между» (местонахождение): Зөвәр йовад оркснаннь ард, нег толһа деер һарад ирхләм, хойр толһан хоорнд үвлзҗ бәәх хотн үзгдв (М. Н.—78). — «Когда я проехал довольно-таки долго и поднялся на какую-то гору, то показалось селение, которое зимовало между двумя горами»;

д) **тал** — «к», (по направлению); ...Тер дарунь мана тал ирв (Х. У.—3). — «...Он вскоре пришел к нам».

е) **урд** — «до» (указание на время) может управлять и основой имени: Һурвн җил **урд** бас мет иим, хур—чиг тату һаңта зунар... (Т. Г.—179). — «Три года тому назад, в точно такое же сухое лето...»

Следует отметить, что, помимо послелога **үлү**, с исходным падежом могут употребляться также послелоги **ард, өмн, урд, хөөн.**

Как мы видели из приведенных выше примеров, послелоги, занимая в предложении строго определенное место, как правило, не допускают между собою и сочетающимся с ними именем других членов предложения, например: уул деер—«на горе»; эн уул деер—«на этой горе»; эн цаһан уул деер — «на этой белой горе». Как видим, между предлогом и именем допускаются определения.

Несколько слов о послелогах **дотр** и **дор,** употребляющихся с основой имени. Послелоги **дотр** и **дор** с основой имени по своему значению могут быть сходны со значением имени в дательно-местном падеже, когда последнее указывает на нахождение предмета или вещества внутри чего-либо или под чем-либо.

Однако о полной аналогии значений указанных выше послелогов и имени в дательно-местном падеже не может быть и речи. Приведем несколько примеров:

1. Ааһд алг махн — «В чаше пестрое мясо». Здесь имя в дательно-местном падеже ааһд — «в чаше» может заменяться и послеложным сочетанием — ааһ дотр — «в чаше» (основа имени и послелог дотр.) Подобное сочетание не только просто заменяет, но и уточняет значение имени в дательно-местном падеже, указывая на нахождение предмета, вещества внутри чего-либо.

Когда же надо указать на нахождение предмета на поверхности чего-либо, употребляется сочетание имени с послелогом **деер**, а не имя в дательно-местном падеже: ...алтн ширэ **деер** суув — «сел на золотой престол».

2. Послеложное сочетание следует применить и тогда, когда необходимо указать на нахождение предмета под чем-либо (послелог **дор**): Бидн өндр модн **дор** суулавдн — «Мы сидели под высоким деревом». В данном предложении послеложное сочетание **модн дор** заменить именем в дательно-местном падеже (моднд) нельзя: оно не передаст точного значения сочетания.

Следовательно, послеложное сочетание не просто заменяет имя в дательно-местном падеже, а уточняет, конкретизирует его значение. Яснее всего это прослеживается при характеристике места действия, направления.

В заключение приводим таблицу послелогов, употребляющихся в калмыцком языке.

Послелоги	Виды отношений	Формы имен, с которыми послелоги обозначают данный вид отношений			
		основа имени	родительный падеж имени	исходный падеж имени	соединительный и совместный падежи
тал		тал			
деер		деер			
дор		дор	(дор)		
дунд	пространственные	дунд	(дунд)		
дотр		дотр	(дотр)		
хоорнд		хоорнд	(хоорнд)		
күртл		күртл			
ард			ард	(ард)	
өмн			өмн	(өмн)	
һаза			һаза		
хөөн			хөөн	(хөөн)	
дару			дару		
урд			урд	(урд)	
турш (арт)	временные		турш (арт)		
зуур			зуур		
хамдан	совместности				хамдан
мет		мет			
чиңгə	сравнения		чиңгə		әдл
әдл					
төлə			төлə		
туск(ар)	целевые		туск (ар)		
ормд	замены и противопоставления		ормд		
үлү				үлү	

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

Записки Вып. 2 1962 г.

Б. Б. БАДМАЕВ

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Родительный падеж образуется при помощи падежных окончаний **-ин, -а, -ә, -н.** Имена, основа которых оканчивается на согласные, кроме неустойчивого согласного **-н,** и на редуцированные гласные, в родительном падеже образуются при помощи окончания **-ин.** Например, шил — «стекло» — шилин; терз — «окно» — терзин; беш — «печь» — бешин; сар — «луна» — сарин; сүк — «топор» — сүкин; бүс — «пояс» — бүсин; аӊ — «зверь» — аӊгин; чон — «волк» — чонин; хун — «лебедь» — хунин. Такое же окончание принимают односложные имена с открытым слогом. Например, бу — «ружье» — бууһин; кө — «сажа» — көөһин.

Имена, оканчивающиеся на неустойчивый -н, принимают окончание -а, -ә, например, темән — «верблюд», темәнә — «верблюда», яман — «коза», ямана — «козы». Все многосложные имена, оканчивающиеся на гласные, имеют окончание -н. Например, така — «курица», такан — «курицы»; харада — «ласточка», харадан — «ласточки».

Таким образом, употребление различных форм в родительном падеже определяется окончанием основы слов.

Но в калмыцком языке наблюдаются исключения из этого правила. Например, слово үкр—«корова», как оканчивающееся на согласные **(-р),** должно иметь падежное окончание **-ин** и форма родительного падежа должна быть обязательно үкрин — «коровы». Но наряду с этой формой встречается и другая форма родительного падежа с окончанием на **-а, -ә,** например, үкрә махн — «говядина»; но үкрин үсн — «коровье молоко».

По утверждению специалистов, употребление разных форм родительного падежа не связывается со смысловым различием.

Так, профессор Г. Д. Санжеев пишет:[1] «Так как в живой речи иногда имена с конечным согласным в родительном падеже

---

[1] Г. Д. Санжеев. Грамматика калмыцкого языка. М.—Л .,1940, стр. 42.

принимают окончание -а или -ә, то в газетах можно найти такие примеры:

дөрвд — «дербет»	дөрвдә — «дербета»
нутг — «район»	нутга — «района»

А между тем по правилам грамматики литературного языка следовало бы: дөрвүдин, а не дөрвдә, нутгин, а не нутга.

Но такие отклонения нельзя считать чуждым и калмыцкому языку. Они, наоборот, являются закономерным явлением в калмыцком языке как в литературном, так и в живой речи. К сожалению, на это явление калмыцкого языка никто до сих пор не обращал внимания. Параллельное употребление двух различных падежных аффиксов при одной и той же основе в действительности же объясняется различными смысловыми отношениями определений (оформленного различными окончаниями) родительного падежа с определяемым словом. В тех случаях, когда между определением и определяемым словом имеются отношения принадлежности, обязательно употребляется форма родительного падежа с окончанием на -ин. В остальных же случаях (например, при отношениях, обозначающих происхождение, часть целого, назначение или цель, место и время, качество и способность, причина и следствие) употребляется форма родительного падежа с окончанием на -а, -ә. Примеры:

Отношение принадлежности.	Происхождение и прочие отношения.
1. Торһудин һазр — «торгутская земля».	Торһуда Манж — «торгутский Манджи».
2. Дөрвдин һазр — «дербетская земля».	Дөрвдә көвүн — «дербетский мальчик».
3. Австрин һазрин зах — «граница австрийской земли».	Австра салдс — «австрийский солдат».
4. Нутгин көвүн — «районный мальчик».	Нутга күүкн — «девушка из улуса».
5. Хальмгин үкр — «корова калмыка».	Хальмг үкр — «калмыцкая корова» (порода).
6. Немшин үкр — «корова немца».	Немш үкр — «немецкая корова».
7. Хурлин күн — «человек хурула».	Хурла күн — «хурульский человек».

Что касается первого примера, то уместно вспомнить одну песню, созданную еще до революции, но распеваемую и сейчас,— это «Торһуда Манж». Она известна именно, как «Торһуда Манж», а не «Торһудин Манж», то есть Манджи, по происхождению из Торгута.

Наоборот, в том же определении, если определяемое слово будет обозначать предмет принадлежности, в родительном падеже уже потребуется окончание -ин, например, торһудин һазр, дөрвдин һазр. Так же второй и все остальные примеры показы-

вают, что в левом столбце (дөрвдин һазр) между определением и определяемым словом имеются отношения принадлежности (земля принадлежит дербетам), а во втором столбце (дөрвдә көвүн) — отношение происхождения (мальчик по происхождению из дербет). Также «Австрин һазрин зах» (песня об империалистической войне 1914 г.). Опять-таки выражает принадлежность границы земле Австрии.

В правом столбце, где определение, выраженное в форме родительного падежа с окончанием на -а, -ә или формой неопределенного падежа, выражены уже не отношения принадлежности, а отношения происхождения.

Особенно ярко выражены отношения принадлежности в 5—6-м примерах, где определения в разных падежных формах относятся к одному и тому же определяемому слову (үкр).

Пятый пример, хальмгин үкр — «корова калмыка», показывает, что корова принадлежит именно калмыку, а выражение хальмг үкр — «калмыцкая корова» показывает, что корова калмыцкой породы, точно так же разъясняется и шестой пример.

Не менее интересен и последний пример, в котором **хурлин күн** обозначает, что человек — служащий хурула, а хурла күн решительно не выражает никакого отношения, а является лексическим словосочетанием, обозначающим человека разгильдяя, лежебоку.

Интересно отметить, что в работе Б. Х. Тодаевой[2] «Значения и функции падежей в калмыцком языке» трактуются значения калмыцких падежей, в том числе и родительного. Из всех указанных значений родительного падежа на первое место выдвигается отношение принадлежности, но не фиксируется, что эти отношения обязательно выражаются формой родительного падежа с окончанием на **-ин.** Между тем все примеры, которые она приводит, исключительно выражены формой родительного падежа с окончанием на **-ин,** в то время как все другие значения родительного падежа выражены уже другими формами этого падежа. Она также не заметила эту семантическую особенность в употреблении личных форм родительного падежа.

Прежние исследователи грамматического строя калмыцкого языка А. Попов и А. Бобровников также не выявили этого семантического различия.[3]

Здесь интересно еще отметить то, что Г. Д. Санжеев в одной из последних своих работ пишет: «В ордосском диалекте... различные формативы родительного падежа от одной и той же основы использовываются в семантическом отношении».[4]

---

[2] Записки НИИЯЛИ при Совете Министров Калм. АССР № 1, 1960.

[3] А. Попов. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1848, стр. 50—51. А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. стр. 88—90.

[4] Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Москва, 1953, стр. 158.

Но он не указывает, с какими различными отношениями связываются разные формы родительного падежа одной и той же основы.

Таким образом, отношения принадлежности в калмыцком языке выражаются специальной формой родительного падежа. Это убеждает нас в том, что в калмыцком грамматическом строе, следовательно, имеется особая специальная категория принадлежности, ранее не замеченная специалистами.

Все примеры, приведенные нами, подтверждают, что категория принадлежности передается формой родительного падежа с окончанием на **-ин**, а все другие отношения выражаются формой родительного падежа с окончанием **-а, -э,**

Поэтому, пример «хөөнэ хаша» не выражает отношения принадлежности (овца—владелица сарая), как разъясняет Г. Д. Санжеев, а указывает на отношение назначения или цели (сарай предназначен для овец), с другой стороны, правильно разъясняет Г. Д. Санжеев другой пример — «колхозин ферм», указывая, что здесь имеется отношение принадлежности.[5]

---

[5] В цитированной выше «Грамматике калмыцкого языка» Г. Д. Санжеева, стр. 43.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

Д. А. СУСЕЕВА

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ИМЕННЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КАЛМЫЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В современном калмыцком языке, как и во всех монгольских языках, очень часто встречаются сочетания типа: гарин үүл — «рукоделие», тәәлвртә тууль — «загадка», өрүн хөт—«завтрак», хамрин нүкн — «ноздри» и т. д. Наличие таких сочетаний — закономерное явление. Они возникли в результате тех грамматических законов, которые действовали на протяжении всего предшествующего развития калмыцкого языка. В настоящее время они встречаются и во всех жанрах устного народного творчества, и в произведениях калмыцких писателей, и в разговорной речи. Вот некоторые примеры подобных сочетаний из народного эпоса «Джангар»:

1. «Өл Маңхн Цаһан уулнь
   Газр теңгр хойрин киисн болад,
   Өрун гарх **нарнь көл** дор
   Маңхаһад бәәдг гинә».[1]
2. «Алдр Жаңһр хан гигсн нернь
   Нарт делкән орнд тууж болв».[2]
3. «**Йиртмжин төриг** хад мет бәәһүлв,
   Бурхн шажиг нарн мет мандлулн жирһв»[3].
4. «...уулин ора деер гарад,
   Уулин хавчгт дүрчкәд...»[4]

Словосочетания, обозначающие наименование предмета, явления, понятия и т. д., в зависимости от смысловой нагрузки могут выступать как термины.

Такие терминологические сочетания представляют заметное явление в современном языке. Однако они до сих пор не были объектом специального исследования. Так, в работе И. К. Илишкина[5] «О заимствованных словах и терминах в калмыцком язы-

---

[1] «Джанһр», М., 1960, стр. 3.
[2] Там же, стр. 302.
[3] Там же, стр. 362.
[4] «Джанһр», М., 1960, стр. 80.
[5] «Записки», вып. I, Калмыцкий научно-исследовательский институт. Элиста, 1960.

ке» рассматриваются только те термины, которые возникли в результате суффиксального образования или заимствованы из других языков.

В калмыцком языке несколько способов образования терминов. Многие термины, например, возникли в результате словосложения: бәәдл—жирһл — «благосостояние», мал—гер — «собственность»; калькирования: һазрин көшур — «земная ось», долан жилэ зура — «семилетний план» и др.

Сочетание слов — наиболее употребимый способ образования терминов. Слова в калмыцком языке, сочетаясь друг с другом, образуют различные группы слов, и в зависимости от синтаксических связей, которые устанавливаются между словами, все сочетания делятся на две группы:

1. Сочетания подчинительные, образуемые в основном приемами примыкания, управления, изредка — согласованием;

2. Сочетания сочинительные, образуемые при помощи служебных слов, выполняющие роль русских сочинительных союзов, и интонаций перечисления.

В задачу настоящей работы входит исследование структурных типов именных словосочетаний в калмыцкой терминологии.

Все словосочетания, образованные по типу синтаксических связей, являются подчинительными.

I. ПОНЯТИЕ О СЛОВОСОЧЕТАНИИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксис калмыцкого языка, на наш взгляд, должен включать учение о предложении и учение о словосочетании. Мы полагаем, что в нашем языке, как и в русском, учение о словосочетании — необходимое восполнение грамматического учения о слове и предложении».[6] Следовательно, «синтаксис должен изучать как специфическую природу предложения и его членов, так и свойства и особенности, правила и закономерности сочетания слов в предложении».[7]

Сочетаясь друг с другом по определенным грамматическим законам, слова в калмыцком языке образуют своеобразные группы, среди которых могут быть особо отмечены такие, которые, будучи объединены и синтаксически и по смыслу, не представляют собой законченного предложения. Это и будут словосочетания. На основе живых семантико-синтаксических связей, действующих в языке, можно выделить словосочетания самого различного типа.

В связи с этим необходимо остановиться на некоторых положениях профессора Г. Д. Санжеева. В современном монгольском языке он различает лишь лексические и синтаксические словосочетания.[8] Нам кажется, подобное деление является далеко не точным, поскольку само понятие «словосочетание» не получает четких границ. С одной стороны, профессор Г. Д. Санжеев рассматривает словосочетание в разделе «Лексика» как словосложение. Он пишет: «Наряду с образованием слов при помощи суффиксации и отчасти переосмысления старых слов, в современном монгольском языке широко используются в тех же целях различные типы сложения слов или словосочетания. Выше в связи с изложением лексических изменений в монгольском языке эпохи народной революции и строительства социализма в Монголии уже говорилось о неологизмах и терминах, образованных сочинительным и подчинительным сочетанием слов. Поэтому здесь нам остается лишь указать, что сочинительные словосочетания чаще всего образуют так называемые парные слова».[9] С другой стороны, в главе «Синтаксис», перечисляя формы грамматических связей слов в лексических и синтаксических словосочетаниях, он отмечает и те связи, которые устанавливаются между подлежащим и сказуемым в предложении: «О согласовании в монгольском языке можно говорить лишь применительно к предложениям с повелительно-желательными формами глатола, в которых сказуемое согласуется с подлежащим в лице: Та яв!—«Вы идите!», Тэр яваг!—«Пусть тот идет!», Бид явья!—«Мы идем» и т. п. Вообще же определение и сказуемое не согласуются с определяемым и подлежащим: сайн моринд — «хорошей лошади...»[10]

Словосочетанием у Г. Д. Санжеева являются обычные грамматические сочетания слов, поэтому он отождествляет понятие «словосочетание» с понятием «предложение».

Далее, нельзя согласиться и с тем утверждением, что во всех монгольских языках, а следовательно, и в калмыцком, развернутый член предложения представляет лишь причастный или деепричастный оборот. «Прочих же видов развернутого члена предложения,— утверждает Г. Д. Санжеев,— до самого последнего времени не было в силу, во-первых, отсутствия особых союзов подчинения и, во-вторых, что в этих языках какое-либо сложное словосочетание возможно лишь при помощи глагола».[11]

Если действительно в силу специфических особенностей языков монгольской группы в них не могли существовать словосочетания типа «наша победа над фашистской Германией»,[12] то это еще не дает оснований отрицать наличие именных словосо-

---

[6] В. В. Виноградов. «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка». Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 154.

[7] О. С. Ахманова. «Словосочетания». Сб. Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 453.

[8] Г. Д. Санжеев. «Современный монгольский язык», М., 1959, стр. 80.

[9] Там же, стр. 39.

[10] Г. Д. Санжеев. «Современный монгольский язык», М., 1959, стр. 80.

[11] Г. Д. Санжеев. «Сравнительная грамматика монгольских языков», 1, М., 1953, стр. 122.

[12] Там же, стр. 122.

четаний во всех монгольских языках, в частности в калмыцком. Примеры с именными, к тому же сложными, словосочетаниями в произведениях устного народного творчества не единичны. В доказательство приведем несколько примеров из «Седклин кҮр».[13]

1. **Цаста цаһан уул** деерәс бууҗ ирәд... (стр. 12).—«Спустившись со **снежной белой горы...»**

2. Би тиигәд **модн хәәс** кехәр, **модна йозур** авч ирвв... (стр. 35).—«Я поэтому, чтобы сделать **деревянный котел,** принес **пень дерева».**

3. Тиигәд бәәҗ болгш уга болад, **нарн һарх ар үзгт** наһцнртн бәәдмн,— гиҗ маниг йовулв (стр. 56). «Так как жить было дальше невыносимо, он нас отправил на восток, к родственникам».

4. О, эн чн һазриң Шар Күрнгин **чигә зооглдг ааһ** (стр. 73).— «О, это **чашка для питья чигяна,** принадлежащая Газрин Шар Күрн».

5. Довун толһан сүүд, **цәнкр цаһан сахлта өвгн** үкрмүдән хәрүлҗ йовсинь үзнә (стр. 27).— «Он видит, как в тени холма пасет коров старик с белой бородой».

Поскольку в способе сочетания слов отражаются национальные особенности языка, то вполне естественно, что по своей структуре именные словосочетания калмыцкого языка отличаются от именных словосочетаний русского языка. Для русского языка в настоящее время типичны словосочетания, имеющие в качестве господствующего члена слово, выраженное любой частью речи с присоединенным к нему посредством предлога другого существительного,[14] одним из таких и будет словосочетание, приведенное профессором Г. Д. Санжеевым,— то для калмыцкого языка типичны иные именные словосочетания.

Необходимо различать два понятия:

1. Сочетание слов в предложении.

2. Словосочетание «как особого рода соединение, специфика которого и должна быть определена в отдельности для каждого языка».[15]

Академик В. В. Виноградов дает следующее определение словосочетанию в русском языке: «Словосочетание — это сочетание слов, организованное по законам данного языка и выражающее какое-нибудь понятие, хотя и сложное, и способное служить его обозначением. Это свободный эквивалент фразеологической единицы».[16]

[13] «Седклин кҮр», Элиста, 1960.

[14] Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 38.

[15] О. С. Ахманова. «Словосочетание». Сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 454.

[16] Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 42.

Основываясь на учении о словосочетании академика В. В. Виноградова, мы находим следующие основные черты и особенности словосочетания в калмыцком языке. Во-первых, словосочетание в калмыцком языке нельзя отождествлять ни с отдельным словом, ни с предложением. Словосочетание должно состоять не менее чем из двух самостоятельных слов, хотя, как и простое слово, оно относится к номинативным средствам языка и представляет собой строительный материал, используемый в процессе языкового общения.[17] Словосочетание не тождественно предложению. Отличительной чертой словосочетаний является их непредикативность. Словосочетание «только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, средств сообщения».[18]

Во-вторых, не всякие два слова представляют собой словосочетание. В его образовании должны принимать участие не менее чем два полнозначных слова. Самая минимальная граница объема словосочетания выражается двумя полнозначными словами. Например, чолун гер — «каменный дом», көк ноһан — «зеленая трава», элстә газр — «песчаное место» и др. Но нельзя считать словосочетанием сочетание полнозначного слова с неполнозначным, то есть со служебным словом. Соединения, подобные ирснә хөөнә — «после прибытия», хотна өөр — «около поселка», газр деер — «на земле», гер талан — «домой», хотя и представляют грамматические единства, не будут словосочетаниями, ввиду неполнозначности их второго члена — послелога. Но такие послеложные конструкции входят в структуру словосочетания в качестве одного из его членов. Управляя косвенным падежом имени, причастия послелоги служат для соединения их с другими членами словосочетания. Например, эмнәнь төлә ноолдлһн — «борьба за существование», хотна ар захд — «за северной окраиной поселка», сурһуль эклснә хөөн — «после начала учебы» и т. п.

В-третьих, одно из слов словосочетания должно быть грамматически господствующим, стержневым, вокруг которого группируются остальные. По основному слову и происходит классификация словосочетаний. В зависимости от того, к какой части речи оно относится, словосочетания могут быть именными, глагольными и наречными.

В-четвертых, характер синтаксических отношений, который устанавливается между словами словосочетания, будет всегда подчинительным. Господствующее слово выступает в роли поясняемого, а другое (или другие) — в роли поясняющего (зависимого). Эта подчинительная связь в калмыцком языке достигается в основном двумя способами: примыканием и управлением.

[17] Там же, стр. 38.

[18] Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 38.

В редких случаях наблюдается и согласование такого типа: мини төрскн теегм — «моя родная степь».

В-пятых, все словосочетания по количеству членов могут быть разделены на простые и сложные.

Простые словосочетания — это такие, которые состоят из двух полнозначных слов. Академическая грамматика русского языка дает им следующее определение: «...простыми словосочетаниями должны быть признаны синтаксически организованные и семантически цельные сочетания двух знаменательных слов, выражающих единое значение и способность быть обозначением предмета, действия, качества и т. п.»[19]

В калмыцком языке типами простых словосочетаний будут следующие: давсна саав — «посуда для соли», асхн хот — «вечерняя еда», малын хаша — «помещение для скота», нарна герл — «луч солнца» и т. п.

Сложными словосочетаниями будут такие, которые включают более чем два полнозначных слова. Они выражают то же, что и простые словосочетания, но в более расширенном и конкретизированном виде. Сравните: хасг тергн — «казахская телега» с хасг төмр тергн — «казахская железная телега»[20] или меддг күн — «знающий человек» и бичг-тамһ меддг күн — «человек, знающий грамоту».

Большое количество сложных словосочетаний мы находим в словарях Б. Б. Басангова,[21] И. К. Илишкина.[22] Чаще всего эти словосочетания представляют собой пояснения определенных терминов и названий, которые раньше совершенно не были известны калмыку. Например, понятие «барометр»[23] передается на калмыцком языке не одним словом, а сложным словосочетанием — «сәлкн, боран орхиг заадг прибор».

II. ИМЕННЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ИХ СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ

Под именными словосочетаниями мы понимаем такие словосочетания, в которых в роли главного, то есть стержневого слова, выступает имя. Такие словосочетания в калмыцком языке разнотипны и отличаются друг от друга характером отношений между сочетающимися словами. По значению выражаемых отношений именные словосочетания будут в той или иной мере определительными: зависимое слово определяет главное. Но эти определительные отношения могут иметь самые разнообразные смысловые оттенки.

Именные словосочетания, как мы уже говорили, могут быть

[19] «Грамматика русского языка», т. 2, ч. 1, 1954, стр. 20. Издание АН СССР.

[20] Пример взят из «Джанһр», М., 1960, стр. 60.

[21] Б. Б. Басангов. «Русско-калмыцкий словарь». М., 1940.

[22] И. К. Илишкин. «Русско-калмыцкий словарь». М., 1958.

[23] Там же, стр. 5.

простыми. Среди них мы различаем словосочетания с послелогами и без послелогов. Сочетание имени с послелогом в послеложных конструкциях — это один компонент словосочетания.[24]

Простые послеложные конструкции состоят из трех частей. В послеложных конструкциях зависимое слово сочетается с главным через послелог, от которого зависит и его падежная форма.

В беспослеложных конструкциях зависимое слово непосредственно примыкает к главному. Отношения между словами беспослеложных словосочетаний передаются формами падежей зависимого слова. Основываясь на правилах и законах сочетаемости слов в калмыцком языке, установившихся в ходе их исторического развития, все именные словосочетания делятся на две большие группы: словосочетания с неоформленным компонентом и словосочетания с оформленным компонентом.

1. Словосочетания с неоформленным компонентом

К группе словосочетаний с неоформленным компонентом мы относим словосочетания, образовавшиеся в результате соединения одного имени с другим без изменений их номинативной формы. Подобные словосочетания представляют заметную группу в калмыцкой терминологии. Эти словосочетания, выступающие как термины, одновременно с этим могут выражать и разнообразные отношения. Семантическая функция зависимого компонента весьма разнообразна:

а) зависимый компонент указывает на видовое наименование того, что выражено главным:

нерң зәңг — «назывное предложение», бамб цецг — «цветок лотос», манһд тергн — «татарская телега», хальмг теег — «калмыцкая степь», гәрд шовун — «орел»;

б) зависимый компонент обозначает материал, из которого изготовлено то, что названо главным:

модн ааһ — «деревянная чашка», ишкә гер — «войлочная юрта», шавр гер — «глиняный дом», төмр хаалһ — «железная дорога», хар модн көшүр — «дубовая ось»;

в) зависимый компонент указывает на количество того, что выражено главным или же его место в числе других:

Алдр советск **олн әмтн** — коммунизмин тосхачнр менд болтха![25] — «Да здравствуют советские народы — строители коммунизма!»; Февралин 4-д өрүһәр эрт Москваһас Гавана тал Ахлачин **негдгч дарук** А. И. Микоян ниснж һарв.[26] — «Утром 4-го февраля из Москвы в Гавану вылетел первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян».

[24] Ю. С. Елисеев. «Синтаксические словосочетания в современном финском языке». М., 1959, стр. 27.

[25] «Хальмг үнн», 1960, № 205.

[26] Там же, № 26.

г) зависимый компонент обозначает качественный признак того, что выражено главным:

моһлцг газр — «земной шар», улан туг — «красное знамя», ахр татасн — «дефис», җөөлн темдг — «мягкий знак», эгшг э — «гласный звук», залгч үг — «управляющее слово», хату хадвр — «твердый согласный»;[27]

д) зависимый компонент выражает источник силы:

салькн теерм — «ветряная мельница», мөрн тергн — «конная телега», темән тергн — «верблюжья телега».

Все именные словосочетания с неоформленным компонентом характеризуются одним типом синтаксической связи — примыканием. Характерным признаком этих словосочетаний является то, что, в каком бы косвенном падеже ни стояло главное слово, зависимое следует перед ним в неизменной своей основной форме — номинативной. Сразу же здесь отмечаем возможность смешения словосочетаний с парными словами, у которых первая часть также во всех случаях остается неизменной.

Двучленные именные словосочетания — свободные сочетания слов, в которых зачастую сочетающиеся слова могут быть заменены близкими синонимичными словами без изменения основного смысла всего сочетания, что мы и наблюдаем в настоящее время в ряде случаев. Сравните: «олн эмтн» и «олн улс», в примере: «Алдр Октябрьск социалистическ революц хальмг **олн улсин** социальн болн келн эмтнә халхин дажрлһнь уга кежүурулчкад, хальмг **олн эмтнә** экономикнь болн культурнь өөдән һарч оргжхднь хамг кергтә эв-арһ өгсмн».[28] Оба словосочетания имеют одно значение — «народ». Далее, двучленные словосочетания могут распространяться и усложняться. Сравните: «хасг тергн» и «хасг улан тергн».[29] Парные же слова представляют собой сложные слова, замена одного из компонентов которых сразу же приводит к искажению их смысла. Так, нельзя произвести замены в парных словах: орн-нутг — «страна», эрдм-сурһуль — «образование», ах-ду — «братья». Изучение парных слов мы относим к лексике, в то время как именные словосочетания — к синтаксису.

2. Словосочетания с оформленным компонентом

Большую группу составляют термины, представляющие собой именные словосочетания с оформленным компонентом. Мы их называем так потому, что зависимый компонент в них выступает в одной из форм косвенного падежа и получает соответствующее оформление. По оформлению зависимого компонента можно различать словосочетания: зависимый компонент оформляется в том или ином косвенном падеже, зависимый компонент выступает с нулевым оформлением винительного падежа, зависимый компонент оформляется послелогом.[30]

Во всех случаях в этих словосочетаниях между главным компонентом и зависимым устанавливаются пояснительно-определительные отношения, которые приобретают самые различные оттенки в зависимости от того, в какой форме косвенного падежа находится зависимый компонент. Словосочетания этой группы характеризуются синтаксической связью — примыканием.

Словосочетания с зависимым компонентом в форме родительного падежа

Этот тип именных словосочетаний является самым употребительным в калмыцком языке, и в частности в терминологии.

Родительный падеж в калмыцком языке имеет очень широкие функции. «Он выступает как показатель отношения принадлежности, отношения целого, служит целям выделения, указывает на место и время».[31]

В зависимости от того, что выражает зависимый компонент по отношению к главному, можно выделить следующие виды именных словосочетаний с зависимым компонентом в форме родительного падежа:

1. Словосочетания выражают отношение части и целого. Главный компонент называет то, что является частью другого, которое обозначено зависимым компонентом:

үгин чилгч — «окончание слова», үгин сүүр — «основа слова», келлһнә хүв — «часть речи», зәңгин мөчмүд — «члены предложения», үгин унг — «корень слова».

2. Словосочетания выражают отношения признака и носителя:

эмтнә бәәдл-жирһл — «народное благосостояние», эмтнә нинегдлһн — «единство народов», үүлдврин хуврлһн — «изменение глаголов», эгшгин таарлт — «гармония гласных», хадврин җөөлрлт — «смягчение согласных».

3. Словосочетания, в которых зависимый компонент показывает видовое наименование того, что выражено главным:

селәнә эдл-аху — «сельское хозяйство», усна эдл-аху — «водное хозяйство».

4. Словосочетания, в которых зависимый компонент обозначает место.

уулин орн — «горное место», уулин хавчг — «горное ущелье».

5. Словосочетания, которые близки к словосочетаниям, выражающим отношения конкретной принадлежности типа «Бадмин дегтр» — «книга Бадмы», но все же сами не выражающие этой конкретно предметной принадлежности:

---

[27] Грамматические термины взяты из «Хальмг келнә учебник», 1, Б. Б. Бадмаева, Элиста, 1960.

[28] «Хальмг үнн», 1960.

[29] «Жанһр», М., 1960, стр. 362.

[30] Словосочетания этого типа могут послужить предметом специального исследования, поэтому мы не беремся здесь за их детальное рассмотрение.

[31] Б. Х. Тодаева «Записки», 1 ч. Калмыцкий научно-исследовательский ин-т, Элиста, стр. 166.

нарна толян — «луч солнца», һолин белчр — «устье реки», һолин ниилвр — «приток реки», үүлдврин нүр — «лицо глагола», нуурин көвә — «берег озера».

6. Сочетания, у которых зависимый компонент обозначает время:

намрин тәрән — «озимь», үдин хөт — «обед», хаврин усна ору — «весеннее половодье».

Эта группа именных словосочетаний является самой многочисленной, поскольку в калмыцком языке «родительный падеж является основной формой выражения синтаксического отношения между именами».[32]

Словосочетания с зависимым компонентом в форме орудного падежа

Круг этих словосочетаний весьма ограничен. Между главным компонентом и зависимым устанавливаются всегда определительно-пояснительные отношения. В таких словосочетаниях зависимый компонент дает качественную характеристику действию, явлению, понятию, названному главным: амар келлһн — «устная речь», куч-көлсәр хувалһн — «разделение по труду», хурдар умшлһн — «беглое чтение», төвшүнәр умшлһн — «плавное чтение».

Главное слово в таких словосочетаниях часто образовано от глаголов при помощи суффикса «-лһн».

Словосочетания с зависимым компонентом в форме совместного падежа

Функции совместного падежа в калмыцком языке сравнительно широки. Слово в форме совместного падежа в предложении может быть определением, косвенным дополнением и сказуемым.[33] Но именные словосочетания возникают лишь в результате проявления его функции определения. В подобных словосочетаниях зависимый компонент дает качественную характеристику тому, что названо главным:

мортә церг — «конная армия», гижгтә күүкн — «взрослая девушка» (дословно: девушка с одной косой), модта газр — «лесная местность», дуута хадвр — «звонкие согласные», элстә газр — «песчаное место», давста газр — «солончак», овалһата өвсн — «скирда».

Словосочетания с зависимым компонентом в форме винительного падежа

В словосочетаниях такого типа устанавливаются определительно-объективные отношения. В большинстве случаев главный компонент представляет собой глагольное существительное,

[32] Б. Х. Тодаева. «Записки», I, стр. 166.
[33] Там же, стр. 182.

которое образовано от глагола при помощи суффикса «-лһн» и обозначает действие, направленное на объект, выраженный зависимым компонентом:

мал өсклһн — «скотоводство», һазр доһдалһн — «землетрясение», тәрә тәрәлһн — «сев», заһс аңнлһн — «рыболовство».

Характерной особенностью этих словосочетаний является то, что зависимый компонент, выступая в форме винительного падежа, не получает никакого внешнего звукового оформления. Но в ряде случаев наблюдается, что существительные, оканчивающиеся на согласную «н», теряют ее. Например, заһс аңнлһн— «рыболовство», аду өсклһн — «коневодство».

В терминологии количество словосочетаний с зависимым компонентом в форме винительного падежа ограничено.

3. Словосочетание с компонентом — парное слово

Заметную группу в лексике калмыцкого языка составляют парные слова типа: ни—төвкнун, улан—улан, эк—эцк, эрдм—сурһуль и т. д. Этот тип словообразования здесь очень продуктивен, как во всех монгольских и тюркских языках.

Говоря о существовании парных слов во всех тюркских языках, тюрколог Н. К. Дмитриев в свое время писал: «Поскольку в русском и других европейских языках названная категория слов носит фрагментарный характер и употребление ее ограничивается чисто разговорной речью, постольку восточные языки различных семей представляют совершенно иную картину: здесь парные словосочетания являются вполне жизненной морфологической категорией, и употребление их не ограничено никакими рамками стиля».[34] Точное подтверждение этих слов мы находим в калмыцком языке, поскольку парные слова встречаются «в образцах самых разнообразных стилей».

Все парные слова в тюркских языках Н. К. Дмитриевым сводятся в основном к двум типам. Первый тип, который он обозначает формулой «а+в», «имеет в числе компонентов слова реального значения, которые могут употребляться и отдельно, но вместе взятые создают особое значение». К этому типу будут относиться калмыцкие парные слова: гер—бүл, өрн—нутг, ах—дү и др. Второй тип, который он обозначает формулой «$а+а_1$», имеет в лице «$а_1$» такой звуковой комплекс, который, взятый отдельно, не ассоциируется с каким-либо конкретным значением и по своей фонетической природе является сколком (рифмой) с основного семантического элемента «а». К этому типу относятся калмыцкие парные слова: шиль—миль, гуйр—муйр, зәңг—зә и др.

Поскольку парные слова до сих пор недостаточно изучены в калмыцком языке, тем более что никогда не отмечалось их на-

[34] Н. К. Дмитриев. «О парных словосочетаниях в башкирском языке». Известия Академии наук СССР, сер. 7, отд. гуманит. наук № 7, 1930.

личие в составе ряда терминологий, обратимся к исследованиям в области родственных языков.

Наибольший интерес представляет статья профессора Т. А. Бертагаева «Об основах терминотворчества в бурят-монгольском языке».[35] В своей работе, указывая на продуктивность образования терминов через этот тип словообразования, он раскрывает особенности парных слов. Т. А. Бертагаев говорит, что парные слова «составляются из сочетания двух синтаксически равноправных слов, вступающих друг с другом в сочинительную связь и обозначающих какое-нибудь единое понятие. Так, например: аха — дуу «старший — младший» означает «братья—сестры—братский» или эхэ — эсэгэ — «мать — отец — родители» и т. д.[36] Он отмечает, что сочетание двух разных слов дает новое понятие, более общее, чем понятия, представленные отдельными компонентами, вошедшими в состав парного сочетания».[37]

Профессор Т. А. Бертагаев подчеркивает важную роль функциональной особенности слов. «В монгольских языках парные слова выражали вначале понятие о собирательности, соответственно о множественности. Например, сочетание аха—дуу — «старший—младший», то есть «братья—сестры», обозначает совокупность лиц, имеющих определенную родственную связь, хони—ямаа — «овца—коза» — совокупность мелких домашних животных, мелкий скот и т. д. Затем они стали выражать понятия обобщенные или отвлеченные, например, муу—һайн—«плохо—хорошо» — «качество», гар — хул — «рука — нога»—«конечности» и т. д. В представлении бурят-монголов, наряду с вещественным значением, выражаемым данным парным сочетанием, возникает дополнительное представление о совокупности и отвлеченности данного значения, как, например, в русском языке в образованиях при помощи суффикса «-ость», наряду с вещественным значением, возникает представление об отвлеченности: «бедный—бедность», «храбрый—храбрость» и т. д. Эта особенность парных слов является той живительной силой, благодаря которой они существуют и действенны на любой стадии развития языка, несмотря на древнее структурное построение».[38]

Ту же самую картину представляют парные слова и в калмыцком языке.

Парные слова интересуют нас потому, что они нередко выступают в качестве компонентов в именных словосочетаниях. В зависимости от того, какой компонент представляет собой парное слово, мы различаем три типа именных словосочетаний:

---

[35] Ученые записки БМГПИ, вып. II, 1950, Улан-Удэ; есть еще работа Ц. Б. Цыдендабаева «Об общественно-политической терминологии в бурят-монгольском языке», Записки ин-та БМГПИ, 1948.

[36] Там же, стр. 91.

[37] Ученые записки БМГПИ, вып. II, 1950, Улан-Удэ.

[38] Там же, стр. 93.

а) главный компонент — парное слово:

селәнә эдл-аху — «сельское хозяйство», төрскн **орн-нутг** — «родная страна», әмтнә **седкл-ухан** — «думы людей»;

б) зависимый компонент — парное слово:

урн-хурц янз — «художественная форма», **сурһуль-эрдмтә** улс — «образованный народ»;

в) оба компонента — парные слова:

орн-нутгудин керг — төрмуд, орн-нутгудин күч — чидл, нитəвкнуһ бəәдл—жирһл и др.

Во всех случаях между компонентами этих именных словосочетаний устанавливается подчинительная связь. Зависимый компонент всегда предшествует главному и определяет его. В зависимости от того, в какой форме выступает зависимый компонент, то есть парное слово, все эти словосочетания соответственно относятся либо к словосочетаниям с оформленным компонентом, либо с неоформленным. Чаще всего к словосочетаниям с неоформленным компонентом относятся такие, в которых зависимый компонент обозначает качество, признак. Например: **шар-цоохр** туг, урн-хурц янз.[39]

Словосочетания этой группы могут быть по количеству членов простыми и сложными. Например: **«Цуг орн-нутгудин пролетармуд,** негдцхәтн!»; «Журналистнрлә пресс-конференцс кежәһәд Н. С. Хрущев, **мана орн-нутгудин керг-төрмуд** айта гидгәр күцәгж йовна гиж келлә»[40]; «Эн алфавитәр умшдг, бичдг әмтнә то икдж **сурһуль-эрдмтә улс** зөвәр өсв».[41]

* * *

Между терминологией и нетерминологией нет непереходимых границ. Сочетания слов, относящиеся к области терминологии, образуются по тем же грамматическим законам, что и сочетания слов нетерминологического характера. Исследованные нами структурные типы простых именных словосочетаний охватывают не все разновидности и типы сочетаний слов, которые вообще существуют в калмыцком языке. Калмыцкий язык в этом отношении представляет настоящий кладезь, который до сих пор не получил должного внимания в работах наших языковедов.

Исследованный нами материал позволяет сделать некоторые выводы.

В узко специальной области, как терминологии, сочетания слов, в частности именные словосочетания, дают многообразие структурных типов. Все именные словосочетания могут быть по количеству членов простыми и сложными.

Все простые именные словосочетания могут быть разделены на две группы: 1) словосочетания с оформленным компонентом и 2) словосочетания с неоформленным компонентом.

---

[39] Пример взят из «Жаңһр».

[40] «Хальмг үнн», № 208, 1960.

[41] «Хальмг үнн», № 210, 1960.

Словосочетания с оформленным компонентом могут быть трех видов в зависимости от того, какую падежную форму имеет зависимый компонент:

а) зависимый компонент оформляется либо родительным, либо орудным, либо совместным падежом;

б) зависимый компонент оформляется нулевым окончанием, в частности, винительного падежа;

в) зависимый компонент оформляется послелогом.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

Записки Вып. 2 1962 г.

У. У. ОЧИРОВ

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ

(В порядке обсуждения)

До сих пор ни в одном исследовании по грамматике калмыцкого языка не был освещен вопрос проявления разнообразных форм придаточных предложений.

В грамматике Г. Д. Санжеева анализируются в основном простые и сложносочиненные предложения. Некоторые сложные конструкции придаточных предложений рассматриваются как развернутые обороты.

В калмыцком языке имеют широкое распространение предложения с осложненными развернутыми оборотами, которые в известной мере близки к сложноподчиненным предложениям. Эта близость выражается в том, что предложение с оборотом, как и сложное предложение, обычно имеет принципиально иной состав, чем простое предложение. Но все же нельзя поставить знак равенства между сложносочиненными предложениями и предложениями с оборотами, ибо они грамматически оформлены по-разному и выражают неодинаковое содержание. Надо согласиться с тем, что предложения, входящие в состав сложносочиненного предложения, были когда-то самостоятельными. Значит, сложносочиненные предложения в калмыцком языке образовались путем объединения самостоятельных простых предложений.

Например: үвл болв, цасн орв. — «Зима пришла, выпал снег».

Перед нами сложносочиненное предложение, состоящее из двух простых предложений. Каждое из них выступает со своим самостоятельным подлежащим и сказуемым, выражает законченную мысль. Их сказуемые выражены личной формой глагола.

Из этого же предложения можно образовать сложноподчиненное предложение.

Үвл болсна хөөн, цасн орв. — После того, как пришла зима, выпал снег.

[1] Статья помещена в «Ученых записках» института в порядке обсуждения.

Первое предложение (үвл болсна хөөн) не является самостоятельным; оно не выражает законченной мысли, указывает на время действия главного предложения.

Надо полагать, что большинство сложноподчиненных предложений исторически образованы в калмыцком языке не из одного самостоятельного простого предложения путем развертывания его в сложное, а на основе двух простых предложений путем изменения его грамматических форм.

Как уже говорилось, нельзя ставить знак равенства между сложноподчиненными предложениями и предложениями с развернутыми оборотами. Мы знаем, что предложение строится на базе сочетания подлежащего со сказуемым, в то время как оборот главным образом строится на основе причастия или деепричастия. Правда, причастия и деепричастия также могут выступать в качестве сказуемых сложноподчиненных предложений, но с самостоятельными подлежащими. Значит, в калмыцком языке надо различать причастные и деепричастные обороты от сложноподчиненных предложений.

Что же тогда считать придаточным предложением и что считать причастным и деепричастным оборотами? Каковы должны быть придаточные предложения в калмыцком языке, какие требования к ним предъявляются?

Мы знаем, что всякое придаточное предложение не является законченным, оно конкретизирует и поясняет один из членов главного предложения. Это первый признак придаточных предложений, что отчетливо видно на таком примере:

Хавр болхла, өвсн көкрнә.	Когда наступает весна, трава зеленеет.

Здесь главное предложение **өвсн көкрнә** («трава зеленеет»). Когда трава зазеленеет? На этот вопрос отвечает придаточное **хавр болхла** («когда весна наступает»).

Придаточное предложение в этом примере не выражает законченной мысли, после него нельзя поставить точку, ибо оно содержит намек на необходимость последующего действия главного предложения. Поэтому предложение **хавр болхла** имеет относительную самостоятельность, которая в калмыцкой фразе подчеркивается резко выраженной интонацией.

Таким образом, чтобы правильно классифицировать придаточные предложения в калмыцком языке, необходимо прежде всего иметь в виду, чтобы эта группа слов была именно предложением, а не просто словосочетанием, которое по его смысловому значению может соответствовать придаточному предложению.

Второй признак придаточного предложения состоит в том, что оно по своему смыслу не может быть законченным, но все же характеризуется относительной самостоятельностью выражаемой мысли.

Самое главное отличие придаточных предложений — наличие самостоятельного подлежащего. Если нет подлежащего и оно не подразумевается, то это не придаточное предложение, а простое словосочетание, являющееся каким-нибудь развернутым членом предложения. Присутствие подлежащего в придаточных предложениях при наличии его и в главном предложении есть почти единственный признак сложноподчиненного предложения в калмыцком языке.

Сказуемое в придаточном предложении должно выражать известную самостоятельность, хотя эта самостоятельность в калмыцком языке выражена менее ярко, чем в русском:

Хавр болҗасн цагт, колхозникүд шин һазр хаһлв. (Х. Ү.)	В то время, **когда наступала весна,** колхозники поднимали целину.

В этом предложении на русском языке и подлежащее и сказуемое придаточного предложения выражены очень ярко. В калмыцком же подлежащее придаточного предложения — **хавр («весна»)** — также играет самостоятельную роль: стоит оно в именительном падеже, находится обособленно, отделено оно от подлежащего главного предложения несколькими словами. Что же касается сказуемого, то в калмыцком тексте нет той самостоятельности, что мы наблюдаем в русском придаточном предложении. Но все же данное придаточное в известной мере выражает самостоятельную мысль, указывая на время действия главного предложения.

Необходимо отличать причастный оборот со значением времени от придаточного предложения времени. Его отличие состоит в том, что у оборота нет самостоятельного подлежащего. Если такое подлежащее проявляется в какой-либо частице или в аффиксах, то подлежащими у причастного оборота и главного предложения является одно и то же лицо, например:

Школд орхдан Бата йир икэр байрлв. (Э. К.)	При поступлении в школу (Когда поступил в школу) Бата сильно обрадовался.

В этом предложении причастный оборот **школд орхдан** — «когда поступил в школу» указывает на время главного предложения — сказуемого **байрлв** — «обрадовался», в предложении одно действующее лицо **Бата,** хотя ему приписываются два действия: **орхдан, байрлв.** — «когда поступил, обрадовался». Причастие **орхдан** имеет аффикс возвратного склонения **-ан,** который соответствует русскому возвратному местоимению.

Другое отличие причастного оборота со значением времени от придаточного заключается в том, что придаточное предложение имеет при себе какое-нибудь служебное слово, которое свя-

зывает его с главным предложением. Без такого связывающего элемента придаточное предложение теряет всякий смысл, например:

Хөд хурһлҗасн цагт, комсомольцнр нөкд болхар ирцхәв. (Х. Ү.)	В то время, когда окотились овцы, комсомольцы пришли на помощь.

В этом примере придаточное времени **хөд хурһлҗасн цагт** — «когда овцы окотились», подлежащее в нем **хөд,** сказуемое — **хурһлҗасн,** связывающее слово — **цагт.** Служебное слово **цагт** здесь выполняет двойную функцию: оно как бы придает большую самостоятельность сказуемому придаточного времени и связывает придаточное с главным предложением.

При причастном обороте обычно причастие употребляется в косвенных падежах, например:

Москваһас ирхләрн, эцг маднд даң белг авч ирнә.	При приезде (когда приезжает) из Москвы отец всегда нам приносит подарки.

В этом предложении причастным оборотом является сочетание **москваһас ирхләрн.** Причастие здесь стоит в соединительном падеже возвратного склонения.

При причастном обороте зависимое имя существительное обычно стоит в косвенных падежах и управляется причастием, например:

Цергт мордхларн, би танкист болҗ церглүв.	При призыве (когда призывался) в армию я служил танкистом.

В этом примере причастие **мордхларн** управляет именем существительным **цергт** дательно-местным падежом.

В придаточном предложении времени причастие-сказуемое при служебных словах употребляется в именительном падеже, при этом сказуемое, выраженное причастием, подлежащим не управляет, например:

Хөд ирцхәсн цагт, Бадм скирдсүр одв.	Когда пришли овцы, Бадма ушел к скирдам.

В этом предложении подлежащим придаточного времени является **хөд** — «овцы», с которым сказуемое согласуется в числе: **ирцхәсн.**

Если сказуемое придаточного времени выражено причастием, образованным от переходного глагола, и его подлежащее выра-

жено именем существительным, обозначающим разумное существо, то подлежащее может стоять в винительном падеже, например:

Сурһульчнриг умшҗасн цагт, мана багш орҗ ирв.	В то время, когда учащиеся читали, зашел наш учитель.

В этом предложении подлежащим придаточного является **сурһульчнриг** — «учащиеся», оно стоит в винительном падеже, управляясь сказуемым **умшҗасн,** выраженным переходным глаголом.

Такой принцип определения придаточных предложений в калмыцком языке позволит более точно классифицировать их по типам и значению.

Надо полагать, что появление придаточных предложений в современном калмыцком языке в частности вызвано прогрессивным влиянием русского языка на калмыцкий язык, вследствие непосредственного территориального, экономического и культурного общения и содружества калмыцкого народа с великим русским народом на протяжении трех с половиной веков.

Сложноподчиненное предложение в большинстве своем, видимо, возникло сравнительно недавно. Их образование и систематическое употребление в речи вызвано интенсивным развитием современной калмыцкой письменности. Рост культуры калмыков, широкое распространение книг, периодической печати и обучение на родном языке, большая переводческая работа — все это обусловило постепенное расширение лексических и структурных возможностей калмыцкого языка, появление в нем новых грамматических средств связи, к числу которых относится и большинство придаточных предложений.

Исходя из сказанного, попытаемся определить основное значение и функцию придаточного предложения времени.

Придаточные предложения времени в современном калмыцком языке принадлежат числу наиболее распространенных. Их основная функция — выражение временных отношений и признаков. Они в калмыцком языке принимают различные оттенки временных значений, выраженных в разнообразных формах.

Сказуемые придаточных предложений времени прежде всего выражаются причастием всех времен. В этом случае в качестве служебных слов, которыми соединяются придаточные предложения с главными, употребляются следующие союзные слова или союзы: **цаг** — цагла — «время», «пора», **хөөн** — «после», «после того как», **өмн** — «прежде», «прежде чем», **урд** — «раньше, заагт — «между тем», **нааран** — «с тех пор» и др.

Необходимо отметить, что указанные служебные слова, при помощи которых придаточные предложения связываются с главными, не превратились еще в настоящий союз. Они не достигли

той степени отвлеченности, которая присуща союзу. Выполняя роль союзов, эти слова (они будут приведены нами ниже) совмещают его функцию с первоначальным, правда ослабленным, значением, где ощущаются еще прежние отношения и грамматические связи слов между собою. Поэтому в таких служебных словах еще не в полной мере установилась смысловая неразложимость, которая присуща русским союзам. Однако это обстоятельство не мешает им выполнять функции союзов, обозначающих совершенно определенную связь составных частей сложноподчиненного предложения.

Остановимся на характеристике придаточных предложений времени, которые соединяются с главным предложением при помощи служебного слова **цаг** — самое общее обозначение времени, соответствующее русскому глаголу с союзом **«когда»**. Этот способ выражения времени проявляется в различной форме. Служебное слово **цаг** берется в дательно-местном падеже, поэтому **цагт,** взятый в этом падеже, в зависимости от контекста приобретает значение времени, поры, момента.

Самым распространенным видом придаточных предложений времени, которые соединяются с главным при помощи служебного слова **цаг,** взятого в дательно-местном падеже,— это предложения, сказуемые которых выражаются причастиями всех трех времен:

1. Колхозникүдин хург **болжасн цагт,** ахлач герт орж ирв. (Н. М.)	В то время, когда происходило собрание колхозников, зашел в помещение председатель.
2. Батаг сурһуль **surжах** **цагт,** би бичкн көвүн биләв. (Э. К.)	В то время, когда учился Бата, я был маленьким мальчиком.
3. Эцгиг көдлмшәсн **ирдг** цагт, көвүнь школурн оддг билә (Б. А.)	В то время, когда отец приходит с работы, сын (его) уходит в (свою) школу.

Сказуемые указанных придаточных предложений выражены причастиями прошедшего, будущего и настоящего времени: **болжасн, сурҗах, ирдг.**

Следует обратить внимание и на форму выражения подлежащего в рассмотренных придаточных предложениях. Подлежащее первого предложения — **хург** («собрание») — стоит в именительном падеже. А подлежащие второго и третьего предложений — Батаг («Бату»), эцгиг («отца») — стоят в винительном падеже. Если подлежащее выражено именем существительным, обозначающим разумное существо, то оно может стоять и в винительном падеже.

Рассмотрим же, какие основные временные функции несут

сказуемые придаточных предложений и в какой взаимосвязи они находятся по отношению к сказуемым главного предложения:

1. Намр **эклх** цагт, колхозин тәрәнә көдлмш гүднә. (Х. Ү.)	1. В то время, **когда** наступит осень, у колхоза посевная работа в разгаре.
2. Шуурһн **шуурчасн** цагт, бидн һарч йовцхавдн.	2. Мы вышли в то время, когда бушевал буран.
3. Намаг сурһуль **сурдг** цагт, Бембә багш билә. (Х. Ү.)	3. В то время, когда я учился, Бембя был учителем.
4. Дән **эклх** цагт, мана күүкн бичкн билә. (Б. А.)	4. В то время, когда началась война, наша дочь была маленькой.
5. Намаг заводт **көдлдг** цагт, та терүнә директор биләт. (М. Н.)	5. В то время, когда я работал на заводе, вы были его директором.
6. Хөрн хойрдгч **партин** хург **болжасн** цагт, көдлмшчнр улм шунҗ көдлцхәв. (Х. Ү.)	6. В то время, когда происходил XXII партийный съезд, рабочие еще с большим старанием работали.
7. Поезд станцур өөрдх цагт, сурһульчнр буудкин өөр цуглрцхав. (О. Г.)	7. В то время, когда поезд подходил к станции, учащиеся собрались у будки.
8. Нарн өөдән һарсн цагт, бидн көдлмшән чиләвдн (Б. А.)	8. В то время, когда солнце высоко поднялось, мы закончили работу.
9. Колхозникүдин хург эклх цагт, цөн күн бас ирв. (Н. М.)	9. В то время, когда собрание колхозников начиналось, подошло еще несколько человек.

Из приведенных примеров видно, от чего же зависят падежи существительных, которыми выражаются подлежащие придаточных предложений. В предложениях (№ 3 и 5) подлежащие выражены местоимениями в винительном падеже.

В качестве сказуемых придаточных предложений выступают причастия во всех временах. Надо отметить, что времена причастий не имеют особого значения для характеристики действий главного предложения. Но все же они придают много временных оттенков тем действиям, которые выражены сказуемым главного предложения. Поэтому значение одновременности или последовательной смены действий, о которых говорится в главном и придаточном предложениях, в основном зависит от того, глаголом какого времени выражено сказуемое главного предложения.

Сказуемые придаточного предложения, являющиеся причастиями, оказывают незначительное влияние на время действия главного предложения. Если в придаточном предложении вре-

мени сказуемые выражены причастиями прошедшего времени (№ 2 и 8), то это значит, что действие, о котором говорится в главном предложении, следует за действием, выраженным в придаточном предложении. В указанных же двух предложениях действия придаточных начались раньше действия главного предложения.

В тех случаях, когда сказуемое придаточного предложения выражено причастием будущего времени, то это может означать, что действия придаточного и главного предложений происходят одновременно. Таковы сказуемые в наших примерах за № 1, 4, 7, 9. Если сказуемое придаточного предложения выражено причастием настоящего времени, оно также обозначает одновременность действий сказуемых главного и придаточного предложений с той разницей, что эти действия носят постоянно или периодически повторяющийся характер или действия обоих предложений в прошлом многократно следовали одно за другим (№ 3, 5).

Надо отметить, что каждое предложение в приведенных примерах состоит из двух взаимосвязанных частей, выражающих единую сложную мысль. Одна из частей воспринимается в качестве главной, выражающей основное содержание: сообщение о том или ином действии, событии или явлении; другая часть — зависимая, в которой сообщается о том, что было, что происходило непосредственно перед событием и явлением, о котором говорится в главной части.

Таким образом, зависимая часть выполняет пояснительную функцию. Она поясняет главную часть с точки зрения времени, указывая на то, что сообщаемое в главной части предложения совершилось одновременно или после конкретного обстоятельства, которое является содержанием зависимой части предложения.

Такой связи двух мыслей соответствует и грамматическое строение рассматриваемых предложений. Как мы уже видели, составные части взятых нами предложений связаны между собою при помощи служебного слова **цаг**, поставленного в дательно-местном падеже. Из приведенных примеров ясно, что служебное слово **цаг**, являющееся союзом, в противоположность союзам, например, в русском языке, ставится не в начале зависимого предложения, а в конце его как замыкающее слово, указывающее на окончание зависимой части предложения.

По своей грамматической природе главная часть обладает всеми признаками обычного предложения: относительная законченность мысли, наличие подлежащего и сказуемого.

Такая самостоятельность смыслового значения не характерна для зависимой части предложения. В наших предложениях зависимая часть имеет нерасчлененную форму строения. Некоторые авторы работ по грамматике калмыцкого языка подобные предложения объясняют как причастные или деепричастные

обороты и склонны считать, что в калмыцком языке совсем нет придаточных предложений. Такое утверждение лишено оснований, так как в живом разговорном языке придаточные предложения получили довольно широкое распространение.

В калмыцком языке имеется целая система построений со служебными словами, которая показывает путь развития сложных предложений от синтаксически нерасчлененных конструкций к установившимся формам сложноподчиненных предложений, имеющих различные оттенки значений, как и в русском языке. Поэтому в зависимой части лежит группа слов, состоящая из подлежащего и морфологически еще не достаточно оформившегося действия, которое и выступает в роли сказуемого подчиненного предложения. Такое словосочетание можно принять как организующее ядро подчиненного предложения. Из этого можно сделать вывод о наличии в современном калмыцком языке придаточных предложений.

Рассматриваемая нами служебная функция слова **цаг** в значении времени, поры, момента может стоять и в других падежах. Наибольшее распространение, кроме дательно-местного падежа, имеет и соединительный падеж в форме **цагла,** например:

1. Көдлмш эклх **цагла,** ик хур орв. (К. Э.)	1. В момент, когда нужно было начать работу, прошел сильный дождь.
2. Түрүн радио келдг **цагла,** би босдг биләв. (Х. Ү.)	2. Я вставал в тот момент, когда радио начинало свою работу.
3. Көдлмш эклсн **цагла,** күүнд цол уга болна. (Э. К.)	3. Когда начинается рабочий день, у человека свободного времени не бывает.
4. Намаг сурһуль сурх **цагла,** ик дән эклլә. (Х. Ү.)	4. В то время, когда мне нужно было учиться, началась война.

Эти сложные предложения представляют собою частичное грамматическое видоизменение приведенных выше предложений, выразившееся в замене падежа служебного слова **цагт** на **цагла,** поставленного в соединительном падеже.

Небольшое изменение падежа служебного слова внесло и некоторый оттенок во времени происходящих событий главного и придаточного предложений. Сочетание **эклх цагт** означало одновременно происходящие действия, сочетание же **эклх цагла** показывает, что действие придаточного предложения происходит после того, когда произошло действие главного предложения. Кроме того, **цагла** придает также незначительный оттенок смысловому значению предложения. В этом случае оно, наряду с временным значением, может выражать и условно-следственные отношения. Сочетание временного и условно-следственного отношений поддерживается еще тем, что сказуемое придаточного

предложения выражено причастием будущего времени. При этом в придаточном предложении может говориться о чем-нибудь возможном, предполагаемом, то есть смысл первого предложения должен быть истолкован так: «Работу нужно было начать, но она, по всей вероятности, еще не началась, потому что прошел проливной дождь». Значит, служебное слово **цагла**, являясь союзом, соединяющим зависимое предложение с главным, не потеряло еще своего первоначального значения и в отдельных случаях может внести ряд новых оттенков как в обозначении времени происходящих действий главного и подчиненного предложений, так и в изменении функции придаточных.

Во втором предложении говорится о действиях главного и придаточного, которые происходят одновременно, и эти действия носят постоянно повторяющийся характер.

В третьем примере совершенно ясно и четко говорится о том, что действия главного и придаточного предложений происходят последовательно, причем действие главного как бы является следствием или результатом действия придаточного, то есть «именно тогда у человека нет свободного времени, когда начинается рабочий день». Иначе говоря, в результате начала рабочего дня у человека не бывает свободного времени. Поэтому это придаточное предложение времени по своему значению несколько приближается к условно-следственному предложению, хотя по логическим вопросам — **кезә цол уга болна?** («Когда именно не бывает свободного времени?») — оно, бесспорно, является придаточным предложением времени.

Придаточные предложения времени имеют другой оттенок временных значений, если их сказуемые выражаются причастием настоящего времени, обозначающим продолжительность действия. В этом случае служебное слово **цаг** может употребляться и в дательно-местном и в соединительном падежах. Приведем несколько примеров.

1. Маниг сурһуль **сура** цагт, Эрдни багш болҗ ирв.	1. Пока мы учились, Эрдни прибыл к нам учителем.
2. Шуурһн **шуура** цагт, бидн өвс зөөцхәвдн. (С. Б.)	2. Пока бушевал буран, мы возили сено.
3. Хур **ора** цагла, самолет нисч ирв. (Д. Б.)	3. Пока дождь шел, прилетел самолет.
4. Колхоз тәрәһән хада цагла, догшн хур орв. (К. С.)	4. Буквально: Пока колхоз убирал (свой) урожай, прошел сильный дождь.

Действия придаточного и главного предложений подобного вида в основном происходят одновременно, но с той разницей временной функции этих предложений, что действие, о котором говорится в главном предложении, ограничено временем окончания или свершения действия, названного в придаточном предложении, ибо сказуемые придаточных выражены причастием,

имеющим значение длительности или долго продолжающихся действий.

В данных примерах сказуемые главных предложений выражены глаголом прошедшего времени. Они могут быть глаголом и других времен. Но это не меняет их временных значений, в конечном моменте все эти действия сказуемых главного предложения совпадают с временем окончания действия, обозначенного сказуемым придаточного.

Кроме причастия, в качестве сказуемого придаточного предложения времени употребляются и качественные прилагательные:

1. Маниг **бичкн** цагт, Октябрьск революц болж. (Л. Ц.)	1. Когда мы были маленькими, совершилась Октябрьская революция.
2. Ленинig **баһ** цагт, терүнә ах бәргдҗ. (К. Н.)	2. Когда Ленин был юным, его брат был арестован.
3. Тадниг **ик** цагт, әмтнә җирһл оңгдан болх. (Х. Ү.)	3. Когда вы подрастете, люди будут жить по-новому.
4. Тадниг, бичкдиг, **ик** цагт, олн әмтн коммунистическ кевәр бәәцхәх. (Х. Ү.)	4. В то время, когда вы, малыши, будете взрослыми, люди будут жить по-коммунистически.
5. Угатнриг **түрү** цагт, хаана йосн бәәлә. (Тууҗ)	5. Буквально: В то время, когда бедняки жили плохо, существовала царская власть.

Такие придаточные предложения времени в большинстве своем указывают на давно прошедшее время, которое отделяет говорящего от настоящего момента отрезка времени, измеряющийся годами, десятилетиями, эпохой. Сказуемые этих предложений выражены прилагательным.

Основные временные функции рассматриваемых предложений состоят в том, что действие, о котором говорится в главном предложении, ограничено временем действия придаточного. Следовательно, можно сказать, что действия в обеих частях подобного сложноподчиненного предложения происходят одновременно.

Когда сказуемое главного предложения выражено глаголом будущего времени, это означает, что то, о чем говорится в главном предложении, произойдет в один из моментов времени, в течение которого совершается действие придаточного предложения. Таково, например, предложение № 4. В нем сказуемое главного предложения выражено глаголом будущего времени. Смысл этого предложения таков: «Именно в то время люди будут жить по-коммунистически, когда нынешние малыши будут взрослыми». На наш взгляд, в таких предложениях оба действия сопутствуют одно другому.

Следует также иметь в виду, что сказуемые придаточных

предложений времени могут выражаться существительными, которые обозначают возраст людей, животных. Эти существительные приобретают такое значение во времени, как и качественные прилагательные. К примеру: **өвгн** — «старик», **эмгн** — «старуха», **көвүн** — «мальчик», **күүкн** — «девочка», **хурһн** — «ягненок», **туһл** — «теленок», **унһн** — «жеребенок», **үрә** — «конь двух лет» и другие. Такие слова указывают на неопределенное давно прошедшее время, иначе говоря, действие происходило тогда, когда кому-то из них было столько-то лет:

1. Арнзл зеердиг **үрә** цагт, Алдр Җаңһр деернь һарсн болдг. («Джангар»).	1. Когда Арнзалу было только два года, на него сел великий Джангар.
2. Мини эцгиг **өвгн** цагт, хаана йосн хольврҗ. (Э .К.)	2. В то время, когда мой отец был стариком, была свергнута царская власть.
3. Эн мана үкриг **туһл** цагт, би школд эклж орлавв.	3. Буквально: Когда эта корова была еще теленком, я начал ходить в школу.
4. Мана ээҗиг күүкн цагт, хальмгуд теегәр нуудг бәәҗ. (Б. А.)	4. В то время, когда моя мать была еще девочкой, калмыки кочевали по степи.
5. Кер мөриг унһн цагт, манаһас көвүн һарла.	5. В то время, когда гнедой конь был еще жеребенком, у нас родился сын.

Такие предложения употребляются для выражения временных отношений в прошлом.

Анализируя временные функции указанных предложений, мы видим, что действие главного предложения не выходит за пределы действия придаточного и что действие придаточного носит длительный процесс. В нашем примере № 3 действие сказуемого главного предложения, выраженное словами **эклж орлав,** совпадает с временем совершения действия придаточного предложения, обозначенного словами **туһл цагт** в сказуемом придаточного предложения. При этом действие, выраженное сказуемым придаточного, еще продолжается и длится, а действие, выраженное сказуемым главного предложения, закончилось. В последнем предложении (№ 5) говорится о том времени, когда этому гнедому коню еще не было и года, у них родился сын. Действие главного предложения закончилось, дальше оно продолжаться не может, так как оно выражено глаголом прошедшего времени, которое обозначает окончательное действие — **һарла.** Действие придаточного предложения тоже прошло, но оно продолжалось долго. Пока это действие совершалось, произошло действие главного предложения. Поэтому действие главного строго ограничено действием придаточного.

Помимо служебного слова **цаг,** в калмыцком языке имеется еще ряд таких слов, которые также выступают в качестве союза

в придаточном предложении времени. К ним относятся наречия или послелоги: **хоорнд, заагт, хөөн, өмн, урд** и другие.

Слова **хоорнд и заагт** имеют почти одинаковые значения. **Хоорнд** более употребим, чем **заагт.** По своему значению они соответствуют русским словосочетаниям, а именно: **«в течение», «между тем», «прежде чем», «как только».** Следовательно, эти слова указывают на очень краткий промежуток времени между действиями сказуемых главного и придаточного предложений, что видно из следующих примеров:

1. Намаг хотан **уух** хоорнд, нохас чон көөһәд йовҗ одв.	1. Пока я обедал, собаки погнались за волком.
2. Нүдән **секх** хоорндм, өмнм нег ик хар юмн үзгдв (сказка).	2. Пока я открыл глаза, виднелось передо мною что-то большое черное.
3. Машиг зогсах хоорнд, Бата машинэс һәрәдҗ буув. (Н. М.)	3. Пока останавливали машину, Бата выпрыгнул из нее.

В данном случае **хоорнд, заагт,** являясь служебными словами, указывают на то, что действие главного предложения предшествует действию сказуемого придаточного предложения.

Слова **хоорнд, заагт,** так же как **цагт,** стоят в дательно-местном падеже. В сравнении с **цагт** употребление их несколько ограничено, поскольку они берутся только в сочетании с причастиями будущего времени. С причастием других времен **хоорнд, заагт** синтаксически не могут употребляться.

В указанных выше примерах действие придаточных предложений происходит столь мгновенно, так быстро, что оно начинается и заканчивается в течение того времени, о действиях которого говорится в главном предложении. Поэтому сказуемое такого главного предложения, выраженное глаголом, обозначает законченное действие.

Слова **өмн (урд),** как союзы в придаточном времени, соответствуют русским союзам **«перед тем как»** («прежде чем»):

1. Сурһульчнриг балһс **орж йовхин** өмн, бидн нәр келәвдн. (Ж. А.)	1. Перед тем как учащиеся должны были уехать в город, мы устроили вечер.
2. Бадмиг балһснас **ирхэс** урд, бидн герүрн хәрләвдн.	2. Перед тем как Бадма должен был приехать из города, мы ушли домой.
3. Намр **эклҗ болхин** өмн, мана колхоз өвсән хураһад авчкв. (Х. Ү.)	3. Перед тем как наступила осень, наш колхоз закончил подвоз сена.
4. Советин йосн **тогтхас** өмн, хальмгуд угатя биlә. (И. Л.)	4. Перед тем как установилась Советская власть, калмыки жили бедно.

5. Тәрәнә кӧдлмш **эклхәс** урд, колхоз зер-зевән белдәд авчкв. (Х. Ү.)	5. Прежде чем началась посевная работа, колхоз подготовил сельхозинвентарь.

Сказуемыми придаточных предложений являются слова: **орж йовхин, болхин, ирхәс, тогтхас, эклхәс.** Все причастия либо в родительном падеже, либо в исходном падеже. Служебное слово **ѳмн** требует, чтобы причастие стояло в родительном падеже, а слово **урд** управляет исходным падежом. Являясь союзами, соединяющими придаточное предложение с главными, эти слова **(ѳмн, урд)** не потеряли своего первоначального значения послелога, управляющего определенным падежом. Служебное слово **ѳмн,** кроме родительного падежа, может управлять и исходным (прим. 4).

В связи с тем что служебное слово **ѳмн** используется только с причастием будущего времени, его употребление несколько ограничено по сравнению со служебным словом **цагт.**

Если сравнить действия главного и придаточного предложений со словами **ѳмн (урд),** то мы видим, что действие, о котором говорится в главном предложении, произошло в один из моментов того отрезка времени, который предшествовал совершению действия придаточного предложения. В указанных примерах действия придаточных непосредственно последовали за действиями главного предложения.

Такое же отношение между действиями подчиненного и главного предложений устанавливается при выражении сказуемого главного предложения формой будущего и настоящего времени.

1. Чамаг колхозникүдин хургас **ирхин** ѳмн, би хот бел кехвв. (Л. Ц.)	1. Перед тем как тебе прийти с собрания колхозников, я приготовлю обед.
2. Бембәг кӧдлмшәс ирхин ѳмн, Болха хот бел кенә.	2. Перед тем как Бембе прийти с работы, Болха готовит обед.

Сказуемое главного предложения в первом примере выражено глаголом будущего, а во втором — глаголом настоящего времени. Поэтому данные примеры показывают, что изменение времен глаголов — сказуемых главного предложения—не оказывает влияние на характер действия придаточного.

Совершенно такой же структурой, что и при служебных словах **ѳмн, урд** («перед тем как»), характеризуются сложноподчиненные предложения со служебным словом **хѳѳн** («после того как»), только с той особенностью, что при словах **ѳмн, урд** действие главного предложения предшествует действию придаточного предложения, при слове же **хѳѳн** временное соотношение между главным и придаточным предложениями носит обратный характер с той разницей, что слово **хѳѳн** в большинстве своем

употребляется с причастием прошедшего времени в родительном падеже, например:

1. Хур **гииснә** хѳѳн, занч керг уга. (Пословица)	1. После того как дождь перестал, не нужно и накидки.
2. Гемтә күн **эдгснә** хѳѳн, эмч керг уга. (Пословица)	2. После того как вылечился больной, не нужно и врача.
3. Сурһуль **сурсна** хѳѳн, багш керг уга. (Пословица).	3. После того как выучился грамоте, не нужно и учителя.
4. Сурһулин жил чилснә хѳѳн, школд эк-эцгнрин хург болв. (Х. Ү.)	4. После того как завершился учебный год, в школе состоялось родительское собрание.
5. Һол **һатлсна хѳѳн,** оңһц керг уга. (Пословица).	5. После того как переправились через реку, не нужно и лодки.

Во всех этих примерах сказуемые придаточных предложений выражены причастием. Таковы, например, сказуемые: **эдгснә, сурсна, гииснә, һатлсна.** Следовательно, служебное слово **хѳѳн** управляет только родительным падежом.

Послелог **хѳѳн** может управлять и другими частями речи, например существительным. В таком случае **хѳѳн** теряет временный оттенок значений и перестает быть служебным словом, соединяющим придаточное предложение с главным, сохраняя при этом значение послелога:

1. Колхозин кӧдлмшин хѳѳн хург болв.	1. После работы в колхозе состоялось собрание.
2. Ѳрин хотин хѳѳн Борис школурн одв.	2. После завтрака Борис пошел (в свою) школу.

Слово **хѳѳн** приобретает служебное значение только в сочетании с причастием, в других же случаях оно становится послелогом.

Анализируя характер действий придаточного и главного предложений, легко можно установить, что действие, о котором говорится в главном, следует за действием придаточного предложения.

В калмыцком языке имеется ряд временных оттенков значений, связанных с употреблением слова **дутман** (точного соответствия в русском языке у него нет). Временные оттенки **дутман** легко обнаруживаются на таких примерах:

1. Күргнә **ирх** цаг **өөрдх** дутман, күүкн мел зовняд бээв (Б. Б.)	1. По мере того, как приближался приезд жениха, невеста глубоко переживала это.
2. Нохад хот **өгх** дутман, тер улм давад бәәнә.	2. Сколько бы ни кормили собаку, она еще больше просит.
3. Көдлмш **кех** дутман, Болха улм зүткнә.	3. Сколько бы ни работала Болха, еще больше старается.
4. Көдлмш күнд болх дутман, тер улм давҗ көдлнә.	4. Чем тяжелее работа, тем он больше старается.

Здесь служебное слово **дутман** по своему значению близко к русским сочетаниям: **«по мере того, как»**, **«сколько бы ни»**, **«чем—тем»**. В приведенных примерах очень незначительный оттенок признака времени. Слово **дутман** служит для выражения противопоставления или сопоставления действий придаточного с главным предложением. Поэтому такие предложения приобретают еще уступительную функцию, подчеркивая логическое несоответствие между содержанием главного и придаточного предложений. В подобных видах предложений действие придаточного начинается раньше действия главного предложения, а действие главного предложения выражает отношение возрастания признака действия, о котором говорится в главном предложении, в соответствии с возрастанием действия придаточного предложения.

Служебное слово **нааран** приблизительно соответствует русскому сочетанию **«с тех пор как»**, также подчеркивает признак времени.

1. Октябрьск революц **болснас** нааран, дөчн дөрвн җил болв. (Х. Ү.)	1. С тех пор как совершилась Октябрьская революция, прошло сорок четыре года.
2. Намаг балһснд ирснәс нааран, хур ора.	2. С тех пор как я приехал в город, идет дождь.
3. Сурһульд Доланиг орснас нааран, мана гер бүл балһснд бәәнә.	3. С тех пор как Долан учится, наша семья живет в городе.
4. Ахиг цергт одснас нааран, дүм заводт көдлҗәнә. (Б. А.)	4. С тех пор как брат уехал в армию, мой младший брат работает на заводе.

В таких сложноподчиненных предложениях сказуемые придаточных выражаются причастием только в исходном падеже, сказуемые же главного предложения — глаголами настоящего и прошедшего времени.

В главном предложении говорится о действии, которое происходит в момент речи и совпадает с началом действия в придаточном, или же говорится о законченности действия, начало которого восходит ко времени, обозначенному придаточным предложением.

Остановимся еще на двух служебных словах, которыми соединяются придаточные предложения времени с главным,— **цацу** и **дару;** они соответствуют приблизительно русским сочетаниям — «как только», «только лишь». Примеры:

1. Ахлачиг герт **орм** цацу, хург эклв. (Х. Ү.)	1. Как только председатель зашел в помещение, началось собрание.
2. Цасн **орм** дару, шуурһн шуурв. (Л. Ц.)	2. Как только выпал снег, поднялась метель.
3. Мөр **татм** дару, бидн һарч йовцхавдн. (А. П.)	3. Как только запрягли лошадей, мы выехали.
4. Хург **чилм** дару, әмтн тарад хәрцхәв. (М. Н.)	4. Как только собрание закончилось, люди разошлись по домам.

В этих предложениях сказуемые придаточных имеют глагольные формы: **орм, татм, чилм.** В них действие главного предложения непосредственно следует за началом действия придаточного.

Необходимо выделить в особую группу такие сложноподчиненные предложения, в которых сказуемые придаточных могут выражаться причастием в дательно-местном падеже:

1. Борисиг цергәс ирхд, экнь икәр байрлла. (Ж. А.)	1. Когда Борис вернулся из армии, его мать сильно обрадовалась.
2. Үвлә цасн орхд, мана колхоз ик өвстә билә. (Д. Б.)	2. Зимой, когда выпал снег, наш колхоз имел много сена.
3. Эцгиг колхозд орхд, бидн угатя биләвдн. (М. Н.)	3. Буквально: Когда отец вступил в колхоз, мы были бедными.
4. Мана таңһчиг Ленинә орденәр ачлхд, Элстд ик хург болла. (Х. Ү.)	4. Когда наградили нашу республику орденом Ленина, в Элисте состоялся большой митинг.

В этих примерах сказуемыми подчиненных предложений являются **ирхд, орхд, ачлхд.** Все они выражены причастием будущего времени в дательно-местном падеже и имеют такое же значение, что и **ирх цагт,** о чем нами было сказано выше. Подобные виды придаточных предложений обозначают, что действия главного и подчиненного предложений происходили одновременно. В них сказуемые главного предложения обычно выражаются глаголами прошедшего времени. Несмотря на то, что сказуемые придаточных предложений выражаются причастиями будущего времени, в обозначении признака действий в подчиненном пред-

ложении нет и намека о действиях, которые будут совершены в будущем. Таким образом, сказуемые главных предложений оказывают такое влияние на сказуемые придаточных предложений, что причастия будущего времени, которыми выражаются эти сказуемые, начинают приобретать значение прошедшего времени.

В сложноподчиненных предложениях подобного типа, наряду с временным отношением, могут выражаться и причинно-следственные отношения, например, придаточное предложение под № 4 отвечает на вопрос **кезә?** («когда?») — когда состоялся митиг? Можно поставить и второй вопрос; **юнгад?** («почему?») — почему состоялся митинг? В таких предложениях говорится как о факте, уже совершившемся: «Митинг состоялся только тогда, когда наградили нашу республику».

Дательно-местный падеж причастия будущего времени может принимать аффикс возвратного склонения, например:

1. Баһдан хө хәрүлхдән, эн өвгн түрүһәр йовдг бәәҗ. (Б. Б.)	1. Буквально: Когда в молодости он был пастухом, этот старик видел много трудностей.
2. Колхоз эклҗ тогтахдан, эдн алмацдг билә. (М. Н.)	2. Буквально: Когда впервые организовали колхоз, то они сомневались.
3. Немшд тер кел бәргдхдән, Иван ик түрү үзҗ. (М. Ш.)	3. Когда Иван был в плену у немцев, он видел много лишений.
4. Дунд школ чиләхдән, Бембе баахн көвүн билә.	4. Когда он кончал среднюю школу, то Бембе был молодым человеком.

Сказуемыми этих придаточных предложений являются причастия будущего времени — **хәрүлхдән, эклҗ тогтахдан, бәргдхдән, чиләхдән.** Все они стоят в дательно-местном падеже возвратного склонения, которые обозначаются через аффикс **-ан** или **-эн,** что означает **«сам»** или **«он сам».** По внешнему признаку кажется, что в придаточном предложении нет подлежащего, а на самом деле оно есть и оформлено через аффикс возвратного склонения **-ан, -эн.** Если буквально перевести последнее предложение, то оно получит следующий вид: **«Когда сам он кончал среднюю школу, Бембе был молодым человеком».** Таким образом, причастие будущего времени в дательно-местном падеже возвратного склонения выражает и подлежащее и сказуемое. Русский союз **«когда»** по-калмыцки передается через дательный падеж причастия, а подлежащее **«сам» («он сам»)** соответствует калмыцкому аффиксу **-ан, -эн.** Такой вид предложений, бесспорно, является придаточным, где, наряду с временным значением, выступает опять-таки причинная связь. Они отвечают на вопросы и придаточного времени и придаточного причины. Например, к первому предложению можно поставить вопросы: **яһад?** («почему?») или **кезә?** («когда?»). Яһад түрүһәр йовдг бәәҗ? — («Почему видел много трудностей?»). Последнее предложение обозначает только время действия главного предложения, ибо перед ним нельзя поставить вопросы придаточного предложения причины: «Почему он был молодым человеком?» А следует поставить вопрос: «Когда он был молодым человеком?»

Рассмотрим придаточные предложения времени, сказуемые которых связаны с различными формами деепричастий. Может быть, значение их будет одинаково с теми предложениями, о которых мы уже говорили, но формально они отличаются и имеют несколько иной оттенок значений, чем те, о которых говорилось.

Возьмем придаточные, сказуемые которых выражены условным деепричастием:

1. Үвл ирхлә, би көдлмшт орнав.	1. Когда придет зима, тогда я поступлю на работу.
2. Хург эклхлә, Бадм орҗ ирв.	2. Когда собрание началось, тогда пришел Бадма.
3. Цагнь болхла, цасн деер түүмр шатдг. (Пословица).	3. Когда приходит (его) время, то и на снегу пожар горит.
4. Нарн һархла, Бадм Босна.	4. Когда восходит солнце, то Бадма встает.

Необходимо отметить, что подобные подчиненные предложения, хотя по формальным признакам выражают довольно-таки отчетливую самостоятельность и в устной речи они подчеркиваются резко выраженной интонацией и обязательным выделением на письме соответствующим знаком, все же такие предложения не могут выражать законченной мысли и по своему значению тесно связаны с главным предложением; они указывают только на время действия сказуемого главного предложения, намекают на необходимость последующего высказывания.

Придаточные предложения этих видов надо отличить от условного придаточного предложения, ибо сказуемые этих **двух** придаточных предложений выражаются одинаковой формой — условным деепричастием. Отличие их можно установить путем постановки логических вопросов. Придаточные предложения времени обязательно требуют постановки вопроса **кезә?** («когда?»), а условные — **яахла?** — приблизительное значение вопроса по-русски — при каких условиях? На примере попытаемся установить их различия:

Тәрсн урһциг асрхла, тәрән сән болна.	Если за посевом ухаживать, то будет хороший урожай.

Путем постановки логического вопроса мы убеждаемся, что это придаточное предложение условия, так как подходит только один вопрос — **яахла?**

Придаточное предложение времени иногда связано с каким-нибудь словом, обозначающим время, например ночь, вечер, час, полдень и другие:

Асхн зурһан час эклхлә, әмтн көдлмшәсн һарцхана.	Когда наступает шесть часов вечера, люди уходят с работы.

Здесь невозможно поставить вопрос условного предложения — **яахла?** Но все же границы между этими двумя видами придаточных установить очень трудно, особенно тогда, когда оба они связаны со словами, обозначающими время.

1. Хавр болхла, ноһан көкрнә.	1. Когда наступает весна, то трава зеленеет.
2. Хавр ирхлә, би колхозд көдлмшт орнав.	2. Когда придет весна, я поступлю на работу в колхоз.

В первом предложении говорится о том, что весна наступает и поэтому трава зеленеет, а во втором говорится, что он определится на работу в колхоз, когда придет весна. Хотя оба предложения связаны с обозначением времени — наступлением весны, но в таких случаях нетрудно установить временную или условную связь придаточных предложений.

Бывают и такие придаточные предложения, когда трудно установить их тип, поскольку их отличительные особенности выражены не достаточно ярко.

Кемр маңһдур сән өдр болхла, би балһс орнав.	Если завтра будет хороший день, я поеду в город.

По-русски это условное придаточное предложение, а по-калмыцки более правильным следует считать его придаточным времени, так как более подходит вопрос **кезә?** («когда?»), но наряду с этим и не исключается постановка вопроса условия — **яахла?** Вопрос придаточного времени ставится, надо полагать, потому, что в этом предложении есть слово, обозначающее время — **маңһдур** («завтра»).

Чтобы определить тип придаточного предложения, надо в таких случаях выяснить, о чем идет речь в придаточном предложении — о времени совершения действия или об условиях того, о чем говорится в главном предложении.

Рассмотрим еще одну форму деепричастий, которая служит сказуемым придаточного предложения времени. Такой формой является предельное деепричастие:

1. Хаврин тәрәнә көдлмш эклтл, колхозникүд терүнд белн болцхав.	1. Буквально: Перед тем как началась весенне-посевная работа, все колхозники к ней подготовились.
2. Салькта киитн хур ортл, пионермуд палаткан татад авчкв. (Б. А.)	2. Буквально: Перед тем как пошел холодный дождь с ветром, пионеры натянули палатку.
3. Поезд станцур иртл, әмтн олар цуглрцхав. (А. П.)	3. Буквально: Перед тем как подошел поезд к станции, собралось много людей.

В этих примерах сказуемые придаточных предложений выражены одиночным предельным деепричастием — **эклтл, ортл, иртл,** а сказуемые главного предложения — глаголами прошедшего времени в сочетании или без сочетания с другими частями речи — **белн болцхав, татад авчкв, цуглрцхав.** Из приведенных примеров видно, что придаточные предложения времени указывают на предел, до которого простирается действие главного предложения, и оно продолжалось до самого начала действия придаточного предложения. В таких видах предложений действие главного обязательно предшествует действию придаточного.

Если сказуемое главного предложения выражено глаголом будущего времени, то обозначаемое им действие предшествует действию придаточного.

1. Киитн үвл иртл, колхоз өвсән хашаһурн зөөх. (Х. Ү.)	1. Буквально: Перед тем как наступит холодная зима, колхоз подвезет сено к кошарам.
2. Шин жил эклтл, мана совхоз зураһан күцәх.	2. Буквально: Перед тем как наступит новый год, наш совхоз выполнит свой план.
3. Хаврин түрүн сар иртл, мана үвләк хурһд бөдүн болх. (Х. Ү.)	3. Буквально: Перед тем как придет первый весенний месяц, наши зимние ягнята будут большими.
4. Майин сән өдр күртл, бидн зураһан күцәхвдн.	4. Буквально: Перед тем как подойдет майский праздник, мы выполним (свой) план.

В наших примерах сказуемые главного предложения выражены глаголами прошедшего времени, они-то определяют время действия придаточного предложения.

Сказуемые подобного придаточного предложения могут также выражаться сочетанием предельного деепричастия с причастием настоящего времени, при этом такое сказуемое подчиненного предложения означает долго продолжающийся процесс действия:

1. Багш намаг сурһа бәәтл, би умшдг, бичдг болвв. (Э. К.)	1. Буквально: Пока учитель меня учил, я научился читать и писать.
2. Тер нанас шин зәңг сура бәәтл, би столин өөр ирж суувв.	2. Буквально: Пока он спрашивал у меня новости дня, я подсел к столу.
3. Шуурһн шуура бәәтл, бидн һарч йовцхавдн. (М. Н.)	3. Буквально: Пока снег мел, мы выехали.

В данном случае сказуемые главного предложения выражены глаголом прошедшего времени, и действие его ограничено тем временем, в котором совершается действие придаточного предложения. Таким образом, действие главного предложения начинается позже действия придаточного, и оно может продолжаться наряду с действием придаточного или завершится до окончания действия в придаточном. При таком способе выражения сказуемого действия главного и придаточного могут обозначать их разновременность, например:

Мана колхоз көдлмшән кеһә бәәтл, сурһульчнр ман тал ирцхәв.	Пока наш колхоз продолжал начатую работу, к нам прибыли учащиеся.

В этом предложении говорится, что колхоз продолжал работу, а в это время к ним прибыли учащиеся, то есть действие первого предложения еще продолжается, а действие главной части предложения закончилось. В этом разновременность действий обоих предложений.

А если сказуемое главного предложения выражено глаголом будущего времени, то это означает, что действие, о котором говорится в главном предложении, произойдет в один из моментов того времени, в течение которого совершится длительный процесс действия придаточного предложения. Эта длительность процесса действий выражается причастием настоящего времени, которое входит в составное сказуемое. Если из придаточного предложения исключить это причастие, то действие придаточного приобретает другое значение в смысле обозначения времени, о чем нами сказано выше.

Сказуемые придаточных предложений времени выражаются также слитным деепричастием, которому в главном соответствует **дарунь** (приблизительно — «тут же»).

1. Намрин киитн хур орн, **дарунь** шүрүн салькн көдлв. (Б. Б.)	1. Буквально: Как только прошел осенний холодный дождь, тут же подул пронзительный ветер.
2. Үвлин ут сө чилн, **дарунь** хаврин сәәхн асхн болдг болв. (М. Н.)	2. Буквально: Как только прошли длинные зимние ночи, тут же наступили ясные летние вечера.
3. Сәәхн намр генткн чилн, **дарунь** үвлин киитн ирв. (К. Э.)	3. Буквально: Только лишь внезапно закончилась хорошая осенняя пора, тут же наступил зимний холод.

Сказуемые этих придаточных предложений—**орн, чилн**—являются слитными деепричастиями, которым в главном предложении соответствует слово **дарунь**, выражающее временные отношения между содержанием главного и придаточного предложений. Действие главного предложения в указанных примерах непосредственно следует за началом действия придаточного.

Такие придаточные предложения могут и не иметь своего соответствия в главном предложении в виде слова **дарунь** («тут же»).

Киштн үвл чилн, дулан хавр ирв.	Как только закончилась холодная зима, пришла теплая весна.

Но такие обороты не типичны, они очень редко употребляются. Значение слитного деепричастия таково, что действие при нем происходит очень быстро, поэтому в главном предложении оно требует такого слова, которое обозначает ускорение действия.

Слитное деепричастие также может служить сказуемым придаточного предложения с причастием времени в исходном падеже, например:

1. Немш мана селәнд ирснәс **авн,** бидн сурһуль сурдган уурвдн. (Х. Ү.)	1. С тех пор как немцы пришли в наше село, мы перестали учиться.
2. Эңкисн Сиврин цасн хәәльснәс **авн,** дарунь хаврин дулан өдрмуд ирв. (Б. А.)	2. Как только безбрежный сибирский снег расстаял, тут же пришли весенние теплые дни.

В первом предложении, помимо временных отношений, появляется причинная связь, поэтому можно допустить и вопрос — почему перестали учиться? Ко второму предложению нельзя поставить другой вопрос. Здесь свою решающую роль играет слово **дарунь** («тут же»). В нем заключается некоторый временный оттенок, что и усиливает временный характер предложения.

В этих примерах значение временных отношений между главным и подчиненным предложениями не изменилось по сравнению с теми, когда одно слитное деепричастие служит сказуемым. В приведенных примерах действие главного предложения следует за действием придаточного предложения. В них сказуемое может быть выражено только формой **ирснәс авн, хәәльснәс авн,** а сказуемое же главного предложения может выражаться глаголами всех трех времен:

1. Үвл **болснас авн,** малмуд кеер хәрүлдгән уурцхав.	1. Как только наступила зима, перестали пасти скот в поле.
2. Хавр **ирснәс авн,** сурһульчнр колхозд һарч көдлх. (Х. Ү.)	2. Как только наступит весна, учащиеся выйдут на работу в колхоз.
3. Тәрәнә көдлмш эклснәс авн, студентнр колхозд көдлҗәнә.	3. Как только началась уборочная работа, студенты работают в колхозе.

Хотя сказуемые придаточных предложений по своей форме остаются без каких-либо изменений, времена глаголов, которыми выражены сказуемые главных предложений, оказывают свое влияние и на сказуемое придаточного предложения. Так, во втором примере сказуемое главного предложения, выраженное глаголом будущего времени, придает сказуемому придаточного значение будущего времени. В остальных двух примерах изменение времен глаголов — сказуемых главного прдложения — нисколько не влияет на временную взаимосвязь главного и придаточного.

Придаточное предложение времени со сказуемым, выраженным отглагольным существительным, которое обычно ставится в соединительном падеже, обозначает такое действие, которое совершается раньше времени действия, означенного в главном предложении:

1. Шар нарн һарлһнла, Бадм хөөһән тууҗ һарһна. (Э. К.)	1. Как только восходит красное солнце, Бадма выгоняет овец в степь.
2. Хавр боллһнла, сурһульчнр совхозд һарч көдлнә.	2. Как только наступает весна, учащиеся работают в совхозе.
3. Үдән хот боллһнла, Баатр көдлмшәсн ирнә.	3. Как только сварится обед, Баатр приходит с работы.

Слова **цаг, өмн, урд** и другие, являясь союзами придаточного предложения времени, принимают частицу лично-притяжательного склонения и аффиксы возвратного склонения. Например:

1. Маниг гертән күрх цагламдн, ик хур орв. (М. Н.)	1. В то время, когда мы подъезжали к дому, прошел сильный дождь.
2. Үвл болх цагларн, ик цасн орв. (Б. Б.)	2. В то время, когда наступила зима, выпал большой снег.
3. Таниг сурһуль сурх цаглатн, дән экллә.	3. В то время, когда вы должны были учиться, началась война.

В данных предложениях большую роль играет причастие будущего времени. Поскольку оно является глагольной формой, обозначающей действие, то причастие в сочетании с союзом **цаг («время», «момент», «пора»)** действительно уточняет оттенок времени. Поэтому основную временную функцию в этих предложениях выполняет причастие — сказуемое придаточного, обозначая то время, когда происходит действие главного предложения. Сказуемое придаточного предложения указывает на время, когда само действие завершилось и начинается действие скузуемого главного предложения, то есть дождь прошел именно в то самое время, когда они успели приехать домой. В третьем предложении имеется несколько иной оттенок в отношении времени действия, происходящего в главном и придаточном предложениях. Здесь можно говорить об одновременности действия сказуемых главного и придаточного предложений: война началась в то самое время, когда они должны были учиться. По всей вероятности, такая неопределенность во времени действий обоих предложений объясняется тем, что в самом придаточном говорится о времени неконкретно, неопределенно.

С формальной стороны эти предложения также заслуживают внимания. Например, слово **цаг** в первом примере стоит в соединительном падеже первого лица множественного числа лично-притяжательного склонения, которое обозначается через местоименную частицу **мдн** (цаг-ла-мнд). Во втором примере **цаг** стоит также в соединительном падеже, но возвратного склонения **цаг-ла-рн.** В последнем примере **цаг** стоит в соединительном падеже второго лица множественного числа лично-притяжательного склонения, которое обозначается через местоименную частицу **тн — цаг-ла-тн.**

Придаточное предложение времени всегда предшествует главному, за исключением тех редких случаев, когда придаточное служит уточнением того времени, которое выражено каким-нибудь членом главного предложения. Когда придаточное предложение уточняет время или место действия, то оно может стоять в середине главного предложения, например:

1. **Үвлин ут өдрт,** эмгн юм уйж суух цагт, көвүнь бор өрмгтә орҗ ирв. (Н. М.)

2. **Нег дакж,** цуhар асхн хотан уусн цагт, эзн согту орҗ ирв . (Э. К.)

3. Нег җил, намаг бичкн көвүн цагт, манахнд йир ик шуурhн болла. (М. Н.)

1. В зимний длинный день, когда старуха сидела и шила, пришел ее сын в серой шинели.

2. Буквально: Однажды вечером, когда все поужинали, пришел пьяный хозяин.

3. Буквально: В один год, когда я был маленьким мальчиком, у нас был очень сильный буран.

Как мы видим, в этих сложноподчиненных предложениях, придаточные вставлены в середину главного предложения, так как оно служит уточнением таких обстоятельственных слов, как **үвлин ут өдрт, нет дакж, нег җил.** Во всех других случаях придаточные предложения времени обязательно стоят впереди главного.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

Ц. Д. НОМИНХАНОВ

НАЗВАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА[1] В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

В тюркских и монгольских языках наблюдается большое количество общих названий частей тела человека. Слова эти являются коренными в этих языках. Названия частей тела человека, по нашему мнению, не принадлежат к таким категориям лексики, которые могут быть заимствованы одним народом у другого. Эти слова могут создаваться только в таком обществе, где существует единый язык, в обществе, говорящем на одном языке. На основе разбираемого нами материала напрашивается такой вывод, что эти слова, выражающие понятие отдельных частей человеческого тела, созданы в обществе, где предки носителей современных тюркских и монгольских языков говорили на одном языке и вместе создавали эти общие слова — термины.

Следует отметить, что приводимые ниже общие слова — термины — тюркских и монгольских языков совпадают как по значению, так и по звучанию только с некоторыми фонетическими отклонениями, вызванными, несомненно, развитием каждого из указанных групп языков. Так, например:

Тюрк.: азу (каз.), азы (туркм.), азау (крым.-Радлов), азыг (хак.), езиг (уйг.), озик тиш (узб.), асав шал (чув.) коренной зуб, клык; азы (азерб.-Радлов) коренной зуб.

Монг.: арага (письм.-монг.) глазные зубы; зубец, зубчик; араа (х.-монг.), араа (бур-монг., ойр.-монг.) коренной зуб, клык (животных).

Тюрк.: айак (каз.) нога; лапа; конец; айак (тел. бар.-Радлов), адак (сой.), аяк (уйг.) нога; конец; азак (шор.), атах (якут.) нога, подножье, фундамент; конец (Радлов).

Монг.: адак (письм.-монг.) конец; крайний предел; исход;

[1] Многие названия частей тела человека аналогичны с названиями частей тела животных. Здесь приведены слова, совпадающие в обоих языковых группах. Отсутствие остальных, не приведенных здесь терминов показывает самостоятельное развитие каждого из этих языков, которые со временем постепенно удалялись друг от друга. Настоящая статья дана в качестве материала для исследования родства тюркских и монгольских языков.

устье (реки), окончание; адаг (бур.-монг.), адг (калм.) конец; устье (реки); последний.

Тюрк.: алакан (каз.), алакан (каракалп.), алакан (кирг.), аликан (уйг.), ая (хак., туркм., ком.), айа (турецк.) ладонь.

Монг.: алага, алаган (письм.-монг.) ладонь; горсть; алга (х.-монг.), альга (н) (бур.-монг.), альхн (ойр.-монг.) ладонь.

Тюрк.: арка (каз., кирг., туркм., г.-алт.), а(р)ка (уйг.), арга (хак.), арха (азерб.), орка (узб.), арт (турецк.) спина, зад, хребет, тыл; часть спины между лопатками; задняя часть; орха (чув.) спина; арһа, арһан, (якут.) спина; зад, тыл, задняя сторона чего-либо.

Монг.: ару (письм.-монг.) спина, хребет; зад; тыл; задняя сторона; ара (бур.-монг.), ар (х.-монг., ойр-монг.) спина, зад.

Тюрк.: ауыз (каз.), ас (хак.), агыз (азерб.) рот; пасть; отверстие; аус (тоб.-Радлов), ауз (кирг., крым.-Радлов) рот; отверстие; уос (якут.) рот, уста; губа, губы; верхняя губа; оос, ооз (к.-кир.-Радлов), уус (тел., алт.-Радлов) рот, отверстие.

Монг.: аман (письм.-монг.), ам(ан) (х.-монг.), ама(н) (бур.-монг., ойр.-монг.) рот, уста; зев, пасть (животных); отверстие, проход; жерло.

Тюрк.: бакай, бакалшак (каз.), баһалчак (кирг.), пакалчак (уйг.) сустав над копытом лошади — место между ступней или копытом и щиколоткой; папалчак (чув.) щиколотка; бэгэлчэк (якут.), кисть руки, запястье руки.

Монг.: багалцук, багалцак (ойр.-монг.) кисть руки.

Тюрк.: бауыздау, буһак (каз.) горло; перешейка; боһзы (орх.) его горло; боһуз (осм., сарт.-Радлов) горло, зев; боһус (уйг.) горло; багурдак (джаг.-Радлов) глотка, гортань; боһаз (ком., азерб.-Радлов) горло; бакалоор (кирг.) жабры; верхняя часть горла; нижняя часть подбородка; пакылур, паклур (алт. леб.-Радлов) горло, задняя часть языка; палылуур (тел.-Радлов) зоб; адамово яблоко.

Монг.: багалзагур, багалзур (письм.-монг.) горло, глотка; багалзуур (х.-монг., бур.-монг.), бахалуур (бур.-монг., ойр-монг.) горло, глотка, гортань.

Тюрк.: бол (каз., кирг., каракалп., узб., турец., г.-алт.), бел, бэл (уйг.), бил (туркм.), бел (орх.), пилек (чув.), пил (хак.) талия, поясница.

Монг.: бэл (письм.-монг.) талия, средина тела; бел, белкүүсн (ойр.-монг., ойр.-монг.), бэлкүүс (х.-монг.), бэлхүүһэ (н) (бур.-монг.) талия, поясница.

Тюрк.: бой (каз.),бол (джаг., ком., к.-кир.-Радлов) тело; стан, рост, высокий рост, фигура рослого; пои (алт. тел. леб.-Радлов) тело, туловище, стан, рост; пот (уйг.) тело; бод (орх.) тело, существо; пос (хак.) тело; главная часть; сам; бот (тув.) тело; бодо (якут.) своеобразный вид; физиономия; бейе (якут.) тело, туловище, туша; бэдэн (уйг., азерб.), бадан (узб.) тело, туловище; стан, организм; пү (чув.) тело.

Монг.: бэйэ (письм.-монг.), бэе (бур.-монг.), бие (х.-монг., ойр.-монг.) тело, организм.

Тюрк.: борбай (каз.) ляжка; борпай (кир.-Радлов) ляжка; пахи; промежуток между ногами.

Монг.: борби, бориби (письм.-монг.) голень; сухожилия в коленной части ног; бөрв (ойр.-монг.) ляжка.

Тюрк.: бөксе (каз.) задняя часть тела; бөксэ (кир.-Радлов), бөкчө (кирг.) нижняя часть туловища; бөксэ (джаг.-Радлов) часть туловища ниже пояса; букса (узб.) боковая часть туловища между плечом и бедром.

Монг.: бөкс (х.-монг., ойр.-монг.), бүгсэ (бур.-монг.) зад.

Тюрк.: буһана (кабырга) (каз.), боконо (кирг.), поһана (хак.-кач.) ребро у ключицы.

Монг.: богонь хабирга, богонь хавьс (х.-монг.), богони хабирга (богони хавһа (н) (бур.-монг.), буунь хавсн (калм.) короткое ребро, ложное ребро.

Тюрк.: бүйлө, тиштин бүйлөсү (кирг.), бүүле (г.-алт.), пуйла (хак.) десна; бүүле, мүүле, билэ, милэ (якут.) десна, десны; пүүлө (алт.-Радлов), пүглө (леб.-Радлов), күүле (кумд.-Радлов) десна, десны.

Монг.: бүйл (х.-монг.) бүүл (ойр.-монг.) десна, десны.

Тюрк.: булшык ет (каз.), булчуң (кирг. уйг.) двуглавая мышца, мышца; мускул; былчың, бытчың, быччың (якут.) мускул, мышца.

Монг.: булчиң (письм.-монг.), булчин (х.-монг., ойр.-монг.), булшан (бур.-монг.) мускулы, мышцы (ног.).

Тюрк.: буын (каз.), богум (турецк.), бугун (азерб.), бугум (сарт.-Радлов) сустав; поколение, степень родства; буун (к.-кир., ком.-Радлов), уя (хак.) сустав.

Монг.: үе (х.-монг., бур.-монг., ойр.-монг.) сустав.

Тюрк.: бүйрек (каз.), буйрак (узб.), бөйрөк (азерб.), бөйрөк (кирг.), бөврек (туркм.), бөбрек (турецк.), бөрөк (г.-алт.), бөрэк (уйг.), пүрек (хак.), бүөр (якут.), пүре (чув.), анат. почка, почки.

Монг.: бүгэрэ (письм.-монг.), боорэ (бур.-монг.), бөөр (х.-монг., ойр.-монг.) анат. почка, почки.

Тюрк.: дабурсак (тар.-Радлов) мочевой пузырь; дасук (джаг.-Радлов) мочевой пузырь; досак (уйг.) мочевой пузырь.

Монг.: дабусак, дабусаң (письм.-монг.), давсан (х.-монг.), дабсаг (бур.-монг.), давсак (ойр.-монг.) мочевой пузырь.

Тюрк.: далы (кирг.) анат. лопатка; плечи (их ширина); дола (уйг.) плечо; заплечье; лопатка; дал (осм., джаг.-Радлов) спина, плечо; далы (к.-кир.-Радлов) плечевая лопатка; дола (тар.-Радлов) лопатка (кость).

Монг.: дал (х.-монг., ойр.-монг.), дала (бур.-монг.) анат. лопатка.

Тюрк.: дьыкпык (г.-алт.) веко; дьүккэ, жукка (якут.) мигательная перепонка.

Монг.: зовхи (х.-монг.), зубхи (бур.-монг.), зовк (ойр.-монг.) веко, веки.

Тюрк.: жилик майы (каз.) костный мозг; илик (уйг.-азерб.-турецк.) костный мозг; чилиг (тув.), шама мими (чув.), чилиң (хак.) костный мозг.

Монг.: чимүгэн (письм.-монг.), чөмөг (х.-монг.), чимге (н) (ойр.-монг.), сэмгэ (н) (бур.-монг.) костный мозг.

Тюрк.: жон (каз.) спина выше поясницы, спина (человека, животных), жон (кирг.) спинной хребет; жон (кир.-Радлов) спина выше пояса; соо (саг. шор.-Радлов) зад, задняя часть.

Монг.: зоо (н) (х.-монг.) поясничная часть спины; зоо нуру спина; зоо мах филе; зоо (ойр.-монг.) спинные позвонки.

Тюрк.: жудырык, жумырык (каз.), жудурук (кир.-Радлов) кулак; йумрук (осм. джаг.-Радлов) кулак; йөдөрөк; йөмрөк (казан. Радлов) кулак; сутурук (якут.) кулак; нузрук (саг. шор.-Радлов) кулак.

Монг.: нидурга (письм.-монг.) кулак; нударга (н) (х.-монг.), нюдарга (н) (бур.-монг.), нударг (н) (ойр.-монг.) кулак.

Тюрк.: жүрек (каз.), жүрөк (кирг.), чүрек (хак.), дьүрек (г.-алт.), юрак (узб.), йүрек (джаг., туркм., турецк.), үрэк (азерб.), чере (чув.), сүрэх (якут.) сердце.

Монг.: жирүхэн (письм.-монг.), зүрх (х.-монг.), зүрхэ (н) (бур.-монг.), зүрке (н) (ойр.-монг.) сердце.

Тюрк.: ерин (каз.), ерин (кирг.), эрин (г.-алт., туркм.), ирин (узб.), ирин (хак.) губа, губы; эрин (ком.-Радлов), эрин (джаг. осм.-Радлов) губа, губы.

Монг.: уругул (письм.-монг.), уруул (х.-монг.), урал (бур.-монг.), урл (ойр.-монг.) губа, губы.

Тюрк.: иин (каз.), ийин (кирг., г.-алт.), өңмен, ээн (хак.), эгин (туркм.) плечо, ключица; игин (бар.-Радлов) плечо; эгин (джаг.-Радлов), эгин (уйг.-Радлов) плечо; иэн (якут). хребтовая часть тела человека или животного.

Монг.: эгэм (письм.-монг.), ээм (х.-монг., бур.-монг., ойр.-монг.) плечо, ключица.

Тюрк.: иргек (хак.), әркәк (алт. тел.-Радлов), әрбәх (якут.) большой палец.

Монг.: эрэхий (письм.-монг.), эрхий (х.-монг.), эрхы (бур.-монг.), эркә (ойр.-монг.) большой палец.

Тюрк.: кабырһа (кирг., каз.), кабырга (г.-алт.), хабырга (хак.), габырга (азерб.), гапырга (туркм.), кобурһа (уйг.), ковурга (узб.), кабурга (турецк.) ребро (грудной клетки).

Монг.: хабирга (письм.-монг.), хавирга (х.-монг., ойр.-монг.), хабирга (бур.-монг.) ребро.

Тюрк.: камар (джаг. Радлов) нос; камыр (кир.-Радлов) мыс; камур (тел.-Радлов) переносье.

Монг.: хамар (х.-монг., бур.-монг.), хамр (ойр-монг.) нос.

Тюрк.: кар (каз.), кары (г.-алт.) предплечье, часть руки от локтя до плеча; кар (кир.-Радлов) верхняя часть руки; кары (ком., уйг., джаг.-Радлов) рука, верхняя часть руки; карыжа (осм. Радлов) верхняя часть руки; хара; хары (якут.) предплечье; локоть; часть руки от локтя до запястья.

Монг.: гар (х.-монг., ойр.-монг., бур.-монг.) рука.

Тюрк.: карашык (каз.), корачик (узб.), харачы, харах (хак.), гарак (туркм.), карек (кирг.), карак (г.-алт.) зрачок, глаз; харах (якут.) глаз; око; зрение, взор; карак (уйг.-Радлов) зрачок; взгляд.

Монг.: хүүхэн хар (х.-монг.), нюдэнэй хара (бур.-монг.) анат. радужная оболочка глаза; харц (х.-монг.) взгляд; хараа (х.-монг.) зрение; харах, хара (монг.) видеть.

Тюрк.: кежеге (каз.), кежиге (кирг.), дьитке (г.-алт.) затылок; кэтэх (якут.), кичә, кичкә (джаг.-Радлов) затылок, зад головы; кичеге (хак.) коса (девушки).

Монг.: гэжигэ (письм.-монг.), гэзэгэ (бур.-монг.), гиджге (ойр.-монг.) затылок; гэзэг (х.-монг.) коса (волосы).

Тюрк.: кекил (каз.), каакүл (турецк.), көкүл (кирг.), кокил (узб.) пучок волос на передней части головы мальчика (старый быт); челка (у лошади); кокула (уйг.) косички девочек (от 12 до 15 лет); кэкил (азерб.) клок длинных волос на темени; чуб, хохол (у человека, птиц); көкүл (к.-кир.-Радлов) волосы на лбу; коса, косички; көгүл (якут.) чуб, хохол; волосы на затылке; волосы на висках; челка лошадиная.

Монг.: хүхүл (письм.-монг.) коса, длинные волосы; челка лошадей; хохол у птиц; хүхэл (бур.-монг.) челка (у лошади); күкл (ойр.-монг.) волосы (на голове человека).

Тюрк.: кеүде (каз.), гэвдә (уйг.), кеүдө (кир.-Радлов) туловище; гэвдә (крым.-Радлов) верхняя часть тела, туловище; гөвдә, гөөдә (осм.-Радлов) верхняя часть тела, туловище; гөвре (туркм.), туловище, корпус; хевте, хэвдә (чув.) тело, туловище.

Монг.: кебердек (ойр.-монг.) туловище; грудина; передняя часть туловища; кеврдг (калм.) туловище.

Тюрк.: киндик (каз., уйг., кирг., г.-алт., каракалп.), киндик, кин (хак.), киндак (узб.) пуп, пупок, пуповина.

Монг.: хүй, хүйсүн (письм.-монг.), хүйс (х.-монг.), хүйһэ(н) (бур.-монг.), киис (н) (ойр.-монг.) пупок, пуповина.

Тюрк.: кирпик (каз.) ресница; кирбик (хак.) ресница, ресницы; кирбик (тел.-Радлов), кирпик (казан.-Радлов), киприк (азерб. Радлов), киприк (узб.) ресница, ресницы; кирбик сахал (саг.) усики.

Монг.: хирбээ (бур.-монг.) густые ровно подстриженные (об усах); кирмег сахл(ойр.-монг.) небольшие, едва заметные усики.

Тюрк.: кол (каз.) рука; кисть руки; кул (узб.) рука; кол (уйг.) рука; хул (чув.) рука; гол (азерб.) рука; кол (турецк.) рука; хол (якут., тув.) верхняя конечность человека, рука; передняя нога скотины, предплечье; передняя нога скотского мяса; лопатка с ногой; переднее лошадиное стегно.

Монг.: хүл (письм.-монг.), хөл (х.-монг.) нога; хүл (бур.-монг.) нога, стопа, лапа; көл (ойр.-монг.) нога.

Тюрк.: колка (каз.) **анат.** аорта, главная артерия; колка (кир.-Радлов) большие кровеносные сосуды у сердца; колко (тел.-Радлов) толстые жилы около сердца.

Монг.: голга (ойр.-монг.) **анат.** аорта; гол судас, гол судал (х.-монг.) **анат.** аорта.

Тюрк.: коң (каз.) мясистая часть бедра (у человека и животных); коң (кир.-Радлов) толстое мясо на бедре; хоңочох (якут.) копчик (самая нижняя часть позвоночного столба у человека), самый крайний конец спины.

Монг.: хонхон (письм.-монг.) задница; хонго (х.-монг.) задняя мясистая часть бедра; хондолой (бур.-монг.) ягодица; зад (человека).

Тюрк.: көкрек (каз.), күкрек (туркм.), күкрек (узб.), көкис, көкирек (к.-калп.), көкүс (азерб.), көгис (хак.) грудь; гөкүс (крым.-Радлов), көкүс (джаг.-Радлов), көкүз (осм.-Радлов), көгүс (ком.-Радлов) грудь, грудина; верхняя часть туловища между плечами и животом; көксә (уйг.) грудь.

Монг.: хүхүн (письм.-монг.) груди, сосцы, соски; хөх (х.-монг.), хүхэ(н) (бур.-монг.), көкн (ойр.-монг.) грудь, сосок.

Тюрк.: көмиске (хак.) бровь, брови; көмүскә (якут.) верхний край глазной впадины (глазницы).

Монг.: хөмсөг (х.-монг.), хүмэдхэ (бур.-монг.), көмсөк (ойр.-монг.) брови; надбровные дуги.

Тюрк.: куйка (каз.), хуйга (хак.) кожа головы, покрытая волосами; куиха (сойт.), куиука (тел.) кожа на голове; куиаха (якут.) кожа на голове у человека, кожа надчерепная.

Монг.: хуйха (письм.-монг.), хуйх (х.-монг.), хууха (бур.-монг.), хуух (ойр.-монг.) кожа на голове.

Тюрк.: кулкын (каз.) глотка; хоол (хак.) полость, пустота; хоолай (тув.) труба (водосточная); куолаи, хуолаи, гуолаи (якут.) хрящевое дыхательное горло; глотка, пищевод.

Монг.: хоголай (письм.-монг.), хоолой (х.-монг., бур.-монг.), хоол (ойр.-монг.) горло, глотка, гортань.

Тюрк.: күре тамыр (каз.) вена; күрә, күрә тамыр (кир.-Радлов), күрө, күрә тамыр (алт.-Радлов) шейная артерия.

Монг.: гүрээ (х.-монг.), гүрее (бур.-монг.), гүрә судсн (калм.) сонная артерия.

Тюрк.: мама, мэмэ (каз.) грудь матери; мамма (узб.), мама (г.-алт.), мәмә (уйг., азерб.), мәме (туркм.) женская грудь (на языке детей); мәмә (осм.-Радлов) женская грудь, сосок.

Монг.: меемә (ойр.-монг.) материнская грудь (детск.), мээмэй (бур.-монг.) хлеб (детск.).

Тюрк.: мандай (каз., кирг., г.-алт.), маңлай (уйг., туркм.), манглай (узб.), маңлай (ком., крым. Радлов) лоб; маңнаи (якут.) начало; вначале, сначала, сперва, наперед, прежде всего.

Монг.: маңнай, маңлай (письм.-монг.) лоб, чело; глава; начальник; выдающийся; манглай (х.-монг.), мангилай (эхир), магнай, манлай (бур.-монг.), маңна (ойр.-монг.) лоб, чело.

Тюрк.: морсун (кир.-Радлов) мочка, мягкая часть уха; морсун (кирг.-Ильминский) мочка, мякоть у уха; морсуннан жумсак мягче этой мочки, то есть совершенно мягкий.

Монг.: мүгэрэсүн (письм.-монг.), мөгөөрс, мөгөөс (өн) (х.-монг.) хрящ; образованный из хряща, хрящевой; мөгөөсөн хоолай, дыхательное горло; (мөөрһэ (н), мэнгээрһэн (бур.-монг.), мөөрсн (ойр.-монг.) хрящ.

Тюрк.: мүрү (кирг.), мүрә (уйг.), мүрә (тар.-Радлов) плечо.

Монг.: мүр (х.-монг.), мөр (н) (бур.-монг.) плечо.

Тюрк.: мүше (каз.), мүчө (кирг.) часть тела; член, орган; муча, мүчә (джаг. Радлов) член тела, конечность, нога; муца (тоб.-Радлов) туловище; мүшө (кир.-Радлов) восемь органов тела (кисиниң сәгиз мүшө: еки кол, еки айак, еки кулак, еки көз).

Монг.: мөч (х.-монг., ойр.-монг.) конечность; мүсэ (бур.-монг.) член (тела), үе мүсэ, конечности.

Тюрк.: орай (каз.) завиток волос (на голове); орой, орой, соку (кирг.) макушка (головы); орай (казан.-Радлов), орой (тел.-Радлов) вихор в волосах.

Монг.: орой (х.-монг.), оро (ойр.-монг.) макушка, вершина, верхушка; темя.

Тюрк.: өкше (каз.), екҗе (туркм.), өкчә (уйг.), өкче (турецк.), эчек (хак.) пятка, пята; өкшө (кир.-Радлов) пятка, каблук.

Монг.: өсгий (х.-монг.), өскә (ойр.-монг.), үһэгы, һүгэй (бур.-монг.) пята, пятка (ноги).

Тюрк.: өң (кирг., каз.) лицо, облик; цвет лица, окраска; өң (уйг.), өңг (джаг.-Радлов) передняя часть, лицо; өң (тел.-Радлов) внешность, внешний вид; цвет, глянец; эн, эң (осм. Радлов) цвет лица, цвет; иң (якут.) румянец на щеках.

Монг.: өнгө (х.-монг.), өң (ойр.-монг.), үнгэ (бур.-монг.) облик, цвет (лица), окраска.

Тюрк.: сакал (каз., к.-калп., кирг., уйг., турецк.), сакгал (туркм.), сагал (г.-алт.), сагал (хак.), сокол (узб.), сухал (чув.) борода; нохта сагал (кач.) бакенбарды; усы; кирбик сагал (саг.) усики.

Монг.: сахал (х.-монг., ойр.-монг.), һахал (бур.-монг.) борода, усы.

Тюрк.: сала (каз.), салаа (г.-алт.) промежуток между пальцами; салаа (хак.) палец; салага (күмд. Радлов) палец.

Монг.: салаа (н) (х.-монг.), салаа (ойр. -монг.), хурганай һалаа (бур.-монг.) промежуток между пальцами.

Тюрк.: сүбе (каз.) задние ребра; ребро против поясницы; сүбөө (кирг.), сума хабырга (хак.) ложное ребро; сүбө (кир.-Радлов), субәә (тел.-Радлов) ложное, короткое ребро; сэбиргэх (якут.) подреберная часть человеческого тела; хрящевые части ребер, прилегающие к груди.

Монг.: сүвээ (х.-монг.) бок (тела); сүвээ хавьс три нижних ребра; сүвә хавсн (ойр.-монг.), һүбөө хабирга (бур.-монг.) ложные (или последние) два ребра.

Тюрк.: табан (каз., хак., турецк.), дабан (азерб., туркм.), тапан (уйг.), таман (кирг.), тобон (узб.) ступня, пятка, подошва (ноги); табагай (якут.) ладонь, длань; лапа.

Монг.: таваг, тавхай (х.-монг.), тавг (ойр.-монг.), табгай (бур.-монг.) ступня, стопа, подошва (ноги).

Тюрк.: такым (каз., г.-алт.), таким (узб.), тахым (каракалп.), такым (кирг.), теким (уйг.) место на сгибе ноги под коленом, подколенная часть ноги; подколенок; тахым, тамык, табык (якут.) коленный сгиб, подколенок.

Монг.: тахим (х.-монг., бур.-монг.), таким (ойр.-монг.) подколенок (место под коленом), коленный изгиб.

Тюрк.: талак (каз.), тал (уйг.), талок (узб.), далак (туркм., турецк.), далаг (азерб.), тəлөн (хак.), телүүн, төөлин, телин (г.-алт.) селезенка; талак (чув.), далак (осм. Радлов), таал (якут.) селезенка.

Монг.: дэлигү, дэлигүн (письм.-монг.), дэлүү (н) (х.-монг., ойр.-монг.), дэлүүн (бур.-монг) селезенка.

Тюрк.: тамыр (каз., г.-алт., хак., кирг.), тами (р) (уйг.), томир (узб.), дамар (азерб., турецк., туркм.) жила, кровеносный сосуд, вена; тамыр (чув.), кровеносный сосуд; тымыр (якут.) кровеносный сосуд; вена.

Монг.: тамир (письм.-монг.) артерия; тамир (х.-монг., бур.-монг.) здоровье; сила; энергия; тамир (х.-монг.), **уст.** кровеносный сосуд.

Тюрк.: таңдай (каз.), танглай (узб.), тамгак (уйг.), дамаг (азерб.), дамак (турецк.) нёбо; тагалай, таналай (якут.) нёбо; каңдай (алт.-Радлов) нёбо (во рту); таалай (сой.-Радлов) нёбо; танглай (джаг.-Радлов) нёбо.

Монг.: таңлай (письм.-монг.), танглай (х.-монг.), тангалай (бур.-монг.), таңна (ойр.-монг.) нёбо.

Тюрк.: танау (каз.), танаа (хак.), танав (каракалп.) ноздри, ноздря, полость носа; таныы (якут.) ноздря, носовая полость.

Монг.: танаа (х.-монг., бур.-монг., ойр.-монг.) носовая перегородка, переносица.

Тюрк.: тил (каз., кирг., хак., уйг., узб., г.-алт., орх.), дил (азерб., туркм., турецк.) язык; тыл (якут.) язык, речь; челхе (чув.) язык.

Монг.: хэлэ (письм.-монг.), хэл (х.-монг.), хэлэ (н) бур.-монг.), келн (ойр.-монг.) язык; хэлэх (х.-монг.) говорить, сказать.

Тюрк.: толто: жүрөктүн толтосу (кирг.) место соединения аорты с сердцем.

Монг.: жирүхэнү толта (письм.-монг.) жир около сердца; зүрхэнэй толто (бур.-монг.) жировой покров сердца; толт (х.-монг.) сердцевина; тольт, зүркнә гол (ойр.-монг.) анат. аорт.

Тюрк.: топшы (каз.) предплечье.

Монг.: табчиру (письм.-монг.), товчлуур (х.-монг., ойр.-монг.), тобшоруу (бур.-монг.) ключица (кости на плечах).

Тюрк.: уша (каз.) крестец, задок, ягодица; уча (уйг.), ужа (турецк.), уча (саг.) спина, поясница; уча (г.-алт.) бедро, задок; уча (джаг.-Радлов) задок, крестец; спинка; уса, ужуңах (якут.) ягодица; задняя часть туловища животного.

Монг.: угуца (письм.-монг.) крестец, стегно; ууц (х.-монг., ойр.-монг.), ууса (бур.-монг.) поясница, крестец.

Тюрк.: чәнә (азерб.), чене (турецк.), чакак (узб.), чамай (г.-алт.) скула, щека; йәнах шанни (чув.) нижняя челюсть; йанаха (чув.) подбородок; сәниә сәңийә (якут.) подбородок, нижняя часть губы; рыло.

Монг.: шанаа (х.-монг., бур.-монг., йор.-монг.) скула.

Тюрк.: чечекей (кирг.) зрачок, хрусталик глаза.

Монг.: цэцэгэй (письм.-монг.) зрачок, зеница; цэцгий (х.-монг.) зеница, зрачок; сэсэгы, нюдэнэй сэсэгы (бур.-монг.), цецкә, нүднә цецкә (ойр.-монг.) зрачок.

Тюрк.: чикин (осм., джаг.-Радлов) часть тела между шеей и плечевыми лопатками, затылок, плечо.

Монг.: чих (эн) (х.-монг.); чикн (ойр.-монг.), шэхэ (н) (бур.-монг.) ухо, уши.

Тюрк.: чулай (хак.) темя (детское); жулагай, жулай (якут.) темя, родничок младенцев; место соединения теменных костей.

Монг.: зулай (х.-монг., бур.-монг.), зула (ойр.-монг.) темя, родничок, макушка.

Тюрк.: шажыркай (каз.), чычыркай (кирг.) брыжейка.

Монг.: чичиркә (ойр.-монг.) брыжейка.

Тюрк.: шеке (каз.), чәккә (к.-калп.), чакка (узб.), шакак (турецк.), чекә (уйг.), чекге (туркм.), жеке (кирг.), чыхчо (хак.), чык-чыт (г.-алт.) висок, виски; чоһо (якут.) что-либо выпуклое, выступающее.

Монг.: цохо (письм.-монг.), цох (х.-монг., ойр.-монг.), сохо (бур.-монг.) висок, виски.

Тюрк.: шили (кирг., г.-алт.), шейное сухожилие; шили (тел. леб. шор.— Радлов) толстая шейная жила.

Монг.: шил (х.-монг., ойр.-монг.), шэлэ (бур.-монг.) шейное сухожилие, затылок.

Тюрк.: шынашак (каз.), чычалык (г.-алт.), чимчалок (узб.), чымалчах (хак.), чыпалак (кирг.), чыкыйа, чымыйа (якут.) мизинец.

Монг.: чигэчи (письм.-монг.), чигчий (хуруу) (х.-монг.), чивчкә (ойр.-монг.), шэгшэгэй (бур.-монг.) мизинец.

Тюрк.: шырай (каз.), чарый (г.-алт.), чехра, чирой (узб.), чирай (джаг.-Радлов), чирай (уйг.), чехре, сирай (турецк.), сырай (хак.), чырай (кирг.) лицо, облик, черты лица, физиономия; сирэй, сырай (якут.) лицо, лик, облик, физиономия.

Монг.: чирай (письм.-монг.), чарай, царей (х.-монг.), шарай (бур.-монг.), чирэ (ойр.-монг.) лицо, облик, физиономия.

Кроме того, имеются слова, относящиеся к человеку:

Тюрк.: адым (каз., кирг., каракалп.), адим (турецк.), одим (узб., алт., саг.), атлам (уйг.), аттам (кирг.), аддым (азерб.) шаг.

Монг.: алхам (х.-монг., ойр.-монг., бур.-монг.) шаг.

Тюрк.: ажар (каз., кирг.) красивый цвет лица, миловидность; качар (г.-алт.) подглазье, щека под глазом; кадзар (бар.-Радлов) скула; качаар (тар., джаг.-Радлов) край щеки под глазом, скула.

Монг.: хацар, хачир (письм.-монг.), хацар (х.-монг.), хачр (ойр.-монг.) щека, скула.

Тюрк.: алшайту (каз.) растопыривание, раскорячивание; алчах (хак.), алчак (г.-алт.) кривой, колченогий, с растопыренными ногами.

Монг.: алцгар (х.-монг., ойр.-монг.), алсагар (бур.-монг.) кривоногий, невысокий.

Тюрк.: аңкау (каз.), аңкав (каракалп.), аңкоо (кирг.), анков (узб.) разиня, ротозей; аңмах (хак.) ротозей; невнимательный, рассеянный; ангир (джаг.-Радлов) глупый; анара (казан.-Радлов) дуралей, человек, который ничего не понимает; анкау (крым. Радлов) глупый.

Монг.: ангаахай (бур.-монг.), ангагр (ойр.-монг.) ротозей, разиня; амаа ангайх (х.-монг.) раскрывать рот, пасть.

Тюрк.: без, бериш (каз., кирг.), берч (г.-алт.) железа, желвак, отвердевшая внутренняя (подкожная) опухоль; бэз (осм. джаг.— Радлов) железа, опухоль, желвак; пэрс (тел. Радлов) железа.

Монг.: бер (ойр.-монг., бур.-монг.) железа, затвердение от удара.

Тюрк.: бунак (турецк.) впавший в детство старик, слабоумный, дряхлый; муңкан (г.-алт.) несчастный, горемыка; муну — (мунирга) стареть, дряхлеть; муңгак (тув.) печальный, грустный; огорченный.

Монг.: мунхаг, мунхи (х.-монг., бур.-монг., ойр.-монг.) невежество, незнание; глупость, темный, отсталый, невежественный; глупый; мунах (х.-монг.) выживать из ума; ослабление умственных способностей от старости.

Тюрк.: ду (каз.) шум, галдеж; дуу (кирг.) шум, гул, гвалт.

Монг.: дагун (письм.-монг.), дуу (н) (х.-монг., бур.-монг., ойр.-монг.) звук, голос; песня; төрийн дуу (х.-монг.) гимн.

Тюрк.: дүлей (каз., тув.), дүлей (кирг.), тулей (г.-алт.) глухой.

Монг.: дүлий (х.-монг.), дулии (бур.-монг.), дүлэ (ойр.-монг.) глухой.

Тюрк.: өсен (каз., кирг., каракалп., турецк.), эсен (туркм.), эсон (узб.), эзэн (г.-алт.), изен (хак.) здоровый, благополучный.

Монг.: эсен (письм.-монг.) здоровый, спокойный; эсен (х.-монг.) здоровье; эсэн менд, **парн.** здоровье; жив здоров; благополучие.

Тюрк.: жалаң, жалаңаш (каз.), чыплак (туркм.), шаллак (турецк.), чалтан, шалтан (г.-алт.) голый, без штанов, нагой; яланг, ялангоч (угб.) голый голыш.

Монг.: шалдан (г) (х.-монг., ойр.-монг.), салдан (бур.-монг.) голый, раздетый, без штанов.

Тюрк.: жүс (каз.), джюз (каракалп.), йүз (орх., джаг., турецк., ком.), дьус (г.-алт.), чүс (хак.), жүз (кирг.), туз (уйр.), төс (чув.) лицо; цвет лица; облик; поверхность.

Монг.: зүс (х.-монг.), зүс(н) (ойр.-монг.) цвет лица; цвет кожи, внешность; вид; зүс царай лицо; облик.

Тюрк.: кекеш (каз.), кәкә (азерб.), кәкә (осм.-Радлов), келегей (кирг.), килегей (хак.), келэгэй (саг., койб.-Радлов) заика; кэлэгэй (якут.) заика, косноязычный.

Монг.: хелехей (письм.-монг.), хэлхий (х.-монг.), хэлэхэй (бур.-монг.), келкэ (ойр.-монг.) заика, косноязычный.

Тюрк.: кекирик (каз., кирг., узб.), кигирик (хак.), кэйирмэ (азерб.) отрыжка; кекир (каракалп.), кигирерге (хак.) отрыгивать.

Монг.: хэхрэх (х.-монг.), хэхэрхэ (бур.-монг.), кекрех (ойр.-монг.) отрыгивать.

Тюрк.: кексе (каз., кирг.) пожилой старый; старик.

Монг.: хүгшин (х.-монг.), көкшн (ойр.-монг.), хүгшэ (н) (бур.-монг.) старый, престарелый; старик.

Тюрк.: күбүр (кирг.) шепот; күбир (каз.) разговор вполголоса.

Монг.: гүбэр-гүбэр (бур.-монг.), гүвр-гүвр (ойр.-монг.) шепот; бормотать.

Тюрк.: кытык (каз.), кидик (уйг.), кытыгы, кычык (кирг.), катак (чув.), кытык (туркм.), гыдыг (азерб.) гиджик (турецк.) щекотка; кичиһ (джаг.-Радлов) щекотание.

Монг.: гэжиг (х.-монг.) гэжэгээн (бур.-монг.), гиджг (ойр.-монг.) щекотка, щекотание.

Тюрк.: маймак (каз.) косолапый; кривоногий; майрык (г.-алт.) косолапый; маймак (кирг.) косолапый; криворукий, неуклюжий.

Монг.: майга (х.-монг.) кривоногий, косолапый; маягар (бур.-монг.), мээгэк (ойр.-монг.) кривой, скрюченный (о ногах, пальцах рук).

Тюрк.: мең (каз., г.-алт., кирг., туркм.), миң (хак.), мэң (уйг.), бэнэк, бен (турецк.) родинка, родимое пятно; мэг (шор.-Радлов), мэгиң (джаг.-Радлов) родимое пятно; мэң (якут.) родимое пятно, родинка; пятно; бородавка, веснушка;! мин (чув.) красное пятно на лице.

Монг.: мэңгэ (письм.-монг.), мэнгэ (х.-монг., бур.-монг., ойр.-монг.) родинка, родимое пятно.

Тюрк.; мыкыр (каз.) каратыш, малорослый; какор (чув.) человек с каким-то отрицательным качеством.

Монг.: хахар (ойр.-монг.) человек невысокого роста; коротыш; хахар күүн, низкорослый, малорослый, карлик.

Тюрк.: салак (каз., кирг.), шалаң (г.-алт.) неряха, растяпа, разгильдяй.

Монг.: салан (г) (х.-монг.), салң (ойр.-монг.), һала (н) (бур.-монг.) неопрятный, неряшливый; небрежный, халатный.

Тюрк.: силекей (каз.), силегей (хак.), сулакай (узб.), шилекей (кирг.), чилекей (г.-алт.) слюна, плевок; селеке (чув.) слюна, слюни.

Монг.: шүлс (ен) (х.-монг.), шүлсен (ойр.-монг.), шүлһэ (н) (бур.-монг.) слюна, слюни; шүлхий (х.-монг.) слюнявый. Шүлхий хүүхэд, слюнявый ребенок.

Тюрк.: сокыр (каз.), соку (р) (уйг.) слепой.

Монг.: сохор (х.-монг., ойр.-монг.), һохор (бур.-монг.) слепой.

Тюрк.: сүлде (каз.) скелет; кожа да кость; сүлдө (кирг.): күр сүлдөм калды, у меня осталась только кожа да кость (совсем иссох).

Монг.: сүлд (х.-монг.) духовная мощь, жизненная сила; дух, интеллект; биеийн сүлд, жизненная сила; сүр сүлд духовная сила; һүлдэ (бур.-монг.) духовная мощь, жизненная сила; дух, интеллект; сүлдэ (ойр.-монг.) дух, счастье.

Тюрк.: тентек (каз., кирг.) дурень; тинтак (казан.-Радлов) невежа, бестолковый, глупый; тентак (узб.), тентек (туркм.) глупый, самодур, сумасшедший, идиот.

Монг.: тэнэг (х.-монг., ойр.-монг., бур.-монг.) глупый, неумный, дурак.

Тюрк.: төкөр (кирг.) калека; хромой, инвалид; току (уйг.) хромой, калека; тахыр мойынныг (хак.) человек с ограниченными движениями шеи (с парализованным шейным нервом).

Монг.: тахир (х.-монг., бур.-монг.), тэкр (ойр.-монг.) изувеченный; кривой, изогнутый.

Тюрк.: чекир (кирг.) бельмо; сероглазый.

Монг.: цахир (х.-монг.) белый, белоснежный; сахир (бур.-монг.) белесый, бледный.

Тюрк.: шал (каз.), чал (уйг.) старик; седой; чал (азерб.) седой; чол (узб.) старик; чаал (туркм.) старик.

Монг.: цал буурал (х.-монг., ойр.-монг.) седой; белый как лунь.

* * *

Многочисленные термины — названия частей тела человека и термины, относящиеся вообще к человеку и связанные с его многообразной жизнью и бытом, встречающиеся в тюркских и монгольских языках, свидетельствуют о глубокой взаимосвязи этих языков, восходящей к глубокой древности, и вызывают исключительный интерес для выяснения истории развития тюркских и монгольских языков.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ
(большинство по Радлову)

азерб. — азербайджанский
алт. — алтайский
бар. — барабинский
бур.-монг. — бурят-монгольский
г.-алт. — горно-алтайский
джаг. — джагатайский
др.-уйг. — древнеуйгутский
к.-калп. — каракалпакский
к.-кирг. — каракиргизский
каз. — казахский
казан. — казанский
кирг. — киргизский
кир. — киргизский
ком. — команский, половецкий
крым. — крымский
кумд. — кумандинский
леб. — лебединский
ойр.-монг. — ойрат-монгольский (калмыцкий)
орх. — орхонский
осм. — османский
письм.-монг. — письменно-монгольский
саг. — сагайский
сарт. — сартский
сой. — сойотский
тар. — таранчинский, уйгурский
тоб. — тобольский
тел. — теленгитский
турецк. — турецкий
туркм. — туркменский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
х.-монг. — халха-монгольский
хак. — хакасский
шор. — шорский
эхир.-бур. — эхирит-бурятский
якут. — якутский

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

А. Ш. КИЧИКОВ

ОБ ОРЕНБУРГСКОМ ГОВОРЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Говор оренбургских калмыков, вернее, калмыков, переселившихся в Калмыцкую АССР из Оренбургской области, до сих пор не являлся предметом специального исследования. Настоящая статья — первая попытка дать краткую фонетико-морфологическую характеристику данного говора.

Оренбургские калмыки в своем большинстве в 1921 году переселились в Туктуновский сельсовет нынешнего Городовиковского района. В данное время часть из них проживает в колхозе имени Чапаева указанного района, остальные в г. Элисте. Оренбургский говор в чистом виде, по-видимому, сохранился среди калмыков, ныне проживающих в Оренбургской области; он же бытует и среди калмыков-оренбуржцев, живущих в Калмыцкой АССР, сохранившись у лиц старшего и среднего поколений.

В статье использованы рассказы Кутуктаевой А. З., 70 лет, наблюдения за речью Чуматова К. П., Ланцанова П. В., Соломова Ст. П., Деликовой П. Н. и другие материалы.

Так, среди оренбургских калмыков автором записаны:

1) сказки «Ууштын шүтәән», «Зольтаа мергэн», «Зес үстәә күүкэн», «Цецэн күүкэн», «Гесэр» и др.;

2) легенда «Цәкэр Сандас»;

3) описание праздников, обрядов, обычаев, земледелия, домашнего быта, пищи;

4) йөрәл.

Общий объем собранного материала составляет 12 печатных листов.

Весьма интересны сведения Кутуктаевой А. З. об оренбургских калмыках. Вот что она, например, сообщает:

«Мы, оренбургские калмыки, являемся торгутами. Наш род гүсүн (по названию речки Гюсюн) насчитывал 200 семей. Соседний род — керәд (кереиты). Гүсүн жили в селе Колевченском, а керәд — в Аршавском. Как рассказывали наши деды и отцы, при уходе Убуши хана в Алтайские пределы, сильные, здоровые сумели пройти через Урал, а мы, будучи слабыми, осели в лесах Приуралья. Позднее к нам переселились русские. У русских калмыки научились земледелию. Оренбургские калмыки соблюдали

свои древние обычаи, обучали калмыцкой (зая-пандитской — А. К.) грамоте не только мальчиков, но и девочек. Дети также учились в русской школе».

Оренбургский говор, с одной стороны, сохранил в себе такие черты, которых уже нет в говоре торгутов Калмыцкой АССР, а с другой — приобрел черты, не свойственные двум основным говорам калмыцкого языка. Поэтому оренбургский говор окажет ценную услугу в синхроническом и диахроническом изучении калмыцкого языка.

Прежде чем приступить к рассмотрению особенностей, мы укажем на те признаки, по которым данный говор можно считать торгутским.[1]

Как известно, торгутский говор калмыцкого языка от дербетского отличается прежде всего наличием огубленных гласных *у* и *ү* перед губными согласными *м* и *в* там, где в дербетском имеются огубленные *о* и *ө*. Данное положение подтверждается следующими примерами:

дербетский:	оренбургский:	торгутский:	значение
хомхәә	хумхаа	хумхаа	(выгоревший)
ховцан	хувцан	хувцан	(одежда)
хөврәәд	хүврәәд	хүврәәд	(изменяясь)
төвә	түвә	түвә	(материк)

Таким образом, оренбургский говор, в отличие от дербетского, как и торгутский, является *у*-говором (дербетский — *о*-говор).

Из остальных «торгутских» признаков отметим:

1) присутствие долгого (аа), (әә) в исходе формы изъявительного наклонения прошедшего времени:

дербетский:	оренбургский:	торгутский:	значение
абба	аббаа	аббаа	(взял)
зөөвә	зөөвәә	зөөвәә	(возил)
сурва	сурваа	сурваа	(спросил)
бәәвә	бәәвәә	бәәвәә	(был)
һарва			
һарав	һарваа	һарваа	(вышел)
одва, одав	одваа	одваа	(пошел)

2) Отсутствие перехода *а* в *ә* в словах заднего ряда в неначальных слогах:

дербетский:	оренбургский:	торгутский:	значение
сохалнәә	сохолнаа	сохалнаа	(ослепляет)
болтхәә	болткаа	болтхаа	(пусть)
хомхәә	хумхаа	хумхаа	(выгоревший)
сантхәә	санткаа	сантхаа	(пусть вспомнит)
хайчикнә	хайчикна	хайчикнаа	(бросает)
саннәә	саннаа	саннаа	(вспоминает)

[1] Б. Я. Владимирцов. «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия», стр. 17.

3) В двусложных словах метатезу краткого гласного: дерб. «җолам», оренбург. «җолмо», торг. «җолма» (полукибитка, полуюрта);

дерб. «эрәг», оренб. «эргә», торг. «эргә», (обрыв), (круча), (берег);

дерб. «шуураг», оренб. «шуурһа», торг. «шуурга» (жердь);

дерб. «орас, орс», оренб. «орсо», торг. «орса» (русский);

4) Различие одних и тех же слов по ряду или качеству гласных:

дерб. «бәкәрцә», оренб. «бакарсан», торг. «бакарсан»—небольшой котел (ср. казах. «бакыр», «пакыр»—медь, медный котел);

дерб. «тәрәән», оренб. «тараан», торг. «тараан» (посев, урожай);

дерб. «сәкүүсән», оренб. «сакуусан», торг. «сакуусан» (богхранитель);

дерб. «угаатьәә», оренб. «үгәәтәә», торг. «үгәәтәә» (бедняк);

дерб. «эндәр», оренб. «өндөр», торг. «өндәр» (ср. халх — өнөөдөр — сегодня);

дерб. «сәкә», оренб. «секә», торг. «секә» (открой).

Любопытно другое явление, сближающее оренбургский говор с волго-каспийским подговором торгутского говора, а именно: долгота корневых гласных в образованиях от императивов ха, ке:

дерб. «хаһаад», оренб. «хааһаад», касп. торг. «хаагаад» (выстрелив);

дерб. «кеһәәд», оренб. «кееһәәд», касп. торг. «кеегәәд» (сделав, налив);[1]

5) Тождество с торгутским (основным) в немногочисленных лексических коррелятах:

дерб. «талдаан», оренб. «оңдаан», торг. «оңгадаан» (другой);

дерб. «хәрүү», оренб. «гедәргәән», торг. «гедәргәән» (назад, обратно);

дерб. «мәәсәлдә», оренб. «девсә», торг. «девсә» (пинай, топчи);

дерб. «шата», оренб. «дөрәә», торг. «дөрәә» (крыльцо, лестница);

дерб. «татаатәә», оренб. «зүүгәәтәә», торг. «зүүгәәтәә», «зүүһәәтәә» (запряженный).

Для доказательства торгутского происхождения говора оренбургских калмыков больше ничего не требуется, ибо во всех тех случаях, когда в чем-либо современный торгутский говор расходится с дербетским, оренбургский же строго следует за торгутским. Иных случаев принципиального расхождения торгутского

[1] В икицохуровско-багацохуровском подговоре торгутского говора данное явление совпадает с дербетским: «хаһаад», «кегәәд», т. е. долгота отсутствует.

(основного) от дербетского говора нет, а если и есть, то они относятся к явлениям гораздо позднего происхождения, о чем будет сказано ниже.

Во всем же остальном оренбургский говор резко отличается от торгутского говора. Это прежде всего наличие четырех палатальных согласных (ль, нь, дь, ть), как и в дербетском говоре, чего нет (за исключением ль) в торгутском основном.

Покажем это на примерах:

дерб. «буддьээ», оренб. «буудьаа», торг. «бүүдээ» (зерно);
дерб. «ханьээдэн», оренб. «ханьаадан», торг. «хэнээдэн» (кашель);
дерб. «уудьвар», оренб. «уудьмар», торг. «үүдвэр» (скука);
дерб. «альван», оренб. «альван», торг. «элвэн» (шалун);
дерб. «матьхар», оренб. «матьхар», торг. «мэтхэр» (кривой);

Оренбургский говор сохраняет палатальный *ль* даже там, где в дербетском он уже не является палатальным:

дерб. «тэвэлхэ», оренб. «тавальха», торг. «тэвэлһэ» (таволга).

Приведем перечень некоторых других слов с палатальными согласными в оренбургском:

«хальмаг» (калмыцкий), «адьль» (одинаковый), «таньаад» (узнав), «бооньхан» (короткий, низкий), «кельш угам би» (не скажу же я), «салькан» (ветер), «адьас» (благословение, рукоположение), «аньаатаа» (закрытые глаза).

«хүрмэ — хутьар» (свадьба), «оньдьиин» (всегда).

К собственным особенностям данного говора относится:

1) прогрессивная ассимиляция, сохранение качества при очень слабой редукции гласных во вторых слогах: «энэ» (это), «тэрэ» (то) (литерат. энэ, тэрэ);

2) наличие огубленных гласных во вторых слогах (явление прогрессивной ассимиляции): хото (пища) (вм. хота), өөрө (близко) (вм. өөрэ), өдөр (день) (вм. өдэр), дөрвөнтэн (четверо из вас) (вм. дөрвэнтэн), энэ мөрө (эту лошадь) (вм. энэ мөрэ), көкө (синий) (вм. көкэ), мөлтөлчикээд (сбросив, сняв) (вм. мөлтэлчикээд) и т. д.;

3) сохранение гласных большинства не первых слогов основы при словоизменении: җолмо>җолмодаан (лит. дерб. и торг. җолам, җолма>җоламдаан (в своей полуюрте); түркэ>түркэсэн (вм. түркэ>түрэксэн (натеревший); ирвэ>ирвэдэн (вм. ирвэ>ирүвдэн (пришли мы); өлгө>өлгөчкэдэг (вм. өлгэ>өлэкчиктэг (вешающий); күцэ>күцэжи (вм. күцэ>күцжи>күцчи>күсчи>күшчи (догнав); бүтэ>бүтэдхэ (вм. бүтэ>бүтдхэ>>бүттхэ) (исполнится); унта>унтадаг (вм. унта>унтдаг>унттаг) (спящий); чидэл — чимгэн (сила), чидэлтээ — чимгэтээ (вм. чидэлтээ — чимэктээ (сильный) и т. д.;

4) Соответствие глухому щелевому *х* глухого смычного *к* в аффиксе множественного числа, т. е. употребление в глаголе аффикса-*цкаа*, вместо-*цхаа*: йовцкааж (вм. йовцхааж), ирцкээж (вм. ирцхааж). Тут же можно отметить, что оренбургский говор здесь, как и везде, последовательно соблюдает гармонию гласных. В дербетском и торгутском сейчас употребителен аффикс-цха независимо от ряда (йовцхааж и үлдэцхааж).

5) Выпадение *к* аффикса в форме совершенного вида: хайчиха (вм. хайчикка) (бросить); отсюда: хайчидаг (вместо хайчиктаг) (имеющий обыкновение бросать);

6) наличие исконного губно-губного *б* (вместо *в* в литературном), переходящего в глухой *п* перед глухими:

аб (вместо ав) «возьми»; даб (вместо дав, дава) «перевал»; апчикаад (вместо авчикаад) «взяв»; түб-түмэн (вместо түв-түмэн) «тьма-тьмущая»;

7) замена взрывного заднеязычного *г* заднеязычным проточным *һ* при словоизменении:

нутаг «стоянка» нутаһуур, нутаһааса; уураг «молозиво» уураһиин; хальмаг «калмык» хальмаһиин; хасаг «казах» хасаһиин, хасаһууд;

8) наличие заднеязычного глухого смычного *к* вместо заднеязычного глухого проточного *х*[1]: хулдакаш «не продает» (вместо хултхаш) (<хулдаха бишэ); болтакаа «да будет» (вместо болтхаа); медэкэш «не знает» (вместо метхэш<метхэ бишэ<медэхэ бишэ); дуһааркаш[2] «молчит» (вместо дуу һархаш);

9) наличие аффикса возвратно-притяжательного склонения -аан (-ээн) вместо лично-притяжательного аффикса III лица -нь при родительном падеже, чего нет ни в одном из других говоров и подговоров калмыцкого языка:

багшиинээн «учителя» (вместо багшиинь), эврээнээн «своего» (вместо эврээнь), зайаанаанаан «предначертания своего» (вместо зайааньи);

10) глагол *диценди ги* (гихэ, гижи) утратил начальный слог и превратился в аффикс глагола: үкэн-жэнээв «умираю» (вместо үкэн гижи бээнээв), хадһалан-жи «храня» (вместо хадһалан гижи), негеткэнээ-хэ «если соединить» (вместо негэткэнэ гихэ), болтакаа-на «пусть будет» (вместо болтхаа гинээ); форма разделительного деепричастия от *ги* превратилась в *гээд* (<гиһээд) и также слилась с глаголом девсэгээд «заставляя пинать» (вместо девсэ гиһээд);

---

[1] Исследование говоров калмыцкого языка, видимо, обнаружит очень много интересных явлений, свидетельствующих о неравномерном их развитии, сохранении древних черт в отдельных говорах и подговорах и появлении новых черт, отсутствующих в других говорах. Например, говор цатанов (цаатнаахан) Каспийского района отличается наличием **ч** вместо **ц** во всех позициях слова: чаһаан «белый» (вместо цаһаан), һанчхан «единственный» (вместо һанцхан), хурчи «острый» (вместо хурца) и т. д. Другой особенностью этого говора является наличие **й** вместо **з** (например, йахсан «рыба» (вместо захсан), йокса «стой» (вместо зокса). Икицохуровский подговор торгутского говора характерен появлением в отдельных словах **ц** вместо **ч**: бурцаг «дробь» (вместо бурчиг), көвцэг «седельная подушка» (вместо көвчиг).

[2] в основных говорах дуу һархаш произносится раздельно.

11) длительное причастие на *даг* в большинстве случаев утратило исходное *г*:

бәәдим «бывает»<бәәдэг—им<бәәдэг — йим<бәәдэг — йум <бәәдэг йу*ма*н; бәәдэ—виләә «бывало», ирдэ—виләә «приходил»; зууд — уго «некусающийся» (<зуу*да*г уга);

12) при обстоятельственном употреблении причастие будущего времени не приобретает аффикса --аар -әәр: түүхэ однаа (вместо түүхәәр однаа) «идет собирать». К сказанному следует добавить, что переход служебных частей речи в разряд аффиксов, видимо, стал характерным для данного говора. Об этом свидетельствует не только разрушение *диценди ги,* превращение *йуман* в *им*. Отрицание эсэ (эс) зарегистрировано в качестве суффикса в сочетании: юңгаас келэвч*и* (<юңгаад эсэ келвэ чи?) «почему не сказал?» Слово хуцхар (все) образовано из хуу+цууһаар (хуу—все, цууһаар—все); сәән-хнь-сәән (<сәән гихэнь сәән) «хорошо, если скажут «хорошо» и т. д.

Заключение

Оренбургский говор калмыцкого языка является торгутским говором, относясь к последнему как его подговор и отличаясь от него в консонантизме (наличием палатальных согласных фонем ль, нь, дь и ть). Как и в дербетском, палатальные согласные образовались в позиции перед *и* в зая-пандитском: оренб. хальмаг «калмык», зая-пандит. (древняя форма) халимаг; оренб. таньха «узнать», древнее таниху; оренб. адьас «благословение», древнее адис; оренб. матьхар, древнее матихар. В торгутском говоре указанные согласные в данной позиции стали переднеязычными зубными, т. е. утратили свою палатальность и стали более передними по месту своего образования, а предшествующие им гласные заднего ряда соответственно заменились гласными переднего ряда (хәлмэг вместо хальм*а*г, әдэс вместо адь*а*с, үүтхэн вместо уутьх*а*н и т. д.).

Дербетский и оренбургский говоры сохранили многие черты, свойственные зая-пандитскому письменному языку, т. е. более древний фонетический облик калмыцкого языка, тогда как торгутский говор (икицохуровско-багацохуровский, волго-каспийский подговоры) приобрел некоторые новые фонетические черты за последние 200 лет.

Фонетические особенности говоров, в достаточной степени изученные и описанные, в совокупности могут дать то общее направление, в котором идет фонетическое развитие калмыцкого языка в целом.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

А. Ш. КИЧИКОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ «ДЖАНГАР»

Имена богатырей калмыцкого эпоса «Джангар» («Җанһар») оказываются «говорящими», нарицательными, например: Күңкин Алтáн Чеежі — «Златомудрая мысль», Хоңһáр — «Румяный, Алый, Любимый», Санáл — «Мечта», «Мысль», Савáр — «Лапа» и т. д. А о чем же говорит имя Җаңһáр, по которому назван весь эпический цикл?

Если имена всех других богатырей имеют общеалтайское, общемонгольское, древнекалмыцкое происхождение, то вряд ли можно возводить имя Джангар к персидскому корню, как это делает акад. Б. Я. Владимирцов, когда он пишет: «Самое имя Джангар есть заимствование персидское Джехангир (завоеватель мира)»[1] Причем со ссылкой на Б. Я. Владимирцова данная версия повторяется другими монголоведами (С. А. Козиным, Г. Рамстедтом).

Обратившись к тюркским языкам, узнаем, что казахское слово жаңһыз значит «одинокий, единственный, непарный», то же самое в киргизском языке значит **жаңһыз‖жалһыз;** к и р г. **ыңырчак,** к а з а х. **ыңыршак** — «вьючное седло» (т. е. только деревянный остов седла без седельных принадлежностей), к а л м. **йаңһáрцáг** — «остов седла, остов сам по себе». «Торгут.—Астр. **йаңһр** «одинокий»; тюрк.: к и р г. **жаңыз**‖йаныз «один, сам по себе»[2].

Если при этом учесть следующие два момента, что 1) м о н г.-к а л м. **(р)** соответствует т ю р к с к о м у **(з):** к а л м. **үкэр**—«корова», м о н г.-п и с ь м. **үкүр** — «бык», т ю р к. (осм.) **өкүз,** к о м. **өгүз** — «бык»[3], с о в р. к а з. **өгиз** — «бык»;

2) что в калмыцком вместо **й** появляется **җ (й‖җ),**[4] а имен-

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос, стр. 21.

[2] Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, стр. 362.

[3] Там же, стр. 360.

[4] Ц. Д. Номинханов. «Ученые записки» Казгу, т. XIX. 1955, стр. 144.

но: в дербетском донском подговоре **йовун**—«ракушки», в самом дербетском говоре — **җовун**, то есть основание утверждать, что **йаңһр** говора дало в литературном **җаңһа́р** «одинокий, единственный, сирота».

Из текста Джангара известно, что главный герой эпоса выступает как «сирота, в поколеньях одинокий» (**үйин өнчин Җаңһар**). Он, будучи ребенком, попал в плен к Алтан Чеҗи и вырос у последнего сиротой-приемышем. Эпитет **сирота, в поколеньях одинокий** повторяется во вступлении к каждой поэме эпоса.

В социальном плане происхождение имени Джангар интересно в том смысле, что герой эпоса, будучи безродным сиротой, благодаря своим личным качествам сумел завоевать доверие народа и стал его вождем.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР
Записки Вып. 2 1962 г.

У. Э. ЭРДНИЕВ

ПИЩА И НАПИТКИ КАЛМЫКОВ

Первые скудные сведения об ойратах и их образе жизни появились в труде персидского историка Рашид-ад-дина, который сообщает о территории, занятой предками калмыков-ойратами, и обращает внимание на большое отличие их языка от языков других монгольских племен.[1] Более обстоятельные этнографические сведения содержатся в поэме «Джангар» и калмыцких исторических документах.[2]

Со времени добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России систематически появляются в русских исторических документах сообщения и часто довольно подробные описания жизни калмыков. Литература, посвященная калмыкам, становится особенно разнообразной и многочисленной с первой половины XIX века в связи с общим усилением интереса к изучению быта народов Российской империи.[3] Было опубликовано довольно большое количество газетных, журнальных статей и заметок; собирались ценные энтографические коллекции, которые хранятся в настоящее время в научных фондах музея этнографии народов СССР в Ленинграде и в Казани.

Недостатками всех дореволюционных работ являются самая общая характеристика быта калмыков и их описательный характер. Систематической и планомерной работы по изучению этнографии калмыков не велось.

В советское время также не уделялось достаточного внимания изучению этнографии калмыков. До сих пор нет ни одной обстоятельной статьи в советской литературе, посвященной отдельным сторонам культуры и быта калмыцкого народа. Насто-

[1] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1. кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 118—121.

[2] «Джангар». Перевод С. Липкина, М., 1958; Цааджин-Бичиг и др.

[3] Монах Иакинф. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени, Спб, 1834; стр. 1—30; П. Небольсин. Очерки быта калмыков Хошутовского улуса, Спб, 1852, стр. 34—38; А. Крылов. Умственное и нравственное развитие донских калмыков, Новочеркасск, 1873; И. А. Житецкий. Очерки быта астраханских калмыков, М, 1893, стр. 3—7; Я. П. Дуброва. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892, Казань, 1898 и др.

ящая статья призвана заполнить в известной мере отмеченный пробел в одной области материальной культуры — в области пищи. Сравнительное изучение пищи, способов ее приготовления и названий ее видов может пролить свет на многие стороны этнической истории не только самого калмыцкого народа, но и других народов азиатского материка, являвшихся в прошлом соседями ойрат-калмыков, а также на их культурные и экономические связи. Работа может явиться полезной при разработке расширенного списка национальных блюд в сети государственных пищевых предприятий.

В предлагаемой статье использованы в самом сжатом виде весь полевой материал и литературные данные, собранные автором, начиная с 1954 по 1960 год. Работа отражает, по существу, одного вида материальной культуры конца XIX и начала XX века — пищу. Но она, само собой разумеется, не претендует на исчерпывающую полноту.

Обитание ойратских племен в районе, расположенном между Байкалом и рекой Ангарой и верховьем реки Енисея, указывает на то, что их основными формами занятия в первой половине II тысячелетия н. э. были скотоводство, охота и рыболовство, что обусловило тот факт, где основным видом пищи тех монгольских племен, которые жили в этой части Сибири, было мясо домашних животных и диких зверей, дополняемые рыболовством и собирательством.

Однако описание пищи калмыков мы начнем с калмыцкого чая — главного национального питательного напитка калмыцкого народа.

I. КАЛМЫЦКИЙ ЧАЙ

Исключительно важное место в питании калмыцкого населения занимает калмыцкий чай. Заваром для его приготовления служит кирпичный прессованный чай, известный во многих областях Европейской части СССР под названием калмыцкого чая. До Октябрьской революции он был предметом ввоза из Китая. Обычно караваны верблюдов, нагруженных чаем, постоянно шли из Калгана в Кяхту и оттуда—в губернии, население которых употребляло его. В царское время и в первые годы существования Советской власти в калмыцкой семье чай этот хранился в небольшом тулуме (мешочке), сшитом из выделанной овечьей шкуры. Здесь же калмычки держали небольшие тоненькие дощечки прямоугольной формы размером примерно 15×10 см; эти дощечки подкладывались под чай во избежание порчи кожаного мешочка, когда женщины крошили ножами необходимое для варки количество чая. Вплоть до 30-х годов XX века такой чай варился в чугунном котле на тагане, поставленном в середине кибитки. Крошенная почти в порошок горсть чая бросается в кипящую в котле воду. После достаточного ки-

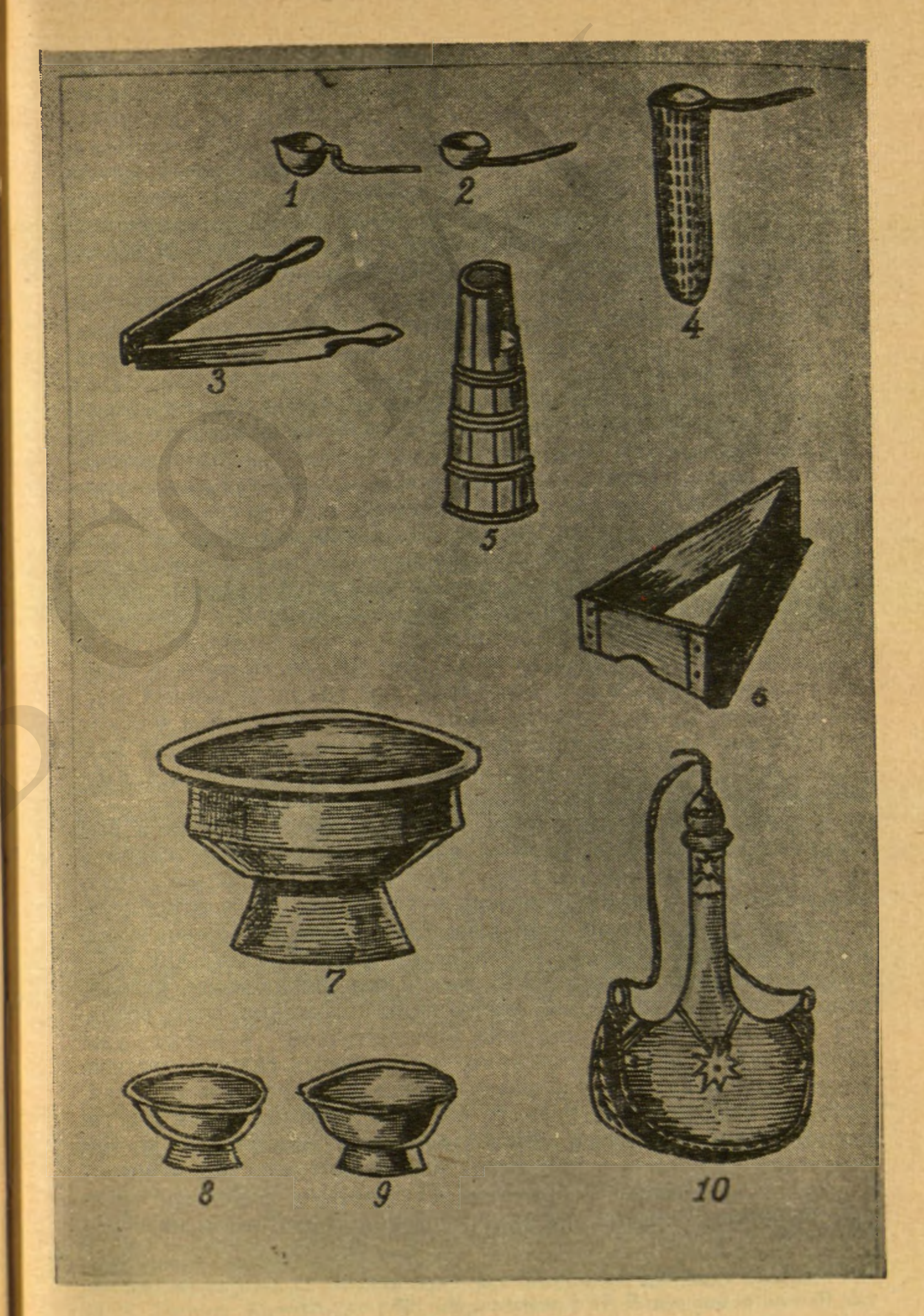


Рис. 1. Домашняя утварь. 1—3, 5—9 — дерево; 4 — холст, 10—кожа (бортхо — сосуд для хранения араки). (Все по И. А. Житецкому).

пения к чаю прибавляется кипяченое молоко, иногда же вливали некипяченое молоко и кипятили его вместе с заваром. Затем в чай кладут соль и сливочное масло. До того как положить масло в чай, из последнего удаляют «шар» (твердую часть завара) в специально для этой цели сшитый холщовый мешок («Цәәгин шүр», рис. 1, 4), откуда выжимают в котел всю влагу при помощи шахлур (двух досочек, соединенных на одном конце; рис. 1, 3) «шар» сушили и вновь опускали в чай. И так до тех пор, пока он не перестанет окрашивать воду.

Прежде чем начать пить его, обычно отливали немного чая в маленькую чашечку для буддийского божества, поставленную на сделанной для этой цели подставочке, чай этот впоследствии выпивался только детьми, главным образом мальчиками. Затем чай подавался в чашках присутствующим, причем строго соблюдалось старшинство и общественное положение пьющих. Если это был первый чай, сваренный на новом месте, куда перекочевали из другого участка, то вышеописанный обычай дополнялся разбрызгиванием чая за пределы кибитки через дверь в сторону востока для злых духов. (четкеров). Такой чай обладает ароматным запахом, калорийностью благодаря тому, что в чай налито свежее цельное молоко и сливочное масло. Иногда пожилые люди заправляли калмыцкий чай поджаренной в сливочном масле или животном сале белой мукой, в результате получался хуурсн цә (чай с жаркой из муки), питательность его еще больше увеличивалась. Часто в готовый чай клали крошеный мускатный орех, предварительно смешав его со сливочным маслом, а также иногда в приготовленный чай добавляли несколько лавровых листочков, отчего ароматный запах его усиливался. Калмыцкий чай воспевается и в произведениях поэтов.[4]

Наряду с калмыцким чаем прочно и широко вошли в быт калмыцкого населения русский чай с сахаром, кофе, какао и т. д. Калмыцкий чай является главным национальным напитком калмыков. Такой чай вкусен и питателен. Он употребляется ежедневно в течение всей жизни. Его значение хорошо и метко определено калмыцкой народной поговоркой: «Хотя чай жидкий, но он начало пищи». Всех гостей без исключения, независимо от общественного, имущественного положения, пола, возраста и национальности, калмыки угощают чаем, а потом уже другим видом пищи. Характерно, что во время свадьбы родные жениха обязательно и в первую очередь подавали невестке чай, которая, если не хочет пить, то обязана глотнуть, как и все гости. Этот национальный обычай сложился еще далеко до переселения калмыков в Россию, о чем свидетельствуют этнографические материалы, собранные неутомимыми русскими путешественниками среди западных монголов (ойратов) и их соро-

[4] Амыкул Османов. Калмыцкий чай. «Хрестоматия по литературе народов СССР» под редакцией Л. И. Климович, М., 1960, стр. 892.

дичей, расселившихся в северном предгорье Тибета. Г. Е. Грумм-Гржимайло, путешествовавший в 1889—1890 годах по Западному Китаю, сообщает, что он и участники его экспедиции были приглашены торгутским ваном (князем) на чашку чая через специальное посольство. Он пишет, что «людям нашим принесли дзамбы (поджаренная сухая мука) с соленым чаем и маслом, китайский на пару сваренный хлеб (мянтау)... Таким образом, мы должны были сначала пить чай, а затем обедать... обед, поданный вслед за чаем, состоял из семи блюд, сервированных на китайский лад».[5] Другой наш соотечественник П. К. Козлов, совершивший трехлетнее путешествие в 1899—1901 годах по Монголии и Тибету, пишет, что у цайдамских монголов[6] обыкновенным и повседневным напитком служит кирпичный чай, приправленный солью, молоком, маслом и прочим, который служит главным предметом угощения. Этот обычай угощать вошедшего распространяется на бедняка и на богатого, на простого хошунца и на князя. Если в юрту князя войдет постороннее лицо, по делу или без дела — безразлично, ему непременно будет предложен чай и дзамба... После чая его угощают кумысом, вином и даже мясом.[7]

Этот обычай прослежен у монголов, обитающих в настоящее время на территории МНР. Известный путешественник Н. М. Пржевальский сообщает, что кирпичный чай составляет универсальную пищу монгольских кочевников. Целый день, с утра до вечера, в каждой юрте на очаге стоит котел с чаем, который беспрестанно пьют все члены семьи. Этот же чай составляет первое угощение каждого гостя. Монголы до того пристрастились к чаю, что без него ни один кочевник — ни мужчина, ни женщина — не может существовать и нескольких суток; лишенный два-три дня кирпичного чая, будет роптать во все горло на свою несчастную судьбу.[8] По-видимому, употребление кирпичного чая с молоком, маслом и солью было распространено и среди третьего монгольского народа — бурят. В Бурятской АССР и в Бурятских национальных округах пожилые люди продолжают пить этот чай до настоящего времени.[9] Молодежь пьет его с молоком, без соли, но с сахаром. Из народов немонгольского происхождения такой чай употребляют

[5] Г. Е. Грумм-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, М., 1948, стр. 44—45.

[6] По всем данным, сообщаемым П. К. Козловым, цайдамские монголы близки зюнгарцам — западным монголам.

[7] П. К. Козлов. Монголия и Кам., М., 1947, стр. 142—147.

[8] Н.М . Пржевальский. Монголия и страна тангутов, М., 1940, стр. 69—73; К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики. «Восточно-Азиатский этнографический сборник». М.—Л., 1960, стр. 206,207.

[9] М. Н. Хангалов. Собрание сочинений, т. I, Улан-Удэ, 1958, стр. 231, 232; И. Е. Тугутов. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958, стр. 159

южные алтайцы, хакасы и тувинцы,[10] которые являются соседями монголов и ойратов.

Калмыцкий чай пьют народы Северного Кавказа, многие русские семьи Ставропольского края, Ростовской, Волгоградской, Астраханской областей и живущие в Калмыцкой АССР.

О начальном периоде распространения кирпичного чая в монгольских степях, употребление его данных пока нет. В литературных сведениях XIII и начала XIV века не содержится упоминаний о нем, об употреблении его на территории Монголии. Европейские путешественники XIII века — Плано Карпини, посол папы Енокентия IV к хану Гуюку, внуку Чингис-хана (в 1245—1247 гг.), монах францисканского ордена Гильом Рубрук, посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Мунке (1253—1255 гг.), венецианец Марко Поло, купец-путешественник конца XIII века,— не сообщают никаких сведений об употреблении монголами калмыцкого чая.[11] Ничего не говорится и об этом в труде персидского историка Рашид-ад-дина (1247—1318 гг.).[12] Нет сведений о калмыцком чае в китайских источниках I половины XIII века.[13] Об этом напитке не говорится и в поэме «Джангар».

В конце XVI и в начале XVII века чай этот прочно вошел в быт ойрат-монголов. Можно предполагать, что калмыцкий чай получает свое распространение из Китая, родины изготовления кирпичного чая, между серединой XIV—XVI веков. Не исключена возможность проникновения кирпичного чая из северного Тибета: тангуты пьют кирпичный чай с молоком и маслом.[14] Согласно сообщению Малодербетовского База-Бакши, посетившего Тибет в конце XIX века, тибетцы, в том числе Далай-лама, повседневно употребляют «калмыцкий чай».[15]

II. МОЛОЧНАЯ ПИЩА И НАПИТКИ

Еще в начале второго тысячелетия нашей эры молоко и полученные из него продукты сделались одним из главных видов пищи монгольских племен, в том числе ойрат-монголов. Про-

[10] Л. П. Потапов. Пища алтайцев МАЭ, т. XIV, стр. 48; Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-тайги и Кара-холя. Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1957—1958, М.—Л., 1960, стр. 194,195.

[11] Путешествие в восточные страны... М., 1957 г.; Книга Марко Поло, М., 1956.

[12] Рашид-ад-дин. Сборник летописи, т. 1. кн. 1, М.—Л., 1952, кн. 2, М.—Л., 1952 г.

[13] «Краткие сведения о черных татарах» Пэн-Да-я и Сюй-тина. «Проблема востоковедения» № 5, 1960, стр. 133—144.

[14] Н. М. Пржевальский. Из Зайсана через Хами в Тибет, М., 1948, стр. 210; его же: Монголия и страна тангутов. М., 1940, стр. 225,226; П. К. Козлов. Монголия и Кам., М., 1947, стр. 274.

[15] Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского База-Бакши. Пер. А. Позднеева. Спб, 1897, стр. 243.



Рис. 2. Домашняя утварь. 1, 2, 6, 13—железо; 5—бронза; 3, 4, 8, 11—дерево; 7 — кожа; (1—7, по И. А. Житецкому).

цесс приобретения опыта получения из молока различных видов продукции был длительным. Но далеко еще до прихода калмыков на Волгу у них окончательно сложились основные навыки обработки молока и уменье консервировать его.

В конце XIX и начале XX века молоко и изготовленные из него продукты составляли повседневную пищу калмыков. Из молока получали сметану, сливки, масло, айран (чигән — из коровьего молока), бозо, адмаг, хермег, шүүрмег, хурсн и т. д. Калмыки употребляли молоко в чистом виде очень мало. Обычно они давали только детям парное (саамл үсн) или кипяченое молоко. Очень много молока идет на калмыцкий чай.

Прежде всего калмыки стремятся получить из молока сливочное пресное масло, особенно летом, когда очень много молока. Для этого молоко сливалось обычно из доильного ведра в деревянное корыто, редко в металлическую посуду, где давали молоку устояться до тех пор, пока на поверхности его не появлялись сливки (үснә өрм). Густой жирный отстой молока снимался ложками в другие сосуды, а снятое молоко обычно переливалось из корыта в чигән. Өрм (сметану) ели с пресной лепешкой, хлебом, шүүрмегом, хурсуном, заправляли ею калмыцкий чай, остатки сливались в деревянное корыто или в эмалированный таз, иногда в чугунный котел, в которых сбивали сливки ложкой или палкой до тех пор, пока не получится масло. Пахта использовалась для замешивания теста лепешек; в свежем виде ее кушали дети и взрослые. У калмыков существовал и другой способ получения масла, который был описан этнографом И. Житецким в конце XIX века. Вся сметана, собранная в течение какого-то промежутка времени, сливалась в архад (кожаную посуду), где ее взбивали бүлүром (мутовкой, рис. 2, 10, 11), часто встряхивая или помешивая их. Через несколько часов получалось довольно жидкое масло. Этот способ приготовления масла практиковался до революции в богатых семьях, у которых много коров.

Часто из цельного молока готовили чигән, который били бүлүром до тех пор, пока не выделится масло. Полученное масло у калмыков носит название чигәнә тосн (масло из чигән).

Далее масло подвергалось мытью в холодной воде. После чего значительная часть его израсходовалась на удовлетворение текущих нужд семьи, а другая часть, сбереженная путем жесточайшей экономии, шла на создание зимних запасов. Для долгого хранения во избежание порчи масла, слегка засоленное, складывалось в сделанные из желудка или кишок, даже требухи овец, мешочки (тосна сав — «посуда для масла»); плотно заматывали их в куски войлока или закапывали в яму и в таком виде сохраняли до прекращения доения коров. Часто масло, предназначенное для зимы, перетапливали, так как оно сохранялось в топленом виде лучше.

С самого начала революции Коммунистическая партия и Советское правительство начали вести большую политико-воспитательную работу по внедрению культурного ведения домашнего хозяйства путем организации передвижных красных кибиток, снабженных сепараторами, которыми калмычки пользовались совершенно бесплатно.

В настоящее время сепаратор вошел в калмыцкий быт прочно и окончательно. Во многих селах и поселках организованы маслозаводы.

До коллективизации сельского хозяйства молочные продукты калмыки совсем не вывозили на рынок. Молоко целиком употреблялось для удовлетворения нужд семьи. В значительном количестве оно использовалось для приготовления чигән (заквашенного молока), из которого, как правило, выкуривалась молочная водка — арака — с целью получения бозо, так как калмыки не употребляли водки до очень пожилого возраста. В настоящее время перегонка чигәнә на водку (араку) не практикуется.

В кибитке большой чугунный котел (рис. 2, 13), объемом в 2,5—3 ведра, ставился на железный таган на трех ножках (рис. 2, 1, 6), в саманных домах вмазывался в печь. Он покрывался деревянной плоской крышкой (бүркәсн), состоящей из двух одинаковых половин, в каждой из которых имелось отверстие диаметром 8—9 см, выдолбленное друг против друга. В одно отверстие вставлялся конец коленчатой трубы (цорго; рис. 2, 12), другой конец которой закрывал отверстие в крышке маленького котла, поставленного в корыто с холодной водой, находящейся на 35—40 см ниже, чем большой котел, наполненный чигәном. Второе отверстие крышки этого котла закрывалось хавхигом (рис. 2, 14) — вылепленной из глины фигурой, сужившейся кверху, заканчивающейся маленьким углублением, куда в первую очередь капали немного молочной водки для духа Чингис-хана, нижний конец его делался шире с тем, чтобы закрыть отверстие в крышке. Все края обоих котлов залеплялись глиняными жгутами, перемешанными со скотским пометом (аргалом) во избежание потрескивания. Кроме большого отверстия, крышка меньшего котла имела маленькую дырочку диаметром 1,5 см, через которое определяли готовность араки при помощи амсура (прутика с продетым волоском из верблюжьей шейной шерсти).

Под большим котлом разводится костер из кизяка, часто из аргала. Во время кипения чигәна в большом котле образовавшийся пар поступал из него по трубе (цорго) в нижестоящий котел (бякрсен), где охлаждался. Полученная водка с общим объемом до 2—3 литров распивалась стариками и пожилыми в горячем виде и всегда коллективно. Изготовление, или, как еще говорили, выкуривание, араки происходило вечером перед пригоном скота, нередко рано утром.

Во время кипения чигэнэ по верхним краям внутренней поверхности большого котла откладывалась творожистая масса— армаг (накипь), которая снималась ложкой, заправлялась молоком и давалась детям, иногда ею закусывали после выпивки молочной водки. Армаг, являясь довольно кислым на вкус, не играл никакой роли в питании калмыцкой семьи.

После перегонки чигэн на араку остается гуща, известная у калмыков под наэванием бозо, из которой женщины изготовляли разнообразные молочные продукты. Ею же обрабатывали все шкуры животных, а также кормили домашних животных.

Часто в натуральном виде бозо служило для приготовления некоторых детских и юношеских блюд. Горячее бозо смешивалось со свежим молоком, в результате получался ээдмег, иногда черпали в большую чашку из котла бозо, куда прямо выдаивали парное молоко. Такое блюдо называлось коорцаг.

Блюдо из бозо не исчерпывалось этим. После выкуривания эрки бозо вычерпывалось ковшом или деревянной шаңһой (рис. I, 1, 2) из большого котла в холщовый мешок, сквозь который вытекала вся жидкость — адмгин усун. В мешке оставалась отжатая и опрессованная творожистая масса, носящая название аадмаг, который служил исходным сырьем для изготовления других молочных продуктов. Из аадмаг делали шүүрмег. Для этого брали в правую руку аадмаг, продавливали его между пальцами зажатой в кулак руки на деревянные доски, циновки, ковры, иногда на кошму, в результате получился шүүрмег разнообразной формы, приблизительно одинаковой величины, а потом высушивался на солнце, после чего собирался в мешки из шкуры животных, а в более раннее время — из кошмы. Из аадмаг делали хурсун — пряники. Для этого творожистую массу выкладывали на доску слоями толщиной в 1—1,5 см, затем сглаживали поверхность, разрезали ножами на куски квадратной формы и сушили на воздухе. Помимо этого вида, изготовлялся хурсун круглой формы, выпуклой с одной стороны, плоской с другой. Выпуклая сторона часто украшалась орнаментом нажимом пальцев. Высушенный хурсун нанизывался на нитки из овечьей или верблюжьей шерсти. В таком виде хурсун сохранялся длительное время, иногда до весны следующего года, пока не появлялись свежие хурсун и шүүрмег. Так бывало только в зажиточных семьях. По внешнему виду оба эти изделия серого цвета из аадмага имели очень приятный, кисловатый вкус. Их кушали в натуральном виде круглый год, изредка шүүрмег прибавлялся зимой в будан, который изготовлялся из белой пшеничной муки и молока.

Осенью из аадмага варили шарвадыг — это смесь свежего молока и аадмага часто со сливочным маслом. Пожилые люди кушали его в горячем виде, а дети — в остуженном.

Из чигэн также делали керцег, то есть на взятую в чашку чигэн выдаивалось молоко летом, в результате чего получался замечательный напиток, очень приятный по вкусу, который в жаркие дни в охлажденном виде служил кушаньем и одновременно средством для утоления жажды. Летом из аадмага в смеси с холодной колодезной или родниковой водой приготовляли чиидмег — напиток вроде молочного кваса, которым утоляли жажду во время полевых работ.

Из овечьего (редко — козьего) молока калмыки изготовляли ээзгэ. Молоко заквашивалось высушенным куском желудка ягненка, где содержится первородная кислота, и кипятилось в котле до полного испарения воды, в результате оставалась твердая густая режущаяся масса — ээзгэ.

Из молока овец делали брынзу еще в конце XIX века. С победой колхозного строя колхозники Калмыцкой АССР использовали этот опыт для массового производства брынзы и поставляли ее государству. Нужно отметить, что скот калмыцкой породы был в основном животным мясного направления, а не молочного. Калмыцкая корова давала ежедневно не более 5—6 литров молока, а зимой совсем переставала доиться. Коров доили два раза в день (утром и вечером) после того, как телятам давали немного пососать, иначе калмыцкие коровы (да не только калмыцкие, но и степные коровы в соседних русских селах) совсем не дают молока. В случае гибели теленка к корове подпускали теленка, сходного своей мастью на павшего, придав ему запах ее плода. Это достигалось тем, что опытный в этом деле человек просовывал руку в матку сваленной на бок коровы, доставал оттуда жидкость, которой смазывал подпускаемого теленка, после чего давали матери лизать его, чтобы она приняла его за своего. Существовала и другая практика. Из шкуры павшего теленка делали чучело, благодаря чему удавалось на некоторое время доить корову. Калмычки доили и доят коров с правой стороны, а кобылицу — с левой. Во время доения телята привязывались к зэле — прочной веревке, протянутой между двумя колышками, за ошейник, сделанный из витой веревки из конского волоса и овечьей шерсти в смеси с конскими волосами.

Необходимо отметить, что перегонка молока на араку и способы получения большого количества молочных продуктов из бозо, поразительно сходные с калмыцкими, были распространены среди монголов,[16] бурят,[17] тюркоязычных южных алтайцев,[18]

---

[16] Цэвэл. Монголын цагаан идээ. Улаан-баатар, 1959, стр. 3—19; К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики... стр. 201—204.

[17] М. Н. Хангалов. Собрание сочинений, т. I, Улан-Удэ, 1958, стр. 154—157.

[18] Л. П. Потапов. Пища Алтайцев. Этнографический очерк. МАЭ, т. XIV стр. 38—51.

хакасов[19] и тувинцев,[20] что объясняется общностью исторической судьбы и многовековым соседством, а у монгольских народов — их этническим единством.

Широко известный кумыс — напиток, приготовлявшийся из кобыльего молока, не играл большой роли в питании большинства калмыцкого населения. Некоторые семьи изготовляли кумыс часто в лечебных целях. Кумысом, или кобыльим молоком, лечили больных от туберкулеза легких или детей, страдающих бронхиальными и желудочными заболеваниями. Известно, что калмыки доили кобыл не менее трех раз в день. После каждой дойки молоко вливалось в сосуд, в котором находился кумыс. В Калмыкии до революции кумыс употреблялся в летний период в богатых и знатных семьях, особенно буддийскими монахами — гелюнгами ламаистских хурулов. При последних летом существовал целый штат батраков (хурлин цахр), которые занимались доением кобыл и приготовлением кумыса, подаваемого гелюнгам два раза в день.

Способ приготовления как кумыса, так и чигəн совершенно одинаковый, в отличие от коровьего чигəн кумыс называли гүүнə чигəн (кобылий чиген). Закваской для приготовления чигəн как из кобыльего молока, так и коровьего, служил остаток старого чигəнə. Если таковая не сохранилась, то брали немного чигəн у соседей, у которых чигəн сохранился с предыдущего года. Делалось это так: калмык, которому нужен көрң (закваска), ходил к соседу, даже выезжал верхом на дальное расстояние с бортхой или бутылкой, наполненной свежим молоком; по приходу или приезде он отдавал свое молоко хозяйке дома. Последняя, получив бутылку с молоком, переливала его в свою посуду, а в сосуд гостя наливала көрң, из второго отливала немного чигəн обратно, чтобы с закваской не ушло к чужим счастье, благополучие семьи. По возвращении көрң выливалось в большую размером посуду, добавлялось на глазок необходимое количество молока, после чего устанавливалось наблюдение с тем, чтобы обеспечить быстрое брожение. В сосуд, где находился чигəн, вливалось снятое или свежее молоко, иногда несколько раз в день, если происходило сильное брожение. После каждого пополнения молоком чигəн взбалтывался особой мешалкой, которая носила у калмыков наименование бүлүр (рис. 2, 10, 11). Последняя (бүлүр) представляла собой выстроганную ножом или фуганком палку длиной более метра с кругом на одном конце (диаметром 12—15 см), имеющим несколько сквозных (не менее четырех отверстий), или крестовину вместо круга. Чигəн и кумыс приготовлялся в кожаных сосудах (рис. 2, 7) с древнейших времен до конца XIX века, но в начале XX века архад был совершенно вытеснен более гигиеничной и удобной деревянной посудой (чигəнə суулһ), представлявшей собой высокое ведро вышиной более метра с суживавшимся к верху туловом и горлом, закрывавшимся круглой крышкой с ушком для закрытия и открытия, в центре ее просверлено отверстие для бүлүра. Вместимость такого сосуда до 3,5 ведра.

Кумыс является одним из древнейших напитков кочевников Европейской части СССР и Центральной Азии. Согласно сообщению древнегреческого историка Геродота (484—425 до н. э.) еще в V веке до н. э. скифы пили кумыс.[21]

Гунны, установившие свое господство в Центральной Азии и Южной Сибири с III века до н. э. и до начала II века н. э., широко изготовляли сыр, кумыс, пили молоко.[22] В первом тысячелетии нашей эры наряду с мясом питались кумысом и кобыльим молоком тюркские племена и предки нынешних хакасов, известных тогда в китайской литературе под именем Тугю и Хягасов.[23] В конце первого и начале второго тысячелетия нашей эры кумыс был широко распространен в быту монгольских племен.[24] Не может быть никакого сомнения в том, что с начала был открыт способ изготовления кумыса, а затем, в связи с массовым разведением крупного рогатого скота, возникла задача рационального и целесообразного использования коровьего молока, что привело к изготовлению из коровьего молока айрана. Вопрос о происхождении молочной водки впервые ставился в науке академиком Б. Я. Владимирцовым, после него известным советским исследователем Л. П. Потаповым. По их мнению, арака появилась у кочевников Центральной Азии в период, предшествовавший образованию империи Чингис-хана, ко времени существования тюркского каганата (552—745 гг. н. э.), когда установились ранние связи азиатских скотоводов с арабским миром. Исследования указанных выше авторов довольно убедительно доказывают, что идея изобретения молочной водки была позаимствована кочевниками и полукочевниками центральной Азии у арабов, о чем свидетельствует само название этого алкогольного напитка. Тюркское слово «араки» и монгольское слово «араки» (əрк), широко распространившееся во многих странах Востока и Запада, является арабским словом «арак», означающим «испарина»,

[19] А. В. Адрианов. Айран в жизни минусинского инородца. Записки РГО по отделению этнографии, т. XXXIV, Спб, 1909, стр. 489—524; Л. П. Потапов, Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952, стр. 181—182, 195, 207.

[20] Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-тайги и Кара-холя. Труды Тувинской комплексной Археолого-этнографической экспедиции 1957—1958, М.—Л., 1960, стр. 176—181.

[21] Геродот, См. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Журнал «Вестник древней истории» № 2, 1947, стр. 257—258.

[22] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М—Л, 1950, стр. 58, 142.

[23] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений... т. I, стр. 229, 353.

[24] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1 и 2, М.—Л., 1952.

«спарение», «финиковый эксудат». Само изобретение этого опьяняющего средства произошло в среде тюркских и монгольских кочевников великого азиатского материка. Известно, что арабы получали вино из финиковых плодов путем испарения. Этот технический прием был заимствован скотоводами монгольских степей, южной Сибири у арабов, чем и объясняется то, что свою молочную водку, полученную путем испарения, тюрки и монголы назвали арабским термином в его точном техническом значении.[25]

Можно думать, что практика перегонки коровьего молока на араку была известна монгольским племенам еще в период Чингис-хана, о чем свидетельствуют народные предания о запрещении Чингис-ханом изготовления молочной водки, которое бытует среди калмыков до сего времени. Чингис-хан приказал прекратить перегонку молока на араку и уничтожить все оборудование. Повсюду прекратилось выкуривание водки. Только один старик, обнаружить которого не удавалось ни одному чиновнику, продолжал выкуривать «тепленькую». В сопровождении своих приближенных, переодетый в одежду бедного старика Чингис-хан выехал с целью застать упорного нарушителя его приказа врасплох. В степи их пригласили в кибитку изведать цаһан идән (белую пищу). Сам хозяин снял хавхиг, наделил бога разбрызгиванием водки, наполнил ямку в хавхиг в честь Чингиса, после чего сам выпил одну чашку водки, следующую подал самому хану. На вопрос последнего, почему он нарушает ханский приказ, старик отвечал, что им действительно нарушается закон, но сам хан является соучастником выпивки запрещенной араки, так как он наделяется ей в первую очередь. Такой ответ поставил Чингис-хана в затруднительное положение. В конце концов Чингис-богдо отменил свой указ.[26] Однако данная легенда не подтверждается письменными источниками, согласно которым в XIII—XIV веках из коровьего молока изготовлялись только некоторые квашеные продукты, но эти источники совершенно молчат об употреблении араки. Обратимся к фактам. В «Сокровенном сказании» об этом ничего не говорится. Плано Карпини утверждает что «кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также и овечье, верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы».[27] Гильом Рубрук пишет, что, накопив большое количество кобыльего молока, которое пока свежее, так же сладкое, как коровье, они наливают его в большой бурдюк или бутыль... начинают сбивать, молоко начинает кипеть, как новое вино, и окисать или бродить, и они его сбивают до тех пор, пока не извлекут масло. Тогда они пробуют молоко и, если оно надлежаще остро, пьют. Ибо оно при питье щиплет язык так же, как вино с прибавкой свежего винограда, а когда человек перестает пить, оно оставляет на языке вкус миндального молока и доставляет человеку большое удовольствие, слабые же головы даже пьянеют, вызывает оно много мочи. Они делают также для нужд важных господ каракосмос, то есть черный кумыс. В этом случае кобылье молоко не свертывается... Из коровьего молока они сперва извлекают масло и кипятят его, пока оно полностью сварится, а потом прячут его в кожах баранов, которые для этого сберегаются. Хотя они не кладут соли в масло, оно все-таки не подвергается гниению вследствие сильной варки. И они сохраняют его на зиму. Остальное молоко, которое остается после масла, киснет как можно дольше, а затем кипятят его; от кипения оно свертывается. Это свернувшееся молоко они сушат на солнце, и оно становится твердым, как выгарки железа; его они прячут в мешки на зиму. В зимнее время, когда у них не хватает молока, они кладут в бурдюки это кислое и свернувшееся молоко, которое называют гриут, заливают сверху теплой водой, сильно трясут его, пока оно не распустится в воде, которая делается от этого кислой. Эту воду они пьют вместо молока.[28] Примерно такое же сообщение имеется у Марко Поло. Он пишет: «Едят они мясо, молоко, дичь... и пьют кобылье молоко (кумыс)».[29] В другом месте указывается, что «весь почти народ в области Катай (Китай) пьет вот какое вино: приготовляют его из ириса с другими хорошими пряностями, и питье выходит лучше всякого другого вина: и чисто, и вкусно; вино горячее, пьянеешь от него скоро, нежели от другого».[30]

Китайские путешественники сообщают о молочных продуктах, извлекавшихся монголами из молока, но они молчат о выкуривании араки.[31]

Следовательно, в литературных источниках отсутствуют сведения о перегонке коровьего и кобыльего молока на араку. Что касается каракосмоса, то есть черного кумыса, изготовлявшегося, согласно утверждению Г. Рубрука, для господ, можно сказать, точно не выяснено, что представляет каракосмос. В китайских источниках имеется указание, что кипчаки иногда назывались черными кипчаками, потому что они доставляли ко двору монгольского хана Золотой Орды молоко от черных

---

[25] Б. Я. Владимирцов. Арабские слова в монгольском языке. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, Л. 1930, т. 5, стр. 75; Л. П. Потапов. Древний обычай, отражающий первобытно-общинный быт кочевников. «Тюркологический сборник», т. I, М.—Л., 1951, стр. 171.

[26] Материал предоставлен нам известным калмыцким писателем Х. Б. Сян-Белгиным, за что выражаю ему глубокую благодарность.

[27] Плано Карпини. История монголов. «Путешествия в восточные страны», М. 1957, стр. 36.

[28] Гильом Рубрук. Путешествие в восточные страны... стр. 96, 97.

[29] Книга Марко Поло. М., 1956 г., стр. 88.

[30] Книга Марко Поло... стр. 123.

[31] «Краткие сведения о черных татарах» Пэн-Да-я и Сюй-тина... стр. 133—144.

кобылиц.[32] Однако не исключена возможность, что еще в XII—XIVвеках монгольские народности уже знали молочную водку и технику ее изготовления. Но уже в середине XV века, в период возникновения героического калмыцкого эпоса «Джангара», употребление араки получило широкое распространение. Героя поэмы трудно представить в быту без молочной арзы,[33] то есть араки. Во всех песнях сообщается об употреблении богатырями водки.[34]

Эти места повторяются во всех 12 песнях «Джангара». Употребление араки (арзы) объясняется особо развитым скотоводческим хозяйством, в котором ведущую роль играло коневодство. Многие герои поэмы были владельцами огромных табунов лошадей.[35]

Мы можем думать, что перегонка коровьего и кобыльего молока на араку была у ойрат-калмыков массовым явлением в период сложения великого калмыцкого эпоса «Джангар» еще в середине XV века н. э.

Таким образом, на основе использования многовекового опыта своих предков и других кочевников Центральной Азии калмыцкий народ, в первую очередь калмычки, умел извлекать из молока большое количество молочных продуктов, многие из которых относятся к числу высококачественных и очень питательных блюд. Успешно решалась такая важная задача, как консервирование и хранение молочных продуктов в условиях неимоверно жаркого лета. Важно и то, что калмыки умели создавать запасы таких молочных продуктов, которые могли сохраняться в любое время года и в течение многих лет, не теряя своих питательных качеств. Исключительно важным достижением являются массовые навыки калмыцкого народа в изготовлении кумыса, которым успешно пользуется советская медицинская наука для лечения различных болезней, в том числе и туберкулеза легких.

С изменением социально-экономических условий широко внедряются в калмыцкий быт кефир, простокваша, творог, творожные сырки, различные сорта мороженого и другие продукты, вырабатываемые пищевой промышленностью.

Победа социализма в СССР и развитие в Калмыкии современной молочной промышленности создали условия для освобождения калмыцких женщин от изнурительного труда по ведению домашнего хозяйства, связанного с переработкой молока, благодаря чему женщины-калмычки стали активными строителями новой жизни и полноправными участниками строительства коммунистического общества.

[32] Путешествие в восточные страны..., примечание к главе VI. стр. 226.

[33] Арза — дважды перегнанная водка из кумыса или коровьего молока. Калмыки говорят: «Арзас хорз гардг», то есть из арзы получается еще более крепкая водка.

[34] «Джангар». Перевод С. Липкина, М. 1958, песнь 2, стр. 43, 52, 58.

[35] «Джангар»... стр. 78, 81, 83, 106, 129.

III. МЯСНАЯ ПИЩА

Большую роль в питании населения Центральной Азии играло мясо с древнейших времен. Об этом свидетельствуют материалы, добытые археологическими раскопками. В эпохи палеолита, неолита, энеолита главным видом пищи служило мясо диких зверей, которое постепенно вытесняется мясом домашних животных. Уже в XIII веке мясо домашних животных заняло первое место в мясной пище монголов, о чем сообщают Плано Карпини, Гильом Рубрук, Марко Поло, южносунские дипломаты Пэн-Да-я и Сюй-тин.[36]

В XV и в последующих веках мясо становится важнейшим видом пищи ойрат-монголов, так как в период героического эпоса «Джангара» калмыки разводили скот в массовом количестве, и в том числе овец.[37] В последующие периоды в мясном блюде калмыков вплоть до начала коллективизации сельского хозяйства существенных изменений не произошло. Хотя калмыки любят мясо, но в конце XIX и в начале XX века абсолютное большинство населения ело его очень редко, летом мясо употреблялось в семье трудового крестьянина в качестве лакомства.[38]

Наиболее распространенным и любимым мясом у калмыков была баранина, которая (особенно мясо яловых взрослых овец) считалась лекарственной. Бульоном из баранины калмыки лечили некоторые болезни. В связи с этим не безынтересен способ убоя овцы. Последнюю валят спиной вниз, животом вверх. Один мужчина держит задние ноги, а другой держит левой рукой передние ноги животного, а правой при помощи острого ножа делает разрез на животе, чуть ниже грудной клетки. В этот разрез просовывают правую руку, разрывают аорту, в результате наступает быстрая смерть. Хотя очень редко, но практиковалось перерезание горла мелкого рогатого скота. Этот способ резки животных был обязательным в отношении больных овец и коз, кровь которых выпускалась как негодная для употребления в пищу. Необходимо подчеркнуть, что убивание овец и коз путем разрыва аорты было преобладающим в хозяйстве калмыцкого населения. Существует у калмыков определенный порядок разделки туши, согласно которому делается надрез в коленях ног острым концом ножа, обращенного лезвиями вверх, после чего проводится разрез по ноге, то есть от колена к грудной клетке, откуда разрез ведется по брюху, от груди — к шее. После чего отрезаются задние ноги, оттуда разрез ведется к вымени, от которого — до грудной клетки, обратно к хвосту. После этой работы начинается отделение шкуры от мяса при помощи ножа,

[36] Путешествия в восточные страны..., стр. 35, 36, 95, 96, 98; книга Марко Поло... стр. 88; «Краткие сведения о черных татарах»... стр. 139.

[37] «Джангар»... стр. 81, 83.

[38] И. А. Житецкий. Очерки быта астраханских калмыков... стр. 17.

и рук, при этом шкуру держат левой рукой, а зажатую в кулак правую руку проводят под нее. В результате очень легко и быстро отделяется шкура от туши. Затем приступают к потрошению. Сделав разрез в области вымени, отсюда осторожно ведут нож вокруг брюшины, последнюю продевают на плечевую кость, от которой удалена нога, вынимают все внутренности, кровь собирают в корытце или другую посуду. После потрошения вырезают грудину, на которой всегда остается кусочек шкуры с шерстью (керсинг), отделяют плечевой пояс (лопатки, ребра, ключицы и плечевые кости), затем задние ножки, ууц (спинную часть позвоночника с курдюком), в последнюю очередь — шею от головы.

Все части туши животного обычно развешивались в жилище, в кибитке, зацепляя за головки решеток (термин толгасар). Разделка туши производилась и производится в настоящее время ножом, не ломая ни одной кости, не прибегая к помощи топора. Женщина аккуратно и мастерски удаляет из требухи и кишок все содержимое, тщательно промывает в холодной, несколько раз сменяемой воде. После этого из посуды переливают кровь в толстые кишки, в желудок и требуху.

Этот способ умерщвления овец применяется среди монголов, бурят, а также южных алтайцев, хакасов и тувинцев[39], не исповедующих ислам, тогда как среди мусульманских народов исламистское духовенство всячески поддерживало обязательное перерезание горла животного для выпускания черной запретной, или горловой, крови, которая обычно собиралась в ямку, выкопанную в земле у горла скота.[40]

После баранины второе место в мясной пище занимали говядина и конина, а козлятина употреблялась в крестьянском быту очень редко. Значительный интерес представляет способ резки крупного животного. Сваленные при помощи веревок крупный рогатый скот, лошадь и верблюд закалывались большим ножом в затылок между ушами в том месте, где проходит граница между головным и спинным мозгом, в результате, по-видимому, происходит разрыв в центральной части нервной системы, наступает моментальная смерть. Иногда отдельные калмыки наносили животному неожиданные ножевые удары, когда оно стояло спокойно или даже на ходу. Описанные выше способы убивания скота, бытующие у монгольских народов и тюркоязычных народностей Саяно-Алтайского нагорья, являются древнейшими.[41]

Некоторые домашние животные (лошадь, корова, овца)

[39] И. Е. Тугутов. Материальная культура бурят... стр. 148; К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики... стр. 204; Л. П. Потапов. Пища алтайцев МАЭ, т. XIV, стр. 54; его же: Материалы по этнографии тувинцев... стр. 182.

[40] Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 323.

[41] Ср. Л. П. Потапов. Пища алтайцев... стр. 54.

объявлялись в отдельных хозяйствах с помощью буддийских монахов священными;[42] хозяева и их близкие родственники воздерживались от употребления в пищу мяса этих животных, хотя этот запрет и не всегда соблюдался.

Калмыки охотно ели, едят и теперь мясо верблюда и свинину, хотя свиньи мало разводились в хозяйствах кочевого и полукочевого скотовода конца XIX и начала XX века,[43] а также поедалось мясо всех домашних птиц: кур, уток, гусей и других.

Не употреблялись в пищу хищные животные (волк, лиса, хорек и др.) и птицы (орел, филин, ястреб и др., а также и журавль). Употреблялось мясо зайца, сайгака и дикого кабана. Следует подчеркнуть, что мясо птиц и диких животных не играло почти никакой роли в питании калмыцкого населения, но при случае оно использовалось без всякой брезгливости.

Сейчас же после разделки туши животного обычно калмыки варили в большом чугунном котле все внутренности (дотур), в том числе печенки, почки и легкие. Когда мясо сварено, в дом хозяина собиралось все население хотона (группа кибиток), независимо от родства, возраста и национальности, все мужчины, женщины, дети. Отсутствующим выделялась порция вареного мяса, которое уносили члены их семьи. По-видимому, коллективное поедание внутренностей животных является пережитком первобытно-общинного строя, при котором существовали коллективное производство и коллективное потребление.

У калмыков существовали давно сложившиеся традиционные обычаи подачи некоторой части мяса овцы тому или иному лицу. Самой почетной частью считалась голова барана. Предварительно она от нее отделялась, нижняя челюсть и подносилась богу, голову подавали старику и почетным гостям таким образом, чтобы она смотрела мордой к угощаемому человеку, а уши овцы отрезали и отдавали мальчикам.

Второе место после головы по почетности занимала баранья лопатка (дал), которая подавалась старикам или высокоуважаемым гостям—мужчинам. Согласно калмыцкому обычаю гость должен разбить лопатку щелчком указательного и среднего пальцев правой руки, прижимая его между пальцами левой руки. Мужчинам в летах полагалось подавать большеберцовую (шаһа чимген), тазовую (таша) и лучевую кость (боһ чимген), а женщинам старшего возраста — бедренную кость (атхамал чимген), девушкам — грудинку, мальчикам — почки (боор), разрезанное вдоль сердце (зүркен) — девочкам.

Происхождение описанного выше этикета неясно. По-видимому, этот традиционный порядок угощения и поедания бараньей туши отражал древний родовой культ животных, бытовавший у первобытных охотников и превратившийся в классовом

[42] Возможно, что этот обычай связан с добуддийским религиозным представлением монголоязычных и тюркских народов — тотомизмом.

[43] У калмыков в 1841 г. была 281 свинья.

скотоводческом обществе в производственно-бытовую традицию. На это указывают обряды, выполнявшиеся народами Сибири при поедании убитого медведя. Кетские охотники наделяли каждого участника охоты тремя вареными кусками сала, кусочками сердца и печени; подросток съедал при свежевании туши медведя кусочек сердца, обмакнув его в кровь; женщинам при этом запрещалось принимать участие в поедании головы.[44]

Калмыки, как правило, предпочитали свежее мясо, но они знали различные способы сохранения мяса от порчи, особенно в летнее время. В жаркий период года калмыки сушили мясо на солнце; для чего сырое мясо разрезали на тонкие ленты («жгутики» — борцо), мочили в чуть соленой воде или немного подержав в бозо, а затем сушили уже на солнце, вывешивая на веревке. Совершенно высохшее борцо укладывали в толстые мешки из верблюжьей шерсти.[45] В таком виде мясо не теряло свои питательные качества. Этот способ сохранения мяса существовал у монгольских народов еще в XIII веке.[46]

Калмыкам было известно своеобразное копчение мяса в зимних условиях. Состоятельные семьи обычно резали скот в начале зимы, пока он был упитан. Мясо убитого животного поедалось не сразу, часто его сберегали для весеннего питания, когда все зимние запасы истощались и коровы еще не отелились, свежих молочных продуктов еще не было. Лучшие части мяса вывешивали на верхнем круге кибитки (харачи), через который выходил дым из очага, разведенного в центре помещения, прямо на полу.

Из конского мяса отделялись ребра друг от друга с мясом, помещали их в толстые кишки животного, концы которых завязывались, после чего они вывешивались тоже на деревянный круг. Был третий способ сохранения мяса. Оно резалось на куски, удобные для варки, смешивалось с нарезанным чесноком, лавровым листом, гвоздикой, а также с солью. В таком виде оно помещалось в требуху взрослой овцы, конец которой завязывался и вывешивался на харачи, где мясо подвергалось в течение не менее 1,5—2 месяцев копчению и хорошо сохраняло свою питательную ценность.

Теперь целесообразно приступить к описанию основных мясных кушаний. Одним из наиболее распространенных блюд является мясной бульон (шөлүн). В чугунный котел наливалось нужное количество воды, куда клалось нарезанное на небольшие куски мясо (махан), прибавлялась соль. Каких-либо приправ в суп не употреблялось. Только с середины XIX века под влиянием русского населения к супам стали прибавлять небольшое количество картофеля, нарезанного на куски, иногда даже целого,

[44] Е. А. Алексеенко. Культ медведя у кетов. «Советская этнография» № 4, 1960, стр. 96, 97.

[45] И. А. Житецкий. Очерки быта астрахан. калмыков... стр. 16.

[46] Гильом Рубрук. Путешествия в восточные страны... стр. 95, 96.

а также лук и капусту. В настоящее время картофель, лук, капуста, помидоры и другие овощи прочно вошли в быт калмыцкого народа.

Калмыки ели вначале мясо, вынутое из супа, а после мяса пили суп (шөлүн) из чашки, также едят и рыбу. К мясу подавался в отдельной чашечке пересоленный суп и раскрошенный лук (шүүсн), где обмакивали куски мяса. Этот порядок сохраняется и до сих пор, хотя не всегда соблюдается.

Нередко сваренное мясо разрезалось на мелкие кусочки (ишксен махан), приправлялось бульоном и луком. Если мясо было постное, то его поджаривали в масле. Это блюдо подавалось чаще всего старикам, маленьким детям и почетным гостям. Данное кушанье ныне почти вышло из употребления.

Другой разновидностью описанного выше кушанья является көшкелсен махан, который представляет собой вареное мясо, нарезанное на более крупные куски (по сравнению с ишксен махан), заправленные небольшим количеством бульона и рубленым луком. Довольно широкое распространение в быту калмыков имело мясо, нарезанное на мелкие кусочки, к которым прибавляли лапшу из простого теста, изготовленного из муки, преимущественно пшеничной. Это блюдо имело место в бедном и многосемейном крестьянском хозяйстве в целях экономии мяса. Очевидно, оно заимствовано калмыками у русского населения.

Оригинальным блюдом является жареное мясо на сковороде, зарытой в горячей золе. Оно обжаривалось в собственном соку.

Очень вкусным и приятным кушаньем является мясо, приготовленное описываемым ниже способом: резали молодого барана, снимали шкуру, отделяли голову, ножки и внутренности, иногда удаляли кости, очищенную тушу и курдюк нарезали на куски. Всю эти массу вкладывали в хорошо очищенный от пленки и тщательно промытый рубец овцы и завязывали. На мягкой земле делали углубление в 40—50 см согласно размеру приготовленной бараньей требухи. В этой яме разводили огонь для сушки земли. В образовавшуюся золу клали наполненный мясом рубец, равномерно засыпали слоем земли и на ней разводили огонь. По готовности (через одни сутки) вынимали, очищали от золы и съедали его. Целая туша изжаривалась в собственном соку без доступа воздуха. Данное кушанье практиковалось пастухами и, несомненно, относится к числу блюд древнего происхождения.

До недавнего времени калмыки-бедняки употребляли в пищу послед с теленка, который предварительно варили, затем разрезали на мельчайшие кусочки и обжаривали в котле с растопленным маслом или салом, благодаря чему блюдо становилось сочным и вкусным. Данное кушанье приготовлялось весною, когда истощались зимние запасы. Оно имело место у монголов

еще в XIII веке.[47] В настоящее время это блюдо совершенно выпало из пищевого рациона, что объясняется резким улучшением снабжения населения разнообразными и доброкачественными продуктами.

Одним из интересных видов кушаний является колбаса (чиксен махан), приготовляемая из прямых кишок барана (цаhан махан), лошади (китэ) и коровы (кииме). Овечья кишка начинялась тонко нарезанными в жгутики лентами из диафрагмы и сетки животного. Колбаса эта провяливалась на открытом воздухе, а колбаса, сделанная из кишок лошади или коровы, не начинялась, варилась сразу, раздавалась кусками людям старшего возраста. Описанное выше блюдо было одним из почетных, любимых, вкусных и лакомых. Колбаса приготовлялась монголами еще в XIII веке.[48]

Заманчивым видом кушанья было мясо, сваренное в горячем бозо. В котел с бозо погружали целую тушу барана или какое-либо другое мясо. Котел закрывался наглухо крышкой, и мясо варилось, в результате оно все пропитывалось бозо.

Еще в конце XIX века калмычки готовили бөрг из мяса, крошенного на мельчайшие кусочки, которые заворачивали в тонко раскатанное пресное тесто, преимущественно из пшеничной муки, и варили в котле.[49]

Вкусное кушанье приготовлялось из верхней части грудинки, вырезанной с кусочком шкуры и с шерстью. Делалось это так: шерсть палили на огне, хорошо промывали в теплой воде, клали на сковороду, посыпали солью, вливали немного воды и жарили на горячем пепле. Прожаренное мясо разрезалось на ломтики и подавалось присутствующим.

Отдельные русские блюда проникали в питание богатых калмыков, немногочисленной тогда калмыцкой интеллигенции, рабочих и батраков еще в конце XIX века, которые имели возможность общаться с русским населением, а позднее эти навыки распространились среди остальных групп калмыцкого населения. И. А. Житецкий отмечает, что в конце XIX века у богатых и зайсангов, особенно живущих на окраинах, между блюдами можно встретить суп, котлеты, жаркое, но их готовят лишь для приезжих русских. Более всего привились в быт полуцивилизованных богачей русские винные напитки: мадера, портвейн, херес, а русская водка — у всех калмыков.[50]

В настоящее время, наряду с национальными мясными блюдами, широко вошли в калмыцкий быт борщ, щи, супы с рисом, лапшой, вермишелью, макаронами и рожками. Широко используются овощи. Внедрились котлеты, биточки, пельмени по-сибирски, а также узбекский плов, мясо жареное, колбасные изделия и т. п.

Из жировых продуктов калмыки всегда предпочитали сливочное масло, которым заправлялся калмыцкий чай. Топленое масло (хәәлсен тосн) употреблялось реже. Из сала лучшим считалось баранье, а затем конское, верблюжье и свиное сало. В настоящее время каждая калмыцкая семья, живущая в сельской местности, держит свиней, что привело к массовому употреблению свинины и свиного сала. Из растительных жиров употреблялись, хотя и редко, горчичное, подсолнечное, реже — конопляное масло, которое, как правило, покупалось в соседних русских селах, но отдельные калмыки, занимавшиеся земледелием, сеяли горчицу, из которой выжимали масло. Необходимо отметить, что растительные масла употреблялись главным образом в бедняцкой семье, заменяя в ней животное масло.

До проведения коллективизации сельского хозяйства калмыки не разводили кур. Теперь имеются все виды домашних птиц почти в каждой калмыцкой семье, особенно кур, прямым следствием чего является употребление в пищу куриных яиц, из которых калмычки научились изготовлять различные яичные блюда: яичницу-глазунью, яичницу с гарниром, омлеты. Кушают яйца всмятку и вкрутую.

Начиная с конца XVIII века многие калмыки, жившие по берегам Нижней Волги и Северо-Западного Прикаспия, уходили на заработки в соседние астраханские рыбные промыслы и солеломни. Достаточно указать, что в начале XIX века, по официальным данным, на рыбных промыслах работало 3 тысячи калмыков, а в середине этого же столетия число отходников увеличилось до 9 тысяч.[51] Отсюда становится совершенно ясной и роль рыбного стола у значительного количества калмыков. Внимательный русский наблюдатель И. А. Житецкий отмечал, что в приморских и приволжских улусах, где скотоводческое хозяйство в упадке, мясо заменено рыбой, о которой калмыки-степняки не имеют и понятия. Рыбацкое население любит лещей, сазанов и вообще жирные породы рыб.[52]

С развитием советской торговли в степные районы Калмыкии стали поступать рыбные изделия: консервы, икра, шпроты, копченая, соленая, а также мороженая и даже живая рыба, что улучшает питание и делает стол степняка разнообразным.

IV. МУЧНЫЕ И КРУПЯНЫЕ БЛЮДА

Общение с русскими и другими земледельческими народами привело к резкому увеличению роли хлеба и различных мучных изделий в питании калмыцкого народа. Если обратиться к ис-

[47] Плано Карпини. История монгалов... стр. 35.
[48] Гильом Рубрук. Путешествие в восточ. страны... стр. 96.
[49] И. А. Житецкий. Очерки быта астраханских калмыков... стр. 16.
[50] И. А. Житецкий. Очерки быта астраханских калмыков... стр. 16.

[51] Ф .А. Бюлер. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губ. инородцы. «Отечественные записки», 1846, т. XI, VIII, отд. II, стр. 97—98.
[52] И. А. Житецкий. Очерки быта... стр. 16.

тории пищи монгольских народов, то следует отметить, что хлеб и мучные блюда в их питании играли совершенно незначительную роль. Известный путешественник Плано Карпини сообщает, что у монголов хлеба нет, а также нет у них зелени и овощей. «Они также варят просо с водой, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить».[53]

Судя по археологическим материалам и письменным китайским источникам, значение хлеба было более значительным, чем представлялось Плано Карпини. Памятники свидетельствуют о развитии поселений городского типа, о наличии оседлости и занятии земледелием на территории Внешней Монголии как в конце бронзового века, так и во времена гуннов, когда впервые здесь появились укрепленные городища.[54] Китайские письменные источники сообщают, что в 81 году до н. э. гунны пытались построить город и двухэтажные магазины (склады) для хранения хлеба. В другом месте летописные данные указывают на то, что Мочжо-хан (693—71 гг.н. э.) получал от китайцев 10 000 ху проса на посев и 3 000 земледельческих снарядов (орудий).[55] Вне внешнего вала, вокруг огромного уйгурского города Хара-Балгас, расположенного в верхнем течении реки Орхона, в 15 км к северу от монастыря Эрдни-Цзу, археологи обнаружили следы садов и обширных усадеб. В самом городе, а также в окружающем его земледельческом районе почти в каждом доме были ступы и жернова для размола зерна. Около 840 года н. э. город был разрушен енисейскими киргизами.[56] К X—XII векам н. э. относится город Харухаин-Балгас, исследованный известным советским археологом С. В. Киселевым в 1948—1949 годах, около которого оказались сады и следы пашни, расположенной между каналами.[57] Исследования древнемонгольской столицы, города Харахорина, построенного около 1220 года, показали, что он был крупным центром военного производства, ремесла, торговли. Около него были обширные надпойменные участки, орошавшиеся из реки Орхона при помощи каналов, на которых сохранились следы земледелия, лежат молотильные валы и ступы, здесь найдены китайские чугунные плиты, железные кетмени земледельцев.[58] Гильом Рубрук утверждает, что город окружен глиняной стеной, имеет 4 ворота. У восточных — продается пшено и другое зерно.[59] Китайские путешественники Чан-Чунь и Чжан Дэхуэй отмечали, что с начала XIII века на берегах Керулена и Орхона находились ремесленные и земледельческие

[53] Плано Карпини. История монгалов... стр. 35—36.
[54] С. В. Киселев. Древние города Монголии. «Советская археология», 1957, № 2, стр. 91.
[55] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений... стр. 78.
[56] С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 93—95.
[57] С. В. Киселев. Там же, стр. 95—96.
[58] С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 97—101.
[59] Г. Рубрук. Путешествие в восточн. страны... стр. 165.

поселения.[60] Необходимо отметить, что древние города на территории Монголии были редки, скотоводство играло ведущую роль по сравнению с земледелием, но земли, пригодные под посевы, в районах городов обрабатывались; хлеб и другие земледельческие продукты играли, несомненно, несколько большую роль в пищевом рационе населения, чем сообщает об этом Рубрук.[61]

Добровольное вступление калмыцкого народа в состав России, общение с великим русским народом и другими земледельческими народами способствовало тому, что калмыки начали сами заниматься земледелием, особенно в Хошутовском, Малодербетовском и Большедербетовском улусах. Калмыки сеяли пшеницу, рожь, просо, гречиху и овес.[62] В конце XIX и в начале XX века хлебные злаки (рожь, пшеница и др.) становятся одним из главных питательных продуктов калмыков. Вся растительная пища употреблялась, как правило, в печеном или вареном виде.

Из муки пекли пресные лепешки (һуйр). Калмычки месили для них тесто на воде с солью или на воде с добавлением молока, сметаны, масла и жиров; лепешке придавали округлоовальную форму, зарывали ее в горячую золу. Уже в середине XIX века лепешки пеклись в сковородах.[63] В случае отсутствия сковороды их пекли прямо в золе. Этот способ печения пресных лепешек отмечен также у южных алтайцев,[64] монголов, бурят, тувинцев и башкир.[65] Необходимо отметить, что в условиях единоличных крестьянских хозяйств употреблялся главным образом хлеб ржаной, особенно в тех районах, где не занимались земледелием.

Пшеничный хлеб даже крестьянского помола был доступен немногим, являлся роскошью для абсолютного большинства семей. В настоящее время калмыки едят хлеб и хлебные изделия, приготовленные в общественных пекарнях и на хлебозаводах. Там, где не налажена общественная выпечка хлеба, калмычки успешно выпекают хлеб из кислого теста муки первого сорта. Теперь хлеб стал постоянным элементом питания калмыцких семей.

Если нет готовой лепешки, то практиковалось изготовление цельвига из пресного теста, особенно тогда, когда нужно было быстро изготовить, например, для отправляющегося на работу

[60] Цитировано по работе Х. Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии. «Советская археология», № 3, 1957, стр. 49.
[61] Г. Рубрук. Путешествие в восточ. страны... стр. 35—36.
[62] А. Попов. Краткие замечания о приволжских калмыках, Спб, 1838, стр. 31—32; Ф. А. Бюлер. Указ. соч., стр. 89—91.
[63] П. Небольсин. Очерки быта калмыков Хошутовского улуса... стр. 47.
[64] Л. П. Потапов. Пища алтайцев... стр. 60.
[65] С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 126, 127; И. Е. Тугутов. Материальная культура бурят... стр. 158; К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики... стр. 206; Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев... стр. 191.

или заезжего гостя. Цельвиг — это нечто среднее между русскими блинами и лепешкой. Он отличался от лепешки своей тонкостью и варился в котле вместе с калмыцким чаем; цельвиг обычно подавался вместе с калмыцким чаем и мог быть съеден с маслом и без последнего. В настоящее время цельвиг совершенно выпал из употребления.

Большим распространением пользовался борцог, который изготовлялся в различных формах: 1) цельвиг (рис. 3, 6) — мучное изделие овальнокруглой формы диаметром 7—12 см, толщиной менее одного см; 2) тоһош — изделие, близкое по форме к баранке (рис. 3, 5); 3) хорха борцог, который изготовлялся из круглых в сечении жгутиков, разрезанных на мелкие катышки, но с обрезанными торцами (рис. 3, 11); 4) тасламар — это небольшие плоские кусочки (кружочки), отрываемые руками от жгутов и раздавленные между пальцами (рис. 3, 10); 5) во время проведения весеннего праздника Цаган-Сара или перед поездкой в гости готовили борцог — тоһош (рис. 3, 5), хуца (рис. 3, 2), (баран), китэ (рис. 3, 1, 7), шовгор (рис. 3, 8), мошкмур (рис. 3, 3), җола (җола) (рис. 3, 4). В северных сельсоветах Малодербетовского улуса делали борцог в виде птиц (рис. 3, 9).

Мы хотели обратить внимание читателей на то, что среди различных форм борцога встречаются такие, которые изображают кишки животных (җола, мошкмур); китэ — это вывернутая после очистки наизнанку толстая кишка лошади, в результате жировой покров, какой образовался на ее поверхности, попадает внутрь и образует своеобразную начинку. Этот вид борцога делался и делается в виде браслета, и наружная поверхность украшается нарезной решеткой, нанесенной лезвием ножа, что напоминает естественную поверхность конской кишки. Китэ подается в вареном виде старикам, в крайнем случае людям пожилым. Хуца (баран) — тот же цельвиг округло-овальной формы, на одном из краев его изображается прямо направленная вперед голова на короткой шее спокойно лежащего барана со схематично сделанными изогнутыми рогами — все это верно передает общее очертание одного из характернейших животных, разводимых калмыцким народом. Как было упомянуто, часто лошадь и баран у калмыков выступали в качестве священных животных.

Описанные выше схематизированные фигурки и изображения органов животных и птиц нельзя считать случайными. По-видимому, они использовались в ритуальных целях. На такое соображение толкает то, что в состав борцога, которым в первую очередь наделяются буддийские божества, обязательно входят хуца (баран), китэ, цельвиг, шовгор, мошкмур, җола и тоһош (витушки). Их брали с собой, когда калмыки отправлялись в гости. Хуца и цельвиг подавались людям пожилого возраста, детям.

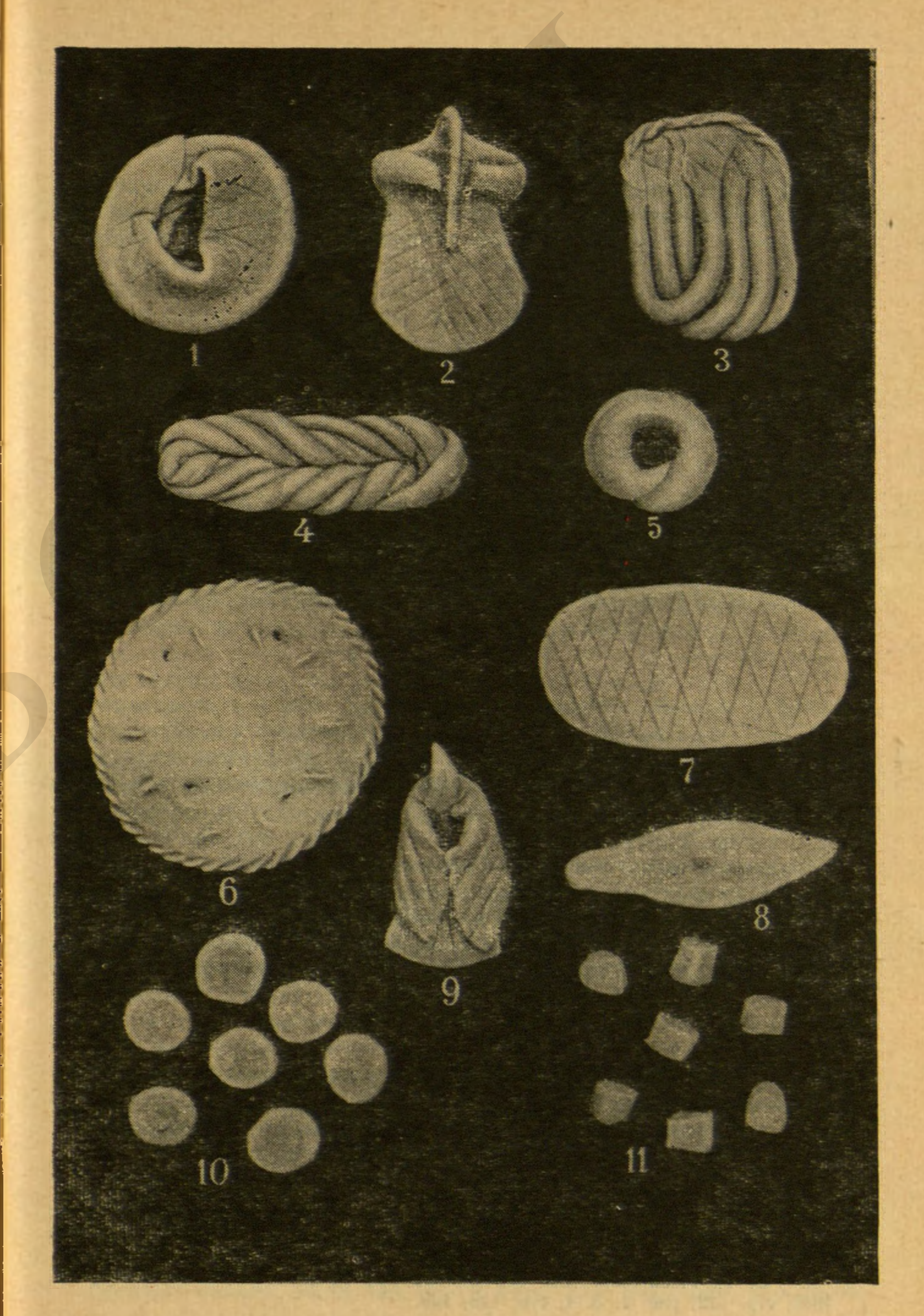


Рис. 3. Борцог — мучные изделия.

Фигурки спокойно лежащих оленей, безрогих косуль, баранов, лошадей и птиц встречаются среди материалов, обнаруженных при раскопках археологических памятников Южной Сибири, Центральной Азии и Северного Китая. Они изготовлялись из разнообразных материалов: дерева, кости, бронзы, глины, железа, камня. Изображения лежащих баранов, появившиеся еще в тагарское время, получили широкое распространение в древностях Ханьского Китая,[66] долина реки Ордоса[67] и Хакасско-Минусинской котловины[68] и продолжали бытовать в искусстве VII—X веков н. э.[69]

По-видимому, установившаяся еще в гунно-сарматскую эпоху традиция сохранилась в некоторых формах калмыцкого борцога (жола, мошкмур, китэ, хуца и т. д.), как пережиток культа животных, который возник в эпоху первобытно-общинного строя. Все эти формы борцога (мучного изделия) изготовлялись из крутого пресного теста преимущественно из пшеничной муки, теперь их делают из кислого теста; они варились в масле, животном сале или растительном масле, как правило, в котле. Борцог употреблялся редко, в виде роскоши, и относился к числу любимых кушаний и часто служил угощением для гостей. Он подавался к чаю. В настоящее время описанное мучное изделие встречается сравнительно редко. Его изготовление требует много времени, а подавляющее большинство женщин занято производительным трудом.

Довольно широкое распространение в быту калмыков имело блюдо, известное под названием булмуг. Изготовляли его так: на дне горячего котла растапливали сливочное масло, сметану, сливки, животное сало и другие жиры, куда руками подсыпали главным образом пшеничную муку, сопровождая беспрерывным помешиванием при помощи ложки, добавляя чуть соленую воду, чтобы булмуг был жиже, в результате получалось крутое заваренное тесто, очень питательное блюдо.

Будан был одним из распространенных кушаний, главным образом бедняков, особенно в осеннее и зимнее время. При приготовлении его в котлах кипятили молоко, разбавленное водой, куда подсыпалась мука преимущественно пшеничная, в крайнем случае ржаная, при этом непрерывно помешивали шангой (уполовником). Часто сюда клали мелко нарезанное мясо, шүүрмег, заправляли маслом или животным салом. В результате получалась слегка подсоленная жидкая каша на мясном отваре. В свя-

---

[66] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири № 9, МИА, М.—Л., стр. 245; Л. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 94.

[67] F. I.Strahlenberg. Das Nord — und Östlische Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, том XXI.

[68] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири... стр. 236, табл. XXXVI, 5, стр. 241; табл. XXXVIII, I, стр. 245. Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха... стр 92, рис. 33, 10—12, стр. 94—95.

[69] В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. № 24, МИА, М., 1952, стр. 122, рис. 1, 3, 4, стр. 128, 129.

зи с появлением достаточного количества картофеля и различных видов круп будан совсем вытеснен из меню.

В конце XIX и начале XX века большое распространение среди калмыков получили различные сорта каш, особенно пшенная, быстро внедрились в быт калмыцкого народа каши рисовая, манная, гречневая, которые изготовляются в молоке, разбавленном небольшим количеством воды, и заправляются сливочным или топленым маслом, животным салом.

Пища, изготовляемая из диких растений, не играла сколько-нибудь существенной роли в питании калмыцкого народа, хотя он употреблял в пищу значительное количество дикорастущих растений, о чем можно судить по материалам этнографа Павла Небольсина, посетившего кочевья Хошутовского улуса и Оренбургского Казачьего войска в 1850—1851 годах. Согласно его сообщению калмыки собирали следующие дикорастущие растения: выкапывали на займищах дикий или свиной орех (бодонцук), сушили его. В августе и сентябре на пересохших займищах шестами выкапывали осоку (алцонхо), пекли ее в горячей золе, растирая в деревянной ступе, замешивали в чае, приготовляли вкусное кушанье в виде теста. Дикий лук (җагамал) варился с мясом и употреблялся вместе с последним.

По всей степи Калмыкии в изобилии растет суркул — растение, сходное с просом; у него продолговатые и несколько приплюснутые зерна. Женщины жали его, собирали в кожаный мешок (уут), молотили палками и нагайками, шелуха провеивалась на ветру. Чистое зерно слегка поджаривалось в котле и съедалось со сливочным маслом, бараньим салом.

В степи встречается мокун—корень, который прежде выкапывали и очищали от коры и жевали. Растение, которое носит название «зеергене», служило для приготовления искусственного меда (бал). Калмыки собирали эту мелкую ягоду красного цвета, варили ее в котле, куда подливалось немного воды, и смазывали бараньим салом. Эта смесь остужалась, затем вынимали ее и клали в бараний мешок, то есть заготовлялось впрок.

Использовалась луковица (булук), которая запекалась в горячей золе очага и употреблялась в качестве приправ к будану.

Собирались ягоды, корни шиповника, конский щавель (темәнә чикән) и дикие ежевики (боольджинерг), сушили их кусочками и разваривали в воде вместо чая.

Все это показывает, что калмыки проявляли большую изобретательность и умение в деле использования богатых витаминами дикорастущих растений, а также знание полезных для человека съедобных растений и корней.

Как правило, калмыки кушали три раза в день: калмычки вставали очень рано, едва забрезжит в кибитке свет утренней зари, доили коров, варили калмыцкий чай, пили его в 6—7 часов утра с пресной лепешкой (урун ця). Пожилые люди, особенно в богатых семьях, пили чай (үрүн үдин цә); очевидно, это проис-

ходило в 10—12 часов. В обед (үдин хото) у подавляющего большинства калмыцких семей повторялось меню завтрака; в зажиточных семьях ели мясо. Ужин (асхан хото) состоял в бедной семье из чая с лепешкой для стариков, из пшенной каши, будана, хоормег — для младших по возрасту членов семьи, а в зажиточных семьях ели махан, взрослые запивали чаем.

Калмыки кушали сидя на полу, вокруг очага, поджав левую ногу под себя, а правая же, будучи согнутой в колене, служила опорой правому локтю. Для старших или почетных гостей, особенно для представителей духовенства, постилались ширдег (стеганные из двух или более слоев белые кошмы), войлочные половики. Перед и после еды присутствовавший старший или буддийский монах читал вслух или про себя какую-то молитву или выражал благопожелание. Чай и суп подавала хозяйка, а распределением мясных кушаний ведал сам хозяин. Все это ушло в прошлое. Теперь все калмыцкие семьи кушают за столом, а режим приема пищи такой же, какой принят в любой советской семье.

В заключение необходимо сказать, что к национальным калмыцким кушаньям, связанным с кочевым бытом, несомненно, относятся калмыцкий чай, многие мясные блюда, в том числе (шөлүн) бульон из-под вареного мяса, до двадцати наименований молочных продуктов. К числу национальных блюд следует отнести различные виды борцога, хотя слово «борцог» находит себе аналогию в казахском слове «баурсак»[70] и в татарском—«бавырсак».[71] У казахов баурсаки поразительно сходны с калмыцким борцогом, чего нельзя сказать в отношении татарского бавырсака, который представляет собой шарики теста, поджаренные в котле с маслом или салом.[72]

В процессе общения калмыков с великим русским народом и другими земледельческими народами СССР калмыцким народом заимствованы многие кушанья, к числу которых относятся супы с картофелем, рисом, борщ, щи, котлеты, биточки, пельмени, различные яичные блюда и т. д. Все это свидетельствует о процессе сближения пищи калмыцкого населения с городской. Несомненно, великим социальным завоеванием Октябрьской социалистической революции являются ликвидация резкой разницы в питании различных социальных групп, общее улучшение материального положения народа и исчезновение известного однообразия калмыцких блюд. Но некоторые кушанья (калмыцкий чай, супы из-под мяса, борцог и т. д.) сохранились до сих пор.

---

[70] Россия. Полное описание нашего отечества, т. XIX, Спб, 1913, стр. 494—495.

[71] Н. И. Воробьев. Казанские татары... стр. 334.

[72] Н. И. Воробьев. Казанские татары... стр. 334.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

Записки　　Вып. 2　　1962 г.

Н. Ш. ТАШНИНОВ

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКОМ УЛУСЕ

Специальной работы по истории народного образования в Большедербетовском улусе нет, если не считать статью С. Фарфоровского, в которой этот вопрос освещен весьма сжато.

В настоящей статье преследуется цель — показать борьбу калмыков Большедербетовского улуса за школьное образование в период с 1860 года до Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1860 году калмыки Большедербетовского улуса в составе 8 аймаков (Абганеровского, Бурульского, Будульчинеровского, Цоросовского, Тугтуновского, Хаджинкиновского и Чоносовского) с общим количеством населения в 6 272 человека были подчинены Ставропольской губернии.С севера по реке Маныч он граничил с землею Войска Донского, с востока — с Благодарненским, с юга и запада — с Медвеженским уездами Ставрополья. Территория улуса в 1915 году составляла 286 490 гектаров земли. Эти земли распределялись между различными слоями населения следующим образом: душевой надел аймачных обществ — 209 236 га, надел зайсангов — 8 374 га, надел хурулов—3 765 га, участок для крещеных калмыков в поселке Михайловском составил 7 744 га и запасной фонд земли был равен 57 371 га.[1]

Характеризуя состояние начального обучения в своем отчете, улусное управление за 1860 год указывало, что «особых училищ в улусе нет, а обучаются монгольской грамоте при калмыцких хурулах 76 мальчиков».[2]

По ходатайству калмыков Большедербетовского улуса ставропольский губернатор в 1862 году разрешил открыть одно училище начальной грамоты на 10 учеников в селе Ивановке,

---

[1] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2360, л. 12—15.

[2] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 40, л. 5.

административном центре управления улусом. На его содержание было утверждено 470 рублей в год из калмыцкого общественного капитала. Этих средств было явно недостаточно. Вот почему вскоре после открытия этого училища попечитель Большедербетовского улуса в своем донесении от 19 декабря 1866 года главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии просил ассигновать 945 рублей в год на удовлетворение следующих расходов:

1) учителю русского языка и арифметики	—150 руб.
2) учителю калмыцкого языка	—125 руб.
3) на пищу ученикам по 23 руб.	—230 руб.
4) на одежду, обувь и постель по 14 руб.	—140 руб.
5) на мебель, посуду и учебные пособия	— 40 руб.
6) на отопление, освещение	—100 руб.
7) на наем служителей	—140 руб.
8) на стирку белья	— 20 руб.
	Всего—945 руб.[3]

Следовательно, минимальная потребность на содержание единственной улусной школы грамоты превышала утвержденную сумму на 475 рублей, то есть в 2 раза. По этой причине она влачила жалкое существование, даже не имела штатного учителя. Эту обязанность добровольно и бесплатно исполнял священник села Ивановки Антоний Сократов, который писал, что «училище книжно просвещается. Ведь на уроках надо с детьми рассуждать, а мы друг друга не понимаем. Дело плохое. Но как исправить? Конечно, надо выучить мальчиков говорить по-русски. А как это сделать? Я нахожу полезным соединить учащихся Сандатинской (русской) школы с калмыцкой. Польза от этого будет и для тех и для других. При совместной жизни ученики скорее будут говорить по-русски, следовательно, им скорее можно давать уроки, какие вы думаете, — исторические, арифметические, ветеринарные и другие».[4]

Из приведенных документов видно, что преподавание находилось на крайне низком уровне и велось без учета национальных особенностей состава учащихся. Отсюда «училище книжно просвещалось», а ученики и учителя друг друга не понимали. Таким образом, и материальное обеспечение училища, и качество обучения достаточно ярко свидетельствуют о политике русского царизма в области народного образования среди калмыков.

В 1868 году были утверждены такие статьи расходов:

1) на пищу ученикам	—240 руб.
2) на одежду, обувь, постель	—140 руб.
3) на учебные пособия, посуду	— 15 руб.
4) на наем служителя	— 60 руб.

[3] ГАСК, ф. 243, оп. 2, д. 200, л. 14.
[4] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 220, л. 17.

5) на освещение, отопление	— 10 руб.
6) на стирку белья	— 5 руб.
7) на приобретение теплой одежды	—120 руб.
8) священнику Сократову, за безвозмездные им занятия в улусной школе в течение 1866 и 1867 годов дать вознаграждение	—100 руб.
	Всего 590 руб.

Фактически же из калмыцкого общественного капитала Большедербетовского улуса губернатор разрешил ассигновать только 470 руб. в год.

Только 15 февраля 1872 года, то есть через 10 лет после официального разрешения об открытии школы, ставропольский губернатор утвердил должность учителя с жалованием 84 руб., и должность помощника учителя — 36 руб. в год. Учителем был назначен по совместительству учитель Ивановской сельской школы Миронов, его помощником — ученик улусной школы Окон Санджиев, который должен был помогать «при обучении калмычат».[5]

Учебной программы школа по-прежнему не имела. Все зависело от знания, опыта и прилежания учителя. И все же, несмотря на явно неудовлетворительное состояние обучения и нежелание губернских властей развивать среди калмыков просвещение, стремление калмыков к образованию своих детей было очень большое. Так, в 1888 году калмыки Икитугтуновского, Цохоровского, Икичоносовского и других аймаков обратились к попечителю Большедербетовского улуса с просьбой о принятии их детей в улусную школу на обучение.[6] Это ходатайство калмыков не было удовлетворено. Дети калмыков, которым удавалось поступить в школу, с большим интересом относились к учебе. Об этом, в частности, свидетельствует акт инспектора народных училищ Ставропольской губернии М. Краснова от 20 марта 1890 года, где указывается, что «по успехам калмыцкое училище не отстает от школ, имеющих чисто русский контингент учащихся: дети свободно читают по-русски, вполне выразительно и осмысленно произносят читаемое, соблюдая везде правильное ударение, паузу, давая объяснение отдельным словам без всякого затруднения. Что касается до арифметики, то ученики калмыки поразили меня своими блестящими успехами в этом предмете. Я предлагал одну и ту же задачу в русском и калмыцком классах. В русских школах или совсем не решили, или решали медленно и не всегда верно. В калмыцкой школе решали быстро и безошибочно.[7]

[5] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 220, л. 35.
[6] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 220, л. 50.
[7] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1183, л. 16—17.

В конце XIX века епархиальный комитет Ставропольской губернии с целью усиления религиозного воспитания и вовлечения калмыков в христианство поднял вопрос о передаче улусных школ из ведения Министерства народного просвещения в ведение православного духовенства. По этому поводу попечитель Большедербетовского улуса в своем рапорте от 14 августа 1896 года главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии писал, что «калмыки Большедербетовского улуса решили открыть четыре начальные школы и одно двухклассное училище с пансионом при нем на 20 сирот. На строительство школьных зданий ассигновали 10 956 рублей из калмыцкого общественного капитала и выделяют по 3 655 рублей ежегодно на содержание этих школ».

Улусный попечитель вынужден был признаться, что такое щедрое ассигнование общественных средств на дело народного образования является доказательством сознательного стремления калмыков к просвещению. Одновременно улусный попечитель докладывал главному приставу Ставропольской губернии о том, что калмыки резко отрицательно относятся к церковно-приходской школе, и поэтому нельзя именовать калмыцкую улусную школу церковно-приходской и подчинять его епархиальному комитету.

По мнению улусного попечителя, миссию православного духовенства в калмыцкой школе по усилению православного религиозного воспитания калмыцких детей может выполнить преданный православной церкви русский учитель.

Ставропольский епископ Агафодор взял под сомнение рапорт попечителя Большедербетовского улуса об отрицательном отношении калмыков к церковно-приходской школе и поручил своим тайным наблюдателям среди калмыков проверить это дело на месте.

Один из агентов епископа священник П. Осецкий сообщал, что приходится считаться с прискорбным явлением тайной агитации против церковно-приходской школы в Башанте со стороны интеллигентных калмыков. По этому же вопросу училищный совет Медвеженского епархального отделения от 18 мая 1898 года сообщал ставропольскому епископу о том, что «если агитации против миссионерской школы не будет положено предела, то духовная школа в Большедербетовском улусе не может иметь прочного существования и производить на калмыков желательное благотворное влияние».

На основании сообщения своих доверенных лиц ставропольский епископ Агафодор в письме к губернатору от 24 июня 1898 года вынужден был сообщить следующее: «С глубокой душевной болью я распорядился о закрытии братской школы в Башанте». Попытка Ставропольской епархии создать церковно-приходскую школу среди калмыков Большедербетовского улуса не увенчалась успехом.

Отвергая церковно-приходскую школу, в то же время калмыки Багабурульского, Бюдермисовского, Багатугтуновского и Икичоноосовского аймаков в 1896 году обратились к ставропольскому губернатору за разрешением построить здания для начальных школ с правом содержать их на средства общественности. Этот вопрос разрешался только высшими инстанциями царского правительства. Поэтому ходатайство калмыцких аймаков было направлено министру земледелия и государственных имуществ А. Ермолову. Последний в письме ставропольскому губернатору от 20 апреля 1897 года сообщал о «царском соизволении» открыть в Большедербетовском улусе четыре родовые школы для первоначального обучения грамоте и двухклассное улусное училище в урочище Башанта. Для чего предлагалось отчислить из родовых средств калмыков означенных четырех родов единовременно: 2 900 руб. на постройку и обзаведение четырех родовых школ и 8 000 рублей на возведение здания двухклассного училища и двух квартир для учителей; отпускать из тех же средств ежегодно на содержание четырех школ и учителей 1 200 рублей и улусного училища — 1 740 рублей.[8]

Остальные калмыцкие аймачные общества также возбуждали ходатайства об открытии начальных школ, но царское правительство всячески препятствовало этому.

Характеризуя реакционную политику русского царизма в Калмыкии, В. И. Ленин говорил, что «вам запрещали обучаться, печатать книги на родном языке. Вас намеренно держали в темноте для того, чтобы легче было угнетать».[9]

Калмыки не только не имели права без согласия на то царя открыть начальную школу, но даже не имели права без разрешения улусного попечителя и правления созывать аймачного схода. Так, например, в 1899 году калмыки Хаджинкиновского аймака обратились к попечителю Большедербетовского улуса за разрешением о созыве аймачного схода для обсуждения вопроса о постройке школы грамоты за счет общественных средств. Разрешение последовало только осенью 1904 года, то есть спустя пять лет. Но к этому времени, вопреки воле попечителя, школьное здание было уже построено и оборудовано на средства аймачной общественности.[10]

С. Фарфоровский в статье «Народное образование среди калмыков Большедербетовского улуса в связи с их бытом и историей» писал: «...вопрос о народном просвещении возникает с 70-х годов XIX века. Нужда в переводчиках-калмыках со стороны администрации была очень велика. Пробовали было под-

---

[8] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1383.

[9] В. И. Ленин. Воззвание к калмыцкому народу, сб. документов «К истории образования автономной области калмыцкого народа», г. Элиста, 1960, стр. 58.

[10] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1770, л. 171.

готовить для этих целей русских, но опыт не удался. Тогда открывают училища для калмыков. Школы были поставлены плохо, некоторые существовали только в отчетах, учителя были очень плохи по своей подготовке и не получили образования сами. Сам закон («Положение» от 1847 года), регулировавший жизнь калмыков, забыл о народном образовании.[11]

Подъем революционного движения 1905—1907 годов заставил царское правительство пойти на некоторые уступки в школьном деле. Ставропольский губернатор вынужден был разрешить финансирование строительства школьных зданий в Башанте, втором Багатугтуне, Будульчинере и Абганерово-Гаханкине. К началу 1907/08 учебного года были построены и оборудованы здание двухклассного училища в Башанте, здания начальных одноклассных школ в Абганерово-Гаханкине, втором Багатугтуне, Будульчинере.[12]

О значении революции 1905 года в развитии движения народных масс за просвещение В. И. Ленин писал, что «пятый год, год великого пробуждения народных масс в России, год великой народной борьбы за свободу под руководством пролетариата, этот год заставил даже наше казенное ведомство сдвинуться с мертвой точки».[13]

До 1905 года имеющиеся в улусе четыре начальные школы занимались в зданиях, построенных аймачными обществами хозяйственным способом, без соблюдения типового проекта. Обещания главного попечителя кочующих народов Ставропольской губернии о строительстве зданий для начальных школ в калмыцких аймаках оставались на бумаге.

Абсолютное большинство детей калмыков лишалось школьного образования. По существу начальные школы начали открываться с 1907 года. Строительство Башантинской улусной двухклассной школы стоимостью в 58 840 руб. было закончено в 1907 году. В ней обучались 43 мальчика. Всего за 1906—1915 годы в улусе было построено зданий на общую сумму 209 202 руб. 67 коп.[14] Школьные здания были построены из саманного кирпича, ошелеваны досками: редко встречались деревянные, обложенные жжеными кирпичами, крытые железом, с квартирами для учителей и служебными помещениями.

Царское правительство ни копейки не отпускало на содержание начальных школ улуса. Из улусного общественного капитала за время с 1908 по 1915 год на содержание Башантинской двухклассной школы было израсходовано 92 417 руб., на содержание 14 аймачных и одной церковно-приходской школ с 1906 по 1915 год — 190 757 руб., в среднем по 1 270 руб. в год на каждую начальную школу.

[11] Жур. МНП, 1909 г., кн. IX, стр. 215.
[12] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1860, л. 95.
[13] В. И. Ленин, соч. т. 19, стр. 113, изд. 4.
[14] ГАСК, ф. 249. оп. 2, д. 2448, л. 147.

Здания начальных одноклассных школ были построены:

Наименование населенного пункта	Год окончан. стр-ва	Стоимость здания
Во втором Икитугтуновском аймаке	1907	7750—00
Во втором Багатугтуновском	1907	7907—40
В Абганерово-Гаханском аймаке	1907	7750—00
В Будульчинеровском аймаке	1907	8028—47
В Багабурульском аймаке	1910	8589—93
В Бюдермисовском аймаке	1910	7550—00
В Абганеровском аймаке	1910	7287—00
В Икичоносовском аймаке	1911	43314—84
В первом Икитугтуновском аймаке	1912	9010—00
Двухкласная школа в Михайловском	1913	12161—97
Двухкомплектная школа в Цоросе	1915	33012—41

Аймачные общества не имели права самостоятельно распоряжаться общественными средствами. На общественные нужды, как-то: строительство школьных зданий и других общественных сооружений, устройство плотин, прудов и колодцев, жалованье учителям и другие расходы — аймачные общества могли получить деньги из кассы улусного управления только с разрешения улусного попечителя. В фонд улусного управления, помимо доходов от земли, также поступали военный налог и кибиточная подать с калмыков Большедербетовского улуса. Только за 1915 год было собрано с калмыков улуса 10 120 руб. 50 коп. военного налога и 20 760 руб. кибиточной подати. Если учесть, что в Большедербетовском улусе в 1915 году было всего 10 865 человек,[15] то налоговая тяжесть для калмыков была исключительно большая. Таким образом, в общий фонд улусного и аймачных капиталов ежегодно поступали большие денежные суммы, которыми бесконтрольно распоряжался улусный попечитель, а на дело народного образования, как видели,— мизерные средства.

Все начальные калмыцкие школы учреждались на основании правил о начальных училищах для инородцев.

Калмыцкие аймачные школы в учебной работе руководствовались учебным планом, утвержденным министерством просвещения для всех инородческих школ:

[15] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2290, л. 38.

№ по пор.	Учебные предметы	В одноклассном училище		В двух-классном училище
		1-й отдел	2-й отдел	3-й отдел
1	Закон божий или соответствующее вероучение	4	4	4
2	Русский язык	12	12	10
3	Родной язык	6	6	4
4	Арифметика	6		4
5	Пение	2	6	1
6	Русская история	—	2	2
7	География и естествознание	—	—	3
8	Черчение и геометрические сведения	—	—	2
		30 ч.	30 ч.	30 ч.[16]

Основным типом начальной школы в Большедербетовском улусе, как и в других калмыцких улусах, была одноклассная школа. Двухлассные школы открывались в улусных центрах. Обучение велось русскими учителями на русском языке. Большинство школ было укомплектовано неквалифицированными преподавателями. Так, например, директор народных училищ Ставропольской губернии А. Одоев, посетивший 24 сентября 1913 года Башантинскую школу, пишет, что заведующий школой Е. Л. Касторный не приспособился к работе в калмыцкой школе, его вопросы к ученикам многословны и сложны. Учитель русского языка А. Н. Бондаренко упускает главные вопросы содержания урока, не приучает учеников приводить доказательства. Учитель Я. Я. Восс плохо преподает историю, сам ясно не представляет, что он рассказывает; арифметику он преподает нетолково, путает учеников бесконечными вопросами.[17]. Эти замечания достаточно ярко характеризуют уровень преподавания и методическую квалификацию учителей школ Большедербетовского улуса. Однако никакие организационные меры по улучшению состава учителей и по повышению их квалификации не были приняты.

Об этом свидетельствует и докладная записка инспектора народных училищ Ставропольской губернии Б. Петрова, посетившего школы Большедербетовского улуса в 1913 году, в которой отмечалось: 1) учителя мало обращают внимания на развитие речи учеников, 2) не вырабатываются у учащихся навыки в составлении плана для устного пересказа, 3) встречается нечеткое и бессистемное объяснение урока учителем,

[16] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2253, л. 157.
[17] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2253, л. 222.

4) не проявляется учителями энергия и настойчивость в достижении лучших результатов по учебной работе.[18]

В 1907 году царским правительством было утверждено «Положение о попечительствах при начальных школах». Попечители обязаны были заботиться о благоустройстве школ и улучшении материального положения учителей и учащихся. Большедербетовское общество «Образование», возглавляемое калмыком второго Икитугтуновского аймака Андрэ Михайловым, 10 мая 1910 года возбудило ходатайство перед улусным попечителем об учреждении при Башантинской двухклассной школе попечительства из 6 грамотных калмыков, избранных улусным сходом общества. В ходатайстве указывалось, что попечительство при Башантинской школе вызывается необходимостью устранения беспорядков в школе: глумления над учащимися и избиения их, пресечения бегства детей из школ, устранения беспризорности и в целях улучшения материального положения школы.[19]

Характерно, что при наличии официального положения о попечительствах при начальных школах попечитель Большедербетовского улуса в своем секретном донесении главному попечителю кочующих народов Ставропольской губернии 26 ноября 1910 года писал, что учреждение попечительства при Башантинской школе будет бесцельным и нежелательным.[20] Улусный и губернский попечители были обеспокоены тем, что учебно-воспитательная работа Башантинской школы в случае учреждения попечительства может оказаться под влиянием представителей калмыцкой общественности. Поэтому в ходатайстве обществу «Образование» было отказано.

Представители царской власти всячески препятствовали укомплектованию калмыцких школ учителями калмыками. В 1909 году на улусном сходе обсуждался вопрос о преподавании в школах калмыцкой грамоты и о подготовке учителей калмыцкого языка из числа калмыков. Практическое осуществление этого вопроса затянулось. Только в 1914 году из Большедербетовского улуса было послано 12 человек в г. Петроград для изучения грамматики и методики преподавания калмыцкого языка на частных курсах при Восточном факультете Петроградского университета. В 1915 году все 12 курсантов получили свидетельства об окончании учительских курсов. Среди них были Николай Доржин, Босха Задамов, Бадма Абрамов, Николай Бадмаев, Михаил Кулешов, Нука Митров, Бадма Доржинов, Эмгя Халявкин и другие. Преподавателями курсов, во главе с профессором В. Котвичем, были составлены букварь и грамматика калмыцкого разговорного языка на зая-пандитской письменности. Если калмыцкая общественность

[18] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2253, л. 85—89.
[19] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2007, л. 1.
[20] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2007, л. 12.

Большедербетовского улуса и прогрессивные деятели русской научной общественности занимались конкретными делами по подготовке учителей и введения родного языка в учебный план калмыцких начальных школ, то так называемые «попечители» калмыцких улусов резко отрицательно высказывались по этому вопросу. Вопреки Правилам о начальных школах для инородцев, где предусматривалось преподавание родного языка, попечитель Большедербетовского улуса в 1916 году настаивал на том, чтобы «преподавание калмыцкого языка было введено в виде опыта только в Башатинской двухклассной школе, чтобы этим опытом определить, насколько это дело окажется жизненным, и чтобы избежать, может быть, напрасных колоссальных затрат на организацию настоящего нововведения».[21]

В 1908 году калмыки Большедербетовского улуса подняли вопрос об организации в Башанте улусной школы повышенного типа. Но попечитель улуса Игнациус выдвинул дипломатическое предложение — принять долевое участие в строительстве здания земской прогимназии в селе Воронцово-Николаевском, ныне районном центре Сальского района, Ростовской области, удаленном на 70—80 километров от калмыцких аймаков. Улусный сход представителей аймачных обществ вынужден был согласиться с этим предложением. На строительство Воронцово-Николаевской прогимназии калмыцким обществом с 1909 по 1915 год было внесено 36 500 руб., тогда как Воронцово-Николаевское сельское общество ограничило свой взнос за этот период суммой в 31 000 руб.[22]

Однако организация совместной прогимназии еще не создавала благоприятных условий для учебы детей калмыков. Поэтому 8 марта 1914 года улусное управление возбудило вопрос о постройке при Воронцово-Николаевской прогимназии пансионата на 50 мест для детей калмыков. В этих целях была составлена смета расходов на строительство и содержание с общей суммой 62 000 руб. в год, с чем охотно согласились калмыки улуса, так как из-за отсутствия материально-бытовых условий их дети не имели возможности учиться в прогимназии. Но в этом не были заинтересованы ни попечитель, ни царское правительство. Поэтому 4 октября 1914 года улусное управление отказалось от постройки пансионата, мотивируя свой отказ военным временем. В то же время в ущерб народному образованию калмыков улусный попечитель пожертвовал на нужды грабительской войны 423 200 руб., 1 516 строевых лошадей, 2 092 пуда зерна и 29 новых войлочных кибиток для лазаретов за счет калмыцких общественных средств.[23]

Калмыки Большедербетовского улуса все же не теряли надежды на осуществление строительства пансионата. 5 октября 1916 года улусный сход калмыцких аймаков снова просил ставропольского губернатора и главного попечителя кочующих народов Ставропольской губернии разрешить строительство пансионата и увеличить стипендии учащимся прогимназии из аймачных общественных средств. На это ходатайство губернские власти не сочли нужным ответить. А попечитель Кавказского учебного округа Рудольф в своем письме от 4 ноября 1916 года, лицемерно выражая сходу Большедербетовского улуса свою искреннюю благодарность за столь отзывчивое отношение к делу народного просвещения, фактически отклоняя ходатайство калмыков, сообщал, что гимназия впредь будет именоваться: «Воронцово-Николаевской и Большедербетовской русско-калмыцкой гимназией».[24]

Интересно отметить, что на содержание гимназии Большедербетовское общество вносило ежегодно по 3 500 руб., а Воронцово-Николаевское — только по 2 000 руб.[25] В силу отсутствия пансионата дети трудящихся калмыков не могли учиться. В то же время в ней обучалось 10—15 детей богатых калмыков и около ста детей села Воронцово-Николаевского. К тому же в 1916/17 учебном году «Воронцово-Николаевская и Большедербетовская русско-калмыцкая гимназия» по ходатайству Воронцово-Николаевского сельского общества и Кавказского учебного округа была преобразована в гимназию системы Министерства народного просвещения. В связи с этим калмыки Большедербетовского улуса, затратив с 1909 по 1916 год 56 000 руб., потеряли право посылать своих детей на гарантированные места в Воронцово-Николаевскую гимназию. А между тем на эти средства вполне можно было построить здание гимназии в Башанте, которое служило бы удовлетворению нуждам народного образования Большедербетовского улуса.

В 1916 году на 8 727 человек калмыцкого населения улуса была одна двухклассная школа в Башанте и 14 начальных школ в следующих аймаках:

1) Бюдермис-Кубетовском,
2) Багабуруловском,
3) I-Икичоносовском,
4) II-Икичоносовском,
5) II-Икитугтуновском,
6) Цоросовском,
7) I-Икитугтуновском,
8) Багатугтуновском,
9) Хаджинкиновском,
10) Будульчинеровском,
11) II-Багатугтуновском,
12) Абганерово-Гаханском,
13) Абганеровском,
14) Князе-Михайловском.

В начальных школах обучалось 435 мальчиков и 134 девочки, вне улуса на средства аймачных обществ в прогимназиях, гимназиях и в других средних специальных учебных заведениях — 41 мальчик и 13 девочек.[26]

В школах улуса было всего только 16 учителей и 7 учительниц. Среди учителей не было ни одного калмыка с учи-

[21] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 1171, л. 56.
[22] ГАСК, ф. 249, оп. 1, д. 1927, л. 273.
[23] ГАСК,ф. 249, оп. 2, д. 2360, л. 25.
[24] ГАСК, ф. 249, оп. 1, д. 1927, л. 280.
[25] ГАСК, ф. 249, оп. 1, д. 2, л. 1927.
[26] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2290, л. 36.

тельским образованием, так как в учительские семинарии принимались люди только православного вероисповедования.[27] Следствием этого был крайне низкий уровень грамотности среди калмыцкого населения: грамотных мужчин было 288 человек, женщин — 34 человека, малограмотных мужчин — 184 человека и женщин — 14 человек. Грамотность населения улуса вместе с учащимися составляла 13%.[28]

Калмыки Большедербетовского улуса на протяжении многих лет вели упорную борьбу за создание народных начальных школ во всех аймаках улуса, изыскивая средства на их содержание. Это говорит о все возрастающей потребности в просвещении, о тяге народа к знаниям, культуре. Но это стремление калмыков не отвечало национальной политике царского правительства.

В. И. Ленин говорил, что «трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем».[29]

Великая Октябрьская социалистическая революция, возвестившая начало нового мира в истории человеческого общества, навсегда уничтожила политическое и экономическое порабощение трудящихся всех национальностей России.

За годы Советской власти трудящиеся Большедербетовского улуса, Калмыцкой АССР, добились больших успехов в развитии экономики и культуры. Если в 1917 году в Большедербетовском улусе было, как мы напомним, одна двухклассная и 14 начальных школ с общим количеством учащихся 570 человек, то в настоящее время в Городовиковском и Яшалтинском районах (бывшем Большедербетовском улусе) имеется 42 начальных, 8 семилетних, 6 средних школ, 1 сельскохозяйственный техникум, в которых обучаются больше 6 000 человек. До революции в школах Большедербетовского улуса работало 23 учителя, в 1961 году в учебных заведениях Городовиковского и Яшалтинского районов — около 400 квалифицированных учителей со средним специальным и высшим образованием, среди которых много заслуженных деятелей народного просвещения, награжденных орденами, медалями и высоким званием Заслуженный учитель.

Документальный материал из прошлого одного улуса убеждает нас в том, что русский царизм был жестоким врагом просвещения калмыцкого народа и что только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкий простор для развития культуры национальной по форме, социалистической по содержанию.

[27] Свод законов Российск. империи, т. XV, ч. 1, 190 г., стр. 2382.
[28] ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 2360, л. 105.
[29] В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 69, изд. 4.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

Записки Вып. 2 1962 г.

Ц. Д. НОМИНХАНОВ

МОНГОЛЬСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЭТНОНИМИКЕ И ТОПОНИМИКЕ УЗБЕКСКОЙ ССР

Предлагаемая работа содержит данные о монголах, прибывших в Среднюю Азию со вторым сыном Чингис-хана Джагатаем в XIII веке и впоследствии растворившихся среди местного населения, в частности на территории современного Узбекистана.

Как известно, Б. Я. Владимирцов о монголах XIII века писал: «Мировая империя монголов, возникшая в XIII веке при Чингис-хане, оказала влияние на жизнь почти всех стран Азии и отчасти Европы. Монгольские завоевания создали новые государственные объединения, в которых монгольский элемент оказывался некоторое время в главенствующем положении. Если в большинстве новых государств, возникших в процессе разложения Монгольской империи, сами монголы исчезли, как этническая величина, то они вошли в состав вновь сложившихся тюркских народностей, например казахов и узбеков».[1]

Ниже приведены данные о том, как монголы Чингис-хана пришедшие в Среднюю Азию, были поглощены узбеками.

Монголы, как известно, впервые попали в Среднюю Азию с армией Чингис-хана в XIII веке, в результате чего она была покорена и включена в состав Монгольской империи (1223 г.).

Чингис-хан, еще при жизни, назначил каждому из своих сыновей особый удел. Младший сын Чингис-хана Тули (Тулуй) получил в наследство Монголию и главную массу монгольского регулярного войска. Удел старшего сына Джучи по мере расширения пределов империи передвигался все дальше на запад и в период смерти Чингис-хана и Джучи (оба умерли в 1227 г., сын несколько раньше отца) заключил в себе земли от Иртыша и далее на запад и на юг, куда продвигались монгольские войска. Из культурных земель Средней Азии в

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 2—3.

состав этого удела входили низовья Сыр-Дарьи и северная часть Хорезма со столицей всей этой области городом Ургенч. С уделом Джучи на Сыр-Дарье и в Семиречье граничил удел Джагатая. Угедею были назначены Западная Монголия с Тарбагатаем. Несмотря на огромное пространство Монгольской империи, орды (столичные ставки) трех выделенных сыновей находились на сравнительно близком расстоянии одна от другой: орда Джучи — на Иртыше, Угедея — у Чугучака, Джагатая — на Или.[2]

В отношении распределения уделов Чингис-ханом в «Сокровенном сказании» говорится:[3]

«Порешив выделить уделы для матери, сыновей и младших братьев, Чингис-хан произвел такое распределение. Он сказал: «Матушка больше всех потрудилась над созданием государства. Чжочи — мой старший наследник, а Отчигин — самый младший из отцовых братьев». Ввиду этого, он, выделяя уделы, дал 10 000 юрт матери совместно с Отчигином. Мать обиделась, но смолчала. Чжочию выделил 9 000 юрт, Чаадаю — 8 000, Огадаю — 5 000, Толую — 5 000, Хасару — 4 000, Алчидаю — 2 000 и Бельгутаю — 1 500 юрт.

Чингис-хан продолжал: «Отдавая в удел матери с Отчигином 10 000 юрт, я приставлю к ним четырех нойонов: Гучу, Кокочу, Чжунсая и Аргасуна. К Чжочию приставлю троих: Хунана, Мункеура и Кете. К Чаадаю — троих: Харачара, Мунке и Идохудая»; еще говорил Чингис-хан: «Чаадай крут и скрытен характером. Пусть же Коко-цос вместе с ним обсуждает задуманное, состоя при нем и навещая его утром и вечером».

Чингис-хан, распределив уделы между членами своей семьи, одновременно поделил между сыновьями и монгольскую армию.

«Из общего числа монгольского регулярного войска — 129 000 — младший сын Тули (Тулуй) вместе с Монголией получил 104 000 человек; три других сына Чингис-хана получили каждый по 4 000 человек. Остальные 13 000 человек были розданы другим членам династии».[4]

Таким образом, Джагатай получил от отца в наследство 4 000 воинов. Численность монголов Джагатаева улуса, ушедших на запад и растворившихся среди народов, которые жили на территории тогдашнего Узбекистана, определить трудно. Нам известно только о 4 000 воинах и 8 000 юртах, которые Джагатай получил от своего отца.

Объем владений Джагатая историки определяют по-разному. Так, Абул-Гази пишет, что «Чингис-хан отдал ему (Джагатаю) Мавераннахр, часть Хорезма, страну уйгуров, также Кашгар, Бедехшан, Балх и Газнин до реки Синд. Джагатай-хан не жил ни в одном из сказанных городов, но, поставив над ним даруг, сам находился при Окдае».[5]

А. Ю. Якубовский считал, однако, что Чагатайское государство охватывало лишь «области на север от Аму-Дарьи, включая и южную часть Хорезмы, в общем, то, что принято называть Туркестан».[6]

Расхождения в определении размеров владений Джагатая, очевидно, связано с тем, что эти соответствующие данные относились к различным историческим периодам истории удела Джагатая. Неустойчивость границ этого удела также является, вероятно, причиной, затрудняющей точное определение его территории.

О первоначальной и о последующей жизни монголов Джагатаева улуса на их новой родине — в Средней Азии — историки говорят так:[7]

«В XIII отчасти в начале XIV века кочевники монголы, связанные с ханской ставкой, жили в стороне от оседлого земледельческого населения.

Коренное различие Чагатайской ставки в долине р. Или от предшествующего монгольскому завоеванию караханидского периода заключалось в том, что кочевники эти, занимавшие привилегированное положение ханского войска, не имели никаких предпосылок для перехода на земледельческий труд...

Несколько иначе дело обстоит с теми кочевыми группами монголов, которые ушли на территории западных частей Средней Азии. В XIV веке большую роль играли четыре рода Чагатаев-джалаиры, кочевавшие в районе Ходжента, барласы — в долине р. Кашка-Дарьи, орлаты — в северной части Афганистана и каучины — в бассейне верховьев Аму-Дарьи. Это были сильные кочевые группы, каждая из которых представляла собою важную часть ханского войска. Главари этих родов, носившие арабский титул «эмир» или тюркский «бег», монгольский «нойон», были крупными феодалами, часто вступавшими в борьбу с ханом. Характерно, что часть этих групп в XIV веке начинала переходить на оседлое состояние, а что касается ее верхушки, то ее можно было считать не только кочевыми, но и оседлыми феодалами, ибо они в земледельческих районах имели крупную земельную собственность. В XIV веке мы уже наблюдаем переход ханской ставки в земледельческие районы.

---

[2] В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 33—34.
[3] С. А. Козин, Сокровенное сказание, Л., 1941, стр. 175—176.
[4] В. В. Бартольд. История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 37.

[5] Абул-Гази, Родословное древо тюрков, Казань, 1914, стр. 130.
[6] А. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с восточной Европой в X—XV вв. Л., 1932, стр. 41.
[7] Там же, стр. 53.

Так, например, хан Кебек (1318—1326) поселился уже в Мавераннахре... Он устраивает в долине Кашка-Дарьи Карши, то есть дворец».

Об этом же находим упоминание у акад. В. В. Бартольда:[8]

«Казан-хан (XIV в.)... жил около Карши; его дворец Зенджир-Сарай находился в двух днях пути к западу от этого города. Рядом с ханом главные кочевые роды... владели определенными территориями в Мавераннахре и соседнем Афганистане; этих родов было четыре, по числу четырех тысяч, данных Джагатаю Чингис-ханом: джалаиры — у Ходжента, барласы — на Кашка-Дарье, каучины — в бассейне верховьев Аму-Дарьи и орлаты — в северном Афганистане».

Итак, среди кочевников Джагатаева улуса выделяют четыре главных рода: джалаиры, барласы, каучины и орлаты.

Акад. Бартольд, опираясь при этом на свидетельство Ибн-Арабшаха, писал, что «глава каждого из этих родов был как бы удельным князем своей области: все они принадлежали к отуреченным монгольским родам».[9]

Но, кроме этих основных племен, на территорию Средней Азии проникли и другие группы монголов. В этом нас убеждает этнонимика и топонимика Узбекистана, данные по переписи населения 1926 года, а также ряд источников по истории Средней Азии. Всего на территории Уз. ССР зафиксированы названия 18 монгольских племен и родов. Четыре из них (джалаиры, барласы, каучины, кутчи, и орлаты) отмечены выше.

Об одиннадцати монгольских племенах и родах следует заметить, что имена их встречаются еще в описании древних поколений монголов на берегах рек Онона и Керулена; однако неизвестно, как и когда они попали в Среднюю Азию.

Здесь речь идет о следующих монгольских племенах и родах: мангат (мангуд), кунград, кенегез, катаган (хатагин), дурмен (дурбен), барки (буркут), могол (монгуш), джерас (черазы), татар, дуглат и хорлос.

Особняком стоят монгольские названия, имеющие собирательное значение: джагатай, джете (джата) и калмак. Названные группы могли включать в себя различные монгольские племена и рода. Если Джагатай и джете (джата) — это монголы чингис-ханского периода (XIII в.), то калмаки, несомненно, относятся к монголам более позднего времени, именно к ойрат-монголам XVII—XVIII веков.

В материалах по районированию Средней Азии (1926 г.) приводятся следующие данные о численности указанных групп монголов, растворившихся в узбекской среде:

---

[8] В. В. Бартольд, История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 40.
[9] В. В. Бартольд. Улукбек и его время, Петроград, 1918, стр. 10.

Мангат (мангуд)	— 99 200 чел.	
Кунград	— 85 760 »	
Джалаиры	— 38 870 »	
Кенегез	— 35 040 чел.[10]	
Катаган (хатагин)	— 27 740 »	
Каучин	— 7 430 »	17 540 чел.[11]
Кутчи	— 10 110 »	
Дурмен (дурбен)	13 580 »	
Могол	— 4 355 »	11 215 »[12]
Монгуш	— 6 860 »	
Джагатай		11 010 »[13]
Барлас (балос)		8 720 »
Калмак		8 705 »
Барки (буркут)		4 530 »
Джерас (черазы)		800 »
Орлаты (алот, арулат)		225 »
Татар		165 »
Джете (джата)		125 »
Дуглат	—	
Хорлос[14]	—	

Общее их число — 363 205 чел. При этом основная масса в прошлом монгольских племен и родов, а ныне известных как узбекские находится в районах Бухары, Самарканда и Хорезма, то есть на территории древнейших и плодороднейших оазисов Узбекистана.

Таким образом, в странах, некогда завоеванных Чингис-ханом и его преемниками, в частности на территории современного Узбекистана, с течением времени произошла «денационализация» монголов, их тюркизация.

Так, акад. Б. Я. Владимирцов отмечает, что «ушедшие на запад монголы довольно скоро подверглись отуречению, вообще растворились в окружающей этнической среде, более или менее им близкой. Но процесс усвоения монголами «мусульманской» культуры в Средней Азии протекал быстрее, чем в Персии, так как в Средней Азии монголы оказались отчасти посреди этнически близких им тюркских кочевников... Денацио-

---

[10] Кенегезов в Хорезме насчитывается 8 096 чел. (См. Материалы о районировании Средней Азии. Хорезм, кн. 2, ч. 2, Ташкент. 1927, стр. 112).

[11] Каучин и кутчи — разновидность одного и того же племенного названия (См. Материалы по районированию Средней Азии. Бухара, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 212—213).

[12] Могол и могуш тоже разновидность одного и того же племенного названия (См. Н. А. Аристов, опыт выяснения этнического состава, Спб, 1895, стр. 47—48).

[13] В 1924 г. в Центральной Бухаре зарегистрированы таджики — чагатай в числе 63 538 чел. (См. Материалы по районированию Средней Азии Бухара, ч. I., стр. 231).

[14] В материалах по районированию Средней Азии монгольские рода дуглат и хорлос не зафиксированы, поэтому их численность неизвестна.

нализация монголов в западных улусах началась с господствовавшего класса, в особенности, когда разные монгольские феодальные сеньоры приняли ислам и стали постепенно усваивать «мусульманскую» городскую культуру».[15]

Арабский историк XV века ал Омари отмечает по этому поводу:

«...Кипчаки сделались их, то есть монголов, поданными. Потом они смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступили в брак с ними и оставались жить на земле их».[16]

Очень важны указания также Абул-Гази:[17] «...Джучи-хан, захватив всю кипчакскую молодежь, стал править кипчакской страной и переселил из Монголии свою семью и данные ему отцом племена. Из каждого племени узбеков были переселенцы в кипчакскую землю... В те времена узбеков называли монголами...»

Эти указания, правда, относятся к более западным монголам, жившим на земле кипчаков, к подданным Джучи-хана, но они служат подтверждением того, что процессы ассимиляции монголов с местным населением происходили также и во владениях Джучи-хана.

Монголы постепенно изменяли свои культурные традиции в новой среде под влиянием мусульманской культуры, и «традиции монгольской империи постепенно уступали влиянию мусульманской культуры, но эта эволюция совершалась крайне медленно и не раз приводила к междоусобицам и к восстанию народа против своих правителей.[18]

В завоеванной стране кочевники, особенно правители династии и их главные сподвижники, постепенно подчиняются влиянию со стороны более высокой культуры. Но то, что они принесли с собой, исчезает не сразу и не бесследно. Завоеватели стараются соединить свободу кочевой жизни с благами иной культуры.

«Постепенно мусульманская культура и в Средней Азии, как и в Персии, должна была подчинить себе кочевников, особенно их ханов, но этот процесс шел здесь гораздо медленнее и встречал гораздо больше противодействия со стороны других факторов. Еще в XIII веке были ханы (Мубарек-шах и Борак), поселившиеся в Мавераннахре и принявшие ислам; но после 1271 года в течение почти полувека ханы снова жили в степи и

[15] Акад. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 126.

[16] Акад. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов., стр. 126 (в сноске).

[17] Абул-Гази Бохадур-хан. Родословная туркмен, Асхабад, 1887, стр. 69.

[18] В. В. Бартольд. Улукбек и его время, Петроград, 1918, стр. 11.

оставались язычниками, хотя и заботились о благосостоянии оседлого населения.[19]

Тюркизация монголов происходила не только в культурном отношении, но и в антропологическом. По образному выражению Л. В. Ошанина, «во многих местах потонули и растворились узбеки-монголы в своем исходном типе, влившись в Иранское море Средней Азии».[20]

В исторической литературе XIII века монголов Средней Азии называют их собственным именем. В последующих же XIV—XV веках их называют не монголами, а узбек-монголами (см. Абул-Гази).[21]

В наше время в Средней Азии, в частности в Узбекистане, монголов вообще нет, а есть узбеки, носившие монгольские этнические названия. Таким образом, процесс ассимиляции монголов с местным населением Средней Азии показывает следующую картину: сперва речь идет о монголах, затем уже об узбек-монголах, а еще позднее слово «монгол», как обозначение этническое, относящееся к какой-либо среднеазиатской народности, совершенно исчезает.

ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Для нас особо важное значение имеют данные о проникновении элементов монгольского языка в узбекский. Сходство между монгольским и узбекским языками обусловлено не только общностью этих языков, но и более поздним вкладом, внесенным монголами в лексический состав узбекского языка.

Клавихо, посетивший Среднюю Азию в эпоху Тимура (1336—1405), говорит, что «территория империи Самаркандской называется Монголией и туземный язык ее монгольский, которого, впрочем, не понимают на этом берегу реки (Окса). И письмо, употребляемое на Самаркандской стороне реки (именно югурские знаки), не понятно на этом (персидском) берегу. Император (Тимур) имеет многих писцов, которые могут писать и читать эти монгольские письмена».[22]

В дневнике Клавихо отмечается также,[23] что «страна этого Самаркандского царства называется Могалия, а язык его называется мугальский; письмена же, которые употребляют самаркандцы по ту сторону реки, не разбирают и не умеют читать те, которые живут по сю сторону; эти письмена называются могали, и при царе есть несколько писцов, которые читают и умеют писать этими письменами могали».

[19] В. В. Бартольд. Улукбек и его время. Петроград, 1918, стр. 3—8.

[20] Л. В. Ошанин. Материалы по антропологии Средней Азии, стр. 264, (В. В. Бартольд, Ташкент, 1927).

[21] Из советских ученых этим термином пользуется Л. В. Ошанин.

[22] Герман Вамбери, История Бохары и Трансоксании с древн. времен до настоящего времени, том I, 1873 г., стр. 182.

[23] Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг., Спб, 1881, стр. 226.

Следовательно, в начале XV века монгольский язык и письменность еще сохранялись на территории Средней Азии. Но затем монгольская письменность и язык постепенно начинают выходить из употребления.

О времени, когда монголы в Средней Азии забыли свой язык и стали писать уйгуро-монгольским письмом турецкие слова у Германа Вамбери, имеется такое высказывание:[24]

«Персы долгое время смотрели на Чагатайское ханство, или Трансоксанию, как на составную часть монгольской империи, и это естественно, вследствие господствовавшего употребления монгольского платья и югуро-монгольских письмен, которыми тогда везде писали турецкие слова».

Процесс исчезновения в Средней Азии живой речи монголов прослежен многими исследователями. Г. Е. Грумм-Гржимайло, например, отмечает:[25] «...В XIV веке монголы далеко еще не утратили своего политического первенства в Средней Азии... Объединяющим языком в Узбекистане стал язык тюркский. О несколько позднейшем времени Абул-Гази пишет, что среди узбеков монгольский язык был еще не вполне забыт, вероятно же в общем употреблении в это время был уже тот тюркский язык, язык «Шейбаниады», который пестрит монгольскими, или, как их называет Березин, монголо-тюркскими словами, лучше объясняемыми, исходя из языка монгольского, нежели тюркского».

Этот период уже относится к моменту, когда «чистый» монгольский язык в Средней Азии не существует, и возникает нечто среднее между монгольским и тюркским языками.

Дальнейший этап еще большего упадка живой речи монголов отмечен у Г. Вамбери, который писал:[26]

«Турецкое влияние на последних чагатаидов было так сильно, что, едва помня монгольское наречие, употребляли турецкий язык как придворный и разговорный».

Так постепенно исчезал монгольский язык в Средней Азии у монголов, растворившихся среди узбекского народа.

О большом значении монгольской речи для народов Средней Азии свидетельствует такой важный памятник, как словарь «Мукаддимат ал Адаб». Сам факт создания этого словаря в конце XV века свидетельствует о том, что в это время монгольский язык в Средней Азии продолжал сохранять некоторое значение. Предположительно этот монгольско-тюркский словарь был создан на основе наречий монголов родов джалаир и барлас.[27]

Можно, очевидно, утверждать, что в начальный период

---

[24] Г. Вамбери, История Бохары и Трансоксании, Спб, 1873, стр. 182.

[25] Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, стр. 536.

[26] Г. Вамбери, История Бохары и Трансоксании, Спб, 1873, стр. 182. т. I—II, М.—Л., 1938.

[27] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л-д, 1927, стр. 91.

(XIII в.) и даже в последующие периоды монгольского владычества, вплоть до XV века, монгольская письменность (уйгурский алфавит), а отчасти и разговорный монгольский язык в Средней Азии играли известную роль. Еще при Тимуре официальная переписка велась на монгольском языке монгольским же письмом, и роль этого языка была настолько значительной и жизненно важной, что в XV веке потребовалось издание монгольско-тюркского словаря «Мукаддимат ал Адаб».

Но если во время Тимура еще продолжали писать на монгольском языке, то позднее монгольское (уйгурское) письмо служило лишь для передачи тюркской речи (см. Вамбери). Затем наступает период, когда совершенно забывается монгольский письменный язык, и до настоящего времени в Средней Азии пока не обнаружено ни одного памятника, написанного по-монгольски. Что касается живой речи монголов, то известно, что монгольский разговорный язык сохранился до XV века и, по мнению историков, монгольско-тюркский словарь «Мукаддимат ал Адаб» (XV в.) был создан еще на основе живой речи монгольских родов джалаиров и баруласов.

Следующий этап истории связывают с эпохой «Шейбанидов» — конец XV и начало XVI века (см. Абул-Гази), когда уже монгольского языка не было, но когда шейбанидский (тюркский) язык пестрит монгольскими словами. Эти слова, не утратив своего первоначального значения, тем самым легче объяснимы, исходя из монгольского языка, чем из тюркского. «Шейбанидский язык» Березин называет состоящим из монгольско-тюркских слов.

Последний этап — это полное исчезновение живого, монгольского языка в Средней Азии, в частности в Узбекистане. Но значительные элементы этого языка, оставшиеся со времен чингис-хановского периода, сохраняются в узбекском языке до сих пор. Резюмируя исторический процесс исчезновения монгольского языка и письменности в Средней Азии, можно констатировать следующие этапы:

1. Монгольское (уйгурское) письмо на монгольском языке до начала XV века.
2. Монгольское письмо на тюркском языке.
3. Монгольское письмо в Средней Азии исчезает и забывается.

В отношении живой речи наблюдается та же последовательность.

1. Монгольский разговорный язык в «чистом» виде существует вплоть до издания монгольско-тюркского словаря «Мукаддимат ал Адаб» (XV в.).
2. Монгольско-тюркский (смешанный) язык периода «Шейбаниады» (XV—XVI вв.).
3. Узбекский язык со значительным количеством монгольских элементов.

МОНГОЛЬСКИЕ ПЛЕМЕНА И РОДА, ПЕРЕДАВШИЕ СВОИ НАЗВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫМ ГРУППАМ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

1. Мангыт

Мангыт (мангут, мангуд)) — древнемонгольское племя. Мангыты в XII—XIII веках жили на территории древнемонгольского кочевья в бассейнах рек Онона и Керулена.[28]

Когда и при каких обстоятельствах мангыты пришли в Среднюю Азию — неизвестно. В Средней Азии мангыты также известны как народ монгольского происхождения. В политической жизни наибольшее значение и влияние племя мангыт имело в Бухаре и Хорезме.

Мангытов в Бухаре по одним данным насчитывается 92 200 человек,[29] а по другим данным — 99 285 человек.[30]

В настоящее время этническое название «мангыт» носит одна группа узбекского народа.

2. Кунград

Кунград (онгирад, онгират, конгирад) — древнемонгольское племя, известное еще в XII веке и жившее в степной местности по реке Керулену.[31]

О том, когда и при каких обстоятельствах кунграды прибыли в Среднюю Азию, — неизвестно.

На территории Узбекистана узбеков-кунградцев насчитывается 85 760 человек.

3. Кенегез

Кенегез (генигес) — монгольское племя.[32]

О том, когда и при каких обстоятельствах кенегезы пришли в Среднюю Азию,— неизвестно.

На территории Узбекистана кенегезы встречаются в Шахризябском вилайете (Бухарской, Ферганской, Кашка-Дарьинской областях) в количестве 35 040 человек[33] и в Хорезме в числе 8 096 человек.[34]

---

[28] С. А. Козин, «Сокровенное сказание», 1941, стр. 107, 131.

[29] В. В. Бартольд, «Мангыт», Энциклопедия Ислама, т. III, Лондон, 1927, стр. 265.

[30] И. Магидович, Бухара, ч. I, стр. 228, Материалы по районированию Средней Азии., Ташкент, 1926.

[31] С. А. Козин, «Сокровенное сказание», Л., 1941, стр. 8, 62, 87, 116, 133; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 39, 47. 48, 79, 84.

[32] С. А. Козин. «Сокровенное сказание» Л., 1941, стр. 84, 163, 164; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 107.

[33] Бухара, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 192, 193.

[34] Хоремз, ч. 2, кн. 2, Ташкент, 1927, стр. 112.

4. Катаган

Катаган (хатагин, хадагин) — племя,[35] принадлежащее к числу коренных монгольских племен; часть их в свое время ушла на запад и «вошла в состав узбекского союза; оставшиеся в Монголии частью бежали в XVII веке в Забайкальскую область, где и осели».[36]

На территории Узбекистана узбеков-катаганов насчитывается 27 740 человек.

5. Джалаир

Джалаиры (джелаиры) — монгольское племя, в XII—XIII веках жившие в бассейнах рек Керулена и Онона.[37]

Впоследствии джалаиры разделились на три части: одна часть осталась в Халхе, а другая вошла в состав юго-восточных монголов.[38] Остальные джалаиры появились в Средней Азии в XIII веке в составе войск Джагатая, полученных им от своего отца Чингис-хана.[39]

Джалаиров-узбеков на территории Узбекистана насчитывается 21 870 человек.[40]

6. Каучин

Каучин (кутчи) — монгольский род, прибывший в Среднюю Азию в составе войск, данных Чингис-ханом Джагатаю.[41]

В Узбекистане каучинцев-узбеков насчитывается 7 430 человек, а узбеков-кутчи — 6 110 человек.[42]

7. Дурмен

Дурмен (дорбен, дорбет, дурбэн, дурбун, дермен, дурмен, дурман, дурмян) — монгольское племя. В XII веке жили в бассейне реки Онон, на территории древних кочевий монголов.[43] Когда и при каких обстоятельствах дурмены пришли в Среднюю Азию — неизвестно.[44]

---

[35] С. А. Козин «Сокровенное сказание», Л., 1941, стр. 116.

[36] Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, стр. 597.

[37] С. А. Козин, «Сокровенное сказание», Л., 1941, стр. 107; Абул-Гази, Родословное дерево тюрков, стр. 54; Реверти, Доклад, Труды III Международного съезда ориенталистов, Спб, 1876, стр. 116.

[38] Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 130, 158.

[39] Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов, Спб, 1895, стр. 16.

[40] И. Магидович, Бухара, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 214—215, Материалы по районированию Средней Азии.

[41] В. В. Бартольд, История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 40; А. Якубовский, Материалы по истории Узб. Тадж. и Туркм. ССР, Л., 1932, стр. 53.

[42] И. Магидович, Бухара, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 212—214, Материалы по районированию Средней Азии.

[43] С. А. Козин, «Сокровенное сказание», Л., 1941, стр. 80, 116.

[44] Г. Н. Потанин, Очерки Сев. Зап. Монголии, вып. IV, Спб, 1883, стр. 671.

В XVII веке среди других племен Средней Азии дурмены занимали важное место.[45]

Дурбун, узбекский род, кочуют по долине Кафирнигена.[46]

Общее число узбеков-дурменов на территории Узбекистана насчитывается 12 380 человек.[47]

8. Барлас

Барласы (барулас, беруллас, берлас, балос) — монгольское племя, в XII веке барласы жили в районе горы Кентея (верховье реки Керулена), восточнее города Улан-Батор.[48]

Барласы впервые появились в Средней Азии в XIII веке вместе с войсками Джагатая, полученными им от своего отца.[49]

На территории Узбекистана барлас-узбеков насчитывается 8 720 человек.[50]

9. Калмак

Калмак — монгольская народность. В старой литературе известно под названием ойрат-монголов (западные монголы) — основное население Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики.[51]

Калмаки-узбеки в основном живут на территории Бухарского оазиса, и насчитывается их 8 705 человек.[52]

10. Джагатай

Джагатай (чагатай) — потомки монголов времен Чингис-хана XIII века.

Термин «джагатай» обозначал кочевое и сохранившее кочевые традиции население, жившее в Мавераннахре.

---

[45] В. В. Бартольд, Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., стр. 301, 302.

[46] Н. Д. Маев. Очерки Бухарского ханства. Материалы для статистики Туркестанского края, ежегодник. Издан. Туркест. Статист. Комитета под ред. Н. Д. Маева, вып. V, Спб, 1879, стр. 267.

[47] И. Магидович, Бухара, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 207, 208. Его же, Хорезм, ч. II, Ташкент, 1927, стр. 100, Материалы по районированию Средней Азии.

[48] С. А. Козин, «Сокровенное сказание», Л., 1941, стр. 83, 107; Рашид-ад-дин. История Монголов, ч. XV, Спб, 1888, стр. 144; Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 90—91.

[49] А. Якубовский, Материалы по истории Узб. Тадж. и Туркм. ССР, Л., 1932, стр. 53; В. В. Бартольд, История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 40.

[50] И. Магидович, Бухара, ч. I, стр. 200, 201, Материалы по районированию Средней Азии, Ташкент, 1926. Между прочим, великий узбекский писатель Алишер Навои происходит из рода барлас.

[51] «Калмыцкая АССР», БСЭ, т. XXX, I изд., стр. 748—763; А. Н. Хорошхин, Сборник статей, касающихся Туркестанского края, стр. 492, 495, 498; Абул-Гази Бохадурхан, Родословная Туркмен., стр. 19; В. Бартольд, Калмык. Энциклопедия Ислама, т. XI, 700, Лондон, 1927.

[52] И. Магидович, Бухара, ч. I, стр. 211, Материалы по районированию Средней Азии, Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргизов, казахов. Спб, 1895, стр. 75.

К остаткам джагатаидских монголов в Средней Азии Аристов по труду Мухамед Хайдара (умер в 1551 г.) «Тарихи-Ращиди» причисляет племена: 1) буркут, 2) джата, 3) могол, 4) чагатай и 5) черазы.[53]

Узбеков-чагатай на территории УзССР насчитывается 5 860 человек.[54]

11. Барки

Барки (буркут), по Мухамед Хайдару («Тарихи Рашиди»),— монголы по происхождению.

На территории Узбекистана барки под именем буркут сохранились не только у ферганских киргизов, но в значительном количестве и среди бухарских узбеков, а также и в Самаркандской области; их насчитывается 3 530 человек.[55]

12. Могол

Моголы — те монголы, которые пришли в Среднюю Азию с Джагатаем в XIII веке. При джагатаидах моголы жили на территории Моголистана, или Джатта, граница которого определялась тогда на западе — Шашем (Ташкентом) и водоразделом долины верхнего и нижнего Таласа, на северо-западе граница шла от гор Ала-Тау к южной оконечности озера Балхаш, а затем от северного его побережья к горам Тарбагатай и отсюда сворачивала на юго-восток к окрестностям Урумчи у северного предгорья хребта Тянь-Шань.[56]

На территории Узбекистана моголов-узбеков насчитывается 2 355 человек.[57]

13. Джерас

Джерас (черазы), по Мухамед Хайдару («Тарихи-Рашиди»),— монголы джагатайского улуса. Джерасы в Узбекистане отмечены в верховьях Кашка-Дарьи (по Ак-су) в количестве 400 человек.[58]

---

[53] Бабур-Нама, перевод. Эрскина и Лейдена, Введение, ч. I, Лондон, 1920; В. В. Бартольд, Улукбек и его время, Петроград, 1918, стр. 11; Его же «Джагатай», стр. 846; Энциклопедия Ислама, т. XVIII, Лондон, 1927.

[54] Бухара, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 221—223, 231, Материалы по районированию Средней Азии.

[55] Бухара, ч. I. Ташкент, 1936, стр. 227—228, Материалы по районированированию Средней Азии.

[56] Бабур-Нама, перевод Эрскина, ч. 1, Лондон, 1920, Бухара, ч. 1, Ташкент, 1926, стр. 221, Материалы по районированию Средней Азии.

[57] Бухара, ч. 1, Ташкент, 1926, стр. 221, Материалы по районированию Средней Азии.

[58] Бухара, .ч 1, Ташкент, 1926, стр. 223—228, Материалы по районированию Средней Азии.

14. Орлаты

Орлаты (алот, арулат, арлат) — монгольское племя, в XII веке кочевавшее в горах Кентея (сев-восточнее города Улан-Батора.[59] Орлаты пришли в Среднюю Азию с войсками Джагатая, полученными им от своего отца в XIII веке.[60]

На территории Узбекистана орлатов-узбеков насчитывается 225 человек.

15. Татар

Татар — древнемонгольское племя, в древности жившее к юго-западу от оз. Байкала почти до самой реки Керулен.[61]

На территории Узбекистана татар-узбеков насчитывается 165 человек — в Бухарском и Шахризябском оазисах.[62]

16. Джете

Джете (джата) по своему происхождению монголы. Под этим названием были известны монголы восточной части Джагатайского ханства, в котором термины «джагатай» и «джете» противополагались друг другу. Кочевники Мавераннахра называли «джагатаями» только себя и смотрели на своих восточных соседей как на разбойничью вольницу «джете».

Джагатаи в большей степени сохраняли традиции монгольской государственности, а джете дорожили традициями монгольской национальности.[63]

На территории Узбекистана в верховьях Сурхана (на р. Тупалан-Дарье) сохранилось название «джете», как племенное, у 145 узбеков.[64]

17. Дуглаты

Дуглаты были народом монгольского происхождения, остатки которого потом вошли в состав монголов-чагатаев, узбеков и казахов.[65] О численности дуглатов в Узбекистане сведений нет.

---

[59] С. А. Козин, «Сокровенное сказание», Л., 1941, стр. 83, 84, 107; Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 77, 78, 88, 141.

[60] Рашид-ад-дин, История монголов, ч. XV, Спб, 1888, стр. 134—141; В. В .Бартольд, История Туркестана, стр. 40; А. Якубовский, Материалы по истории узб. тадж. Туркм., Л., 1932, стр. 53.

[61] В. В. Бартольд, «Татар», Энциклопедия Ислама. IV, Лондон, 1927, стр. 759, 760; его же, история турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 13; Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 6, 54, 61, 98, 109, 126; С. А. Козин, «Сокровенное сказание», Л., 1941, стр. 116, 123.

[62] Бухара, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 220; Материалы по районированию Средней Азии.

[63] В. В. Бартольд, История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 40.

[64] Бухара, ч. 1, Ташкент, 1926, стр. 223, Материалы по районированию Средней Азии.

[65] В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 20; Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава Кирг. Каз., Спб, 1895, стр. 72; В. В. Бартольд, Рецензия на работу Н. А. Аристова; Опыт выяснения этнич. состава Кирг. Каз., Спб, стр. 352.

18. Хорлос

Хорлос (горлос) — древнемонгольское племя, жившее в XII—XIII веках на территории древнемонгольских кочевий в бассейнах рек Онон и Керулен.[66]

По мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, хорлосы принадлежали к числу коренных монгольских племен и кочевали, вероятно, в бассейне реки Орхона. Часть их, ушедшая на запад, вошла в состав узбекского союза.[67]

О численности хорлосов в Узбекистане сведений нет.

МОНГОЛЬСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТОПОНИМИКЕ УЗБЕКСКОЙ ССР

Одним из веских доказательств того, что монголы жили в прошлом на территории нынешней Уз. ССР, являются встречающиеся там географические названия и топонимические термины монгольского происхождения, а также узбекских кишлаков (монгольские этнические названия).

Байракчи, кишлак, шир. 38°59′, долг. 35°10′; Бухарская область. Монг.: тот, который остановился жить; байри — место остановки, стойбище, резиденция.

Булунгур, арык, шир. 39°47′, долг. 36°55′; Самаркандская область. Монг.: грязная, мутная, тинистая (вода).

Ганда — булак, кишлак, шир. 37°39′, долг. 36°25′; Сурхан-Дарьинская область. Монг.: Ганда-булак — родник, ключ, источник наподобие трубки или гакца булак единственный, только один родник, ключ, источник...

Даганаджам, кишлак, шир. 38°8′, долг. 36°43′; Сурхан-Дарьинская область. Монг.: дорога годовалого жеребенка (дагани жам).

Дарга, кишлак, шир. 40°2′; долг. 35°21′; Самаркандская область Монг.: старшина, председатель, командир, начальник.

Дархан, кишлак, шир. 39°45′, долг. 36°37′; Самаркандская область. Монг.: кузнец, человек, освобожденный от повинности.

Джамчи, кишлак, шир. 38°6′, долг. 36°52′; Сурхан-Дарьинская область. Монг.: путник, путешественник.

Карши, город Бухарской области. Монг.: дворец.

Кок-Котель, перевал, шир. 37°59′, долг. 36°14′; Сурхан-Дарьинская область. Монг.: зеленый скат, зеленые горные покатости.

---

[66] С. А. Козин, «Сокровенное сказание», Л., 1941, стр. 107—116.

[67] Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянханский край, том II, Л., 1926, стр. 597.

Кудук, кишлак, шир. 40°14′, долг. 36°37′; Самаркандская область. Монг.: колодец.

Курултай, сельсовет, Ташкентская область, Средне-Чирчикский район. Монг.: съезд; общее собрание, общий совет.

Паулган, кишлак, шир. 40°23′, долг. 41°10′; Ферганская область. Монг. остановка, располагаться лагерем, станом, кочевьем.

Саорун, кишлак, шир. 39°59′, долг. 34°10′; Бухарская область. Монг.: место, основание, базис, основа, седалище, трон, престол.

Ташагун-бель, перевал, шир. 39°53′, долг. 37°28′; Самаркандская область. Монг.: скат горы, косогор.

Темир-букча, кишлак, шир. 39°43′, долг. 34°10′; Бухарская область. Монг.: железная сума, железный мешок.

Тергаучи, кишлак, Андижанская область, Кассан-Сайский район. Монг.: вожак, руководитель, глава, первый, главный (теригун).

Тогачи, кишлак, шир. 38°31′, долг. 33°46′; Бухарская область. Монг.: тога, тогон — котел; тогачи, тогочи — повар.

Улач, кишлак, шир. 39°2′, долг. 36°6′, Бухарская область. Монг.: почтарь; человек, несущий почтовую повинность.

Улус, кишлак, Самаркандская область, Катта-Курганский район, Улусский сельсовет. Монг.: народ, люди, государство.

Урга, кишлак, шир. 40°43′, долг, 42°17′, Андижанская область. Монг.: өргө — ставка, дворец.

Хайра-кудук, колодец, шир. 38°35′, долг. 34°48′; Бухарская область. Монг.: мелкий (неглубокий) колодец.

Чаган-тюбе, могила, шир. 41°39′, долг. 38°7′; Ташкентская область. Монг.: белый холм (возвышенность).

Чирик, кишлак; шир. 40°5′, долг. 35°58′; Самаркандская область. Монг.: солдат, воин, боец.

Шаст Даван, перевал; Ташкентская область, Пскентский район. Монг.: цасту даван — снежный перевал.

Шахаусун, кишлак, шир. 40°47′, долг. 42°3′; Андижанская область. Монг.: шаха — давить, жать, теснить, выжимать, выцеживать, цедить; усун—вода; шаха усун—выцеженная вода, выжатая вода.

Шор-булак, кишлак; шир. 39°42′, долг. 37°13′; Самаркандская область. Монг.: соленый родник, источник.

Шор-кудук, кишлак, шир. 39°31′, долг. 35°44′; Самаркандская область. Монг.: соленый колодец и т. д.

Такие термины, как кудук, булунгур, котель, даван и т. п., очень часто встречаются в географических названиях и на территории расселения современных монголов, особенно в Монгольской Народной Республике.

Характерно, что целый ряд названий современных узбекских кишлаков совпадает с монгольскими этническими названиями,

причем во всех областях Узбекистана. Это показывает, что монголы раньше жили не в одном районе, а были разбросаны отдельными группами по всей территории нынешнего Узбекистана.

На основании просмотренных географических карт установлены местонахождения следующих современных узбекских кишлаков, носящих монгольские родо-племенные названия:

1. «Дурмен» — 18 кишлаков: в Бухарской области встречаются — 8, в Ферганской — 3, в Андижанской — 2, в Самаркандской — 2, в Хорезмской — 2 и в Ташкентской — 1.

2. «Кунград» — 13 кишлаков: в Самаркандской области — 5, в Хорезмской — 3, в Ташкентской — 2, Андижанской — 1, в Ферганской — 1 и в Бухарской — 1.

3. «Могол» — 13 кишлаков: в Самаркандской области — 4, в Бухарской — 3, в Наманганской — 3, в Ташкентской — 2 и в Андижанской — 1.

4. «Джалаир» — 12 кишлаков: в Бухарской области — 4, в Ферганской — 3, в Самаркандской — 2, в Ташкентской — 1, в Хорезмской — 1, в Сурхан-Дарьинской — 1.

5. «Катаган» — 11 кишлаков: в Бухарской области — 4, в Самаркандской — 3, в Ферганской — 3, в Наманганской — 1.

6. «Мангыт» — 10: в Самаркандской области — 6, в Бухарской — 3, в Хорезмской — 1.

7. «Буркут» — 8 кишлаков: в Самаркандской области — 4, в Бухарской — 3, в Хорезмской — 1.

8. «Калмак» — 8 кишлаков: в Бухарской — 5, в Ферганской — 2, в Ташкентской — 1.

9. «Чигатай» — 8 кишлаков: в Самаркандской области — 4, в Бухарской — 2, в Хорезмской — 2.

10. «Кенегез» — 6 кишлаков: в Самаркандской области — 2, в Ферганской—2, в Хорезмской—1 и в Сурхан-Дарьинской—1.

11. «Каучин» («Кутчи») — 6 кишлаков: в Бухарской области — 4, в Самаркандской — 1 и в Андижанской — 1.

12. «Барлас» — 4 кишлака в Самаркандской области.

13. «Арлат» («Алат»)—3 кишлака: в Самаркандской области — 2 и в Бухарской — 1.

14. «Татар» — 2 кишлака в Бухарской области.

Кроме того, в географических картах отмечены такие узбекские кишлаки, которые носят монгольские племенные названия: «Чакар», «Уйрат», «Турбат», которые в переписи населения Узбекистана 1926 года не упоминаются.

1. «Чакар» — 7 кишлаков: в Бухарской области встречаются 3, в Самаркандской — 2 и в Сурхан-Дарьинской — 2.

2. «Уйрат» — 4 кишлака: в Хорезмской области — 2, в Бухарской — 1 и в Ферганской — 1.

3. «Турбат» — 3 кишлака: в Ферганской области — 1, в Ташкентской — 1 и в Андижанской — 1.

На территории Узбекистана кишлаков, носящих монгольские этнические названия, насчитывается 136:

1. Бухарская область — 44.
2. Самаркандская область — 42.
3. Ферганская область — 18.
4. Хорезмская область — 11.
5. Ташкентская область — 8.
6. Андижанская область — 6.
7. Наманганская область — 4.
8. Сурхан-Дарьинская обл.— 3.

всего —136 кишлаков.[68]

По географической карте эти кишлаки на территории Узбекистана распределяются группами следующим образом:

1. В треугольнике (Самарканд — Бухара — Карши) — 86.
2. В Ферганской котловине — 28.
3. В Хорезмском оазисе — 11.
4. В Ташкентском оазисе с Ангреном — 8.
5. На Сурхан-Дарье — 3.

О МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЭЛЕМЕНТАХ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Знакомство с лексическим составом узбекского языка показывает, что в нем встречается очень много монгольских элементов. Помимо «обычных» слов встречаются в узбекском языке общественно-политические термины, относящиеся в XIII — XIV векам, например:

албо — повинность, подать;
аймок — административная единица, соответствующая округу, племени, роду;
дарга — начальник, старшина, председатель; в XIII веке в Средней Азии руководители областей;
ерлик (от монг. джарлик) — указ, распоряжение;
йусин — порядок, обычай, закон (монг.);
суюркол — пожалование, благоволение, милость;
удайчи (от монг. эгуден — дверь; церимониймейстер) — привратник;
улов — подвода казенная; повинность (монг.), верховое или вьючное животное (узб.);

[68] При составлении списка населенных пунктов (кишлаков) Уз. ССР, носящих следы монгольских этнических групп, использованы следующие карты:
а) Географическая карта Узбекистана. М. 10 верстка,
б) Областные карты Уз. ССР (Ташкентской, Ферганской, Самаркандской, Хорезмской и Бухарской).
в) Карты Уз. ССР на узбекском и русском языках, м. 1 : 150 000.
г) Листы миллионной карты СССР (1934—1937 гг.),
д) Листы карты СССР, м. 1 : 200 000 (1936—1937 гг.).
е) Съемки различных масштабов бывш. Военно-топограф. Управления— (дореволюционные издания),

улус — народ;
ясок — уложение, приказ царский;
орда — дворец;
яргучи (от монг. джаргучи) — судья;
урга (от монг. өргөө) — дворец, ставка;
курултай — съезд;
богул — раб (монг.), засадчик, подкараульщик (узб.);
борунгар — правое крыло войска;
жуянгар — левое крыло войска;
инок — близкий друг;
кетавул — стража в крепости (от монг. слова «гете» — сторожить);
кешиктен — охрана, дежурство, ханская стража;
нуян — князь;
садог — колчан;
туг — знамя;
шусун — порционный корм;
шәлүн — бульон из мяса (монг.), даровое кушанье (узб.);
улжа — добыча, трофей;
чакдовул — караульный, надзор; в современном монгольском цагда — милиционер;
ясовул — (монг. джасаул) управитель, урядник;
кушин — войско (монг. адм. единица — хошун);
куяк — панцирь, кольчуга.

Монгольские элементы в узбекской терминологии приведенными примерами не исчерпываются, ибо их гораздо больше.

ВЫВОДЫ

Краткий обзор «наследства» монгольской империи в Средней Азии XIII—XIV веках, сохранившегося в Узбекистане в названиях узбекских народов (монгольские родо-племенные названия), в топонимике Уз. ССР (названия населенных пунктов) и, наконец, в виде монгольских элементов в узбекском языке показывает в целом значительное влияние монголов на народы, населявшие Среднюю Азию.

Нет никакого сомнения в том, что монголы Чингис-хана, пришедшие в Среднюю Азию, растворились там среди тюркоязычных народов в качестве их составных этнических компонентов и участвовали в формировании, например, современного узбекского народа, а также казахов, киргизов, каракалпаков и др.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

Записки Вып. 2 1962 г.

У. Э. ЭРДНИЕВ

ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ КАЛМЫКИИ

Наша статья «Из истории первобытной культуры Калмыцкой степи» была посвящена описанию памятников эпохи неолита и бронзы. Настоящая работа является продолжением вышеназванного сообщения. В ней дается обзор небольшого, но довольно хорошо документированного материала из курганов железного века, изученных П. С. Рыковым и И. В. Синицыным в 1929—1937 годах. Наша задача — дать в самом сжатом виде общее представление о материальной культуре населения, обитавшего на территории Калмыкии в период железа.

Вопрос о начале железного века в Восточной Европе остается до сих пор дискуссионным, что относится и к калмыцкой степи. Однако на территории нашей республики, в кургане № 6 группы Бичкин-Булук, близ г. Элисты, найден железный кинжал. Вместе с ним в одном погребении находился бронзовый топор длиной около 13,5 см; оба предмета датируются И. В. Синицыным предскифским временем, то есть концом II и началом I тысячелетия до н. э.[1] Однако эта дата, по мнению других исследователей, не может быть принята, так как они относятся к вещам более раннего типа. Б. Н. Граков относит бичкин-булукские находки ко второй четверти второго тысячелетия до н. э.[2] Принятая Б. Н. Граковым дата достаточно аргументирована. Бронзовые топоры подобного типа, найденные близ станицы Новослободной на Кубани, отнесены А. А. Иессеным к началу II тысячелетия до н. э.[3] Аналогичный бронзовый топор из Кот-

[1] И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. Сб. «Советская археология», X, 1948, стр. 143—160, рис. 7 и 8.

[2] Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей. Журнал «Советская археология» № 4, 1958, стр. 8.

[3] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце бронзового века. МИА, № 34, 1953, стр. 91—92, рис. 20 и 21; его же: К хронологии больших кубанских курганов. СА, XII. 1950, стр. 157 и 201.

лубанки, Бузулукского района, Оренбургской области, характерен, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, для досрубного времени.[4] Б. А. Латынин считает, что бронзовый проушный топор из кургана № 6 из Бичкин-Булука не может быть отнесен к «предскифскому» времени и к началу века железа, скорее всего он относится к переходному периоду от «древнеямных» к «катакомбным», то есть к концу III и началу II тысячелетия до н. э.[5]

Таким образом, железо использовалось на территории Калмыкии в период господства медных и бронзовых орудий. В этом отношении Восточная Европа, в том числе наша степь, не отставала от восточносредиземноморских стран и древнего Египта, где железные изделия появились в XIV веке до н. э.[6]

Железный кинжал из урочища Бичкин-Булук должен рассматриваться как начало распространения железа в калмыцкой степи. Данное соображение не противоречит установившемуся в науке мнению, согласно которому население Европейской части СССР получало небольшие железные крицы сыродутным способом в течение почти всего второго тысячелетия до н. э.[7] Но железо решительно вытесняет бронзу на территории Калмыкии в VIII—VII веках до н. э. С этого времени все орудия труда и оружие стали изготовляться из железа, которые играли революционную роль в истории. Ф. Энгельс писал: «Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов».[8]

Археологические памятники калмыцкой степи периода раннего железа теснейшим образом связаны со скифскими племенами, быт которых подробно описан древнегреческими авторами, особенно отцом истории — Геродотом (ок. 484—425 гг. до н. э.). Он сообщает о том, что скифы пришли из-за Аракса (Волга?) и заняли район, прилегающий с севера к Черному морю.[9] По сообщению другого греческого историка Диодора Сицилийского (ок. 80—29 гг. до н. э.), скифы жили на Араксе, откуда завоевали землю до Кавказа и вокруг Мэотийского озера (Азовского моря) до реки Танаис (р. Дон). По мнению многих исследователей, сообщения античных авторов имеют серьезные основания. Еще известный русский историк В. Н. Татищев связывал скифов с Волгой.[10] Разбирая легенду Геродота о происхождении скифов, английский ученый Э. Минз пришел к выводу, что Аракс может быть только Волгой; та область, откуда скифы двинулись на запад, находится в заволжских степях.[11] Гипотеза о заволжском происхождении скифских племен нашла поддержку со стороны советских исследователей М. И. Артамонова, Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова.[12] По-видимому, скифы связаны по своему происхождению с древними народами Средней Азии, по мнению ученых, истинной родиной ираноязычного населения.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что скифы были на территории Калмыкии. Согласно утверждениям советских специалистов, ираноязычные скифы шли на запад двумя путями: а) в обход Каспийского моря с севера, б) в обход Каспийского моря с юга.[13] В 70-х годах VII века до н. э. из Северного Причерноморья скифы вторгаются в Мидию и Ассирию через побережье Каспийского моря, очевидно, по Дербентскому проходу. Во всех этих случаях скифы прошли через калмыцкую степь. Можно думать, что их движение протекало постепенно, возможно несколькими волнами. Правда, очень трудно проследить пребывание скифов по археологическим данным, тем более древние памятники описываемого района почти не изучены. Но в распоряжении науки имеются археологические материалы, полученные усилиями саратовских археологов С. П. Рыкова и И. В. Синицына, которые указывают на то, что на степных просторах Калмыкии, еще в VI—IV веках до н. э. жило население, оставившее погребения, характерные для скифского (сарматского) времени. Они поразительно сходны друг с другом не только по погребальным обрядам, но и по устройству могил, часто размещенных под насыпью более древних курганов. Могильные ямы имеют прямоугольные формы с округлыми углами, ориентированы по линии восток-запад или северо-запад-юго-восток, покойники положены головой на запад или восток, около которых

---

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 58.

[5] Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, 70, М. 1957, стр. 7—9.

[6] А. В. Арциховский. Основы археологии, М., 1955, стр. 103.

[7] Б. Н. Граков. Указ., соч. стр. 9.

[8] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 183.

[9] Геродот. История в девяти книгах. См. перевод В. В. Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», приложение к журн. «Вестник древней истории» № 2, 1947, стр. 249, и сл. (в дальнейшем сокращенно ВДИ).

[10] В. Н. Татищев. История Российская, кн. 1, М., 1769, стр. 99—100.

[11] E. Mins Scythians und Grecks. Cambridge, 1913., S. 31.

[12] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 37—47; Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 39—93; К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. См. журнал «Советская археология» № 3, 1957, стр. 13 и сл.

[13] Тезисы докладов сотрудников института языкознания на объединенной сессии Института этнографии, института истории материальной культуры, института истории и института языкознания. М., 1951, стр. 19—23.

находятся бараньи и конские кости, кусочки угля и обожженной земли[14].

Судя по имеющимся археологическим материалам, скифы жили в районе села Улан-Эргэ, города Элисты и в долине реки Маныча, а по остальным районам республики памятники не изучены.

Добытые раскопками находки свидетельствуют о широком распространении скотоводства у населения, оставившего древние могилы: в 5-м погребении кургана, близ села Улан-Эргэ, около костяка женщины найдена ножная кость овцы. В кургане № 7 группы «Три брата» в женском погребении находился целый костяк овцы, за исключением черепа, а также здесь же лежали ребра коровы. В первом погребении кургана № 16 в ногах мужского костяка оказались кости овцы — ножные, лопатки, ребра и позвонки, что составляло часть туши овцы. В яме второго погребения находился скелет пожилого мужчины, около которого обнаружены кости ягненка, положенного поверх циновки, в чаше кости овцы — ноги, часть спинных позвонков и ребра.[15] В могилах встречаются предметы конского снаряжения. Среди уздечных наборов наиболее интересными являются две бронзовые массивные бляшки в зверином стиле: на лицевой стороне изображен свернувшийся хищник, на оборотной — петлевидное ушко. Подобные изображения свернувшегося хищника найдены в древних памятниках Северного Кавказа и на территории Приднепровья, редко — в районах урало-волжских степей. Мотив свернувшегося хищника был одним из популярных в скифском прикладном искусстве VI века до н. э. Приведенные выше факты говорят об использовании лошади в качестве верхового животного для освоения обширных степных пространств и быстрого передвижения. Археологические данные, указывающие на скотоводство как на главное занятие скифов, подтверждаются античными источниками. Геродот пишет, что скифы-номады содержали скот большими стадами на подножном корму в течение всего года. Разводились больше всего овцы, лошади, в меньшем количестве — крупный рогатый скот.[16] О кочевом и полукочевом скотоводстве у скифов сообщает другой греческий писатель Псевдо-Гиппократ (460—377 гг. до н. э.), который утверждает, что живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные, они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они не проникаемы ни для воды (дождей), ни для снега, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стада, а когда ее не хватит, переходят на другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят «иппаку». Таков образ жизни и обычаи скифов.[17] У соседей сложилось развитое скотоводческое хозяйство. В степях Астраханщины, Волгоградского и Саратовского заволжья жили сарматские племена, занимавшиеся скотоводством. Западными соседями номадов калмыцкой степи были различные скифские племена-скотоводы.

Важным видом трудовой деятельности человека скифского времени является гончарное дело. Об уровне производства глиняной посуды мы можем судить по погребальным комплексам. Основная масса сосудов состоит из небольших горшков. В курганах близ Улан-Эргэ обнаружен горшок с выпуклыми округлыми боками, довольно высоким горлом и плоским дном. Сажа по стенкам посуды указывает на то, что она пребывала на костре.[18] В кургане № 7 группы «Три брата» найден кувшин грубой работы, снабженный ушком и удлиненным горлом, венчиком, который отогнут. По плечикам его проходит орнамент в виде ленты, состоящей из двух линий, включающих узор арок и треугольников.[19] Во втором погребении кургана в долине реки Маныча стоял кувшин. Кроме того, местное население знало импортную посуду, о чем свидетельствует чернолаковый канфар.[20] Наряду с глиняными сосудами, в могиле под курганом № 25, под Элистой, найдена деревянная чаша в виде корыта длиной около 0,70 м и шириной до 0,32 м, в которой находились кости овцы.[21]

В наших степях из местного материала изготовлялись циновки, так как во многих погребениях отмечены их обломки и отпечатки в глине. Наличие таких деревянных плах и деревянных перекрытий, а также деревянной чаши указывает на возможность существования навыков у населения в обработке дерева. Судя по массовому разведению овец, мы можем предполагать местное изготовление шерстяной ткани.

Целая серия археологических вещей позволяет проследить

---

[14] П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата», произведенные в Калмыцкой области в 1933 и 1934 гг. Сб. «Сов. археология», 1 ,М.—Л., 1936, стр. 114—156; И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. «Археологический сборник», Саратов 1956, стр. 22—53; М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. Сб. «Советская археология», XI, М.—Л., 1949, стр. 313, 325, 326, 335.

[15] Рыков. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г., «Известия Н.-В. института краеведения, т. IV, Саратов, 1931, стр. 60; И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья... стр. 23, 32—37.

[16] Геродот. История в девяти книгах... стр. 249 и сл.

[17] Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях. ВДИ, 1947, № 2, стр. 296.

[18] П .Рыков. Отчет об археологических работах... стр. 65.

[19] П. С. Рыков. Археологические раскопки в урочище. «Три брата». Ук. соч., стр. 132.

[20] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г.... стр. 313—315.

[21] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья... стр. 37, 38, рис. 15.

живые связи населения калмыцкой степи скифского времени со своими соседями, возможно с античным миром. В кургане у села Улан-Эргэ на груди покойницы находились мелкие голубые четковидные стеклянные бусы. В районе Элисты, в кургане № 7, около костяка женщины найдено большое бронзовое зеркало диаметром до 18 см с бронзовым же плоским стержнем длиной до 10 см, имевшим округленный конец.[22] Необходимо отметить, что еще в самом начале XIX века около Улан-Эргэ было найдено бронзовое зеркало с ручкой, заканчивающейся головкой барана; оно датируется П. С. Рыковым VI—V веком до н. э.[23] Примечательно, что в шестом погребении кургана № 2 на реке Маныче обнаружена бронзовая пряжка с изображением верблюда. Не лишне упомянуть о вышеуказанном античном чернолаковом сосуде.[24]

Все перечисленные выше данные делают очевидным тот факт, что население нашей степи в скифский период находилось в живой связи с Северным Кавказом и Северным Причерноморьем.

Население калмыцкой степи скифского периода пользовалось различными предметами, изготовленными из железа. В погребениях, изученных на территории Элистинского городского района и в долине реки Маныча, найдены железные пряжки, ножи, мелкие железные пластинки, возможно, от ножей, а также бронзовые бляхи и пряжки.[25]

Воины этого периода были вооружены бронзовыми наконечниками стрел: все они трехгранные, с выступающей короткой втулкой, а концы их ребер имеют острые короткие шипы.[26] Аналогичные наконечники стрел встречаются в памятниках V века до н. э. в соседних районах Нижней Волги.[27] В кургане № 16 из группы Бичкин-Булук найдены втулка железного копья и часть втульчатого железного наконечника копья, характерные для погребений V—IV веков до н. э.[28] Можно думать, что война стала нормальной функцией народной жизни. Она была серьезным источником обогащения племенной верхушки.

Скифы переживали период разложения родо-племенного строя и формирования классовых отношений. Их общественный

---

[22] П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата»,.. стр. 132.

[23] П. С. Рыков. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936, стр. 89.

[24] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче... стр. 335, 336.

[25] П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата»... стр. 132; М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г., стр. 313—315; И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья... стр. 32—37.

[26] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья... стр. 34.

[27] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, М. 1959, стр. 142., рис. 48, 2, 4, стр. 197; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. МИА, № 60, М., 1959, стр. 245, рис. 16. 12, стр. 280, р ис.29, 6, стр. 317.

[28] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья... стр. 24.

строй представлял союз племен во главе с наследственной царской властью, скифское общество уже знало патриархальное рабство, о чем можно судить по сообщению Геродота: «По возвращении из похода в Мидию скифам пришлось выдержать тяжелую войну с детьми своих жен и рабов, которые были усмирены оружием и плетьми».[29] Очевидно, такой же процесс общественного развития переживали племена, обитавшие в скифское время на территории Калмыкии.

К раннесарматскому времени (III—II вв. до н. э.) относятся погребения, изученные в ряде районов республики. Характерно для этого периода погребение № 19 в урочище Бичкин-Булук. Могильная яма его устроена в материке под более древней насыпью. При мужском костяке находились железный короткий меч с прямым перекрестием и серповидным навершием и типичный для этого времени глиняный горшок.[30] Аналогичные мечи обнаружены в кургане деревни Деде-Ламинской, Сарпинского района, в погребении кургана № 3 близ поселка Абганерово, ныне Ергенинского, Приозерного района.[31] Сходные мечи изучены в большом количестве в степях Заволжья.[32] Поразительно близкие по всем данным погребения раннесарматского времени исследованы в долине реки Маныча, у хутора Веселого и на берегу реки Дона.[33] Почти во всех погребениях найдены железные кинжалы, наконечники стрел. Интересно, что только в одном кургане близ деревни Деде-Ламинской найдено 33 трехперых мелких наконечника для стрел.

Следовательно, вооружение населения калмыцкой степи раннесарматской эпохи в общем было типичным для скотоводческих племен юга СССР того периода: луки со стрелами, короткие железные мечи, кинжалы. Вполне возможно, что все «нападательное» оружие могло быть преимущественно боевым. Все окружающие калмыцкую степь племена были скотоводы, родственные между собой по культуре, а возможно, и по происхождению, между которыми происходили военные столкновения ради захвата пастбищных территорий и скота — основного богатства степняков.

Более 26 погребений, исследованных на территории Калмыкии, относятся к позднесарматскому времени II—V веков н. э. Все они сравнительно однообразны по ритуалу и инвентарю. Большая часть могил представляет собой узкую входную яму,

---

[29] Геродот. История в девяти книгах... стр. 249.

[30] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья... стр. 27.

[31] П. С. Рыков. Отчет об археологических работах... стр. 72—74.

[32] И. В. Синицын. Археологические исследования ... стр. 117, рис. 37, 3, стр. 198; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское... стр. 319, 320; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, МИА, № 60, М, 1959, стр. 427—432, рис. 40, 1—10.

[33] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче... стр. 307, 335, рис. 5—6; А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1931 г., КСИИМК, 53, 1953, стр. 74—76.

ориентированную по линии север—юг, с подбоем в западной стенке могилы, некоторые могилы имеют прямоугольную форму. Во всех случаях скелеты одиночные, положены головой на север, реже — на юг. В некоторых могилах скелеты с деформированными черепами.[34]

Археологические материалы характеризуют сарматов, живших на территории Калмыкии, как скотоводов. Почти во всех погребениях встречаются кости овец и лошадей, главным образом ножные кости, лопатки, ребра и позвонки. В кургане близ села Кегульты находилась ножная кость овцы.[35] В кургане № 26 группы «Три брата» лежала кость овцы. В погребении под курганом № 24 обнаружена глиняная посуда типа миски, наполненной костями целой ножки овцы.[36] В первом погребении кургана № 15 у левой ступни покойника лежали лопатка и ножная кость овцы. В кургане № 30 около черепа молодого человека найдены кости правой задней ноги овцы; в погребении кургана № 31, у юго-западной стенки подбоя, за черепом молодого человека, между миской и горшком, лежали кости левой ноги овцы, справа, на уровне плеча покойника оказались астрагалы овцы в количестве 93 экземпляров, представлявших собой набор для игры в альчики. В кургане № 8, в местности Бичкин-Булук, на полу могильной ямы сохранились кости четырех ног лошади и кости овцы (ноги, две из них отрублены до колена). В могиле кургана № 12 лежали две ножные кости и части таза лошади. Во втором погребении кургана № 16 были кости молодой лошади— грудная клетка, передние ноги, лопатка. Здесь же отмечены находки мелких кусочков кожи, кроме указанных костей, у колен покойника находились кости овцы — нога с лопаткой и ножная кость лошади. Нередко около покойников встречались кости ягненка, обрубленные до колен кости ног лошадей и овец, целый череп коня.[37]

Приведенные выше факты вполне достаточны для вывода, что скотоводство было основным занятием древнего населения калмыцкой степи в сарматское время. Наличие почти в каждом кургане костей лошадей подчеркивает большую роль их в жизни кочевых и полукочевых сарматов. Лошади давали не только мясо и молоко, но и шкуры, которые шли на изготовление посуды, ремней и одежды. Верховой конь был важным условием развития пастушеского и отгонного скотоводства. Сарматы использовали лошадей для верховой езды и в упряжке, о чем можно судить по остаткам конской сбруи. Степняки сражались

---

[34] П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата»... стр. 153, 155; Его же. Отчет об археологических работах... стр. 72, 73; И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья.. стр. 39, 42, 50.

[35] П. Рыков. Отчет об археологических работах... стр. 70.

[36] П. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата»... стр. 153.

[37] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья.., стр. 32— 53.

на войне, как правило, в конном строю. По данным раскопок, одно из первых мест принадлежало овцам, дававшим мясо, шерсть, шкуры и, возможно, молоко. Находка в каждом погребении овечьих костей свидетельствует о том, что баранина была самым излюбленным видом пищи.

Среди остеологических материалов почти нет костей крупного рогатого скота, что позволяет предполагать об ограниченном разведении данного вида домашнего скота, хотя, вероятно, крупный рогатый скот, в том числе и корова, имелся в каждой семье.

Наши соображения, основанные на археологических данных, подтверждаются сообщениями античных авторов. Римский историк Аммиан Марцеллин (330—400 гг. н. э.) пишет, что река Танаис (р. Дон. — У. Э.) составляет границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами (одно из племен ираноязычных сарматов)... они не заботятся о хлебопашестве, питаются мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках... перевозят их по беспредельным степям... истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках... Молодежь с раннего детства, сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком, все они, вследствие разнообразных упражнений, являются дельными воинами.[38]

Сарматы были знакомы с сельскохозяйственными культурами. Об этом свидетельствует ручная зернотерка, найденная в подбое могильной ямы кургана № 3 в урочище Цаган-Эльсин. Она состоит из двух камней — одного узкого, длинного, корытообразной формы и другого—овальной, булкообразной формы.[39]

Аналогичная зернотерка была найдена М. И. Артамоновым на реке Маныче.[40] Характерно, что цаган-эльсинская зернотерка находилась около костяка женщины. Очевидно, превращение зерна в муку было женским занятием. Факт нахождения зернотерки, несомненно, указывает на то, что древние кочевники и полукочевники Калмыкии были хорошо знакомы с обработкой зерновых продуктов, которые они могли получать из районов Прикубанья и Приазовья. Не исключена возможность существования у сарматов зачатков земледелия, так как В. П. Шилов находил при раскопках Калиновского курганного могильника в Волгоградской области железный серп и остатки пригоревшей каши на внутренних стенках ряда сосудов. Им приводится указание древнего писателя Элиана (II в. н. э.), что сарматы употребляли в пищу просо.[41] Прикубанское и нижнедонское сарматское население возделывало мягкую пшеницу и просо, убирало

---

[38] Аммиан Марцеллин. История. ВДИ, № 3, 1949, стр. 303, 304.

[39] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья... стр. 30, 42, рис. 20.

[40] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. Сб. «Советская археология», IV, 1937, рис. 56.

[41] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник... стр. 506.

урожай железными серпами, хранило зерно в конусообразных ямах. Совершенно ясно, что сарматы питались не только мясом, молочными продуктами, но и хлебом.

По-видимому, описанные выше отрасли хозяйства дополнялись охотой на птицу, о чем свидетельствуют разбросанные на дне могильной ямы кургана № 12 в местности Бичкин-Булук птичьи кости и скорлупа от яиц.[42] Наконечники стрел, какие найдены в погребениях, могли употребляться не только на войне, но и при охоте.

Из бытовых предметов были широко распространены железные ножи, шилья, железные кольца. Среди вещей домашнего обихода представлен большой набор посуды. Почти все глиняные сосуды изготовлены без гончарного круга, но встречались кувшины и горшки станковой работы.

Довольно в значительном количестве употреблялись изделия из камня: зернотерки, ступки (блюдо), плоские каменные плитки, полированные каменные песты, плоские гальки овальной формы, каменные изделия цилиндрической формы с округлыми концами, кремневое массивное огниво для высекания огня. В большом количестве найдены точильные камни, один из которых имел отверстие на одном конце, очевидно, для подвешивания к поясу.

Можно думать, что сарматские женщины занимались изготовлением грубых тканей из шерсти для шитья одежды, о чем можно судить по находке пряслиц, сделанных из глины и кости.[43] К числу женских изделий относятся циновки, которые прикрывали глиняный пол могильной ямы.

В женских погребениях обнаружено много предметов украшений: сотни стеклянных бус, бронзовые бляхи и обломки зеркал из бронзы, что является результатом развития межплеменного обмена, возможно, с древними племенами Северного Кавказа.

Археологические материалы характеризуют общество сарматских племен как совокупность патриархальных семей, вероятно входивших в состав отдельных родов, принадлежащих самостоятельным племенам. Об этом свидетельствуют факты обнаружений одиночных погребений и коллективные захоронения целой семьи: мужа, жены и их детей. Несомненно, общество было социально неоднородно. Оно состояло из родо-племенной верхушки и рядовых скотоводов.

Среди археологических вещей скифо-сарматского времени имеется несколько предметов, являющихся показателями уровня развития у древнего населения Калмыкии изобразительного

---

[42] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья.... стр. 48.
[43] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья... стр. 45, рис. 21, 1, 2, стр. 46.

искусства. В кургане на реке Маныче найдена бронзовая поясная пряжка с изображением верблюда.[44] Аналогичные изображения верблюдов обнаружены и в других районах СССР. А. А. Ивановский нашел изображения двух верблюдов со сбруйными бляхами при исследовании кургана № 4 в Кара-Булаке.[45] В Минусинской котловине найдена бронзовая бляха, изображающая человека, едущего на верблюде.[46] А. Тальгреном опубликовано изображение двух верблюдов, стоящих друг против друга.[47] Фигурки верблюдов встречаются среди наскальных изображений Центрального и Восточного Казахстана, в верховьях реки Иртыша.[48] Очень близкими аналогиями являются два бронзовых кольца с изображением фигур двугорбых верблюдов, найденных Е. К. Максимовым в сарматском погребении из кургана у села Большая Дмитриевка, Саратовской области.[49] Следовательно, изображения верблюдов в искусстве древних народов нашей страны были довольно широко распространены.

Интересны две бронзовые массивные бляшки в зверином стиле, на лицевой стороне которых имеется изображение свернувшегося хищника.[50] Такой мотив широко бытует в скифо-сибирском искусстве.[51]

Таким образом, древнее население калмыцкой степи внесло свой вклад в сложение того великого культурно-исторического единства народов нашей Родины, которое ныне осуществилось в СССР. Что касается предметов, найденных в курганных погребениях, состоявших из частей одежды, вещей домашнего обихода, оружия и костей домашних животных, то они связаны с представлением древних людей о том, что умершие продолжают жить в загробном мире.

Археологические памятники, относящиеся к послесарматскому времени, вплоть до XV века н. э., не изучены. Поэтому мы вынуждены обратиться к описанию позднекочевнических погребений, которые позволяют утверждать, что в XV—XVI веках на территории Калмыкии продолжало жить кочевое и полукочевое скотоводческое население, содержавшее свой скот в течение

---

[44] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча... стр. 315, 321, рис. 18.
[45] Материалы по археологии Кавказа, вып. VI, 1911 г, стр. 162—164.
[46] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2. Л., 1929, табл. 1, рис. 101.
[47] A. Tallgren. Collection Tovostine de antiguites prehistoriques de Minoussinsk, Helsinfors, 1917, s. 20, Fig. 15.
[48] С. С. Черников. Наскальные изображения верховий Иртыша. С. А., IX, 1947, стр. 256, рис. 4, 1; История Казахской ССР, Алма-Ата, 1957, стр. 39.
[49] Е. К. Максимов. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка, Саратовской области. Журнал «Советская археология», 1957, № 4.
[50] И. В. Синицын. Памятники Нижнего Поволжья... стр. 25—27.
mants Qural. ESA, III, 1928, стр. 34—37, рис. 19-а-с.
[51] B. Grakov. Monuments de la culture scythigue entre le Volga et les

круглого года на подножном корму. Значительно изменились погребальные сооружения степняков. Под курганной насыпью могилы устроены из сырцовых кирпичей. Стены одной такой усыпальницы в районе поселка Яшкуля были сложены из трех рядов кирпичей, размер которых одинаковый: длина кирпича 35 см, ширина 20 см, толщина 10 см. На дне могилы лежал костяк пожилой женщины. Никаких вещей около нее не было.[52] Такие же надгробия из сырцовых кирпичей исследованы в районах Волгоградского и Саратовского Заволжья. Погребения подобного типа свидетельствуют о появлении новых черт похоронного ритуала. Они относятся к типу мазарок, получивших довольно широкое распространение в степях Казахстана.[53] По-видимому, данные погребальные обряды связаны с мусульманской религией.

В заключение необходимо отметить, что обычай захоронения покойников в курганах был широко распространен на территории Европейской части СССР, начиная с эпохи конца неолита[54] вплоть до XV—XVI веков н. э.[55] Не подлежит никакому сомнению мировое значение археологических памятников калмыцкой степи, на широких просторах которой возникали и падали военно-административные объединения племен и народов, игравших важную роль в истории Европы и Азии. На территории Калмыкии жили ираноязычные скифы, сарматы, аланы; с рубежа нашей эры начали играть все более активную роль тюркоязычные кочевые и полукочевые племена гуннов, аваров, болгар, хазар, печенегов, торков и половцев. Ко времени утверждения русских на Нижней Волге тюркская речь оказалась победительницей, частично впитав в себя элементы иранского языка, частично вытеснив последний на Северный Кавказ. Монгольский язык, появившийся на Нижней Волге в XIII веке, полностью ассимилировался в тюркской среде. Дальнейшее археологическое исследование многочисленных степных курганов Калмыкии откроет новые, еще не известные науке страницы древней истории нашей Родины.

---

[52] Н. Арзютов. Погребения поздних кочевников Калмыцкой области. Известия Саратовского Н.—В. Ин-та краеведения, т. VI, 1933, стр. 103—113.

[53] Памятники Нижнего Поволжья. МИА, № 60, М.—Л., 1959, стр. 175, 204, 205, 516—521.

[54] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, МИА, № 78, М, 1960, стр. 235.

[55] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе, М, 1930, стр. 241.

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

Записки Вып. 2 1962 г.

Ц. Д. НОМИНХАНОВ

СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ ГВАРДИИ ПОЛКОВНИКА ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ХОМУТНИКОВА

В октябре 1961 года исполнилось семидесятилетие В. А. Хомутникова, выдающегося сына калмыцкого трудового народа.

Василий Алексеевич родился в 1891 году в семье бедного калмыка хутора Эльмута Денисовской станицы, на Дону. Не успел он выйти из детского возраста, как ему пришлось взяться за посох пастуха: у него даже не было времени, чтобы учиться в приходской школе, где знакомились с первоначальной грамотой. Он с 11 до 19 лет проводил тяжелую, беспросветную батрацкую жизнь в людях за гроши, чтобы не умереть с голоду, идя с пастушеским гырлыком или кнутом погонщика быков в руках. Но здесь он прошел школу тяжелого труда, научился ненавидеть эксплуататорский класс. Затем на долю Василия Алексеевича выпала горькая служба солдата. В течение пяти лет, с 1912 по 1917 год, он испытал двухлетнюю казарменную муштру, провел три года в окопах и сражениях на фронтах первой мировой войны. К 1917 году в нем назревало революционное самосознание. В том же 1917 году он вступил в члены социал-демократической рабочей партии (большевиков) и активно включился в революционную работу.

В 1917 году он последовательно избирался членом солдатского комитета сотни и членом полкового комитета 2-го Донского кавалерийского полка, за что Временное правительство сослало его из Петрограда в Псковскую губернию, в запасный полк. В начале октября 1917 года он снова возвратился в Петроград и участвовал в штурме Зимнего дворца — последней твердыни российской контрреволюции.

Василий Алексеевич — один из первых калмыков, принимавших участие в октябрьском перевороте в Петрограде — колыбели революции, совершившейся под непосредственным руководством великого Ленина. Революционный дух и пафос борьбы за рабочее дело привели Василия Алексеевича к родным местам, к калмыцким степям, где калмыцкая беднота, калмыцкий тру-

довой народ изнывали под гнетом калмыцких богачей, нойонов и русских помещиков и чиновников. Василий Алексеевич в 1918—1920 годах сражался в качестве командира сначала 1-го, потом 2-го Калмыцкого кавалерийского полка против белогвардейских банд, орудовавших в калмыцких степях, на Дону и Кубани, на Кавказе.

В начале 1921 года Василий Алексеевич Хомутников по зову сердца отправился в Монголию, где решалась судьба трудового монгольского народа. Выполняя свой интернациональный долг, он сражался в первых рядах монгольских партизан против белогвардейских банд Унгерна и монгольских феодалов.

В годы первых пятилеток строительства социализма в СССР Василий Алексеевич работал в Калмыкии: областным военным комиссаром (1930—1933 гг.), председателем Калмыцкого областного исполнительного комитета (1933—1935 гг.), председателем ЦИК Калмыцкой АССР с 1935 года и был членом Всероссийского ЦИК Советов, депутатом Верховного Совета СССР первого созыва.

С первых дней Великой Отечественной войны до конца своей жизни Василий Алексеевич Хомутников служил командиром кавалерийской дивизии, заместителем командира стрелковой дивизии.

Василий Алексеевич награжден многими орденами и медалями Советского Союза: орденом Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого, орденом Отечественной войны I степени и др.

Василий Алексеевич погиб при взятии Будапешта 4 февраля 1945 года. Он похоронен с воинскими почестями в г. Москве, на Ново-Девичьем кладбище.

Василий Алексеевич Хомутников снискал большое уважение к себе, как человек, отдавший всю свою сознательную жизнь делу пролетарской революции, делу процветания родного калмыцкого народа.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЗАПИСКИ
калмыцкого научно-исследовательского института
языка, литературы и истории
при Совете Министров Калмыцкой АССР.

Техн. редактор Я. Ф. Гайдаш. Корректор А. Н. Соколова.

Калмыцкое государственное издательство, г. Элиста, 1962 г.

Сдано в набор 26.IV-62 г. Подписано к печати 12.VII-62 г.
Уч.-изд. л. 18,5. Печ. л. 18,25. Бумага 60×92¹/₁₆.
Бум. л. 9,063. Тираж 500 экз. Заказ № 2960.
К00092. Цена в переплете 84 коп.

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Опечатки	Следует читать
8	22 сн.*	хоньх, авгь	хонъх, авгъ
8	5 сн.	телка	теленка
10	5 св.	А. Нармаевым	Л. Нармаевым
10	5 св.	В. Петькиевым	Ц. Петькиевым
114	11 сн.	умея	имея
119	2-3 сн.	хажнул → хажуул	хожнул → хожуул
122	7 сн.	1961	1691
124	3 сн.	цегмен	цемген
134	4 св.	эдн	әдн
135	17 св.	бәән	бәәрн
136	8 св.	кун	күн
136	11 св.	ән	эн
137	3 св.	эдл	әдл
137	13 св.	мәрән	мөрән
137	17 св.	Бийән	Бийән
137	26 св.	мәрн	мөрн
138	6 св.	нир—цнир	нир—цнир
138	17 сн.	хасн э	хасн ә
139	15 сн.	болхла, йовж . . .	болхла кинтн, йовж...
140	17 сн.	ним	ним
141	20 св.	үгер	үгәр
143	2 св.	курәд урлһнлә	күрәд ирлһнлә
143	15 сн.	тур(арт)	турш(арт)
144	11 св.	телмдг	темдг
144	13 св.	нер	нәр
144	14 сн.	ца	цә
144	7 сн.	эдл	әдл
144	5 сн.	эдлвдн	әдлвдн
145	5 сн.	бээх	бәәх

*) св.: сверху
сн.: снизу

Стр.	Строка	Опечатки	Следует читать
146	2 св.	мет иим	иим мет
147	17 сн.	куртл	күртл
157	16 сн.	эмнэнь	əмнэнь
160	4 св.	эгшг э	эгшг ə
161	14 сн.	хуврлһн	хүврлһн
163	10 сн.	өрн—нутг	орн—нутг
164	20 св.	аха—дуу	ахə—дүү
164	17 сн.	гар—хул	гар—хүл
194	10 сн.	бэл	бел
195	14 сн.	боорэ	беерэ
203	6 св.	угб.	узб.
233	2 сн.	тотомизмом	тотемизмом
233	9 сн.	боор	бөөр
275	11 сн.	народов	родов